Д 71/24
№ 4/8

Курс всеобщей истории

Том IV
Выпуск 10

Е. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ СО ВРЕМЕНИ ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

1. Политическое состояніе.

§. 801. Конституціонный западъ. Іюльская революція раздѣлила европейскія державы на двѣ группы, — на конституціонный западъ подъ вліяніемъ Франціи и Англіи, и на абсолютно-монархическій востокъ, гдѣ господствовали Австрія, Россія и Пруссія. Во второстепенныхъ государствахъ средней полосы, въ Скандинавіи, Германіи, Италіи, большинство народа желало конституціонныхъ реформъ и сочувствовало Англіи и Франціи, но правительства, а вмѣстѣ съ ними родовая и служебная аристократія, стояли за монархическое полновластіе и опирались преимущественно на Австрію и Россію; много-много, если требованіямъ народовъ уступали на столько, что допускали учрежденіе ограниченныхъ земскихъ чиновъ, при чемъ на первый планъ обыкновенно выдвигались сословные интересы. Общія стремленія, политическое соперничество и Таллейранова дипломатическая ловкость закрѣпили союзъ между іюльскимъ правительствомъ и кабинетомъ виговъ въ Англіи; и хотя доброе согласіе нарушалось по временамъ разными столкновеніями, которыя при гласности палатскихъ засѣданій и свободѣ печати не оставались тайною для публики, однакожь обоюдный интересъ и сверхъ-того пристрастіе Гизо и друг. французскихъ политиковъ къ Англіи, и наоборотъ пристрастіе лорда Брума и друг. Англичанъ къ Франціи, никогда не допускали до совершеннаго разрыва. Когда въ своей ревности къ подав-

© ГПИБ РАН

ленію невольничьяго торга Англичане присвоили себѣ право осматривать всѣ подозрительныя суда, и потомъ, когда для прекращенія затрудненій и безрядицы на Востокѣ они вступили въ четверной союзъ съ абсолютными монархіями, это возбудило ненависть и недовѣріе французскаго народа; когда французское правительство вздумало посредствомъ католическихъ миссіонеровъ вытѣснить съ острова Отаити англійскій протестантизмъ и утвердить тамъ свое протекторство, когда Испанія была прикрѣплена къ орлеанской Франціи двойнымъ бракомъ, — это оскорбило и церковную ревность и вмѣстѣ гордость Великобританіи. Однакожь, не смотря на эти непріятности, союзъ двухъ конституціонныхъ державъ не потерпѣлъ продолжительнаго потрясенія и по-прежнему находилъ себѣ опору и выраженіе въ «сердечномъ согласіи» (entente cordiale) самихъ монарховъ, сблизившихся между собой при взаимныхъ посѣщеніяхъ.

§ 802. Абсолютно-монархическій востокъ. Одинаковый интересъ естественно соединялъ и три абсолютныя монархіи къ охраненію Богомъ данной власти противъ революціоннаго начала народнаго самодержавія, къ подавленію неугомоннаго демократизма и къ одолѣнію тѣхъ заговоровъ и смутъ, которыя затѣвались со стороны польскихъ выходцевъ. Добродушный австрійскій народъ, заботясь болѣе о веселой жизни, чѣмъ о свободѣ, терпѣливо переносилъ патріархальное управленіе, устроенное княземъ Меттернихомъ подъ державою гуманной династіи. Изъятая изъ общегерманской жизни и образованности и отдѣленная системою строгаго затворничества отъ всѣхъ остальныхъ Нѣмцевъ, съ которыми цѣлое тысячелѣтіе дѣлила она и радость и горе, Австрія теперь болѣе и болѣе чуждалась быта и интересовъ общаго отечества, и, сплотясь въ неестественное цѣлое съ другими національностями, даже и не подозрѣвала, что вся ея государственность постепенно превращается въ тотъ «Щебень», который такъ превосходно изобразилъ ея поэтъ [1]. Пруссія повидимому готова была забыть, что ея истинная сила состоитъ въ популярности, что Фридрихъ II былъ обязанъ своими побѣдами столько же сочувствію народовъ, сколько и храбрости своихъ войскъ. Обладая высшимъ умственнымъ развитіемъ, превосходнѣйшимъ воеустройствомъ, цвѣтущею промышленностью, и находясь подъ скипетромъ

[1] Анастасій Грюнъ.

достославнаго царственнаго дома, Пруссія заняла бы повелительное положеніе въ ряду европейскихъ государствъ, еслибъ тѣсно и отъ души примкнула къ остальной Германіи, еслибъ правительство охотно удовлетворило потребностямъ народной свободы введеніемъ конституціонныхъ формъ, еслибъ король искалъ себѣ опоры скорѣе въ либеральномъ и образованномъ среднемъ сословіи, нежели въ тѣсномъ кругу аристократовъ, религіозныхъ ригористовъ, чиновниковъ и ученыхъ. Слившись въ одно цѣлое съ Германіей и взявъ подъ свою защиту мѣньшія государства средней Европы, конституціонная Пруссія, при свободѣ преподаванія и вѣры, была бы посредницею и рѣшительницею споровъ между востокомъ и западомъ, тогда какъ, примкнувъ къ абсолютизму и вмѣстѣ желая играть роль самостоятельной великой державы, она заняла только второстепенное мѣсто въ европейской политикѣ.—Россія сдѣлалась въ это время пугаломъ для демократовъ и надежнымъ оплотомъ для всѣхъ тѣхъ, кто держался противоположнаго направленія; опираясь на силу самодержавія внутри, императоръ Николай руководился мыслію цивилизовать свою страну ея собственными, домашними средствами, и подчинить вліянію этой цивилизаціи всѣ подвластные Россіи народы. Съ тѣхъ поръ какъ Польша пала передъ русскимъ оружіемъ, всѣ надежды выходцевъ обратились на Краковъ; поставленный въ качествѣ республики подъ защиту трехъ сосѣднихъ державъ, украшенный гробницами старо-польскихъ государей и національными воспоминаніями, онъ одинъ блистательно возвышался надъ развалинами общей національности и дѣйствовалъ обаятельно на эмигрантовъ. Поэтому со стороны польской пропаганды предпринималось нѣсколько попытокъ овладѣть городомъ посредствомъ заговора и сдѣлать его центромъ революціи для возстановленія древней Польши. Первая попытка такого рода въ 1836 г. имѣла слѣдствіемъ временное занятіе республики со стороны покровительныхъ державъ; но когда, спустя десять лѣтъ (1846), она возобновилась снова, и въ захваченномъ инсургентами городѣ было устроено революціонное правительство, тогда, по низложеніи безразсуднаго мятежа, республика присоединена была къ Австрійской монархіи. Слабая протестація Англіи и Франціи противъ нарушенія Вѣнскихъ договоровъ осталась безуспѣшна. Затѣянный польскою пропагандой планъ поднять въ то же время Галицію противъ Австріи, не удался, благодаря ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ. Вмѣсто того, чтобъ идти по призыву своихъ господъ къ возстанію про-

тивъ правительства, крѣпостной народъ бросился съ цѣпами и косами на своихъ притѣснителей и побивалъ ихъ безпощадно. Обширный заговоръ въ Познани (1847) былъ выданъ прусскому правительству измѣною и подавленъ бдительностью и энергіей властей въ самомъ зародышѣ. Громадный процесъ въ Берлинѣ обнаружилъ всѣ происки польскихъ эмигрантовъ, ихъ готовый на жертвы патріотизмъ, но вмѣстѣ и безпредѣльное самообольщеніе, іезуитскія и маккіавелевскія правила ихъ коноводовъ. Необузданное и необдуманное стремленіе къ свободѣ, преувеличенную самонадѣянность и вѣчные нелады между собой юныя поколѣнія эмиграціи вынесли, въ наслѣдіе отъ старой Польши, и на чужбину.

§ 803. **Второстепенныя державы.** Второстепенныя державы оказывали гораздо менѣе вліянія на внѣшній ходъ исторіи европейскихъ народовъ. **Германія**, безъ совокупной государственной жизни, безъ внѣшнихъ войнъ и безъ внѣшней политики, должна была ограничить свою умственную дѣятельность сферою церкви и литературы, гдѣ и разъигралась страшная борьба. — **Испанія** и **Португалія**, раздираемыя междоусобіями и войнами за конституцію, находились подъ вліяніемъ Франціи и Англіи; также и **Бельгія**, которая, ревностно отстаивая свою демократическую свободу противъ власти духовенства, подъ скипетромъ чуждаго ей конституціоннаго монарха, день ото дня преуспѣвала въ искусствахъ и промышленности, тогда-какъ **Голландія** (Нидерланды), сильно тѣснимая финансовымъ кризисомъ, должна была спокойно смотрѣть на то, какъ прирожденный король ея (**Вильгельмъ** I, изъ Оранскаго дома), отрекшись отъ престола, перевезъ за границу свои дома нажитыя сокровища. **Скандинавскіе** дворы въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, дружные съ Россіей, но стѣсняемые въ своей власти и стародавними правами народовъ и шаткостью престолонаслѣдія, не оказывали большаго вліянія на европейскую политику. Въ **Италіи**, «которую природа убрала какъ жертву на закланіе», надежды патріотовъ, пробужденныя польскою революціей, скоро замерли и исчезли. Возстанія въ **Болоньѣ**, **Моденѣ** и **Пармѣ** были какъ-разъ подавлены австрійскими войсками, и правители, изгнанные изъ двухъ послѣднихъ мѣстъ, снова возстановлены на своихъ непопулярныхъ тронахъ. Но когда не были приняты даже и совѣты великихъ европейскихъ державъ, чтобы папа Григорій XVI успокоилъ свой народъ необходимыми преобразованіями, тогда жители Легацій, доведенные духовной властью до отчаянья,

поднялись опять съ оружіемъ въ рукахъ. Посланныя противъ нихъ папскія войска, состоявшія изъ бандитовъ и преступниковъ, до того неистовствовали противъ мирныхъ мѣстечекъ и самой святыни, что австрійскіе отряды вынуждены были защитить папское правительство и его землю отъ его же собственныхъ наемниковъ. Чтобы не дать одной Австріи распоряжаться итальянскими дѣлами, отправлена была французская экспедиція, которая въ ночь на 23 февр. 1832 г. внезапно овладѣла **Анконою**. Римскій дворъ протестовалъ противъ нарушенія международнаго права и наложилъ на Анкону интердиктъ, но наконецъ долженъ былъ помириться съ необходимостью. Франція, опираясь на старыя воспоминанія, Англія, ища богатаго рынка для своихъ товаровъ, не теряли изъ виду Италіи и поддерживали надежды тамошнихъ либераловъ; но близость и могущество Австріи, оружіе швейцарскихъ наемниковъ въ Неаполѣ и Римѣ и пристрастіе туземныхъ государей къ военному деспотизму подавляли ихъ вліяніе, такъ что всѣ попытки этой партіи и къ преобразованіямъ и къ мятежамъ постоянно оказывались безуспѣшны. Печальный исходъ имѣло вторженіе въ Савойю, предпринятое (1833) изъ Швейцаріи толпою выходцевъ разныхъ націй, преимущественно Поляковъ и Нѣмцевъ, подъ начальствомъ польскаго генерала **Раморино**, съ тѣмъ, чтобъ, низпровергнувъ сардинскій тронъ и соединясь съ «юною Италіей», революціонировать весь полуостровъ. Раморино (род. въ Генуѣ 1793), отвергнутый своею собственною партіей какъ измѣнникъ, велъ потомъ скитальческую жизнь и, пятнадцать лѣтъ спустя, трагически погибъ въ Италіи (§ 854). — Королевство **Греція**, неудачный плодъ европейской дипломатіи, не могло подняться до уровня цивилизованной державы, которой формы оно приняло, и въ то же время противилось возврату къ своему прежнему варварству и къ той полуразбойнической жизни, какую оно тогда вело **Аѳины**, полные воспоминаній и развалинъ достославной эпохи, избраны были столицею новаго королевства, и нѣмецкое образованіе призвано туда для того, чтобы изъ молодаго разсадника снова перенести культуру и гуманность въ первобытные ихъ пріюты. Но народъ, ревнуя къ чужеземцамъ, наполнявшимъ дворъ, гражданское вѣдомство и армію, поднялъ революцію (1843) во имя національной свободы, отбросилъ опоры нѣмецкой образованности и прогналъ ея подвижниковъ, а между тѣмъ слабое государство, подвергаясь попеременно вліяніямъ Англіи, Франціи, Россіи и Порты, было не въ силахъ достигнуть самостоятельнаго положенія, не смотря на свое конституціонное

устройство, религіозную свободу и всѣ другія блага независимости. — Османская имперія, болѣе ослабленная, нежели цивилизованная введеніемъ европейскихъ учрежденій, видимо близилась къ конечному упадку, отъ котораго предохраняла ее только взаимная ревность великихъ державъ.

§ 804. Республики. Старая союзная республика Швейцарія, при слабой связи отдѣльныхъ кантоновъ между собою, послѣ іюльской революціи потерпѣла сильныя потрясенія внутри, ибо въ бо́льшей части кантоновъ аристократическія правительства и конституціи уступили мѣсто демократическимъ, а сверхъ того она подверглась и разнымъ нападкамъ извнѣ, такъ какъ пребываніе въ ней многихъ политическихъ выходцевъ и странствующихъ работниковъ и подмастерьевъ навлекло союзу бездну дипломатическихъ нотъ, угрозъ и прещеній со стороны сосѣднихъ правительствъ по тому поводу, что союзный сеймъ не препятствуетъ политическимъ кознямъ своихъ подзащитныхъ и спокойно смотритъ на то, какъ, злоупотребляя право убѣжища, они дѣлаютъ цѣлый край настоящимъ «вертепомъ пропаганды». — Свободная Сѣверная Америка, надежда и притонъ гонимыхъ демократовъ и либераловъ, обширный пріютъ для всѣхъ удручаемыхъ нуждою и притѣсненіемъ, благодаря своей политической и религіозной свободѣ страшно двинулась впередъ на пути матеріальнаго развитія. Правительственная власть, сосредоточенная въ рукахъ президента, избираемаго всѣмъ народомъ каждое четырехлѣтіе, и власть законодательная, раздѣленная между сенатомъ [1] и палатой представителей, обращаютъ главное свое вниманіе на внѣшнее процвѣтаніе республики, на торговлю, промышленность, устройство сообщеній посредствомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, на расширеніе государства завоеваніями или мирными пріобрѣтеніями, на военную силу, состоящую изъ вербованныхъ солдатъ и милиціи, наконецъ — на судъ и расправу; попеченіе же о внутреннихъ благахъ, религіи, образованіи и объ ихъ разсадникахъ — школахъ и церквахъ, предоставляютъ онѣ собственному благоусмотрѣнію и доброй волѣ самихъ общинъ. Всѣ религіи, секты и вѣроученія,

[1] Сенатъ участвуетъ впрочемъ и въ исполнительной власти, потому что многія правительственныя мѣры президентъ можетъ принять только съ его согласія. Сверхъ-того, одинъ сенатъ имѣетъ право суда надъ лицами, занимающими общественныя должности союза.

начиная отъ самаго закоснѣлаго ригоризма до самой широкой, преутонченной вѣры разума, находятъ себѣ здѣсь свое выраженіе, своихъ приверженцевъ, свое устройство въ видѣ независимыхъ церковныхъ общинъ [1]. Но сколь ни чистосердечно благочестіе этого народа, за исключеніемъ конечно нѣкоторыхъ «карикатурныхъ явленій», однакожь христіанское образованіе не смогло еще распространеніемъ истинной человѣчности преодолѣть здѣсь гнетъ бездушнаго денежнаго аристократизма, не смогло искоренить во многихъ штатахъ и другой страшной язвы — невольничества. Народное обученіе, хотя еще молодое и во многихъ мѣстностяхъ только что начинающееся, преуспѣваетъ однакожь болѣе и болѣе подъ щитомъ гуманной заботливости, а въ торговлѣ и мореплаваніи Америка и теперь уже соперничаетъ съ Англіей, откуда вышло ядро ея первоначальнаго заселенія и къ которой она все еще питаетъ старую національную ревность; чувство это пробудилось опять съ новой силою (1845), по случаю ссоры за обладаніе Орегонскимъ краемъ по рѣкѣ Колумбіи (гдѣ еще въ 1811 г. Американцы завели факторію прибыльной мѣховой торговли — Асторію). — Когда конгресъ заключилъ союзъ съ Техасомъ (1845), принадлежавшимъ прежде къ Мексикѣ, а потомъ отъ нея отпавшимъ, и когда, вслѣдствіе того, этотъ рабовладѣльческій край былъ присоединенъ къ Сѣверо-американскимъ штатамъ, тогда послѣдніе вступили въ кровопролитную войну съ Мексиканскою республикой (1847), раздираемою крамолами и междоусобіемъ и, взявъ приступомъ столицу, кончили дѣло огромнымъ расширеніемъ своей территоріи къ западу. Прежде бывшіе испанскіе штаты сѣверной Америки, которые отличаются такою же вялостью, разноголосицей и безпорядкомъ, какъ и метрополія, и гдѣ господствовали то анархія, то диктаторская власть (Санта Аны), повидимому предназначены стать постепенно добычею англо-американской республики. Флорида, Техасъ и обильная золотомъ Калифорнія уже присоединены къ ней; Юкатанъ, съ его лѣсами краснаго и кампешскаго дерева (сандала), уже давно возставшій про-

[1] Само собою разумѣется, что въ практическомъ примѣненіи этого широкаго начала свободы неизбѣжны исключенія: такъ распространеніе теократической секты мормоновъ, ставящей первымъ догматомъ многоженство, вызвало противъ себя страшныя гоненія, которыя правительственная власть была не въ силахъ устранить и которыя вынуждаютъ эту секту скитаться и искать убѣжища въ необитаемыхъ пустыняхъ.

тивъ Мексики и безпрестанно посѣщаемый шайками пришлой вольницы (флибустьеровъ), едва ли сможетъ отстоять свою ненадежную зависимость, а господствующіе въ южно-американскихъ республикахъ безначаліе, духъ крамолъ и мятежа, безпрерывными междоусобіями препятствуютъ водворенію законной свободы и обезпеченнаго порядка, и служатъ явнымъ свидѣтельствомъ неспособности испанскаго отродья къ демократическому самоуправленію.

2. Борьба народностей.

§ 805. Западъ. Прежняя политика обращала вниманіе на однѣ территоріи и государственные союзы и, при заключеніи мирныхъ и другихъ договоровъ, заботилась только о географическомъ положеніи и удобствѣ границъ, а не о происхожденіи, языкѣ и національной разности жителей; въ новѣйшее же время возникло у народовъ желаніе обособляться по племеннымъ различіямъ, усвоивать каждой національности самобытное существованіе подъ отдѣльною собственною управой, воздѣлывать и вводить въ силу свой природный языкъ. Дѣло въ томъ, что все явнѣе обнаруживалось стремленіе правительствъ слить инородцевъ завоеванныхъ ими областей съ господствующимъ племенемъ и, постепеннымъ стѣсненіемъ языка, нравовъ, учрежденій и національныхъ особенностей побѣжденнаго, со временемъ образовать одно государственное цѣлое, состоящее изъ вполнѣ безразличныхъ частей; это слишкомъ безпощадное стремленіе увлекло стѣсняемыхъ въ противоположную крайность, въ чрезмѣрное пристрастіе къ языку, нравамъ и учрежденіямъ отцовъ, породило въ нихъ желаніе не только сохранить національныя особенности, но и настаивать на ихъ всеобщемъ признаніи и самобытномъ политическомъ значеньи. Такимъ образомъ система объединенія со стороны властей вызвала потребность обособленія (партикуляризмъ) со стороны подвластныхъ, пробудила національныя симпатіи и антипатіи и повела къ тѣмъ упорнымъ борьбамъ, которыя подъ вліяніемъ страстей и племенной ненависти доходили до такого же ожесточенія, какъ въ старину религіозныя войны. Одна Франція мало терпѣла отъ подобныхъ отношеній, частію потому, что кровавая безпощадность великой революціи совершенно пригнела въ ней всякій партикуляризмъ, не поддерживаемый съ тѣхъ поръ ни патріотическимъ духомъ, ни политическимъ тактомъ цѣлаго народа, который уже вполнѣ сознаетъ, что величіе государствъ покоится на крѣпкомъ единствѣ и централизаціи; съ другой стороны способствовало этому и то, что нѣмецкое населеніе восточныхъ областей Лотарингіи и Эльзаса, проникшись духомъ терпимости и чужелюбія, не поставляло до сихъ поръ никакихъ преградъ объединительнымъ стремленіямъ парижскаго правительства [1]. Тѣмъ рѣзче проявился національный духъ въ Бельгіи, гдѣ онъ не только содѣйствовалъ къ расторженію навязаннаго союза съ Голландіей, но гдѣ онъ и теперь еще упорно отстаиваетъ фламандскую литературу и фламандскій языкъ противъ возрастающаго преобладанія французскихъ. —Въ Великобританіи, гдѣ различныя племена уже совокупились въ одно великое цѣлое, только еще въ Ирландіи шевелится мягкій католическій кельтизмъ противъ строго-протестантскаго германства «Саксовъ»; тогда какъ въ Вельсѣ и Шотландскихъ горахъ первобытный гельскій языкъ сталъ уже предметомъ чисто-научной любознательности и если онъ еще живетъ до сихъ поръ, то развѣ только въ сбереженныхъ преданіемъ народныхъ пѣсняхъ или въ видѣ совершенно замкнутаго діалекта какихъ-нибудь отдаленныхъ мѣстностей.—Даже въ Испаніи, обособленной и въ пространственномъ и въ племенномъ смыслѣ отъ сосѣдей, энергическіе горцы Баски отстаивали свои исконныя вольности и права противъ одолѣвающаго ихъ юга, а въ Арагоніи и Каталоніи пробудились опять чувства національной ревности и междусосѣдской вражды въ отношеніи къ надменнымъ своей породою Кастиліянцамъ.

§ 806. Средняя Европа. Борьба народностей гораздо сильнѣе обнаружилась въ средней Европѣ, именно въ Германіи и въ Италіи. Нѣмецкій элементъ противился въ Лимбургѣ нидерландскому, а въ Шлезвигѣ рѣшительно возсталъ противъ насилій датскаго. Несчастный Шлезвигъ уже давно велъ многогрудную борьбу съ одолѣвающимъ вліяніемъ обладателей своихъ, Датчанъ, и дождался лишь того, что «патентъ» короля Христіана VIII (8 іюля 1846 г.) отнялъ у него лучшую его надежду, по ожидаемомъ пресѣченіи королевско дат-

[1] «Духъ терпимости и чужелюбія» поддерживался и поддерживается у французскихъ Нѣмцевъ тѣми гражданскими и политическими преимуществами, какія неоспоримо пріобрѣли они отъ сліянія съ могущественнымъ и просвѣщеннымъ сосѣдомъ.

скаго дома, вступить, на основаніи стародавнихъ правъ, въ Германскій союзъ, вмѣстѣсъ Голштиніей, и быть подъ державою особаго общаго имъ государя (принца Аугустенбургскаго). За возвѣщенное въ этомъ патентѣ увѣковѣченіе датскаго союза плохимъ вознагражденіемъ было то, что преемникъ Христіана, Фридрихъ VII, надѣлилъ Шлезвигъ вмѣстѣ съ Даніей одною, общею имъ конституціей (23 янв. 1848).—Въ Италіи идея единства, распространенная еще при французскомъ владычествѣ союзомъ карбонаровъ, пріобрѣтала все болѣе приверженцевъ и все болѣе укоренялась, особенно съ появленія такъ-называемой «Юной Италіи», дѣйствовавшей подъ вліяніемъ ловкаго и смѣлаго Маццини. Единство Италіи, подъ монархическою ли формой съ туземнымъ государемъ во главѣ, или въ видѣ союзнаго государства съ республиканскимъ или монархическимъ устройствомъ отдѣльныхъ союзниковъ — стало лозунгомъ настоящаго, а ненависть къ «Нѣмцамъ» (Австрійцамъ)—обычнымъ содержаніемъ всѣхъ рѣчей, цѣлью всѣхъ возможныхъ демонстрацій. — Въ скандинавскихъ державахъ, Швеціи, Норвегіи, Даніи, не было чуждыхъ элементовъ, вызывавшихъ на борьбу (кромѣ шлезвигскихъ Нѣмцевъ); зато тамъ шевелилась скандинавская партія, которая, состоя изъ студентовъ и живой, пылкой молодежи вообще, стремилась къ соединенію этихъ державъ въ одно цѣлое.

§ 807. Европейскій востокъ. Сильнѣйшія національныя борьбы происходили на востокѣ, гдѣ стародавняя несправедливость и многовѣковой гнетъ крайне раздражили страсти, гдѣ сила цивилизаціи не обуздывала и не смягчала взрывовъ дебелой натуры, гдѣ со временъ великаго переселенія народовъ живетъ вмѣстѣ и въ-разбросъ пестрая смѣсь племенъ болѣе склонная къ войнѣ, нежели къ миру. Здѣсь боролись три племени народныя,—Нѣмцы, Славяне и Мадьяры, частію изъ-за господства, частію изъ-за того, чтобъ не дать себя погубить сосѣду. Первые, будучи въ нѣкоторыхъ краяхъ прежней Польши господствующимъ племенемъ, съ трудомъ удерживаютъ за собой пріобрѣтенное ими преобладаніе противъ неподатливыхъ, безпокойныхъ Поляковъ, и вынуждены, наперекоръ своей германской природѣ, чаще хвататься за мечь для обороны отъ побѣжденныхъ, нежели мирно дѣйствовать на ихъ гражданскій бытъ своимъ высшимъ образованіемъ. Въ Венгріи и Трансильваніи Нѣмцы должны отстаивать свои нравы, учрежденія и языкъ противъ враждебныхъ притязаній господствующихъ

Мадьяровъ. Славянское племя самое распространенное въ восточномъ краѣ, но господствуетъ оно только въ Россіи. Старая Польша погибла жертвою внутренней анархіи и внѣшнихъ вліяній, и всѣ попытки неугомонныхъ выходцевъ оживить разнятый трупъ посредствомъ пропаганды и заговоровъ оставались и останутся безуспѣшны. Остальные Славяне живутъ подъ разными названіями, разсѣянные по Австрійской имперіи; пользуясь свободой лишь въ немногихъ мѣстахъ, оказывали они до сихъ поръ мало воспріимчивости къ благамъ цивилизованнаго быта[1]. Не имѣя довольно силъ для сверженія съ себя чужеземнаго ига и вмѣстѣ не поддаваясь разлагающему вліянію чуждыхъ (и искони враждебныхъ) имъ племенъ, Славяне вездѣ противостоятъ другимъ народностямъ съ ненавистью или непріязнью. Попытка Чеховъ устранить отъ себя кровавою революціей нѣмецкое вліяніе и захватить власть въ собственныя руки кончилась для нихъ пораженіемъ. Далеко распространенный союзъ панславистовъ старается поддерживать въ различныхъ отрасляхъ Славянъ всѣхъ земель живое чувство общаго происхожденія и общихъ интересовъ и воодушевлять ихъ къ великой цѣли національнаго единенія.—Энергическій Мадьяръ господствуетъ въ Венгріи, особенно въ плодоносныхъ низинахъ на востокъ отъ Тиссы (по-нѣмецки Тейсъ). Отважные конники, Мадьяры сохранили, и подъ вліяніемъ болѣе мягкихъ нравовъ, свою воинственность, неукротимую любовь къ свободѣ и свойственный рыцарскимъ народамъ феодальный духъ. Какъ завоеватели плодообильной Паннонія, они присвоили себѣ господство надъ прочими обитателями края—Нѣмцами и Славянами, и относились къ покореннымъ ими нѣкогда племенамъ южныхъ украинъ, Словенцамъ, Хорватамъ или Кроатамъ, Райцамъ, Рутенамъ и другимъ, не какъ къ равноправнымъ, но какъ къ подданнымъ. Гордясь своимъ происхожденіемъ и народностью, Мадьяры ревностно блюли свои племенныя особенности, свой языкъ, нравы и учрежденія; чтобы ни въ чемъ не зависѣть отъ чужихъ странъ и поднять туземную промышленность, они завели общества, обязавшіяся употреблять для пищи, одежды и домашнихъ надобностей одни только венгерскія произведенія. Мужественно и твердо отстаивали они свои исконныя права и вольности, но, менѣе справед-

[1] Этого нельзя по крайней мѣрѣ сказать о Чехахъ, которые, особенно въ послѣднее полустолѣтіе, сильно двинулись впередъ, благодаря истинно-народной дѣятельности своей литературы.

ливые, чѣмъ властолюбивые и храбрые, они отказывали зависящимъ отъ нихъ племенамъ въ тѣхъ самыхъ благахъ, которыхъ такъ настойчиво требовали для себя. Не принимая въ разсчетъ племенъ, говорящихъ каждое своимъ особымъ нарѣчіемъ, они вытѣснили изъ своего сейма (состоящаго изъ дворянскаго и земскаго столовъ) давно употребительный латинскій языкъ и замѣнили его мадьярскимъ; они настаивали на томъ, чтобъ одни Венгры (Мадьяры) могли занимать высшія военныя и гражданскія должности, и, стараясь ослабить связь, соединявшую ихъ съ Австріей, они въ то же время хотѣли болѣе и болѣе упрочить мадьярское господство. Но, чтобы не подвергнуться жребію польской знати, ихъ дворянство во-время научилось умѣренности и благоразумію. Чины согласились на введеніе такъ-называемаго урбаріальнаго закона (земледѣльческаго устава), предоставившаго селянину выкупъ феодальныхъ повинностей и право вольной собственности; сверхъ-того они отмѣнили стародавнее преимущество своего сословія — свободу отъ податей. Черезъ это мадьяризмъ очень много выигралъ и въ единствѣ и въ силѣ.

3. Пауперизмъ и соціальныя преобразованія.

§ 808. Пролетаріатъ. Великая французская революція, стремясь къ практическому осуществленію начала свободы и равенства, расторгла узы неволи, наложенныя прежними поколѣніями на всѣхъ худородныхъ, бѣдныхъ и малыхъ, и тѣмъ самымъ признала полноправность низшихъ классовъ, обреченныхъ жить трудомъ собственныхъ рукъ. Дряхлый человѣческаго общества, люди, необходимые для тяжкой тѣлесной работы и для всѣхъ низшихъ отраслей дѣятельности,—люди, которые въ республикахъ древности были безправными рабами, въ средневѣковую эпоху—отчасти крѣпостными, отчасти подмастерьями и работниками безъ гражданскихъ правъ, безъ собственности, безъ владѣнія и личной свободы,—эти люди вступили теперь полными гражданами въ общественную жизнь, съ притязаніями на право существовать своей собственною работою, основывать свою собственную семью посредствомъ брака, тогда какъ въ прежнее время это право подлежало для нихъ существеннымъ ограниченіямъ. Когда миновали бури революціи, когда земледѣліе, ремесла и промышленность снова расцвѣли, когда вслѣдъ за мирными занятіями водворились благосостояніе, наслажденіе жизнью и роскошь, тогда вскорѣ обнаружились послѣдствія расторженія прежнихъ путъ и связей общественности. Неограниченная дѣлимость недвижимыхъ участковъ и равное право наслѣдованія всѣхъ законныхъ дѣтей размножили сословіе землевладѣльцевъ до безконечности и создали свободный классъ поселянъ, хозяевъ мелкихъ участковъ. Отрадное сначала явленіе сдѣлалось потомъ источникомъ великихъ золъ. Раздѣлы умножались съ каждымъ поколѣніемъ и участки раздробились наконецъ до того, что лишь не многія семьи могли существовать доходомъ съ своей недвижимости; свободные крестьяне постепенно превращались въ поденщиковъ, и положеніе ихъ становилось гораздо хуже, чѣмъ положеніе бывшихъ крѣпостныхъ, которымъ, въ силу феодальныхъ законовъ и установившихся патріархальныхъ обычаевъ и отношеній, помѣщикъ оказывалъ пособіе въ случаяхъ нужды, въ болѣзняхъ или непредвидимыхъ несчастіяхъ, тогда какъ независимый теперь поденщикъ или батракъ по необходимости опирался на однѣ собственныя силы, и притомъ за свой крошечный участокъ и свою мазанку еще долженъ былъ платить подати въ казну и отправлять земскія пивинности по общинѣ, не говоря уже о десятинахъ и феодальныхъ (барщинскихъ) сборахъ, которые присоединялись ко всему этому во многихъ краяхъ. Нужда заставляла входить въ долги, и случись крестьянину попасть въ руки ростовщикамъ и Евреямъ, тогда въ нѣсколько лѣтъ онъ лишался всего своего состоянія; а если и удавалось ему проволочить свою многотрудную и многозаботную жизнь до умѣренной старости, то и въ этомъ сравнительно-счастливомъ случаѣ онъ оставлялъ по себѣ семью въ крайней нуждѣ. Еще хуже шло дѣло въ городахъ. Отмѣна всѣхъ, ограничивающихъ ремесленность, цеховыхъ отношеній, размножила сословіе ремесленниковъ до того, что породила между ними чрезмѣрное совмѣстничество, которое, рядомъ съ удешевленіемъ фабричныхъ издѣлій,[1] вредило сбыту ремесленническихъ работъ или слишкомъ понижало заработную плату и такимъ образомъ вело къ тому, что ремесломъ не возможно было содержать семейство. Поэтому мелкіе ремесленники и множество вольныхъ подмастерьевъ и работниковъ поступили на жалованье къ богатымъ фабрикантамъ, которыхъ число размножалось съ каждымъ днемъ, потому что во-первыхъ возрастающая сила денежнаго

[1] Бездна такихъ вещей, которыя дѣлались прежде ремесленниками отъ руки, съ помощью простыхъ домашнихъ орудій, стали теперь предметомъ огромнаго машиннаго производства на фабрикахъ, которыя могли поставлять ихъ и въ лучшемъ видѣ, и дешевле.

капитала, а съ другой стороны умаленіе сословныхъ и помѣщичьихъ правъ, естественно вели высшіе слои къ тому, что они преимущественно обращали свой достатокъ на прибыльныя фабричныя предпріятія. Фабричный работникъ, который изъ своей поденной платы долженъ былъ содержать не только себя, но часто еще и цѣлую семью, сталъ настоящимъ рабомъ хозяина фабрики, хотя политически былъ ему равноправенъ; никакой законъ не охранялъ его отъ увольненія по первой прихоти фабриканта; съ ослабленіемъ его физическихъ силъ уменьшался, разумѣется, и заработокъ. Капиталъ пріобрѣлъ такое господство, такую деспотическую власть, какими не пользовалось никогда ни одно привилегированное сословіе. Къ этому присоединилось еще то, что благодаря чрезмѣрному развитію кредита, дошедшему до явныхъ злоупотребленій и несообразностей, значительно уменьшилась денежная цѣнность, такъ что плата поденьщику и рабочему уже вовсе не соотвѣтствовала прибылямъ оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ, а цѣна жизненнымъ припасамъ и возрастающая роскошь день ото дня болѣе раскрывали ту бездну, которая легла между богатымъ и бѣднякомъ, между тѣми надѣленными судьбой сословіями, которыя обладали капиталомъ, образованіемъ, талантами, и между многочисленнымъ рабочимъ классомъ, опиравшимся на одну физическую мочь. Эти общественныя (соціальныя) несообразности значительно возрасли во время долголѣтняго мира, чрезвычайно расширившаго кругъ промышленности, силу образованія и населенность разныхъ странъ; жалобы на возрастающее обѣднѣніе (пауперизмъ) раздавались громче и громче. Свобода и равенство, изъ-за которыхъ пролито столько потоковъ крови, повидимому еще дальше отодвинулись отъ человѣчества. Спрашивали: что жь выигралъ свѣтъ отъ того, что третье, среднее сословіе стало равноправнымъ дворянству и духовенству, когда этотъ же самый средній классъ, соединясь теперь съ дворянствомъ, держитъ четвертое сословіе, то-есть неимущій рабочій людъ (пролетаріевъ) въ такомъ ужасномъ рабствѣ, какого никогда не бывало? Кто назначилъ праву равенства неисходные предѣлы? Развѣ революція отняла многовѣковую собственность—владѣнія у церкви, десятину у духовенства, барщинскіе доходы у дворянъ, только для того, чтобы пріумножить ими достатокъ средняго сословія, а классъ рабочихъ повергнуть еще въ большую зависимость и неволю? Такихъ вопросовъ и жалобъ слышалось мало до тѣхъ поръ, пока великія военныя дѣла и громадныя историческія событія революціонной и Наполеоновской эпохи приковывали

къ себѣ вниманіе народовъ и обращали взоры ихъ на то, что происходило на всемірномъ поприщѣ. Коммунистическая система восторженнаго республиканца Бабёфа (§ 734), хотѣвшая равнаго раздѣла земель и вообще какъ матеріальнаго, такъ и умственнаго уравненія (нивеллировки) всего человѣчества, считалась одною изъ многихъ незрѣлыхъ идей, порожденныхъ революціонной передрягой. Но когда продолжительный миръ и водворившаяся за нимъ лихорадочная дѣятельность въ промышленной сферѣ стали болѣе и болѣе обнаруживать язвы гражданскаго общества и раскрыли наконецъ широкую бездну между неимущимъ классомъ, который могъ опереться только на работу крѣпкихъ рукъ, и между классомъ всѣмъ владѣющихъ собственниковъ, тогда мало-по малу стали слышаться голоса, выставлявшіе преобразованіе соціальныхъ (общественно экономическихъ) отношеній дѣломъ справедливымъ и неизбѣжнымъ, искавшіе основаній къ этому то въ христіанской религіи и заповѣданныхъ ею братскомъ равенствѣ и любви, то въ философскомъ міросозерцаніи и историческомъ ходѣ быта, и старавшіеся доказать удобоисполнимость своихъ плановъ политико-экономическими вычисленіями. Та же Франція, которая ввела въ жизнь начала свободы и равенства, породила и системы соціальныхъ преобразованій. Смотря по разности предлагаемыхъ ими средствъ, системы эти, всѣ основанныя на общемъ равенствѣ людей между собою и имѣющія въ виду осуществленіе этого равенства (principe égalitaire), расходятся на два направленія,—соціалистическое, которое, безъ ущерба собственности, однимъ только совокупленіемъ разрозненныхъ физическихъ и духовныхъ силъ, думаетъ породить такую высокую степень благоденствія, что на свѣтѣ исчезнетъ всякая нищета, и самобѣднѣйшій человѣкъ достигнетъ извѣстной мѣры счастія и наслажденія жизнью,—и коммунистическое, которое старается осуществить начало равенства упраздненіемъ всякой частной собственности, причемъ всѣ имущества должны управляться сообща и произведенія дѣлиться поровну. Эти системы основаны не на благородномъ влеченіи поддерживать себя собственною энергіей, побуждающемъ дѣятельность къ достиженію свободно-избираемыхъ цѣлей, но на мелочномъ чувствѣ себялюбія и зависти, которое ищетъ возможно легкаго сонаслажденія чужимъ добромъ; не сознавая коренной задачи государства и страшно стѣсняя свободу отдѣльнаго лица, онѣ стремятся къ такой цѣли, которая водворила бы совершенное невольничество и въ общественной и въ частной жизни, такъ что въ сравненіи съ нимъ

жесточайшій деспотизмъ и китайская полиція явились бы истинно-желательнымъ устройствомъ. Если начало себялюбія и грубаго наслажденія во что бы то ни стало лежитъ въ основѣ коммунистичискихъ теорій, которыя считаютъ чувственный разгулъ конечной цѣлью человѣческаго назначенія и отнюдь не хотятъ видѣть, что постепенность различныхъ существъ есть общій законъ природы и что неравенство между людьми установлено самимъ Провидѣніемъ, то соціализмъ подлежитъ другому упреку, именно тому, что онъ смотритъ на человѣческую природу съ слишкомъ идеальной точки зрѣнія и не принимаетъ въ разсчетъ ни нравственной слабости или испорченности, ни страстей и пожеланій, а потому и вдается въ напрасную филантропію, ошибочную по цѣли и по средствамъ, потому что она мечтаетъ устранить всякое постигающее человѣка зло, не понимая и не цѣня значенія его въ нравственномъ воспитаніи человѣческаго рода.

§ 809. Сенъ-Симонизмъ. Первую соціальную реформу замыслилъ графъ Сенъ-Симонъ (1760—1825), который, какъ природный пэръ Франціи и испанскій грандъ, принадлежалъ къ самымъ высшимъ кругамъ большаго свѣта, который, будучи щедро надѣленъ богатствомъ и талантами, вступилъ въ жизнь достойнымъ зависти баловнемъ судьбы, а потомъ, лишась черезъ революцію всего состоянія, изучилъ собственнымъ опытомъ въ своей коловратной долѣ всѣ отношенія и ступени человѣческаго общества и наконецъ умеръ среди своихъ учениковъ (1825), вслѣдствіе попытки на самоубійство. Онъ первый выдвинулъ впередъ противоположность рабочаго, неимущаго класса, который назвалъ народомъ (peuple, plebs, простонародіе), въ сравненіи съ зажиточнымъ среднимъ сословіемъ, такъ-называемой буржуазіей, и указалъ задачу «новаго христіанства» въ примиреніи этой противоположности заповѣдью любви и въ попыткѣ «улучшить жребій рабочаго поднятіемъ промышленности на высшую ступень общественнаго правосознанья». Идеи, разсѣянныя въ его затрогивающихъ умъ и сердце сочиненіяхъ, вѣрно сохранялись въ эпоху реставраціи любимымъ его ученикомъ Оленд Родригомъ, и въ тревожные дни, послѣдовавшіе за іюльской революціей, нашли себѣ плодоносную почву и бездну приверженцевъ. Краснорѣчивый, талантливый Базаръ, восторженный поклонникъ свободы и ревнитель народнаго благоденствія, бывшій прежде главою союза французскихъ карбонаровъ, развилъ передъ воспріимчивыми слушателями новое политико-соціальное ученіе, существенно заключавшееся въ томъ, что «высасываніе человѣка человѣкомъ» должно прекратиться, что

случайность, которая направляетъ теперь жребій каждаго лица, должна быть окончательно устранена болѣе справедливымъ уравненіемъ собственности, и что для этого слѣдуетъ отмѣнить право кровнаго наслѣдованія, отдавать все оставляемое по смерти имущество въ распоряженіе государства и съ помощію обширной банковой системы распредѣлять общій доходъ на основаніи правила: «каждому по его способности, и каждой способности по ея труду», такъ чтобы положеніе каждаго лица зависѣло уже не отъ случая, а отъ его собственной заслуги. Въ то же время явился ограниченный и сластолюбивый мечтатель Анфантенъ, съ проповѣдью о гармоніи плоти и духа, и противопоставилъ христіанскому догмату о подчиненіи плоти духу верховное право всѣхъ человѣческихъ пожеланій на полное удовлетвореніе. Надъ человѣческой семьей, раздѣленной по занятіямъ на многіе классы, должно, по его мысли, стоять священство, съ первосвященникомъ или отцомъ, какъ живымъ закономъ, во главѣ, и управлять въ мирѣ и любви, подобно общественному провидѣнію. Благодаря проповѣди, миссіямъ и памфлетамъ, эта ѳеократико-промышленная государственная система сильно распространилась и нашла себѣ восторженныхъ приверженцевъ. Въ Парижѣ, въ видѣ образца всемірнаго устройства, возникла сенъ-симонистская семья съ множествомъ мастерскихъ для ея содержанія. Но когда отецъ Анфантенъ обратилъ свою заботливость преимущественно на женщинъ и не только требовалъ для нихъ равныхъ правъ съ мужчинами, но и захотѣлъ ввести въ сенъ-симонистской семьѣ начало общеженства, сводя такимъ образомъ первоначальную систему учителя на свою личную прихоть, тогда благородный, чистосердечный Базаръ покинулъ семью съ негодованіемъ. Скорбь о несбыточности его надеждъ осчастливить человѣчество сокрушила ему сердце. Примѣру его послѣдовали нѣкоторые другіе ученики, и какъ Анфантенъ шелъ все далѣе по скользкой дорогѣ, непремѣнно хотѣлъ отыскать себѣ свободную жену, которая въ качествѣ вѣщей первосвященницы должна была вмѣстѣ съ нимъ руководить семьею, и прибѣгалъ для этого къ разнымъ безразсуднымъ, возмутительнымъ средствамъ, то всѣ здравомыслящіе и степенные люди отдѣлились отъ этой школы, заведшей свою промышленную задачу въ такую вовсе неприглядную даль. Ея денежныя средства истощились роскошью и расточительностью коноводовъ, и когда наконецъ правительство закрыло залу ихъ собраній и вызвало ихъ къ суду за распространеніе безнравственныхъ началъ, тогда отступился отъ нея и Родригъ, сѣтуя на совершенное расторженіе семейныхъ связей. Анфантенъ удалился

послѣ того съ нѣсколькими вѣрными въ монастырское уединеніе, гдѣ своимъ образомъ жизни, своею странною одеждой и особеннымъ мистическимъ языкомъ они навлекали себѣ презрѣніе и насмѣшки всего свѣта, пока постигшій ихъ судебный приговоръ не прикрылъ этихъ проходимцевъ вѣнцомъ незаслуженнаго мученичества.

§ 810. Соціализмъ. а) Фурьѐ (1772—1837). Точнѣйшую систему соціальнаго преобразованія провелъ до малѣйшихъ подробностей Шарль Фурьѐ, родомъ изъ Безансона, — чудный человѣкъ, у котораго съ прекраснѣйшимъ, глубоко сострадательнымъ сердцемъ соединялся ограниченный умъ, полный самыхъ странныхъ затѣй и самыхъ призрачныхъ мечтаній. Выросши купцомъ и лишась по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ своего наслѣдія, онъ принужденъ былъ содержать себя, занимаясь въ качествѣ писца мелочными дѣлами въ чужомъ торговомъ домѣ, при чемъ все свободное время употреблялъ онъ на обработку своей соціальной системы, изложенной темнымъ языкомъ и уснащенной терминами его собственнаго изобрѣтенія. Система эта, не смотря на ея безразсудства, странности и фантасмы, сильно возбудила общее вниманіе. По его мнѣнію — единственное спасеніе міру заключается въ совокупленіи (ассоціаціи) разрозненныхъ силъ и личностей для достиженія общихъ цѣлей, или въ такъ-называемой соціальной гармоніи, которой установленіе должно быть задачею человѣчества. Такой гармоніи можно достигнуть только истиннымъ познаніемъ человѣческихъ побужденій и страстей и надлежащимъ распредѣленіемъ дѣятельности и занятій, соотвѣтственно этимъ душевнымъ побужденіямъ и наклонностямъ. Счастіе человѣческое, конечная цѣль всѣхъ земныхъ стремленій, существенно основывается на удовлетвореніи природныхъ склонностей какъ въ трудѣ, такъ и въ наслажденіи; но это удовлетвореніе достижимо не иначе, какъ соединеніемъ многихъ личностей, разныхъ по натурѣ, полу и возрасту, для одного общаго домохозяйства. Отдѣльныя посемейныя домохозяйства и безсвязный общиный бытъ слѣдуетъ, по его мысли, замѣнить совокупнымъ домохозяйствомъ цѣлой фаланги въ большомъ зданіи (фаланстерѣ), вмѣщающемъ отъ 1200 до 1800 семействъ, съ соотвѣтственнымъ ему участкомъ земли, около квадратной мили въ пространствѣ. Издержки покрываются акціями, обезпечивающими наслѣдственное право собственности на землю. Работы распадаются по ихъ роду на разные разряды со многими подраздѣленіями, каковы хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ, земледѣліе, фабрикація, воспитаніе, наука, искусство и т. д., которыми члены

фаланги занимаются, смотря по своимъ наклонностямъ и дарованьямъ. Личныя наклонности должны точно также приниматься въ разсчетъ въ дѣлѣ потребленія, какъ и въ дѣлѣ производства, но лишь соразмѣрно долѣ каждаго въ общемъ доходѣ, а эта доля опредѣляется тѣмъ, на сколько простиралось участіе лица въ общемъ производствѣ первоначальнымъ вкладнымъ капиталомъ, работою и талантомъ. — Благодаря такому порядку, думаетъ Фурьѐ, исчезли бы со свѣта всѣ дурныя страсти и злодѣйства, пружинами людскихъ поступковъ сдѣлались бы не себялюбіе и самохраненіе, но природныя побужденія и братская любовь, а совокупленіемъ разрозненныхъ силъ и наклонностей всякій трудъ достигъ бы такого совершенства, что нужда и бѣдность были бы вполнѣ устранены. Въ главѣ всего этого устройства поставляется выборный совѣтъ старшинъ. Фурье былъ убѣжденъ, что довольно одного примѣра для проложенія этой системѣ пути къ повсемѣстному осуществленію. Поэтому онъ обратился къ друзьямъ человѣчества съ публичнымъ вызовомъ, помочь ему всего однимъ милліономъ франковъ, и двѣнадцать лѣтъ сряду ежедневно ходилъ въ урочный часъ къ назначенному мѣсту, чтобъ взглянуть, не явился ли другъ человѣчества съ потребнымъ милліономъ. Позднѣйшія попытки учредить фаланстеръ не состоялись по недостаточности способовъ. Даровитѣйшимъ ученикомъ Фурье былъ В. Консидеранъ, очистившій систему своего наставника отъ многихъ уродливыхъ наростовъ и защищавшій ее противъ множества нападокъ и укоризнъ.

б) Оуэнъ (1772—1858). Подобно Фурьѐ, и англійскій фабрикантъ Роб. Оуэнъ старался преобразованіемъ соціальныхъ отношеній устранить бѣдствія человѣчества и доставить рабочимъ классамъ участіе въ наслажденіи общественнымъ добромъ. Этотъ почтенный человѣкъ началъ съ того, что своей заботливостью и человѣколюбіемъ водворилъ нравственность и благоденствіе въ кругу своихъ собственныхъ рабочихъ. Пока учрежденіемъ и улучшеніемъ разныхъ школъ (для бѣдныхъ, для малолѣтнихъ, а также и воскресныхъ училищъ) онъ старался поднять и образовать умъ и сердце низшихъ классовъ, и, вмѣсто отвергаемыхъ имъ наказаній и наградъ, дѣйствовать на нихъ пробужденіемъ чувства чести, добродѣтели, долга и права, до тѣхъ поръ англійскій народъ оказывалъ ему и участіе и помощь; когда же онъ перешагнулъ въ область религіи, объявилъ землю цѣлью всѣхъ человѣческихъ стремленій, а мысль о небѣ заблужденіемъ, когда святыню брака онъ вздумалъ замѣнить вольнымъ выборомъ по сочувствію и на мѣсто семьи поставить

общину, когда христіанскій догматъ прирожденной грѣховности онъ замѣстилъ ученіемъ о первобытной цѣлости и чистотѣ человѣческой природы, еще не поврежденной соблазнами нищеты и невѣжества со стороны, и, посредствомъ публичныхъ чтеній, трактатцевъ и миссіонеровъ, старался положить начало возрожденію человѣческаго общества путемъ ассоціаціи для общихъ цѣлей, тогда здравый смыслъ его согражданъ отвернулся отъ нововводителя, и почти не нужно было вполнѣ неудачной попытки Оуэна основать коммунистскую колонію въ одномъ изъ Соединенныхъ штатовъ, Индіанѣ, чтобы лишить его теорію всякаго вѣса въ глазахъ практически-дѣльныхъ Англичанъ.

§ 811. Коммунизмъ. Разнообразнѣе и ближе къ дѣлу выработались коммунистическія идеи въ большей части тайныхъ обществъ, которымъ положили онѣ основаніе. «Исторія заговора Бабёфа», изданная товарищемъ его Бонаротти, подала поводъ къ учрежденію коммунистическихъ союзовъ по началамъ Бабёфа, съ тою только разницей, что послѣдніе не обращали подобно ему своего исключительнаго вниманія на сельское хозяйство, а напротивъ болѣе занимались промышленностью. Подъ разными и притомъ перемѣнными названіями (Друзей народа, Общества человѣческихъ правъ, Временъ года, и наконецъ подъ именемъ Общества равно-рабочихъ, Egalitaires) проповѣдывали они въ рѣчахъ и журналахъ грубый коммунизмъ, поставлявшій высшимъ естественнымъ закономъ одну вещественность, требовавшій отмѣны собственности, семейства и брачнаго союза, какъ главныхъ преградъ безусловному равенству и братству, хотѣвшій предать гибели цивилизацію и опоры ея—города, и видѣвшій благо человѣческаго общества только въ совершенномъ общеніи трудовъ, имуществъ и наслажденій его членовъ. Это ученіе, посмѣвавшееся всякой морали и человечности, — ученіе, для примѣненія котораго къ дѣлу члены тайныхъ обществъ одобряли и поощряли между прочимъ самые кровавые, самые насильственные способы, устрашило наконецъ всѣхъ лучшихъ и умѣренныхъ и породило много разногласій, особенно послѣ попытки возстанія въ 1839 г. Образовалась умѣренно-коммунистская партія, подъ названіемъ Реформистовъ, поставившая себѣ цѣлью политическое равенство и справедливое распредѣленіе произведеній, пріобрѣтаемыхъ общимъ трудомъ, тогда какъ Бабёвисты имѣли въ виду революцію, чтобы подъ щитомъ республиканскихъ формъ произвесть преобразованіе гражданскаго общества на своихъ собственныхъ началахъ. — На неопредѣленныхъ взглядахъ реформистовъ основалъ Кабѐ своимъ утопическимъ «Путешествіемъ въ Икарію» и разными памфлетами такъ-называемый икарійскій коммунизмъ, который также требуетъ полнаго политическаго равенства въ монархической или республиканской формѣ и общенія имуществъ посредствомъ предустановленнаго дѣлежа произведеній почвы и промышленности, но признаетъ существованіе брака и семьи, противопоставляетъ грязному матеріализму грубыхъ коммунистовъ вѣру въ высшее Провидѣніе, и хочетъ, чтобъ его начала осуществились не путемъ насилія, а съ помощью однихъ мирныхъ убѣжденій. Демократическую форму правленія считаетъ онъ началомъ преобразовательнаго дѣла, а въ переходномъ государственномъ правѣ, при постепенномъ умаленіи неравенства имуществъ и образованія черезъ отмѣну наслѣдственныхъ правъ и введеніе общей, свободной воспитательной системы, видитъ тотъ посредствующій путь, который поведетъ къ заповѣданному Христомъ братскому равенству. — Совсѣмъ особую точку зрѣнія представляетъ критическій коммунизмъ остраго діалектика Прудона который, ратуя противъ собственности, какъ высасыванія слабаго сильнымъ (въ книгѣ: «Собственность то же воровство»), но не допуская однако и общенія имуществъ, какъ высасыванія сильнаго слабымъ, требуетъ, съ упраздненіемъ наслѣдственнаго права, одной личной собственности, соразмѣрной съ трудомъ и дѣятельными способностями каждаго.

4. Внутренняя жизнь европейскихъ народовъ въ области религіи и церкви.

1. Католицизмъ.

§ 812. Южная Европа. При господствовавшемъ ограниченіи политической свободы, безпокойные умы естественно ринулись въ сферу церкви. Въ католицизмѣ непотрясенный никакими нападками старо-церковный авторитетъ и духъ исконной неподвижности служили оплотомъ противъ всякихъ смѣлыхъ нововводительствъ; однакожь сопротивленіе его всѣмъ своевременнымъ реформамъ, его благосклонство и уступчивость къ средневѣковымъ суевѣріямъ и враждебная оппозиція всѣмъ пріобрѣтеніямъ революціонной эпохи, духу свободныхъ изысканій и стремленіямъ либерализма, оттолкнули отъ него образованнѣйшихъ людей въ народѣ и вызвали либеральное направленіе даже у нѣкоторой

части духовнаго сословія, тогда какъ безусловные приверженцы этой церкви, прозванные папистами и ультрамонтанами, тѣмъ настойчивѣе защищали средневѣковую церковность съ ея чувственною обстановкой, съ ея изувѣрствомъ и непримиримой ненавистью ко всѣмъ новизнамъ, видя единственное спасеніе и благо въ безпрекословномъ подчиненіи приговорамъ римской куріи.

Всего безвреднѣе обнаруживался этотъ ультрамонтанскій католицизмъ въ самой Италіи, гдѣ чувственная обстановка въ поклоненіи святымъ составляетъ потребность для народа, гдѣ иллюминаціи и ракеты входятъ въ кругъ богослужебныхъ обрядовъ, а ежегодно возобновляемыя чудеса существенно принадлежатъ къ тому или другому церковному празднику, гдѣ духовенство въ своемъ сладкомъ и будто бы дѣятельномъ досужествѣ составляетъ вершину самой народной жизни и, вполнѣ обезпеченное въ своемъ достояніи, вообще дружелюбнѣе настроено къ мірянамъ. Здѣсь долго оставались малоуспѣшными старанія либеральныхъ патріотовъ и «юной Италіи» пробудить народъ отъ усыпляющаго суевѣрія, освободить его отъ клерикальныхъ узъ и воодушевить къ національной независимости и самобытному устройству. Только въ послѣднее время антикатолическое направленіе стало замѣтно болѣе распространяться въ Италіи [1].

Въ Испаніи и Португаліи римскій католицизмъ былъ также народною религіей низшихъ классовъ; только среди раздора политическихъ партій и среди «инквизиціонныхъ торжествъ» онъ принялъ характеръ болѣе мрачный и страстный. Такъ какъ апостолическій тронъ Фердинанда VII въ Испаніи и безусловное самовластіе Донъ Мигеля въ Португаліи опирались преимущественно на духовенство, инквизицію и іезуитовъ, то низпроверженіе абсолютныхъ формъ правленія либеральною конституціею кортесовъ сильно отозвалось тамъ и на церковь. Въ то время какъ въ Испаніи робкій, суевѣрный Донъ Карлосъ боролся за престолъ, въ союзѣ съ монахами и духовенствомъ, а противники его Христина и дочь ея Изабелла обратились къ либеральной сторонѣ и старались созваніемъ кортесовъ найдти себѣ опору въ свѣтскомъ обществѣ, народъ отомстилъ за свое долгое духовное порабощеніе разореніемъ многихъ монастырей и побіеніемъ монаховъ и священниковъ, которыхъ, вслѣдствіе распространившихся слуховъ объ отравленіи, онъ почиталъ виновниками страшной тогда холеры. Раздраженные сопротивленіемъ клириковъ демократическому преобразованію государственнаго устройства (1835—1837), кортесы приступили наконецъ къ такимъ же мѣрамъ, какъ нѣкогда парижское національное собраніе девяностыхъ годовъ. Они отобрали всѣ монастыри и продали священную утварь, чтобы пособить государственной казнѣ и покрыть военныя издержки; они отмѣнили десятину и объявили церковное имущество національною собственностью; инквизиціи и іезуитамъ былъ положенъ рѣшительный конецъ. Тщетно папа провозглашалъ незаконность святотатственныхъ постановленій: Эспартеро, признанный регентомъ въ награду за одолѣніе Донъ-Карлоса (1840), велѣлъ выпроводить нунція за границу, грозилъ совершенно отмѣнить подсудность папѣ въ Испаніи и выслалъ всѣхъ священниковъ, которые слушались папы, а не государства. Однакожь такая строгость противъ притѣсненной церкви, за которую папа велѣлъ совершать молебствія, содѣйствовала потомъ къ низверженію регента. Молодая королева Изабелла II и ея, преданная римскому престолу, мать успѣли наконецъ въ своихъ примирительныхъ стараніяхъ. Изгнанные священники были возвращены и продажа остальныхъ церковныхъ имуществъ пріостановлена. Святой отецъ примирился также и съ Португальскою королевой Доньей Маріей; но богатства церкви и преобладаніе духовенства на Пиренейскомъ полуостровѣ все-таки умалились и ослабѣли съ той поры.

[1] И то лишь благодаря слѣпому упорству высшаго духовенства, которое непремѣнно хочетъ удержать за собою неудержимую политическую власть.

§ 813. Западная Европа. За іюльской революціей, направленной столько же противъ возрастающей силы легитимистскаго духовенства, опиравшагося на набожность королевской фамиліи, сколько и противъ реакціонной политики самовластительнаго монарха, во Франціи воспослѣдовалъ переворотъ и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи. Мѣсто помазанника свыше вдругъ заступилъ «король-гражданинъ». Іезуиты и трапписты обратились въ бѣгство, домъ архіепископа и нѣкоторыя церкви въ Парижѣ, служившія орудіями политическихъ цѣлей, взяты были приступомъ; съ нихъ въ одно время сняли и лиліи и кресты; положенные прелатамъ оклады подверглись сокращенію, католицизмъ утратилъ свою привилегію господствующей вѣры. Но Людовикъ Филиппъ старался уступками примирить іерархію съ іюльскимъ тономъ и расположить ее въ пользу своей династіи, и, не долго спустя, іезуиты, подъ прикрытіемъ разныхъ наименованій, опять пробрались во Францію и учредили свои воспитательныя заведенія, а лѣтъ черезъ десять духовенство почувствовало себя

на столько обезпеченнымъ въ своей власти, что энергически настаивало на полной свободѣ преподаванія и на независимости училищъ отъ главнаго надзора Парижскаго университета, въ надеждѣ совершенно прибрать къ рукамъ образованіе юношества. Но клирики быть можетъ не оцѣнили всей силы антицерковнаго направленія. Вѣрнымъ признакомъ, что большая часть народа уже не имѣла внутренней связи съ римскою церковью, служитъ между прочимъ судьба Ламеннѐ († 27 февр. 1854). Бывъ нѣкогда ревностнымъ поборникомъ «безусловной необходимости непогрѣшительной церкви въ противоположность пустымъ мечтаніямъ единоличнаго разума», а потомъ претерпѣвъ неудачу въ борьбѣ за невозможное соединеніе свободы духа съ папскою непогрѣшительностью, онъ подъ конецъ, въ «Словахъ вѣрующаго», проводилъ одну демократическую сторону Евангелія, чтобы, передъ великимъ переворотомъ, который предчувствовалъ, возвѣстить въ пророческихъ и апокалиптическихъ образахъ паденіе королевской власти и всеобщее равенство чадъ господнихъ; — этотъ смѣлый Ламеннѐ, набожная, героическая и, въ самомъ заблужденіи, высокая натура, осталася громадною силою во Франціи даже и послѣ того, какъ былъ отринутъ самимъ папой, подвергся гоненію королевскаго правительства и подпалъ обвинительному приговору свѣтскаго суда. Сознаніе этого важнаго факта внушило аббату Шателю мысль учредить французско-католическую церковь въ смыслѣ крайняго либерализма, которая, дѣйствуя независимо отъ Рима, сначала успѣла собрать нѣсколько общинъ вѣрующихъ, но потомъ едва продолжала свое существованіе, связанное съ суетнымъ, политическимъ и отрицательнымъ началомъ новѣйшаго времени, пока наконецъ полиція не затворила эту новоизобрѣтенную церковь (1842). Впослѣдствіи, чѣмъ болѣе іюльское правительство благосклонствовало церкви и духовенству, допустивъ даже учрежденіе іезуитскихъ обителей, тѣмъ болѣе враждовала противъ церкви оппозиціонная партія, равно и либеральная и республиканская ея сторона. Въ то время какъ извѣстные ученые и даровитые писатели, наприм. историкъ Мишелѐ и философъ поэтъ Кинѐ, ополчались противъ церковности и іезуитизма и, поддерживаемые либеральнымъ политикомъ Теромъ, настояли по крайней мѣрѣ на гласномъ запрещеніи іезуитскихъ заведеній, республиканская литература приняла вполнѣ разлагающій характеръ и, на мѣсто великихъ нравственныхъ союзовъ — государства и церкви, старалась поставить искусственныя товарищества съ соціально-мірскими цѣлями, и небесную религію замѣнить ученіемъ о безусловномъ самоудовлетвореніи земнымъ благомъ (эвдемонизмъ).

Въ Бельгіи ультрамонтанское духовенство, ставъ заодно съ либералами противъ голландскаго правительства, изгнавшаго іезуитовъ и противодѣйствовавшаго фанатизму либеральнымъ воспитаніемъ, привело къ распаденію самое государство. Но либералы вскорѣ увидали, съ какимъ опаснымъ союзникомъ имѣютъ они дѣло, когда бельгійское духовенство воспользовалось свободою преподаванія для того, чтобъ устроить воспитаніе молодежи по своему, заранѣе распоряжаясь умственною дѣятельностью грядущихъ поколѣній въ своихъ видахъ, и когда епископы стали злоупотреблять свою власть, удаляя отъ церковныхъ должностей всѣхъ свободно-мыслящихъ клириковъ и не давая разрѣшенія въ грѣхахъ просвѣщеннымъ либераламъ, слывшимъ за франмасоновъ. — Въ противодѣйствіе Лувенской коллегіи, исключительно служившей папизму, либералы учредили на свой собственный счетъ свободный университетъ въ Брюсселѣ. Однакожь, не смотря на протестантство короля и на свободныя учрежденія края, перевѣсъ остается по большей части и теперь на сторонѣ клерикальной партіи [1].

Въ Ирландіи отчаянный народъ грозно требовалъ избавленія отъ своей горькой доли, указывая на необходимость церковныхъ и политическихъ реформъ. Въ самомъ дѣлѣ, жестокосердіемъ старой Англіи и собственною вялостью и лѣнью къ работѣ онъ наконецъ доведенъ былъ до того, что на своей родной землѣ жилъ только изъ милости въ наймахъ у чуждыхъ іерарховъ и вельможъ, рискуя каждую зиму умереть съ голоду. Въ союзѣ съ духовенствомъ, «великій агитаторъ» О'Коннель держалъ католическій народъ въ постоянномъ волненіи и чтобы придать его требованіямъ болѣе силы угрожалъ отмѣною акта соединенія съ Англіей (— отмѣна эта называется по-англійски repeal, рипиль, а сторонники ея — рипилерами —), тогда какъ доминиканскій монахъ, патеръ Мѐтью, образованіемъ общества воздержности (teetotallers), старался породить въ толпахъ нравственность, основанную на трезвости и самоуваженіи. Но сколько виги англійскаго министерства ни настаивали на реформѣ церковнаго порядка въ Ирландіи, они успѣли только въ томъ, что церковная десятина обращена была въ умѣренную поземельную подать; ни одна дальнѣйшая мѣра преобразованія не была допущена узкосердой ревностью англиканъ. Чтобы сколь-

[1] Протестантизмъ короля часто связывалъ ему руки соображеніями весьма понятной деликатности, а свобода учрежденій является въ Бельгіи обоюдуострымъ мечемъ, который сильное духовенство часто успѣваетъ направлять въ свою пользу.

ко нибудь задобрить Ирландію, министерство Пиля предложило такъ-называемый билль объ отказахъ (1845), разрѣшающій католической церкви, за исключеніемъ однакожь монашескихъ орденовъ, пріобрѣтать собственность на ея имя, и сверхъ-того настояло на томъ, чтобъ парламентъ назначилъ денежное пособіе Мейнутской коллегіи, учрежденной для образованія католическаго духовенства, послѣ того какъ при помощи правительства открыты были народныя школы, старавшіяся обойдти вопросъ о разности исповѣданій.

§ 814. Германія. Сильнѣйшія религіозныя борьбы запылали въ Германіи, отчасти по расположенію народа къ философской вдумчивости, отчасти по отсутствію широкой и свободной политической жизни. Строгоцерковная (ультрамонтанская) партія, которой главное сѣдалище было въ Баваріи, а надежнѣйшая опора въ Австріи и Прирейнскихъ областяхъ, чувствуя, какъ убійственъ для нея духъ времени, вступила въ борьбу со всякою духовною свободой и навлекла себѣ непримиримую ненависть съ этой стороны. Въ противодѣйствіе просвѣтительнымъ усиліямъ либераловъ, ультрамонтаны систематически поощряли въ народѣ обскурантизмъ, суевѣріе и увлеченіе призраками чудеснаго; дерзкой и разлагающей философіи младшихъ поколѣній противопоставляли они религіозность среднихъ вѣковъ, возвышенную поэтическою и художественною обстановкой, и для того, чтобъ рѣзче и нагляднѣе отдѣлить католическое единство отъ протестантской разрозненности, отвергали всякую реформу, всякое нововведеніе, всякое отступленіе отъ уставовъ Тридентинскаго собора. Отсталыя и іезуитскія стремленія этой партіи, которой глава и ратоборецъ, энергическій и полный фантазіи профессоръ Гёрресъ въ Мюнхенѣ (1776—1848), перешелъ отъ либеральной оппозиціи къ папистскому абсолютизму, нашли себѣ противниковъ въ средѣ самой римской церкви. Множество католическихъ духовныхъ, научась терпимости въ постоянномъ обращеніи съ протестантами и исцѣлясь отъ разныхъ предразсудковъ свободнымъ образованіемъ въ смѣсныхъ (протестантско-католическихъ) университетахъ, настаивали на созывѣ земскихъ соборовъ (Landessynoden) для введенія благовременныхъ реформъ, ратовали противъ заповѣди насильственнаго безбрачія и требовали близкаго къ протестантизму церковнаго устройства, которое допускало бы при богослуженіи туземный языкъ, дозволяло свободное употребленіе св. Писанія, устраняло пустое ханжество дѣльнымъ обученіемъ народа, и т. д.

Въ баденскомъ Оберландѣ [1] послѣднее направленіе нашло себѣ многихъ сторонниковъ, и такъ какъ явленіе это приписывалось дѣятельности благочестиваго барона фонъ-Вессенберга (род. 1774), то его и удалили отъ управленія Констанцскимъ епископствомъ, какъ бы въ явное доказательство тому, что свободный и истинно-германскій образъ мыслей не прощается въ Римѣ ни за какія заслуги передъ церковью.— Въ противоположность римскимъ притязаніямъ на безусловный авторитетъ, «который однакожь не устраняетъ же всякой возможности сомнѣнія», Гермесъ († 1831) въ Боннѣ старался придать католицизму новую опору, выясняя согласіе его съ разумомъ. Воззрѣнія его одержали верхъ въ прирейнскихъ училищахъ. Но противники Гермесіанцевъ исходатайствовали въ Римѣ указъ (1835), осудившій сочиненія покойнаго Гермеса. Напрасно ученики его старались убѣдить святѣйшаго отца въ правовѣріи ихъ наставника и доказать, что сочиненія его разсмотрѣны первоначально безъ знанія нѣмецкаго языка и безъ научныхъ понятій; приговоръ остался въ полной силѣ и архіепископъ Кёльнскій велѣлъ запрещать на исповѣди слушаніе лекцій у Гермесіанцевъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, два дѣятельнѣйшихъ члена этой партіи лишились въ Боннѣ своихъ университетскихъ каѳедръ (1844).—Въ то же самое время было осуждено и противоположное воззрѣніе Француза Ботена, утверждавшаго, что истину католической церкви не льзя, да притомъ и не нужно, доказывать разумными доводами. — Въ Регенсбургѣ, Ингольштадтѣ и друг. мѣст. Баваріи большое вліяніе имѣлъ въ прежніе годы благочестивый Зайлеръ († 1832), вліяніе, не исчезнувшее и теперь. Около него собирался нѣкогда кругъ учениковъ, которые въ христіанствѣ видѣли одно только искупленіе и которыхъ религія заключалась въ теплотѣ задушевнаго чувства. Отсюда — неуваженіе ко всякой внѣшней обрядности, обращеніе къ Фенелону и Лафатеру, сближеніе съ вюртембергскимъ піэтизмомъ. Гонимые приверженцами Рима, осмѣиваемые либералами, нѣкоторые члены этого круга подъ конецъ совсѣмъ разошлись съ церковью.

§ 815. Споръ за смѣсные браки. Этотъ споръ былъ настоящимъ яблокомъ раздора, которое лукавый врагъ бросилъ въ разъединенную Германію, какъ бы нарочно для того, чтобъ поставить новую преграду стремленіямъ къ единству. Католическая церковь въ Прус-

[1] Оберландами, т. е. нагорьями, называются въ Германіи разныя части этого края, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ смежныхъ долинъ.

сіи, недовольная тѣмъ, что подчинена протестантскому государству, отплатила неблагодарностью набожному королю Фридриху-Вильгельму III, который чествовалъ ее, на сколько могъ, обогащая ея духовенство, основывая церкви и училища, возстановляя маіоратныя и другія господскія права въ пользу рейнско-вестфальскаго дворянства. Со времени Вестфальскаго мира исчезла преграда, не дозволявшая никакого соединенія между двумя христіанскими исповѣданіями, и нѣмецкій народный обычай, хотя безъ формальнаго согласія церкви, но и безъ прекословія съ ея стороны, постоянно допускалъ смѣсные браки, при чемъ обычаемъ установилось право, что въ случаяхъ, гдѣ брачные договоры не опредѣляли иныхъ условій, дѣти, смотря по ихъ полу, слѣдовали исповѣданію того или другаго изъ родителей. Это обычное право, соотвѣтствуя началу равноправности, вошло и въ законодательство различныхъ странъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ 1825 г. прусскій законъ, по которому дѣти отъ смѣсныхъ браковъ должны воспитываться въ вѣрѣ отца, если единогласная воля родителей не положитъ иначе, былъ распространенъ на Вестфалію и на Рейнскую область. Такъ какъ здѣсь чаще выходили случаи, что протестанты старыхъ провинцій женились на туземныхъ католичкахъ, нежели наоборотъ, то духовенство встревожилось заботой, чтобъ католическая церковь не потерпѣла ущерба отъ этого нововведенія. Рейнскіе епископы испросили повелѣній въ Римѣ. Папскій указъ (25 марта 1830) объявилъ смѣсные браки недозволенными, однакожь имѣющими законную силу, и разрѣшилъ давать церковное благословеніе только тогда, когда женихъ и невѣста обяжутся напередъ воспитывать всѣхъ дѣтей въ католической вѣрѣ; въ противномъ же случаѣ, бракосочетаніе можетъ совершаться въ присутствіи священника, но безъ всякаго церковнаго торжества. Вслѣдствіе переговоровъ съ рейнскими епископами прусское правительство склонило ихъ къ безмолвному смягченію новаго указа и настояло на томъ, чтобъ большая часть смѣсныхъ браковъ благословлялась церковью и безъ соблюденія помянутаго условія. Даже и викарный епископъ Климентъ Дросте-Фишерингъ, человѣкъ строго-церковный и руководимый ультрамонтанскимъ вліяніемъ, обѣщалъ, при возведеніи его на архіепископскій престолъ въ Кёльнѣ (1836), поступать согласно уговору. Но едва вступивъ въ свой высокій санъ, онъ уже приказалъ своему духовенству въ точности держаться папскаго указа и совершать бракосочетаніе только тогда, когда предварительно дано будетъ обязательство воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. Женщинамъ на исповѣди внушали необходимость церковнаго благословенія для законности брака и для спасенія души, чѣмъ, разумѣется, многія смущены были въ своей совѣсти. Въ то же время архіепископъ, по наговорамъ окружавшихъ его ультрамонтанцевъ, рѣшился на строгія мѣры противъ сторонниковъ Гермесова ученія. Тщетно прусское правительство напоминало ему о данныхъ обѣщаніяхъ и грозило лишить его сана; архіепископъ настаивалъ на своемъ. Тогда онъ былъ внезапно арестованъ (20 ноября 1837) и отвезенъ въ крѣпость Минденъ за то, что «дозволилъ себѣ нарушить честное слово, презиралъ законы королевства и, подъ вліяніемъ революціонныхъ партій, волновалъ умы». Это подало поводъ къ сильной ссорѣ, какъ между прусскимъ правительствомъ и римскимъ дворомъ, не хотѣвшимъ вступать ни въ какіе переговоры до возстановленія «мученика» въ его санѣ, такъ и между горячими на споръ учеными обоихъ исповѣданій. Общественное мнѣніе раздѣлилось. Католики видѣли въ мѣрахъ правительства притѣсненіе церкви бюрократіей и подняли кличь о независимости церкви отъ государства, а протестанты смотрѣли на споръ какъ на борьбу нѣмецкой свободы съ римскимъ самовластіемъ. Церковныя смуты усилились еще больше, когда Гнезенскій и Познаньскій архіепископъ Дунинъ также запретилъ вѣнчать смѣсные браки безъ предварительнаго обѣта воспитывать дѣтей въ правилахъ католичества, и, вызванный въ Берлинъ, бѣжалъ изъподъ объявленнаго ему ареста, а потомъ былъ отправленъ въ крѣпость Кольбергъ. При такихъ обстоятельствахъ воцарился въ Пруссіи Фридрихъ Вильгельмъ IV (7 іюня 1840) и посвятилъ всю свою заботливость успокоенію церкви. Удовлетворясь очень двумысленнымъ обѣщаніемъ со стороны архіепископа Дунина, онъ освободилъ его и дозволилъ епископамъ непосредственныя сношенія съ Римомъ; онъ выпустилъ изъ заключенія архіепископа Дросте и въ почетномъ письменномъ отзывѣ къ нему снялъ съ него всякую вину въ революціонныхъ происках, согласившись напередъ съ нимъ и съ римскимъ дворомъ насчетъ того, что Дросте за болѣзнію не возвратится болѣе въ Кёльнъ и приметъ себѣ въ коадъюторы и преемники епископа Шпейерскаго Іоанна Гейселя. Свои мысли «о мирѣ между церковью и государствомъ» старый архіепископъ, еще не задолго до своей смерти, изложилъ «честно и безхитростно» и представилъ на общій судъ (1843). Благопріятный исходъ этого дѣла и обнаруживаемая при всякомъ случаѣ уступчивость протестантскихъ правительствъ передъ требованіями

и угрозами духовенства, наполнили католическую церковь чувствомъ ея собственнаго достоинства, тогда какъ съ каждымъ днемъ болѣе обнаруживалась слабость разрозненнаго протестантизма. Въ Вюртембергѣ ультрамонтаны также опять зажгли потухавшій уже пламенникъ религіозныхъ несогласій. Громкій кличь объ отдѣленіи школы отъ государства и подчиненіи ея церкви доказываетъ, что католическое духовенство въ Германіи предается такой же самонадѣянности, какъ во Франціи и Бельгіи. Средневѣковыя идеи, которыми охотно занимались многія вѣнчанныя главы, особенно короли Прусскій и Баварскій, также какъ значительная часть дворянства и аристократіи, способствовали усиленію католической церкви. Вопреки многимъ доказательствамъ противнаго, эта церковь слыла опорою консерватизма, а потому ультрамонтаны и новообращенники всегда благосклонно принимались въ высшихъ кругахъ. Въ Баваріи сооружаемые вездѣ монастыри и церкви обнаруживали возрастающее число монаховъ и духовенства, а разныя стѣсненія и ограниченія, испытываемыя протестантами и евангеликами, обличали владычество ультрамонтанской партіи и руководимаго ею министерства; на Рейнѣ, гдѣ многіе, возстановленные въ готическомъ стилѣ, замки свидѣтельствуютъ о воротившемся пристрастіи къ романтикѣ и рыцарству, отстройку Кёльнскаго собора старались сдѣлать не символомъ единства и силы Германіи, а символомъ торжества и прославленія католической церкви. Но явное поощреніе процессій, богомольныхъ странствій и всей внѣшней обстановки, разсчитанной на поддержку одной наружной религіозности, слишкомъ противорѣчило современному взгляду, такъ что искусныя затѣи духовенства все-таки не удались вполнѣ.

§ 816. Нѣмецкій католицизмъ. Когда рейнское духовенство, какъ бы въ память своей побѣды по поводу церковнаго разлада съ прусскимъ правительствомъ, устроило торжественное поклоненіе Нерукошвенной святой ризѣ, хранящейся будто бы въ Трирскомъ соборѣ (съ 18 августа по 6 окт. 1844) и тѣмъ подвергло религіозность тамошняго народа самому щекотливому испытанію, тогда многіе просвѣщенные католики отпали отъ общенія съ своей церковью. Ликованіе по случаю великаго религіознаго торжества (на которомъ перебывало болѣе милліона богомольцевъ) было нарушено посланіемъ изъ Лаурахютте [1]), написаннымъ «противъ языческаго праздника въ

[1] Желѣзный заводъ въ Оппельнскомъ округѣ, въ Силезіи

Трирѣ» и обращенномъ къ тамошнему епископу, «новому Тецелю XIX вѣка». Это открытое посланіе шло отъ молодаго священника Іоанна Ронге, отрѣшеннаго за ослушаніе церковнымъ начальствомъ въ Силезіи, то есть именно въ томъ краѣ, гдѣ уже и прежде одна либеральная партія, съ ученымъ Тейномъ во главѣ, боролась противъ римскаго духовнаго деспотизма. За посланіемъ слѣдовали памфлеты, призывавшіе къ учрежденію католической національной церкви; среди общаго волненія умовъ они произвели довольно сильное впечатлѣніе. Вскорѣ вокругъ Ронге въ Бреславлѣ собралось нѣсколько свободномыслящихъ католиковъ, которые составили церковную общину, независимую отъ Рима и вѣдомства епископовъ, по примѣру «христіанской апостолико католической» общины, учредившейся въ прусско-польскомъ городкѣ Шнейдемюлѣ, гдѣ молодой викарій Іоаннъ Черскій отступилъ отъ римской церкви и отъ многихъ ея уставовъ вслѣдствіе того, что захотѣлъ жениться на одной польской дѣвушкѣ, не покидая своего духовнаго сана; и онъ нашелъ себѣ нѣсколькихъ единомышленниковъ въ дѣлѣ вѣры. По образцу Бреславля въ короткое время составились въ разныхъ городахъ сѣверной, а потомъ и южной, Германіи нѣмецко католическія общины, которыя, вступивъ въ сношеніе съ Ронге посредствомъ одобрительныхъ адресовъ, всѣ сходились между собою въ чрезвычайно простомъ и сдержанномъ исповѣданіи вѣры, въ требованіи свободнаго употребленія св. Писанія и въ присвоеніи церковной власти самой общинѣ. Раціоналистическое направленіе бреславскаго учителя соотвѣтствовало современному демократизму и нашло себѣ у отпавшихъ отъ своей церкви католиковъ болѣе сочувствія нежели исповѣданіе христіанско-католической общины Черскаго, которая держалась не только основаній древнецерковнаго догмата, но и нѣкоторыхъ положеній римской церкви. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ между отщепенцами возникъ уже расколъ, не устраненный и созваннымъ въ Лейпцигъ (къ пасхѣ 1845) соборомъ, на который явились депутаты отъ пятнадцати разныхъ общинъ. Составленное здѣсь исповѣданіе вѣры, кромѣ безусловнаго ихъ отреченія отъ папской іерархіи и усвоенія имъ права свободно и разумно изъяснять св. Писаніе, заключало въ себѣ только урѣзанный апостольскій символъ и сверхъ-того выдвигало особенно впередъ необходимость одѣйствотворять чувство вѣры подвигами истинной любви. Черскій, съ своей стороны, настаивалъ на сохраненіи полнаго апостольскаго символа съ опредѣлительно высказанною вѣрою въ божественность Іисуса Христа;

за то нѣмецкій католицизмъ Ронге усилился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣмъ, что къ нему приступали даже и «свѣтолюбцы» [1] изъ протестантовъ, разладившіе съ государственною церковью. — Правительства смотрѣли на новокатоликовъ враждебно. Въ Баваріи и Австріи католическихъ «диссидентовъ» тѣснили запретительными мѣрами и высылали за границу; въ другихъ краяхъ у нихъ отнимали право богослуженія въ церквахъ и препятствовали размноженію отступниковъ, лишая ихъ гражданской равноправности; въ Кургессенѣ отказывали имъ въ приличномъ погребеніи. Вездѣ вступались за нихъ вторыя палаты земскихъ чиновъ; только въ Баденѣ предложеніе допустить полную свободу вѣры повело къ распущенію сейма. Протестантское населеніе почти единодушно предоставляло новой церкви употребленіе своихъ храмовъ, помогало ей и деньгами и журнальнымъ вліяніемъ, безъ всякой впрочемъ охоты примкнуть въ ней самому, но вначалѣ съ большими національными надеждами. Послѣ кратковременнаго признанія или по крайней мѣрѣ непреслѣдованія ихъ въ 1848 и 1849 годахъ, отдохнувшія потомъ правительства начали опять противодѣйствовать падающимъ и безъ того общинамъ новокатоликовъ и свѣтолюбцевъ, и въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ лишились своего религіознаго характера и были подчинены законамъ о политическихъ и общественныхъ союзахъ. — Если зачинщики и коноводы этого церковнаго движенія и не имѣли надлежащихъ силъ и качествъ для того, чтобы придать своему дѣлу жизненность и прочность и какъ слѣдуетъ исполнить свое «призваніе», то все же явленіе ихъ не лишено великой знаменательности: оно расторгло ту завѣсу единства, которою католицизмъ прикрывалъ свои язвы до тѣхъ поръ. Тогда стало явно, что въ католической церкви господствуютъ такіе же разладъ и рознь, какъ и въ протестантской; что къ ней причисляются тысячи, и даже милліоны, людей весьма далекихъ отъ нея по убѣжденіямъ; что и здѣсь есть приверженцы всѣхъ возможныхъ направленій, начиная отъ вѣры въ видѣнія свыше и чудесныя цѣленія какого-нибудь князя Гогенлоэ или пастуха изъ окрестностей Кёльна, до совершеннаго атеизма и безвѣрія.

[1] См. § 818

2. Протестантская церковь.

§ 817. Религіозныя направленія. Протестантская церковь, имѣя основаніе и корень въ свободѣ духа, представляетъ еще болѣе разнообразія въ явленіяхъ, еще болѣе разъединенія въ мысляхъ. Германія, родина протестантизма, основательница и подвижница его богословскихъ и философскихъ ученій, оставалась и въ новѣйшее время производительною почвой религіозныхъ системъ и церковныхъ организмовъ, которые согласно индивидуализирующей и обособляющей натурѣ народа, принимали самыя разнообразныя направленія и слагались въ самыхъ многоразличныхъ видахъ.

Старый раздоръ между раціонализмомъ, видящимъ высшій законъ въ разумѣ, какъ естественномъ откровеніи, и супранатурализмомъ, признающимъ его въ священномъ преданіи, какъ откровеніи сверхъестественномъ, продолжался и въ новѣйшее время, но при ослабѣвающемъ съ обѣихъ сторонъ увлеченіи, хотя еще долго поборникъ «мыслящаго вѣрованія» Паулусъ (1761—1851) стоялъ среди младшихъ поколѣній одинокимъ памятникомъ минувшей эпохи. Попытки примирить оба направленія и положить начало новой богословской наукѣ предпринялъ де-Ветте (1780—1849); нѣкогда вынужденный бѣжать въ Базель, за то что дерзнулъ написать утѣшительное письмо къ матери Занда, онъ занялся тамъ изслѣдованіемъ св. Писанія въ духѣ свободы, отстаивалъ права и значеніе разсудка въ сферѣ церковныхъ вѣрованій и морали въ сферѣ христіанской жизни, отъискивая въ тоже время священную поэзію, которая питаетъ собою общее внутреннее чувство церкви. На то же поприще вступилъ Шлейермахеръ (1768—1834), отличный богословъ, равно блиставшій въ качествѣ проповѣдника, мыслителя и университетскаго профессора. Принадлежа по рожденію и воспитанію къ сферѣ гернгутерскаго благочестія, ознакомясь путемъ изученія со всѣмъ, что высказала противъ христіанства литература вольномысленнаго просвѣщенія и философія скептиковъ, и достигнувъ высшаго міросозерцанія чрезъ глубокое изслѣдованіе твореній Платона и Спинозы, онъ старался представить согласіе христіанской вѣры съ требованіями свободнаго разума и доказывалъ, что жизнь безъ христіански-церковнаго общенія, безъ вѣры въ Бога и безсмертіе души, совершенно пуста и ничтожна.

Въ Берлинѣ онъ сильно содѣйствовалъ къ пробужденію новой религіозной жизни своими «Рѣчами о религіи къ образованнѣйшимъ изъ ея противниковъ». Въ этихъ замѣчательныхъ рѣчахъ Шлейермахеръ сначала развертываетъ общую, идеальную картину религіи, устраняя отъ нея все, что государство, наука, духовенство, нетерпимость, страсть къ спорамъ и чувственный способъ представленія толпы придали ей ложнаго, ограниченнаго, несущественнаго; онъ изображаетъ сущность благочестія и преданности Богу, чувство духовнаго общенія съ безконечнымъ, и показываетъ какъ естественны и неизбѣжны эти чувства для души человѣческой въ ихъ первобытной чистотѣ. Потомъ у него является совершенно непастырское свободомысліе, съ какимъ онъ смотритъ на незрѣлыя, чувственныя понятія о божествѣ и безсмертіи, о чудесахъ, откровеніи и т. д., отвергаетъ слѣпую вѣру, какъ раболѣпное поклоненіе, но чествуетъ религію во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ.— Въ подобномъ же духѣ дѣйствовали Даубъ (1765—1836), Маргейнеке (1780—1846) и Неандеръ (1789—1850); два первые обработывали богословіе подъ вліяніемъ философскаго развитія той эпохи, именно на основаніи системъ Шеллинга и Гегеля, а Неандеръ отличился своими церковно-историческими трудами, исполненными духомъ отрадно-кроткаго христіанскаго благочестія. Первымъ пріютомъ этого новаго богословія сдѣлался поднятый великимъ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ Гейдельбергскій университетъ, гдѣ учили и дѣйствовали въ одно время Даубъ, де-Ветте, Маргейнеке и рядомъ съ ними христіанскій педагогъ Шварцъ (1766 — 1837), пока трое младшихъ (де-Ветте, Маргейнеке, Неандеръ) не были приглашены въ 1811 г. въ Берлинъ; здѣсь, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ, основали они знаменитѣйшій богословскій факультетъ новаго времени.

Подобно тому какъ, предвѣстники великой французской революціи. Вольтеръ и энциклопедисты (§ 671), враждебно устремились на христіанство и церковные уставы, такъ точно и дерзкіе мыслители тридцатыхъ годовъ,—предтечи переворота 1848 года,—обратили свое разрушительное оружіе противъ христіанской религіи, противъ вѣры въ Бога и безсмертіе души. Извѣстное число поэтовъ и литераторовъ, прозванныхъ «Юною Германіей» (§ 800 б. Г.), еще не дождавшись въ своемъ развитіи поры, когда у человѣка созрѣваютъ и выясняются мысли, принялись вытѣснять древнюю вѣру духа, которая въ теченіе 18 вѣковъ утѣшала человѣчество въ скорбяхъ и горестяхъ, и хотѣли замѣнить ее новымъ

благовѣстіемъ «о возстановленіи плоти»; небесное блаженство, надежду всѣхъ бѣдныхъ и страждущихъ, старались они выставить обманомъ и суевѣріемъ и ограничивали весь кругъ человѣческихъ потребностей, желаній и страстей предѣлами земнаго міра и чувственными наслажденіями. И хотя эта мальчишески-вѣтреная поэзія скоро потеряла вѣсъ въ глазахъ здраваго нравственнаго чутья народа, однакожь все-таки успѣла поколебать во многихъ сердцахъ твердыя опоры религіи, вѣры въ Бога и вѣчность.

Не менѣе враждебно отнеслась къ религіи и христіанству философская школа «юныхъ гегеліанцевъ». Гегель (1770—1831), бывшій послѣднее время своей жизни профессоромъ въ Берлинѣ, явился основателемъ государственной философіи, которая, благодаря преобладавшему въ ней абсолютистскому направленію, довольно долго пользовалась тамъ покровительствомъ свыше. Онъ училъ, что божество, духъ, переходитъ въ міръ, въ видимую природу, и что обѣ эти сферы или потенціи вселенной могутъ быть постигнуты въ ихъ истинности, въ ихъ идеѣ, только мышленіемъ, на основаніи логическихъ и діалектическихъ законовъ. Его философія, хотя и указывала въ христіанствѣ совершеннѣйшую форму развитія божественнаго самосознанія, однакожь оказалась впослѣдствіи не чуждою зачатковъ пантеизма, сколько ни оспоривали этого ея приверженцы. По смерти учителя ученики распались на два толка,—правый и лѣвый (послѣдній противники, разумѣется, назвали кривымъ). Ратоборцы лѣвой стороны, юные, разрушительные умы, хотѣли совершенно упразднить вѣчную противоположность Бога со вселенною, утверждали, что единое, истинное божество и есть тотъ самый духъ, который живетъ въ природѣ и въ человѣчествѣ, а въ безсмертіи видѣли только переходъ человѣческой души въ лоно вселенской жизни, — переходъ, совершаемый ею для того, чтобы слиться съ этой жизнію и такимъ образомъ продолжать свое бытіе, по уничтоженіи всякой индивидуальности. Такимъ образомъ вѣчную смерть выдавали они за вѣчную жизнь въ идеѣ, самопоклоненіе—за вѣру, достигшую уразумѣнія самой себя, и возвѣщали о какомъ-то новомъ богочеловѣкѣ, никогда не являвшемся лично на землѣ. Давидъ Штраусъ (род. 1808), въ своей «Жизни Іисуса», историческую критику и діалектическій методъ употребилъ орудіемъ противъ достовѣрности евангельскихъ сказаній о земной дѣятельности, ученіяхъ и кончинѣ Христа, такъ что отъ свѣтлаго библейскаго образа остался

у него одинъ только «религіозный геній». Отдѣлившись отъ общехристіанскихъ вѣрованій, Штраусъ, не смотря на то, былъ призванъ на богословскую каѳедру Цюрихскаго университета со стороны тамошняго либеральнаго правительства; но низверженіе послѣдняго возставшимъ за свою вѣру народомъ (1839), помѣшало осуществленію такого замысла. Конецъ предводителя этого движенія (Б. Гирцеля) показалъ однакожь впослѣдствіи, что оно имѣло далеко не столь чистый источникъ. — Бруно Бауэръ (род. 1809), разсматривая евангельскія сказанія съ литературной точки, видѣлъ въ нихъ неболѣе какъ произведенія, возникшія писательскимъ путемъ на почвѣ выработавшагося въ христіанской общинѣ сознанія о давнемъ прошломъ; этотъ взглядъ, признанный несовмѣстнымъ съ занимаемою авторомъ должностью профессора богословія, былъ поводомъ къ удаленію его изъ Боннскаго университета и вызвалъ у Бруно Бауэра его «Обличеніе богословскихъ безстыдствъ». Впослѣдствіи онъ явился всѣмъ неожиданно защитникомъ восточнаго православія. — Людвигъ Фёйербахъ, стоя вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге въ передовыхъ рядахъ отрицательныхъ умовъ, «задумалъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ призрака всякой религіи» и проповѣдывалъ, будто вѣра есть не болѣе какъ греза духа, въ которой, по пробужденіи, человѣкъ находитъ только самого себя. Правительства, озабоченныя враждебнымъ религіи и церкви настроеніемъ, которое, въ своихъ крайностяхъ, грозило подорвать глубочайшія духовныя основы всего быта, тщетно спѣшили на помощь къ тѣснимой противниками строго-религіозной сторонѣ, тщетно старались обуздать дерзновенную науку, отставляя отъ должностей и преслѣдуя ея подвижниковъ, — нѣмецкій народъ, находившійся тогда въ полной оппозиціи съ «полицейскимъ государствомъ» и ни въ чемъ не довѣряя его намѣреніямъ, тѣмъ охотнѣе вкушалъ отъ запрещеннаго плода; тщетно ополчился на эту разлагающую дѣятельность и самъ Шеллингъ (§ 804. б. Г.), призванный изъ Мюнхена въ Берлинъ для исцѣленія ранъ, нанесенныхъ философіей юно-гегеліанской школы; его мистико-религіозная система, въ которой онъ возвѣщалъ «полное единеніе науки съ грядущею церковью въ духѣ Іоанна», не произвела ожиданнаго дѣйствія: — большая часть нѣмецкаго народа видѣла въ обоготворенныхъ ею писателяхъ — провозвѣстниковъ и мучениковъ правды, а на новыя ученія берлинскаго мудреца вооружился даже старый раціонализмъ въ лицѣ Паулуса.

Въ противоположность вѣровраждебному духу времени, подъ хранительнымъ щитомъ поддерживаемой государями церковной власти образовалась строго-религіозная партія отличавшаяся нѣкоторымъ оттѣнкомъ піэтизма; съ ультрамонтанскимъ направленіемъ католиковъ общаго у ней было то, что она также пользовалась благосклонствомъ высшихъ сословій, которымъ угрожалъ возрастающій духъ отрицанія, и также слыла вѣрноподданническою, въ качествѣ защитницы божественнаго права предержащихъ. Обѣ равно презирали глубокое научное изслѣдованіе и дѣльное свѣтское образованье, какъ источникъ настоящаго просвѣщенія и трезваго, здороваго взгляда на жизнь, сходясь въ этомъ съ своими антиподами, глашатаями разрушенія и революцій. — Между тѣмъ какъ Евангелическая церковная газета Генгстенберга судила обо всѣхъ и обо всемъ по масштабу узкосердаго, мелочнаго ригоризма, стараясь при томъ поддержать и церковь, какъ достопочтенный институтъ нравственности и христіанскаго общежитія, этотъ обновленный піэтизмъ принялъ въ иныхъ мѣстахъ болѣзненное, вредное нравамъ направленіе. Въ Кёнигсбергѣ, въ одномъ кружкѣ святошь (Mucker), посѣщаемомъ знатными лицами, совершались тайно величайшія безстыдства. Въ Саксоніи пасторъ Стефанъ, человѣкъ низкаго образа мыслей и порочный, но умѣвшій дѣйствовать на простодушную необразованную толпу своимъ популярнымъ краснорѣчіемъ, собралъ вокругъ себя общину старовѣрныхъ лютеранъ, преданную ему до крайняго фанатизма. Когда стало угрожать имъ судебное слѣдствіе, онъ объявилъ вѣрующимъ «Господню волю» выселиться въ Сѣверную Америку, и отправился туда съ 600 общниковъ (1838). Признанный отъ нихъ духовнымъ и свѣтскимъ владыкой, онъ предался здѣсь своимъ порочнымъ наклонностямъ, былъ наконецъ смѣненъ и изгнанъ поздно-спохватившеюся общиной и, въ заключеніе, перешелъ въ католицизмъ (1846). — Подобныя же направленія обнаружились въ религіозномъ Вюртембергѣ, гдѣ нѣкоторыя общины сепаратистовъ (отщепенцевъ) учредились съ разрѣшенія и подъ надзоромъ правительства на особыхъ гражданскихъ и церковныхъ положеніяхъ, другія же выселились въ кишащую сектами Америку и, подъ именемъ гармонитовъ, основали близъ Питтсбурга свою особую республику, съ патріархальными учрежденіями и общеніемъ имуществъ. Въ Швеціи и нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи также появились признаки болѣзненнаго изувѣрства: въ первой раздались такъ-называемые «кличи», то-есть выступило на сцену нѣсколько молодыхъ женщинъ и мущинъ, которые, страстно произнося библейскія изреченія, призывали народъ къ

покаянію; въ нѣмецкой Швейцаріи, особенно въ Цюрихскомъ кантонѣ, обнаружились остатки личнаго вліянія извѣстной г-жи фонъ-Крюденеръ.

Въ то время какъ германскій духъ, не находя себѣ надлежащаго занятія въ государственной жизни, готовъ былъ истощиться въ религіозныхъ крайностяхъ, нельзя сказать, чтобъ не было и такихъ явленій, которыя свидѣтельствовали о здравомъ прогрессѣ въ области религіи. Глубокое чувство лучшихъ піэтистовъ, ихъ самоотверженная дѣятельность на поприщѣ практическаго христіанства (призрѣваніе нищихъ и больныхъ, учрежденіе пріютовъ для покинутыхъ дѣтей и т. п., внутреннія и заграничныя миссіи) дѣйствовали благотворно даже на многія изъ тѣхъ лицъ, кому не нравилась во всемъ прочемъ односторонность и узкость этого направленія; тѣмъ самымъ интересы церковной жизни выигрывали въ содержаніи и глубинѣ. Эти интересы разработывались съ возрастающимъ рвеніемъ и искусствомъ представителями той посредствующей школы богословія, которая пріобрѣтала болѣе и болѣе сторонниковъ, готовила себѣ болѣе и болѣе положительную почву—не враждебностію къ свободнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, а напротивъ своимъ живымъ сближеніемъ съ наукой. Ея ученый и практическій смыслъ снова укрѣпилъ многіе умы, потрясенные прежде сомнѣніемъ, и возстановилъ въ обширныхъ кругахъ довѣріе къ вѣчной истинѣ и неодолимой силѣ евангельскаго христіанства среди неоспоримо грозной борьбы, встрѣчаемой имъ теперь и ожидающей его въ ближайшемъ будущемъ. Въ числѣ главныхъ подвижниковъ этой школы можно назвать Ницше, Люке, Ульмана и друг.

§ 818. Фридрихъ Вильгельмъ IV. Свѣтолюбцы (Lichtfreunde). Общество Густава Адольфа. Когда Фридрихъ Вильгельмъ IV вступилъ на прусскій тронъ, строговѣры и піэтисты чаяли себѣ при немъ золотаго вѣка; но при всемъ расположеніи его къ строгоцерковному направленію, онъ былъ такъ уменъ и образованъ, что не могъ исключительно отдаться въ руки какой-нибудь небольшой партіи. Однакожь онъ выступилъ ратоборцемъ религіозныхъ вѣрованій и христіанской церковности, въ какомъ бы ни являлись они видѣ, противъ враждебнаго церкви, плоскаго и разлагающаго направленія, котораго главная цѣль была необузданная свобода въ дѣлѣ вѣры. Въ соединеніи съ королевою Англійской учредилъ онъ англиканское епископство въ Іерусалимѣ и былъ воспріемникомъ принца Валлійскаго (Вельсскаго) при крещеніи; онъ умилялся великолѣпіемъ католическаго богослуженія на празднествѣ по случаю предпринятой имъ отстройки Кёльнскаго собора,

возобновилъ орденъ Лебедя [1] и покровительствовалъ въ Германіи всякой религіозной дѣятельности, коренившейся на почвѣ церкви и теплой вѣры. Благодаря этому направленію, въ прусскомъ государствѣ, при замѣщеніи не только церковныхъ и училищныхъ, но даже и административныхъ или судебныхъ должностей, стали принимать въ соображеніе религіозныя мнѣнія соискателей; министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, составленное изъ лицъ строгоцерковной партіи, руководилось въ выборѣ людей своимъ сердечнымъ сочувствіемъ. Быть-можетъ, короля въ этомъ стремленіи одушевляла мысль, придать протестантской церкви, какъ преобладающему въ Германіи религіозному элементу, такое крѣпкое единство и такую остойчивость, которыя дозволили бы ей занять достойное мѣсто между строго-организованнымъ католицизмомъ Франціи и греко-восточною церковью Россіи. Но эта мысль отчасти сокрушилась о религіозную свободу средняго класса въ Германіи, отчасти повредили ей тѣ самыя лица, которыхъ король избралъ себѣ въ совѣтники и въ исполнители своихъ плановъ. — Въ противоположность тому, что прозвали съ тѣхъ поръ придворною и консисторіальною церковью, и въ противоположность ея піэтистическому приходу, образовался союзъ протестантскихъ свѣтолюбцевъ для споспѣшествованія разумному практическому христіанству, сообразному съ потребностями времени. Душою этого союза явился саксонскій пасторъ Улихъ, человѣкъ либеральный, соединявшій настойчивость съ практическимъ умомъ; его знаменемъ былъ «раціонализмъ здраваго человѣческаго смысла», а опорою — средній классъ и могущественная партія прогресса. Встревоженное сочувствіемъ, которое это направленіе нашло себѣ въ упомянутыхъ классахъ, и опасаясь плодовъ безвѣрія, какое могли породить въ умахъ народа крайніе порывы нѣкоторыхъ странныхъ и безразсудныхъ людей этой партіи (какъ наприм. Висличенуса), церковное начальство приступило къ мѣрамъ строгости, поставило всѣмъ духовнымъ въ священную обязанность безусловно держаться буквы символическихъ книгъ и исповѣданій и преслѣдовало противниковъ выговорами, временными и полными отрѣшеніями отъ

[1] Этотъ орденъ, учрежденный въ 1443 году курфюрстомъ Бранденбургскимъ Фридрихомъ II, имѣлъ главною цѣлью — доказательство на дѣлѣ самаго пламеннаго почитанія къ Пресвятой Дѣвѣ, почему и назывался Sodalitas beatae Mariae virginis. При возстановленіи его въ 1843 г. король Фридрихъ Вильгельмъ IV предназначалъ ему благотворительную дѣятельность, но исполненіе плана остановилось въ самомъ началѣ. Вѣроятно, самъ основатель вскорѣ почувствовалъ несовременность формъ своего учрежденія и потому не настаивалъ на полномъ осуществленіи задуманнаго имъ дѣла.

должностей. Этотъ жребій постигъ Вислиценуса въ Галле и Руппа въ Кёнигсбергѣ; оба они тотчасъ же отдѣлились отъ государственной церкви и собрали вокругъ себя «вольныя общины». Примѣру ихъ послѣдовали и въ другихъ мѣстахъ. Улихъ, имѣвшій большое вліяніе въ качествѣ проповѣдника и пастыря душъ въ Магдебургѣ, за нѣкоторыя отступленія отъ уставнаго служебника получилъ сначала выговоръ со стороны строгаго церковнаго начальства, потомъ былъ на время удаленъ отъ должности, а напослѣдокъ, когда несмотря на изданіе эдикта о терпимости, обнародованнаго передъ созваніемъ государственнаго сейма(въ мартѣ 1847) и предоставлявшаго гражданскія права сектамъ, признаннымъ отъ государства, онъ не захотѣлъ добровольно оставить своей церкви, его также исключили изъ службы, и это повело къ учрежденію еще новой вольной общины. Никакого вліянія на націю не оказалъ созванный въ Берлинъ общій соборъ (Generalsynode, 1846), избравшій средній путь между свободою вѣроученія и принудительностью символа; бывъ распущенъ до принятія окончательныхъ заключеній, онъ не успѣлъ доставить общинамъ болѣе дѣятельнаго участія въ церковной жизни введеніемъ синодальнаго и пресвитеріанскаго устройства.

При живомъ сочувствіи германскаго народа къ религіи и церкви, съ большою готовностью принята была мысль, возникшая въ Саксоніи и распространенная воззваніемъ изъ Дармштадта,—основать общество Густава-Адольфа (1843) «для поддержки тѣхъ евангелическихъ общинъ, которыя, въ средѣ католическаго населенія, лишены всякихъ средствъ къ развитію своей церковной жизни». Со времени съѣзда во Франкфуртѣ, гдѣ начертаны были уставы общества и положено учредить главное управленіе (въ Лейпцигѣ) и срочныя общія собранія депутатовъ союза, раздѣленнаго на множество вѣтвей, общество пріобрѣло истинно-народную силу, въ знаменательную противоположность съ другимъ, чисто-аристократическимъ, учрежденіемъ, — обществомъ отстройки Кёльнскаго собора (Dombau-Verein). Запрещенный баварскимъ правительствомъ и поддержанный прусскимъ только послѣ нѣкотораго колебанія, союзъ Густава Адольфа получилъ обширное значеніе, благодаря поголовному участію народа, которому нравился его либеральный образъ дѣйствій и который призналъ въ немъ священно-нейтральную почву для всѣхъ партій евангелической церкви, впервые явившейся здѣсь опять въ видѣ единой, нераздѣльной силы. Но этотъ взглядъ былъ очень поколебленъ поступкомъ берлинскаго общаго собранія,

когда оно отказало въ доступѣ депутату кёнигсбергскаго отдѣла, Руппу, и постановило правиломъ, что только различныя земскія церкви въ своей совокупности, за исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ сектъ, составляютъ ту общую евангелическую церковь, о которой говорится во франкфуртскомъ положеніи. Громкій кликъ недовольства пронесся по всей протестантской Германіи, буря протестацій поднялась на это рѣшеніе, «превращавшее свободный союзъ любви въ судилище надъ совѣстью и вѣрой»; живой обмѣнъ памфлетовъ и журнальныхъ статей привелъ въ волненіе всѣхъ членовъ союза. Гроза распаденія была однакожь устранена добровольною уступкой со стороны Руппа и примирительными постановленіями ближайшаго съѣзда депутатовъ въ Дармштадтѣ.

§ 819. Англиканская церковь. Кальвинизмъ въ Шотландіи и Ваадтѣ. И въ другихъ протестантскихъ земляхъ также обнаружились церковныя движенія, хотя и съ меньшею силой, потому что свободная государственная жизнь доставляла здѣсь безпокойнымъ умамъ иное поприще дѣятельности.

Въ Англіи пестрая смѣсь диссентерскихъ общинъ не подвергалась дальнѣйшимъ расколамъ, за исключеніемъ того, что полный фантазіи и свыкшійся съ ветхозавѣтнымъ языкомъ пророковъ пресвитеріанскій пасторъ Ирвингъ (1792—1843), основалъ новую секту, возстановивъ церковныя должности апостольскаго времени съ примѣсью ветхозавѣтныхъ притязаній и сверхъ-того приписывая себѣ даръ пророчества. Кромѣ этого одиночнаго явленія, въ диссентерскихъ сектахъ обнаруживалась напротивъ очевидная наклонность къ добровольному единенію въ болѣе значительныя общины, дабы тѣмъ съ большимъ успѣхомъ противустоять неподвижной государственной церкви. И дѣйствительно, даже среди религіознаго застоя Англіи, общественное мнѣніе оказало свою силу въ томъ смыслѣ, что добилось для диссентеровъ болѣе свободнаго положенія. За отмѣною въ 1836 г. акта предварительнаго испытанія (§ 621), которая отворила имъ двери въ парламентъ, послѣдовало освобожденіе ихъ крещеній и браковъ отъ вмѣшательства епископальнаго духовенства и предоставленіе имъ доступа въ вольный лондонскій университетъ; но на нихъ по прежнему остались подати въ пользу враждебной государственной церкви, и палата лордовъ защитила отъ вторженія диссентеровъ старинные университеты (оксфордскій и кембриджскій) съ ихъ формами отжилаго строговѣрія.

Скоро и въ самой англиканской церкви обнаружился расколъ между высоко-церковною и евангелическою партіей; первая, выдвигая болѣе впередъ католическій элементъ епископальной церкви, настаиваетъ на поддержкѣ неразрывной связи англо-католичества съ церковью апостольской и видитъ въ реформаціи только актъ самоочищенія церкви ея же собственными законными властями; вторая, представляя особенно протестантскій элементъ, даетъ болѣе значенія согласію церковной вѣры съ Св. Писаніемъ, нежели съ уставами церкви, и считаетъ ея существенною потребностію дальнѣйшее развитіе вѣроученій путемъ благовременныхъ реформъ. Католическій элементъ зашелъ у оксфордскихъ ученыхъ Ньюмена и Пюзе такъ далеко, что они только помощію разныхъ софистическихъ натяжекъ могли согласить свои полныя католицизма мнѣнія съ 39 статьями англиканскаго исповѣданія, что и побудило честнѣйшихъ изъ Пюзеитовъ лучше прямо перейдти къ католичеству, чѣмъ постоянно двуязычничать и лицемѣрить. Эти переходы, вмѣстѣ съ возрастающею явностью сходства между пюзеизмомъ и католическимъ вѣроученіемъ, а равно и съ полнымъ надеждъ кличемъ торжества, раздавшимся въ рядахъ папистовъ, изощрили протестанское сознаніе Англіи и повели къ тому, что сами епископы господствующей церкви не признали пюзеизма за истинное выраженіе англо-католичества. Учрежденіемъ новыхъ епископствъ на счетъ экономическихъ суммъ (наприм. манчестерскаго), но безъ пріумноженія палаты лордовъ, виги старались снискать себѣ благосклонность высокоцерковной партіи. Когда римскій престолъ, преувеличивая мѣру католическихъ сочувствій Англіи, возвелъ ирландскаго прелата Вайзмена въ кардиналы и епископы Вестминстера (1850), тогда вспыхнула опять религіозная ревность старой Англіи и кличъ: прочь папежство! (No popegy) раздался съ такою силой, что правительство и парламентъ, не смотря на прекословіе католиковъ и приверженцевъ полной религіозной свободы, сочли нужнымъ противустать подобнымъ выходкамъ со стороны Рима изданіемъ особаго закона «о титулахъ» (жалуемыхъ великобританскимъ подданнымъ иноземными властями). — Въ усердно вѣрующей Шотландіи воскресло чувство пуританской независимости и породило сильную борьбу противъ введеннаго мірскою властью права патроната, которое уполномочивало патрона (попечителя или ктитора приходской церкви) навязывать общинѣ непріятнаго ей священника (1843). Когда суды отказались признать за общимъ церковнымъ собраніемъ право отвергать

предлагаемое лицо, и даже самъ парламентъ сталъ за патроновъ, тогда поборники церковной свободы (Nonintrusionists) отдѣлились отъ господствующей церкви и учредили изъ добровольныхъ приношеній шотландскаго народа пресвитеріанскую «вольную церковь» (Free-church). Строптивый духъ демократа Нокса ожилъ въ основанной имъ церкви по прежнему. Энергическое, непоколебимое духовенство, руководимое благороднымъ Чомерсомъ (Chalmers), отступилось отъ своихъ доходовъ и церквей, чтобы не стать въ разладъ съ собственною совѣстью, и торжественно протестовало противъ позора, «налагаемаго на вѣнецъ Христовъ отъ рукъ мірской власти». Въ короткое время цѣлые милліоны собраны были твердымъ въ вѣрѣ народомъ на потребности вольной національной церкви въ Шотландіи.—Въ Ваадтѣ и другихъ кантонахъ французской Швейцаріи религіозное равнодушіе туземной церкви вызвало къ жизни строгій методизмъ, появившійся и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ общества. Приверженцы этого «методическаго благочестія», прозванные отъ народа mommiers (лицемѣрами) и ненавидимые за свою духовную гордость, удовлетворяли своей набожности на вечернихъ сборищахъ, руководимыхъ по большей части духовными лицами, раздѣлявшими ихъ образъ мыслей. Послѣ побѣды, одержанной радикалами въ Лозаннѣ (1845), эти сборища, посѣщаемыя низложенною аристократическою партіей, подвергались угрозамъ и помѣхамъ со стороны народа; духовнымъ лицамъ было формально воспрещено принимать въ нихъ участіе, и тѣ изъ нихъ, которыя нарушили запретъ, были отставлены. Возмущенные такимъ стѣсненіемъ совѣсти, многіе священники отказались прочесть въ церквахъ присланную имъ отъ правительства прокламацію въ похвалу новому демократическому устройству, говоря, что это прилично только по дѣламъ, касающимся религіозныхъ интересовъ. Вызванные за то къ суду и наказанные годичнымъ удаленіемъ отъ должности, эти люди большею частью совсѣмъ отступились отъ своихъ мѣстъ и окладовъ. Но не видя поддержки со стороны иноземныхъ протестантскихъ церквей и своихъ державныхъ покровителей и не находя никакой опоры въ настроеніи народа, они должны были разсчитывать на одну случайную помощь частныхъ доброхотовъ и могли распространять свой независимый духъ только въ благочестивыхъ сборищахъ знати (конвентикулахъ); правительство, съ своей стороны, озаботилось удовлетворить церковнымъ потребностямъ народа помимо враждебныхъ ему священниковъ.

Церковное разнообразіе и сектаторство нигдѣ не доходили до такой степени какъ въ сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ господствуетъ полнѣйшая свобода религіи. Государство, въ силу коренныхъ уставовъ, не заботится ни о какихъ церковныхъ дѣлахъ, заявляетъ свой христіанскій характеръ только закономъ о соблюденіи воскреснаго праздника и предоставляетъ гражданскую полноправность всякому, кто вѣруетъ въ единаго Бога. — Каждая община стоитъ отдѣльно отъ другихъ, что не мѣшаетъ однакожь общинамъ одного исповѣданія стремиться къ обширнѣйшимъ по возможности синодальнымъ союзамъ. При неограниченной свободѣ вѣръ, въ Америкѣ существуетъ однако самая усердная и ревностная церковность, соединенная съ пуританскою строгостью и методистскимъ напряженіемъ умовъ, такъ какъ церковный интересъ составляетъ почти единственное проявленіе духовной жизни смѣснаго американскаго народа *).

II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ.

A. Конституціонныя державы.

1. Франція.

§ 820. Характеръ іюльскаго правительства. Французская революція совершенно уничтожила всѣ средневѣковыя преграды между отдѣльными сословіями, отняла у дворянства и духовенства ихъ исключительныя права и передала господство среднему классу. Бурбоны только нехотя признали этотъ результатъ и старались опять возстановить тѣ отношенія, какія существовали до великаго переворота. Король и духовенство заключили между собою тѣсный союзъ; дворяне начали тщеславиться знатностію предковъ и превозносить великіе подвиги и доблесть крестоносцевъ, отъ которыхъ вели свое начало; по ихъ мысли, средній классъ долженъ былъ снова возвратиться къ служебному положенію. Тогда произошла іюльская революція и въ третій разъ изгнала изъ Франціи послѣдніе отпрыски того царственнаго дома, который былъ изстари такъ тѣсно связанъ съ французскою націей. Герцогъ Орлеанскій, Людовикъ Филиппъ, вступилъ на тронъ въ качествѣ «короля Французовъ». Главы либеральной оппозиціи, заодно съ возвратившимися изъ ссылки приверженцами Наполеона, окружили этотъ новый тронъ, поставленный на зыбкой почвѣ народной власти. Это быстрое водвореніе новаго порядка было дѣломъ средняго сословія (буржуазіи, или гражданства въ тѣсномъ смыслѣ), которое, заботясь только о наживѣ и о спокойномъ наслажденіи тѣмъ, что̀ нажито, ищетъ себѣ охраны въ конституціонной монархіи, основанной на свободныхъ учрежденіяхъ и либеральномъ законодательствѣ, и поэтому столько же боится подвижности республиканскаго устройства, волнуемаго партіями и страстями, сколько и совершеннаго застоя такой монархіи, которая опирается на сословныя привилегіи и военный деспотизмъ. Недовольные такимъ исходомъ, враждебно противустали новому порядку и отъявленные приверженцы Бурбоновъ (легитимисты, карлисты) и ревностные республиканцы; первые устранились отъ двора и отъ государственныхъ должностей и, въ легитимистскихъ журналахъ, принялись заподозривать и хулить всѣ поступки и намѣренія, всѣ шаги и планы правительства, а вторые старались низвергнуть «гражданина-короля» то тайными заговорами, то попытками возстаній въ Парижѣ, Ліонѣ и другихъ мѣстностяхъ, то прямымъ посягательствомъ на его жизнь. Людовикъ-Филиппъ былъ умный и ловкій государь, котораго треволненная, многоизмѣнчивая жизнь научила и притворству и дипломатическимъ проискамъ; пока онъ оставался вѣренъ началамъ іюльской революціи и опирался на средній классъ [1], правленіе его было твердо и надежно. Не смотря на пристрастіе Французовъ къ военной славѣ, большинство сочувствовало ему даже и въ томъ, что при господствовавшемъ тогда въ Европѣ волненіи и раздорѣ партій онъ не захотѣлъ поднять общеевропейской войны вооруженнымъ вмѣшательствомъ въ Польшѣ, въ Италіи и т. д., ибо средній, торговый и промышленный, классъ всегда лучше достигаетъ своихъ главныхъ цѣлей при мирномъ развитіи, нежели среди военной бури. Однакожь Людовикъ-Филиппъ слишкомъ скоро оттолкнулъ отъ себя сердца народа, болѣе и болѣе сближаясь въ своей политикѣ съ началами Бурбоновъ и вѣрныхъ старымъ порядкамъ дворовъ и обнаруживая такія личныя свойства, которыя неизбѣжно должны были лишить его любви и уваженія подданныхъ. Вмѣсто

*) Замѣчательно, среди разнообразія тамошнихъ сектъ, успѣшное развитіе вполнѣ противоположнаго имъ католицизма.

[1] Когда рѣчь идетъ объ іюльскомъ правительствѣ, подъ среднимъ классомъ должно разумѣть только верхніе его слои.

того, чтобы привлечь умы къ новому порядку свободными установленіями и, расширеніемъ выборнаго права, дать участіе въ государственной жизни не только всему среднему сословію, но и тѣмъ членамъ низшихъ классовъ, которые поднялись выше общаго уровня своимъ прилежаніемъ, дѣятельностью и любовью къ порядку, Людовикъ-Филиппъ постарался объ изданіи новаго избирательнаго закона, по которому обусловливающій выборное право податной цензъ пониженъ былъ съ 300 франковъ только на 200, такъ что число всѣхъ избирателей не доходило и до полумилліона. Голосъ имѣла только богатая часть средняго сословія, негоціанты, банкиры, помѣщики и денежная аристократія; ремесленникъ, поселянинъ, некапитальный человѣкъ вообще были обойдены и поставлены на одну ногу съ чернорабочимъ, поденщикомъ и неимущимъ пролетаріемъ; право выбора не было имъ дано, и голосъ ихъ пропадалъ незамѣтно. При этомъ ограниченіи открытъ былъ вольный доступъ подкупности и направленію выборовъ по произволу немногихъ; раздачею должностей, щедростію на посулы и предоставленіемъ разныхъ матеріальныхъ выгодъ, правительство, руководимое «неизмѣнною мыслію» Людовика Филиппа, всегда успѣвало составлять готовую къ услугамъ палату депутатовъ для осуществленія всѣхъ своихъ желаній и замысловъ. О палатѣ пэровъ, назначаемой самимъ королемъ, едва была и рѣчь какъ о законодательномъ органѣ; она была безвольнымъ орудіемъ и служила правительству почти только въ качествѣ чрезвычайнаго суда по государственнымъ преступленіямъ. Полагаясь на угодливость народныхъ представителей, Людовикъ Филиппъ водворилъ ту систему эгоизма, своекорыстія, продажности и нравственнаго разврата, которую столь многіе превозносили и восхваляли какъ глубокую политическую мудрость [1]. Онъ болѣе и болѣе удалялся отъ первоначальниковъ іюльской революціи, Лафитта и Лафайетта (послѣдній, бывъ вынужденъ сложить съ себя званіе главнокомандующаго національною гвардіей, сошелъ въ могилу, удрученный заботами), и окружилъ себя людьми, которые только исполнями его волю, осуществляли его планы, служили интересамъ его династіи. Владѣя несмѣтнымъ богатствомъ, Людов. Филиппъ пользовался высокимъ своимъ положеніемъ для того, чтобъ постоянно пріумножать это сокровище. Онъ началъ

[1] Остатки этого ограниченнаго взгляда прорываются иногда и до сихъ поръ, разумѣется, принарядясь фразами объ уваженіи къ свободѣ, какъ будто настоящая свобода возможна и осуществима безъ равноправности.

тѣмъ, что обошелъ законъ, по которому частное имущество короля, при воцареніи его, отходитъ къ государству; потомъ настроилъ большинство палаты назначить ему окладъ, цѣлою третью выше того, какой имѣла въ виду оппозиція; для членовъ своей многочисленной семьи требовалъ онъ по временамъ щедрыхъ денежныхъ надѣловъ (apanages); и вмѣсто суленнаго іюльскою революціей «дешеваго управленія», оказалось, что бюджетъ разростается съ каждымъ годомъ и превосходитъ въ издержкахъ всѣ прежнія администраціи. При этомъ король нажилъ себѣ худую славу корыстнаго денежнаго спекулятора и дома, и за границей; и гдѣ шло дѣло объ его собственной казнѣ, онъ уже не боялся ни зависти, ни злословія, ни насмѣшки. Когда престарѣлый герцогъ Кондѐ таинственно кончилъ жизнь самоубійствомъ или отъ руки сторонняго злодѣя, король тотчасъ же присвоилъ богатое наслѣдство одному изъ своихъ сыновей, не смотря на то, что завѣщаніе было заподозрѣно въ поддѣлкѣ; а когда министръ финансовъ Гюманъ хотѣлъ произвесть благодѣтельное для края пониженіе процентовъ государственнаго долга, король съумѣлъ настроить палату пэровъ, чтобы она отвергла принятый депутатами проектъ [1]. — Такое же своекорыстіе вскорѣ обнаружилось и у большей части членовъ правительства, тѣмъ болѣе, что самъ король заботился о томъ, чтобъ самостоятельные, честные характеры не мѣшали водворенной имъ системѣ. Старинное правило одного изъ государственныхъ людей Англіи, что каждый человѣкъ цѣнится на деньги, нашло себѣ печальное подтвержденіе у тогдашнихъ Французовъ. Торговля должностями, подкупы, продажныя отдачи публичныхъ работъ, плата акціями за предоставляемыя уступки, разные подлоги и обманы, словомъ всѣ возможныя продѣлки и изгороты безсовѣстной алчности, принадлежали къ повседневнымъ явленіямъ въ высшихъ кругахъ общества и, ставъ обычными, постепенно утратили свою позорность; нѣкоторыя изъ первыхъ французскихъ фамилій не устыдились запятнать себя даже поддѣлкою фальшивой монеты и явнымъ шулерствомъ. Правительственныя мѣста давались въ награду за личныя послуги, а тѣ, кто ихъ получалъ, пользовались ими для удовлетворенія своей ненасытной жадности. Матеріальныя выгоды считались выше чести и добраго имени. Даже первые министры, Сультъ, Бюжо, Тьеръ, слыли нечистыми въ этомъ смыслѣ; бывшій военный министръ, генералъ Кюбьеръ, попалъ подъ судъ за взяточничество, а министръ Тестъ,

[1] У короля было много денегъ въ государственныхъ фондахъ.

уличенный въ томъ же преступленіи, поплатился за него тюрьмой. Неудивительно, что народъ недовѣрчиво смотрѣлъ на всѣхъ участниковъ этой власти, черпавшихъ изъ золотаго рудника, наполняемаго его же потовыми трудами. — Людовикъ Филиппъ, превосходя всѣхъ умомъ, разсудительностью и знаніемъ людей на дѣлѣ, окружалъ себя государственными лицами, которыя безусловно ему подчинялись и которыхъ онъ поочередно дѣлалъ министрами. Тьеръ, историкъ-панегиристъ революціи и Наполеонова господства, человѣкъ ловкій, умный и краснорѣчивый, не хотѣлъ совершенно покориться произволу Людовика Филиппа и выставилъ было извѣстное начало, что король долженъ только царствовать, а не управлять; но и онъ, подобно всѣмъ другимъ, не смогъ произвести ни какой перемѣны въ политикѣ и управленіи. Въ тѣ дни, когда не благоволилъ къ нему дворъ, онъ, въ своемъ органѣ, журналѣ Constitutionnel, крѣпко держался началъ демократически-конституціонной монархіи. Податливѣе Тьера былъ Гизо, отличный ученый и историкъ и достойный уваженія какъ частный человѣкъ, не запятнавшій своего имени грязью своекорыстія. Но, угодливый слуга своего властителя, онъ не оказалъ довольно самостоятельности и силы характера и измѣнилъ началамъ либерализма, которыя взвели его на высоту. Онъ болѣе и болѣе держался правила священнаго союза. «все для народа, но ни чего черезъ него!»—Людовикъ Филиппъ очень любилъ, когда ходъ французскихъ событій сопоставляли съ тѣмъ, что нѣкогда совершилось въ Англіи, выводя отсюда для Орлеанскаго дома надежды на такую же прочную будущность, какая досталась въ удѣлъ англійской династіи съ 1688 г.; но Вильгельмъ Оранскій не жертвовалъ, какъ Людовикъ Филиппъ, правами и льготами края своему династическому интересу.

§ 821. Внутреннія дѣла Франціи. Іюльское правительство полагало, что тѣмъ надежнѣе поведетъ дѣла по своему желанію, если не примкнетъ ни къ одной изъ великихъ партій, на которыя распадались тогда европейскіе народы (§ 781), а изберетъ средній путь, на которомъ должны сойдтись умѣренные люди обѣихъ сторонъ. По этому первые его министры, и въ челѣ ихъ Казиміръ Перье († 16 марта 1832), выработали систему такъ-называемой настоящей средины (juste-milieu) и руководились ею въ своихъ дѣйствіяхъ. За это прозваны они доктринерами и навлекли себѣ укоризну въ томъ, что политика ихъ основана не на дѣйствительной жизни и не на практическомъ соображеніи текущихъ обстоятельствъ, а на самодѣльныхъ теоріяхъ, заранѣе готовыхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, на планѣ разсчитанномъ наперед.

Ихъ господство вскорѣ встрѣтило себѣ прекословіе и смѣлыхъ противниковъ. Прежде всѣхъ зашевелились легитимисты, въ надеждѣ на силу духовенства, стоявшаго съ ними заодно Но ненависть къ Бурбонамъ была еще слишкомъ свѣжа въ сердцѣ общества. Водруженіе бѣлаго знамени въ церкви св. Роха въ день смерти герцога Беррійскаго (15 февр. 1831) возбудило сильное возстаніе, при чемъ разоренъ архіепископскій дворецъ и вся домашняя утварь выкинута оттуда въ Сену. Тогда легитимисты возложили свое упованіе на вѣрную Вандею. Герцогиня Беррійская сама отправилась въ этотъ край, чтобъ возбудить воинственный духъ набожнаго народа къ рыцарскимъ подвигамъ. Но и здѣсь волненіе не имѣло успѣха, а когда герцогиня была арестована (7 ноября 1832), и ея очевидная беременность обнаружила существованіе тайнаго брака, тогда мгновенно исчезло то романтическое обаяніе, которое еще окружало изгнанную королевскую семью. Легитимисты, и во главѣ ихъ маститый поэтъ Шатобріанъ, отложили съ тѣхъ поръ надежду возвести на престолъ своего избранника, герцога Бордосскаго, котораго они величали Генрихомъ V (Henri Quint) и, надувъ губы, заперлись въ Сенъ Жерменскомъ предмѣстьи или помогали своимъ золотомъ республиканскимъ возстаніямъ, въ тщетной увѣренности, что стоитъ лишь произвести переворотъ, и звѣзда ихъ непремѣнно взойдетъ опять на горизонтѣ.—Опаснѣе для іюльскаго трона были отважныя попытки республиканцевъ. Возмущенные мѣрами правительства, которое пускалось въ дипломатическія козни, дѣйствуя съ старыми кабинетами заодно, которое отдавало нѣмецкихъ и итальянскихъ либераловъ на жертву ихъ противникамъ, которое въ самой Франціи подавляло республиканскіе журналы и запрещало всѣ союзы и общества,—республиканцы взялись за оружіе въ Ліонѣ (ноябрь 1831) и, подкрѣпляемые толпами рабочихъ съ шелковыхъ фабрикъ, цѣлую недѣлю держали городъ въ своей власти, пока Сультъ не явился съ значительнымъ корпусомъ и силой не принудилъ ихъ къ покорности. Ихъ паденіе не удержало единомышленниковъ ихъ въ Парижѣ отважиться на подобную попытку. Похоронами либеральнаго генерала Ламарка (5 іюня 1832), составлявшаго съ Лафайеттомъ, Лафиттомъ и друг. ядро оппозиціи, воспользовались для мятежа, который однакожь остался безъ успѣха и навлекъ участникамъ тяжкое наказаніе. Подобный же исходъ имѣло и второе возстаніе въ Ліонѣ, продолжавшееся четыре дня (апр. 1834). Съ тѣхъ поръ и республиканцы не предпринимали болѣе попытокъ насильственнаго переворота; они покорились неодолимой силѣ, но ста-

рались распространять свои взгляды въ журналахъ и тайныхъ обществахъ. Чѣмъ больше ихъ тѣснили и преслѣдовали, тѣмъ болѣе росло ихъ негодованье. Газета National, издаваемая сначала благороднымъ Арманъ Каррелѐмъ, а послѣ того какъ онъ палъ на поединкѣ, — Марраста̀мъ, была многогонимымъ и частокараемымъ о́рганомъ ихъ партіи. Но вскорѣ сами республиканцы раздѣлились на нѣсколько вѣтвей, съ весьма различными направленіями. Въ то время, какъ настоящіе приверженцы республиканскихъ формъ нападали только на существующее государственное устройство, другіе, какъ наприм. Прудо́нъ, утверждали, что и самая собственность не что иное какъ кража, и грозили войною всѣмъ имущимъ, или, какъ Луи Бланъ, льстили эгоизму и самолюбію рабочихъ классовъ, преувеличивая цѣну ихъ заслугъ и ихъ значеніе, проповѣдывали уравненіе труда и капитала (относительно пріобрѣтаемыхъ отъ нихъ выгодъ) и требовали лучшаго вознагражденія и обезпеченія работы путемъ экономической организаціи со стороны государства. Послѣдніе видѣли все благо въ преобразованіи соціальныхъ (общественно экономическихъ) отношеній и усвоивали себѣ системы ко́ммунизма и соціали́зма (§ 810), придуманныя мечтателями или сбившимися съ толку головами. Не постигая громаднаго механизма общежитія, они прилагали ко всему человѣческому обществу узкій масштабъ мастерской или клуба. Быстро разливались коммунистскія и соціальныя идеи; прикрытыя пеленой запретнаго и тайнаго, представлялись онѣ ограниченнымъ умамъ рабочихъ глубокою мудростью и якоремъ спасенія; и какъ образованные классы или не обращали на нихъ вниманія или смѣялись надъ ними, какъ надъ химерами, то, оставаясь неопровергнутыми, онѣ подобно плевеламъ были разсѣяны по всѣмъ странамъ западной Европы, благодаря старанію злонамѣренныхъ смутчиковъ (а иногда и заблуждавшихся добряковъ). Порожденное долгимъ миромъ процвѣтаніе торговли и промышленности подняло благосостояніе имущихъ классовъ, а расширеніе кредитной системы, основанной на довѣріи къ бумажнымъ деньгамъ и документамъ, какъ представителямъ цѣнностей, увеличило богатство многихъ отдѣльныхъ лицъ въ неслыханной степени. Все это, у достаточнѣйшихъ классовъ, повело къ неразлучнымъ съ высокою цивилизаціей блеску и роскоши, которые ослѣпили скудную средствами толпу и породили въ ней мечту о несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя будто бы хранятся у богатыхъ, мечту о невѣроятныхъ барышахъ, будто бы выручаемыхъ негоціантами и хозяевами фабрикъ изъ дѣятельности и потоваго труда нуждающихся во всемъ рабочихъ. Этими обстоятельствами воспользовались очень ловко для того, чтобы необразованные, ограниченные, часто совершенно простые умы низшихъ классовъ народа, тѣснимыхъ матеріальною нуждой и обижающихся своей незавидной долею, осѣтить лжеумственнымъ истолкованіемъ началъ равенства и братства. Ученія эти, равно сподручныя себялюбію и вялости, какъ и дѣйствительной нуждѣ, нашли себѣ плодоносную почву въ возрастающемъ пролетаріатѣ. Ниспроверженіе всего существующаго, уравненіе имуществъ и потребностей, война противъ высшихъ сословій, — вотъ что было цѣлію возникшихъ теперь тайныхъ обществъ; тогда какъ своимъ явнымъ лозунгомъ выставляли они избира́тельную реформу, измѣненіе конституціи. Возбуждающіе ненависть къ зажиточному классу стихи и трогательныя изображенія бѣдствій общественнаго быта еще усиливали народное негодованье: любимымъ предметомъ литераторовъ и романистовъ стали неестественныя положенія, обусловливаемыя гнетомъ господствующихъ вездѣ превратныхъ отношеній. Вѣра въ безсмертіе души и въ небесную награду выставлялась пустой химерою, которою хотятъ только задобрить бѣдняка, лишеннаго своей доли счастья, и отвести ему глаза отъ справедливыхъ притязаній на земное благополучіе; правительство и начальство изображались въ видѣ силою навязаннаго порядка, къ которому нѣтъ собственно никакихъ обязанностей и который держится только до тѣхъ поръ, пока «народъ» не сознаетъ своей силы или не дастъ ей практическаго приложенія:—этими ученіями, коренившимися во Франціи и распространенными оттуда во всѣ края, постепенно подкопана была почва государственнаго зданія. Элементы броженія, годъ отъ года усиливавшіеся въ объемѣ, въ связяхъ и въ организаціи грозили ниспроверженіемъ и бѣдой всему существующему порядку. Руководясь мыслію, что государственный организмъ Франціи держится только благодаря ловкому и разсчетливому уму его главы, члены этихъ тайныхъ обществъ направили свои покушенія на жизнь Людовика-Филиппа, чтобы въ минуту общаго смятенія установить республиканскія политическія формы, а потомъ быстро перейдти къ соціальнымъ преобразованіямъ. Восемь такихъ посягательствъ предпринято было противъ короля одно за другимъ, и всѣ избѣжалъ онъ съ удивительнымъ счастіемъ. Ужаснѣйшимъ изъ нихъ былъ замыслъ Корсиканца Фіэ́ски, приведенный въ исполненіе въ день торжества іюльскихъ дней 1835 года: а́дскою маши́ной, подставленною на бульварахъ, убило тогда 21 человѣка изъ свиты короля, въ томъ числѣ

и стараго маршала Тревизскаго (Мортьѐ). Фіэски и оба его соумышленника погибли на гильіотинѣ, но смерть ихъ не удержала отъ подобныхъ же покушеній другихъ. Алибо, Дармесъ и проч. поплатились за свои попытки кто на плахѣ, кто ссылкою въ дальнія колоніи, и не смотря на то большой, но неудачный мятежъ 1839 г. обнаружилъ и послѣ часть тѣхъ разлагающихъ стихій, которыя бурлили въ глубинахъ общественнаго быта. Высшія сословія равнодушно смотрѣли на затѣи тайныхъ обществъ рабочаго люда; недовольныя мѣрами правительства, они даже пособляли оппозиціи, исходившей изъ этихъ сферъ. Вмѣсто того, чтобъ, руководясь вѣрнымъ взглядомъ на обстоятельства, задобрить средніе классы и привязать ихъ къ существующему порядку благовременными реформами въ либеральномъ духѣ, расширеніемъ правъ и популярными законами, іюльское правительство пользовалось каждымъ покушеніемъ на убійство, каждымъ демократическимъ движеніемъ, только для того, чтобъ ограничивать права, обезпеченныя конституціей и усиливать строгія запретительныя мѣры. Изданные вслѣдствіе покушенія Фіэски сентябрьскіе законы (1835), сковавшіе журналистику взносомъ большихъ денежныхъ обезпеченій и усилившіе тяжесть судебныхъ приговоровъ введеніемъ въ суды присяжныхъ тайной подачи голосовъ и расширеніемъ наказаній противъ отсутствующихъ (in contumaciam), ежеминутно угрожали какъ мечь Дамокла и свободѣ печати, и личной безопасности.—Напрасно, предводимая Одильономъ Барро и другими, лѣвая сторона палаты депутатовъ, поддерживаемая на этотъ разъ полновѣснымъ голосомъ стараго роялистскаго политика и философа Руойѐ Колляра, сопротивлялась этимъ ретроградным мѣрамъ; министерское большинство, увлекаясь химерическимъ убѣжденіемъ, что стремящійся впередъ демократизмъ можно обуздать только страхомъ, и что либеральная журналистика одна виною тому броженію и недовольству, которыя господствуютъ въ низшихъ классахъ, одобряло всѣ мѣры законодательнаго прещенія. Въ полной надеждѣ на большинство голосовъ, пріобрѣтаемое при каждомъ обновленіи палаты произвольнымъ вмѣшательствомъ въ выборы, подкупомъ и тому подобными продѣлками, правительство шло все далѣе по избранной имъ дорогѣ и такимъ образомъ болѣе и болѣе разобщалось съ народомъ; своимъ вліяніемъ на присяжныхъ оно ослабило даже довѣріе къ популярному учрежденію присяжныхъ судовъ. Въ одномъ только случаѣ правительство проиграло свое дѣло передъ этими судами. Въ 1836 г., молодой принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, съ помощью нѣсколькихъ приверженцевъ своего дяди, произвелъ въ Страсбургѣ (30 окт.) попытку низвергнуть іюльскую династію военнымъ возстаніемъ и снова водрузить Бонапартовскіе орлы. Легко совладали съ безразсуднымъ юношей и, не призывая его къ суду, прямо отправили въ Америку. Это произвольное помилованіе произвело такое впечатлѣніе въ народѣ, что на ближайшихъ ассизахъ всѣ соумышленники принца были оправданы присяжными, и когда для лучшаго обезпеченія себя на будущее время, правительство представило палатамъ такъ-называемый разобщительный законъ, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ заговоровъ и возстаній, въ которыхъ участвовали лица гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, только первыя подвергались суду присяжныхъ, а послѣднія судились бы военнымъ порядкомъ, мѣра эта не получила утвержденія. Спустя нѣсколько лѣтъ Людовикъ Наполеонъ повторилъ свою попытку, высадившись изъ Англіи въ Булонь (6 авг. 1840). На этотъ разъ онъ поплатился за свой поступокъ многолѣтнимъ заточеніемъ въ крѣпости, отъ котораго наконецъ освободился удачнымъ бѣгствомъ. Правительство чувствовало себя однакожь столь сохраннымъ отъ нападеній бонапартитской партіи, что отважилось привезти прахъ Наполеона съ острова св. Елены и схоронить его подъ куполомъ дома инвалидовъ (15 дек. 1840). Гораздо болѣе опасался Людовикъ-Филиппъ возрастающей оппозиціи республиканцевъ и клубовъ коммунистскаго и соціальнаго оттѣнка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ старшій сынъ его, популярный герцогъ Орлеанскій, погибъ вслѣдствіе несчастнаго паденія съ экипажа (13 іюля 1842), и тѣмъ потряслась благонадежность престолонаслѣдія. Такъ какъ внукъ короля, ставшій теперь наслѣдникомъ вмѣсто отца, былъ еще въ младенчествѣ, то, на случай кончины Людовика Филиппа до совершенолѣтія молодаго принца, закономъ установлено было регентство и возложено не на благородную мать наслѣдника, герцогиню Елену, урожденную принцессу Мекленбургскую, но на его старшаго дядю, герцога Немурскаго, который былъ далеко не любимъ. А для огражденія себя и своей династіи отъ всякаго неожиданнаго взрыва, король, съ помощію Тьера, настоялъ наконецъ и на исполненіи завѣтнаго своего плана опоясать укрѣпленіями весь Парижъ, будто бы въ защиту отъ внѣшнихъ непріятелей, а въ самомъ дѣлѣ—для подавленія демократическихъ и республиканскихъ движеній. Ибо при строгой централизаціи, вслѣдствіе которой вся политическая дѣятельность сосредоточена въ Парижѣ, тотъ, кто владѣетъ столицей, есть вмѣстѣ и

неоспоримый обладатель всей страны. Громадныя издержки, которыхъ достало бы на покрытіе Франціи обширной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, потребовались на исполненіе этого дѣла, а между тѣмъ нѣсколькихъ дней въ февралѣ 1848 г. довольно было для того, чтобъ доказать, какъ сустна всякая надежда на укрѣпленія и военную силу, если опорою престолу не служитъ народная любовь. Нѣсколько ватагъ рабочихъ и нѣсколько уличныхъ заваловъ (баррикадъ) были бы конечно безсильны вполнѣ ниспровергнуть существующій порядокъ, еслибъ правительство не удалялось, болѣе и болѣе отъ либеральныхъ началъ іюльскаго переворота, не поблажало іезуитамъ и денежной аристократіи, и не оттолкнуло отъ себя большинство средняго сословія,—это ядро всякаго образованнаго народа. Равнодушно смотрѣли на срочное обновленіе палаты, ибо могло ли въ ней измѣниться что-нибудь существенно, когда не цѣлая нація, а только малая частица богатыхъ людей избирала депутатовъ; безучастно узнавали о перемѣнѣ министерствъ: Гизо ли, или Моле стоитъ у кормила правленія, развѣ государственную машину ведетъ не все одна и та же неизмѣнная мысль Людовика Филиппа! Похвалы и заступничество, расточаемыя правительству въ Journal des Dèbats, ослѣпляли только тѣхъ немногихъ, которые пользовались этимъ управленіемъ для своей выгоды; всѣ прочіе читали оппозиціонные журналы и замѣчали съ злорадствомъ, какъ лица, окружавшія іюльскій тронъ, теряютъ мало по малу народное уваженіе и по необходимости отстраняются, какъ «истертыя»; одни радовались громовымъ памфлетамъ, которыми Ламенне, Кормененъ и друг. побивали систему правительства, другіе безподозрительно всасывали тотъ ядъ, который Жоржъ Сандъ (г-жа Дюдеванъ), Евгеній Сю и проч. подносили народу въ видѣ обычной умственной пищи въ своихъ соблазнительныхъ и возбуждающихъ романахъ.

§ 822. Внѣшнія отношенія Франціи. 1) Политическій характеръ. Для большей части государствъ европейскаго материка іюльская революція была электрическимъ ударомъ, который вмѣстѣ съ холерой, проходившей Европу въ противоположномъ направленіи, навелъ страхъ и тревогу на государственныхъ вождей, а высшіе классы внезапно пробудилъ отъ пріятныхъ грезъ, которымъ они предавались среди житейскихъ наслажденій. Въ Нидерландахъ, Польшѣ, Германіи, Италіи зашевелилась недовольная настоящимъ партія либераловъ, и, въ надеждѣ на помощь Франціи, старалась добиться болѣе свободной политической жизни и своевременныхъ реформъ. Опасеніе европейскихъ

державъ затянуться въ войну, которая, при тогдашней возбужденности и раздраженіи партій и при политической зрѣлости народовъ, легко могла перейдти въ борьбу мнѣній и въ междоусобіе, побудило правительства ко многимъ уступкамъ и повело бы къ еще большимъ, еслибъ, съ одной стороны, необузданныя требованія и стремленія либераловъ, соединенныя съ угрозами, заговорами и безразсудными мятежами, не ободрили и не вынудили власти къ дружному сопротивленію, и еслибъ, вскорѣ потомъ, опасенія государей не разсѣялись передъ миролюбивымъ настроеніемъ «гражданина-короля», который старался достичь признанія своихъ правъ на престолъ и на равенство съ другими вѣнчанными главами, не мечемъ, какъ нѣкогда императоръ Наполеонъ, а оружіемъ политики и дипломатіи, какъ «Наполеонъ мира» (Napoléon de la paix). Независимость Бельгійскаго королевства (§ 799) была единственнымъ удачнымъ событіемъ, которое послѣ многолѣтнихъ переговоровъ между министрами на лондонской конференціи, состоялось вслѣдствіе іюльскаго переворота. Польша не нашла сочувствія въ правительствахъ западной Европы, и всѣ заговоры, всѣ попытки къ возстанію, которые предпринимались потомъ разсѣянными повсемѣстно выходцами, которые, посредствомъ тайной пропаганды, хотѣли добиться возстановленія своей народности, — все оканчивалось къ ихъ собственному вреду и только наполняло тюрьмы и мѣста ссылки новыми жертвами. Германскіе государи, подозрѣвая Французовъ въ желаніи присвоить себѣ рейнскую границу, наперерывъ искали благосклонности могущественной своимъ самодержавіемъ Россіи и сами поддавались ея преобладающему вліянію. — Въ Италіи іюльское правительство по крайней мѣрѣ на столько уступило требованіямъ либераловъ, что, занявъ Анкону (1832), оградило этотъ край отъ австрійскаго полновластія и старалось уберечь здѣсь партію прогресса отъ совершенной гибели, которая ей угрожала (§ 803). Шесть лѣтъ оставалась Анкона подъ щитомъ французскихъ войскъ, пока среди прочно водворившагося спокойствія, занятіе это оказалось излишнимъ и было наконецъ прекращено.—Хотя, при миролюбіи короля Французовъ, іюльская революція не имѣла для европейской политики и общественнаго быта тѣхъ потрясающихъ послѣдствій, какихъ опасались отъ нея вначалѣ нѣкоторые заботливые и мрачно смотрѣвшіе на свѣтъ умы (наприм. историкъ Нибуръ); однакожь воинственный духъ французскаго народа все же требовалъ себѣ какого-нибудь поприща, и Людовикъ-Филиппъ нашелъ ему это поприще въ дали отъ Европы. Для этого всего лучше могъ служить Алжиръ, занятый передъ самою

іюльскою революціей, и потому немедленно сдѣланы были распоряженія для дальнѣйшаго покоренія и колонизаціи этого края.

§ 823. 2) Алжиръ. Сколь ни дорого обошлось французской націи обладаніе Алжиромъ, который можно было держать въ покорности только посредствомъ значительныхъ военныхъ силъ, какіе ужасы и кровопролитія ни обрушивались на эту злополучную землю, — для Франціи и для Людовика-Филиппа отдаленная война представляла въ то время величайшія выгоды. Упорная борьба съ храбрыми, распаленными изувѣрствомъ племенами Кабиловъ и Бедуиновъ (т. е. горцевъ и степняковъ) поддерживала въ народѣ мужество и духъ воинственности и доставляла войскамъ удобный случай упражняться въ ратномъ дѣлѣ и устранятъ отъ себя порождаемыя продолжительнымъ миромъ вялость и боязнь военныхъ тревогъ, лишеній и опасностей. Африка представляла французскому правительству сподручное поприще, для удаленія изъ метрополіи множества недовольныхъ и неугомонныхъ людей, которымъ находилось занятіе на чужбинѣ, служившее часто къ ихъ собственному исправленію и всегда къ очевидной пользѣ роднаго края. Мало этого: многіе революціонеры другихъ странъ, послѣ неудачныхъ попытокъ у себя дома, укрывшіеся отъ преслѣдованія во Францію, волей и неволей переплывали Средиземное море и, вступая въ иностранный легіонъ, проливали кровь за чужое завоеваніе. Покореніе Алжира было вовсе не легко, а на водвореніе цивилизующихъ поселеній Французы вообще не очень способны. Совершены были великіе военные подвиги и отважные походы, но управляемый военнымъ генералъ-губернаторомъ край, куда заманчивыми обѣщаніями вызвали колонистовъ разныхъ странъ и націй (особенно Нѣмцевъ), не достигъ цвѣтущаго состоянія. Да и какъ было преуспѣвать тамъ гражданственности въ то время, когда французскія войска не могли оградить воздѣлываемыхъ поселенцами полей пшеницы и кукурузы отъ разорительныхъ набѣговъ хищныхъ бедуинскихъ ордъ? когда съ трудомъ построенная хижина и едва взрощенное плодовое деревцо при первомъ случаѣ становились жертвою пожара? Провинція Африка, которая во времена Римской имперіи была одною изъ самыхъ богатыхъ, цвѣтущихъ и обработанныхъ странъ міра, съ великолѣпными городами, знаменитыми училищами, съ зажиточнымъ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ, эта страна и подъ владычествомъ Французовъ не вышла изъ того варварскаго состоянія, въ какое повергли ее хищныя магаммеданскія племена. Новые завоеватели не могли ни на минуту отложить оружіе, потому что въ лицѣ эмира Абдъ эль Кадера они нашли себѣ такого же противника, какого Римляне имѣли нѣкогда въ лицѣ Югурты (§ 184). Хитрый и предпріимчивый, неистощимый на планы и средства, сильный безпредѣльнымъ уваженіемъ къ нему туземцевъ, въ качествѣ предводителя и духовнаго лица (марабута), и превосходя иноплеменниковъ знаніемъ края и характера жителей, Абдъ-эль-Кадеръ счастливо и успѣшно сопротивлялся Французамъ многіе годы, и если въ текущемъ году могущество его представлялось вполнѣ сокрушеннымъ и близкимъ къ паденію то въ слѣдующемъ онъ снова выступалъ въ полѣ съ удвоенною силой. Послѣ многихъ битвъ, веденныхъ съ перемѣннымъ счастіемъ въ губернаторство Клозеля (1834—1837), при чемъ Французы дважды потерпѣли пораженіе (при Мактѣ и при Тафнѣ), но за то выжгли столицу эмира, городъ Маскару, удалось наконецъ генералу Бюжо, заслужившему своими подвигами въ Африкѣ маршальскій жезлъ и титулъ герцога (Ислійскаго—за побѣду при Исли), вынудить у предпріимчиваго вождя, въ силу мира при Тафнѣ (30 мая 1837), признаніе верховной власти Французовъ надъ алжирскою областью. Но когда вслѣдъ за тѣмъ Французы направили свои силы на востокъ, въ провинцію Константину и, взявъ главный городъ приступомъ (13 окт. 1837, тутъ погибъ геройскою смертью храбрый генералъ Дамремонъ), постепенно заняли этотъ край подъ начальствомъ маршала Валé,—Абдъ-эль Кадеръ воспользовался этимъ временемъ для покоренія себѣ всѣхъ арабскихъ племенъ, жившихъ къ югу отъ его области до самой пустыни, и тѣмъ чрезвычайно возвысилъ свою власть. Летучій набѣгъ, предпринятый маршаломъ Валé къ ущелью «Желѣзныя ворота», эмиръ почелъ за оскорбленіе его территоріи и снова поднялъ «священную войну» противъ христіанскихъ вторженцевъ. Колоніи Европейцевъ на открытыхъ мѣстахъ подверглись нападенію и разоренью; въ долинѣ Метиджи отаборились 40,000 Арабовъ и простирали свои набѣги до самыхъ воротъ Алжира; плоды всѣхъ битвъ и усилій были, повидимому, совсѣмъ потеряны, — какъ вдругъ главное начальство въ Африкѣ передано было Бюжо и тамошняя армія пріумножена новыми корпусами. Съ помощью храбраго генерала Ламорисьера и другихъ прозорливыхъ вождей, удалось ему сломить могущество Абдъ эль-Кадера тѣмъ, что безпрерывными набѣгами (рацціями) и весьма дѣйствительными у Арабовъ подкупами онъ утомлялъ отдѣльныя арабскія племена и побуждалъ ихъ

отложиться, а между тѣмъ болѣе значительными экспедиціями старался истреблять силы эмира, подрывалъ общее къ нему уваженіе разореніемъ его крѣпостей и опорныхъ пунктовъ (Сайда) внутри края и лишалъ его всѣхъ вспомогательныхъ средствъ (1842). По вторичномъ взятіи Маскары большая часть кабильскихъ племенъ отпала отъ Абдъ эль-Кадера и покорилась Французамъ, и самъ эмиръ былъ наконецъ вынужденъ спастись бѣгствомъ въ марокканскіе предѣлы. Но, неистощимый въ пріисканіи способовъ и неутомимо дѣятельный, успѣлъ онъ составить новые военные планы, основанные на религіозной враждѣ могаммеданъ и на шаткости невѣрныхъ Кабиловъ. Опять явился онъ на окраинѣ пустыни, опять побудилъ Арабовъ къ возстанію и возобновленію войны, и когда, послѣ многократныхъ пораженій, былъ вторично принужденъ искать спасенія на марокканской почвѣ, то, какъ нѣкогда Югурта у царя Бокха въ Мавританіи, употреблялъ всѣ хитрости, чтобы подвигнуть владыку Марокка на войну съ Французами, и старался поднять противъ нихъ разомъ всѣхъ могаммеданъ, разжигая въ нихъ и религіозную ненависть, и племенную, кровную вражду. Французы, съ своей стороны, раздраженные вѣроломствомъ туземцевъ, повели теперь войну безпощадно и жестоко, мечемъ и огнемъ завоевывая себѣ почву для колонизаціи. Общій голосъ негодованія раздался въ цѣлой Европѣ противъ страшной системы, которая нашла себѣ защитника только въ военномъ министрѣ, старомъ маршалѣ Сультѣ, который всю жизнь свою никогда не оказывалъ пощады и человѣколюбія. Однакожь система ужаса дѣйствительно принесла тотъ плодъ, что, всѣми покинутый и всюду опасаясь за свою жизнь и свободу, Абдъ-эль-Кадеръ покорился наконецъ Французамъ, выговоривъ себѣ свободный пропускъ въ Египетъ (декабрь 1847). Правительство «образованнѣйшей изъ всѣхъ націй» не утвердило договора заключеннаго самимъ сыномъ короля, но велѣло привезти Абдъ-эль-Кадера съ его семействомъ и свитою во Францію, гдѣ его нѣсколько лѣтъ держали подъ строгимъ надзоромъ, пока Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, достигнувъ императорской власти, не отпустилъ его, съ блистательными проводами, въ малоазійскій городъ Бурсу.

§ 824. 3) Востокъ. Обладаніе Алжиріей особенно важно для Французовъ потому, что имъ обусловливается участіе ихъ въ господствѣ надъ Средиземнымъ моремъ [1] и вліяніе на восточныя дѣла. Фран-

[1] Благодаря Алжиріи, политическое значеніе Гибралтара, въ рукахъ Англичанъ, утратило прежнюю свою цѣну. Обладаніе этой неприступной крѣпостью важно теперь только, какъ главная точка опоры для обширной англійской контрабанды въ Испаніи.

ція изстари держалась той политики, чтобъ состоять въ ладахъ съ могаммеданскими державами Востока и сохранять свое вліяніе на ходъ тамошнихъ дѣлъ; особенно не теряла она изъ виду Египта, съ тѣхъ поръ какъ ее сблизило съ нимъ достопамятное предпріятіе Наполеона (§ 737). Въ случаѣ паденія дряхлой Оттоманской порты, Франція естественно разсчитываетъ на свою долю въ дѣлежѣ, и тогда что можетъ быть для нея сподручнѣе плодоноснаго Нильскаго края, который, въ связи съ Алжиріей и другими дальнѣйшими пріобрѣтеніями, составитъ державу, способную поспорить въ значеніи съ англійскою Индіей? Этотъ темный, отдаленный планъ, быть-можетъ и побудилъ Людовика Филиппа и его министровъ вступить въ такую дружескую связь съ жестокимъ, тираническимъ Мегемедомъ Али и его воинственнымъ сыномъ, Ибрагимъ-пашею. Мегемедъ-Али, Македонецъ низкаго происхожденія, послѣ самой треволненной юности достигъ сана паши въ Египтѣ. Здѣсь началъ онъ съ того, что хитростью, убійствомъ и насиліемъ уничтожилъ господство Мамелюковъ, погубивъ ихъ вождей, потомъ, съ помощью европейскихъ, особенно французскихъ совѣтчиковъ, устроилъ систему правительства, въ которой европейская цивилизація страшно сочеталась съ деспотизмомъ Востока. Неслыханнымъ гнетомъ податей и распоряженіемъ предоставлять ему всѣ произведенія почвы за опредѣленную цѣну онъ довелъ собственниковъ-крестьянъ (феллаховъ) до отчаяннаго положенія, такъ что они предпочли уступить ему свою податную недвижимость и обработывать ее въ качествѣ его поденьщиковъ и рабовъ, что превратило почти весь Египетъ въ одну огромную маетность властелина. Тогда ввелъ онъ тамъ европейскую промышленность, которая обогащала его болѣе и болѣе въ явный ущербъ народу, велѣлъ усадить всю землю хлопчатникомъ, а сбытъ хлопка предоставилъ одному себѣ; изъ европейскихъ же учрежденій водворялъ у себя именно тѣ, которыя, какъ наприм. полицейское устройство и конскрипція, опутывали народъ все стѣснительнѣйшими узами, или еще тѣ, которыя придавали государству оттѣнокъ цивилизаціи и которыми можно было блеснуть передъ заѣзжимъ чужестранцемъ: таковы сочиненіе новаго уложенія по французскому образцу, учрежденіе высшаго училища, заведеніе типографіи, газеты и т. под. Въ надеждѣ на свою значительную сухопутную и морскую силу, также устроенную на французскій ладъ, онъ отказалъ Турецкому султану въ положенной дани и началъ расширять свою область во всѣ стороны. Онъ покорилъ Нубію

и Кордофанъ, гдѣ началъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ торговать неграми, и помогалъ своему сыну, Ибрагиму, въ завоеваніи Сиріи и Палестины. Не смотря на объявленную Мегемеду-Али опалу со стороны Порты, Ибрагимъ побѣдоноснымъ походомъ покорилъ себѣ Сирію и согласился потомъ на миръ, улаженный европейскими державами и предоставлявшій ему управленіе завоеваннымъ краемъ подъ верховной властію султана. Не довольный этимъ, Мегемедъ Али, стремился къ учрежденію независимой отъ Порты наслѣдственной монархіи, которая обнимала бы собою Египетъ, Сирію, остр. Критъ и другія завоеванныя земли; съ этой цѣлію отрекся онъ отъ всякой дани султану. Тогда снова запылала война (1839—1841). Уже турецкая армія была наголову разбита Ибрагимъ пашею при Низибисѣ, и вѣроломный капитанъ паша передался со всѣмъ турецкимъ флотомъ непріятелю; поддерживаемый Франціей, Мегемедъ предъявлялъ самыя дерзкія требованія Портѣ, какъ вдругъ четыре великія державы, соединясь помимо Франціи въ такъ называемый четверной союзъ, заступились за султана. Сколько ни протестовалъ противъ всякаго вмѣшательства французскій кабинетъ, руководимый тогда воинственнымъ Тьеромъ, сколько ни пугалъ онъ союзниковъ общеевропейскою войной,—когда Англичане подвергли бомбардировкѣ Бейрутъ и стали угрожать обложеніемъ Александріи, Мегемедъ-Али согласился на условія мира, предложенныя европейскими державами и обезпечившія ему и его потомкамъ наслѣдственное управленіе Египтомъ и Нубіей, съ обязательствомъ платить дань султану, которому онъ долженъ былъ возвратить притомъ Сирію, Критъ и его флотъ. Миролюбіе Людовика Филиппа не допустило осуществиться угрозамъ его министра, которыя только вызвали на время воинственное одушевленіе въ Германіи и внушили поэту Бекеру его извѣстную Рейнскую пѣснь.

§ 825. Отаити. Мелочной, руководимой завистью къ Англичанамъ, политики держалась Франція на Отаити, одномъ изъ Товарищескихъ острововъ. Этотъ островъ, на которомъ жилъ безвредный, простодушно-дикій народецъ, благодаря вольному общенію съ Европейцами [1], скоро пришелъ въ нравственный и физическій упадокъ; болѣзни, пороки и ужасное идолослуженіе тяготѣли надъ жителями, пока англійскіе миссіонеры, введеніемъ христіанства, не насадили

[1] То-есть, съ матросами приставшихъ туда кораблей и разною, случайно заброшенною сволочью.

тамъ сѣмени нравственнаго обновленія, и пока учрежденіе общественнаго порядка, основаннаго на европейскихъ понятіяхъ, не стало замѣнять исчезнувшій первоначальный бытъ благами гражданственности. Въ двадцатыхъ годахъ Отаити былъ уже христіански цивилизованною землею; и если духовное его состояніе, порожденное методистскимъ ханжествомъ и пуританскою строгостью англійскихъ миссіонеровъ, не представляло на безпредубѣжденный взглядъ ничего утѣшительнаго, то все же оно было лучше предшествовавшаго быта, въ которомъ всѣ пороки цивилизаціи сливались съ грубой чувственностью дикарей. Вдругъ явились туда католическіе миссіонеры подъ защитой французскаго консула (1835), принялись вытѣснять протестантизмъ папежствомъ и посѣяли сѣмена раздора и религіозной вражды. Тщетно королева Помаре, преданная Англичанамъ и ихъ вѣрѣ, прогнала католическихъ миссіонеровъ съ своего острова (1836); два года спустя, нѣсколько французскихъ кораблей привезли назадъ этихъ проповѣдниковъ и вынудили себѣ разрѣшеніе на постройку католическихъ церквей, а чтобы придать своему дѣлу больше прочности, они старались заодно съ французскимъ консуломъ поставить островъ подъ покровительство своей державы (1842). Людовикъ-Филиппъ (конечно въ угоду доховенству) малодушно согласился на просьбу, вымышленную у нѣсколькихъ старшинъ, и не смотря на прекословіе королевы (которая, по совѣту англійскаго консула Причарда, повелѣла снять французскій флагъ, но за то была отрѣшена французскимъ адмираломъ Дюпёти-Туаромъ отъ верховной власти) и на протестацію Англіи, указалъ принять островъ подъ французскій протекторатъ. Съ тѣхъ поръ господствовали тамъ вражда и смуты. Королева удалилась на другой островъ, а Отаитяне, подстрекаемые англійскими миссіонерами, продолжали противиться покровительству Французовъ [1].

2. ПИРЕНЕЙСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

§ 826. Борьба мнѣній въ Испаніи. Испанія и Португалія, остались и послѣ іюльской революціи поприщемъ жаркой вражды партій. Хотя огромное большинство народа имѣло еще мало смысла къ предста-

[1] Такъ какъ, по настоянію Англіи, французское правительство не признало полнаго занятія острова адмираломъ Дюпёти-Туаромъ, и ограничилось однимъ протекторствомъ, то этотъ въ сущности ничтожный случай поднялъ во Франціи цѣлую бурю негодованія противъ слабости іюльскаго правительства и противъ колебаній министерства Гизо.

вительнымъ учрежденіямъ, къ общинному и муниципальному устройству и къ гражданскому порядку вообще; хотя, благодаря своей чувственной натурѣ и своимъ романтико-рыцарскимъ наклонностямъ и привычкамъ, оно скорѣе увлекалось какою-нибудь храброю военною личностью, смѣлымъ полководцемъ или атаманомъ разбойниковъ, нежели конституціонными формами и парламентскими преніями; хотя могущественное вліяніе бѣлаго духовенства и монаховъ на невѣжественный и суевѣрный народъ вовсе не благопріятствовало свободному политическому развитію; однакожь, не смотря на то, всѣ формы новѣйшей государственной жизни, начиная съ демократической республики до «апостолическаго» абсолютизма, находили себѣ приверженцевъ и поборниковъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Низшіе классы народа, особенно поселяне и горцы, слѣдовавшіе безъ всякаго разбора и политическаго пониманія внушеніямъ духовенства, крѣпко держались старыхъ іерархическихъ и монархическихъ учрежденій и служили аристократіи и клиру орудіемъ для сохраненія и обороны старины противъ преобразовательныхъ стремленій либераловъ; тогда какъ просвѣщенное городское сословіе, классъ ученыхъ и образованныхъ, а равно и многіе изъ армейскихъ офицеровъ, стояли за принятыя отъ Франціи убѣжденія, желая, чтобъ королевская власть была и ограничена и вмѣстѣ подкрѣплена участіемъ народныхъ представителей въ жизни государства и отвѣтственностью министровъ передъ палатами. Пока жилъ на свѣтѣ Фердинандъ VII, конституціонная партія постоянно была въ загонѣ и притѣсненіи, потому что король никогда не забывалъ своего гнѣва на кортесовъ и либераловъ. Даже и іюльская революція, сильно поднявшая надежды гонимыхъ, не произвела никакой существенной перемѣны въ ихъ положеніи. Правда, собралось нѣсколько сотъ выходцевъ около Мины, поспѣшившаго изъ Англіи, и отважилось на вооруженное вторженіе въ испанскіе предѣлы, но, покинутые Франціей и стѣсненные со всѣхъ сторонъ королевскими войсками, они не успѣли въ своемъ замыслѣ и только еще болѣе усилили прежнее гоненіе и гнетъ. Печальнѣйшій исходъ имѣло предпріятіе генерала Торрихоса, который съ небольшой дружиною вѣрныхъ высадился въ южной Испаніи и поднялъ было знамя кортесской конституціи (мартъ 1831), а равно и возникшій тогда съ тою же цѣлью заговоръ между нѣкоторыми изъ старыхъ моряковъ въ Кадиксѣ. Побѣжденный высланною противъ него превосходною силой, Торрихосъ вмѣстѣ съ 54 своими товарищами поплатился за смѣлость позорной смертью. Лучшее время для конституціоналистовъ наступило лишь тогда, когда лицемѣрный король сошелъ въ могилу.

§ 827. Борьба Христиносовъ съ Карлистами. За нѣсколько мѣсяцевъ до іюльскихъ дней, четвертая супруга Фердинанда, Марія-Христина неаполитанская, успѣла склонить мужа, чтобы, силою своей королевской власти, онъ издалъ фамильное постановленіе («прагматическую санкцію» 29 марта 1836), которымъ отмѣнялся существовавшій во всѣхъ бурбонскихъ державахъ салическій законъ, исключающій женщинъ отъ престолонаслѣдія, и тѣмъ самымъ обезпечивалось вступленіе на тронъ родившейся въ томъ же году (10 окт.) дочери ихъ Изабеллы (что впрочемъ допускалось и по древнекастильскому законодательству). Перемѣна эта не понравилась апостолической партіи, которая всѣ надежды свои возложила на меньшаго Фердинандова брата, Донъ-Карлоса, ожидая отъ чаемаго воцаренія его золотыхъ дней для приверженцевъ абсолютизма. Она побудила Донъ-Карлоса протестовать противъ всякаго акта, который могъ бы лишить принца подобающаго ему въ извѣстномъ случаѣ наслѣдованія престоломъ, и воспользовалась минутою, когда король впалъ въ физическое и умственное изнеможеніе, предвѣщавшее близкую смерть, чтобы черезъ покупное посредство одной придворной дамы выманить у него отмѣну прагматической санкціи. Но Фердинандъ оправился снова и, возмущенный вѣроломною продѣлкой, какую сыграли съ нимъ его приближенные, изгналъ своего брата, созвалъ стародавніе кортесы и получилъ отъ нихъ утвержденіе своего фамильнаго устава. Но едва смежилъ онъ глаза (29 сент. 1833), какъ сильная связями апостолическая партія подняла знамя междоусобной войны и провозгласила королемъ Донъ-Карлоса подъ именемъ Карла V (отсюда карлисты). Она нашла себѣ поддержку въ сѣверныхъ областяхъ, именно у суровыхъ, энергическихъ горцевъ Баскскихъ провинцій, которые возставали противъ конституціи кортесовъ за то, что ею нарушались ихъ старинныя права и льготы (фуэросы). Возбуждаемые попами и монахами и подъ начальствомъ смѣлыхъ и предпріимчивыхъ вождей (Сумалакаррегуи и Кабреры), храбрые Баски подняли мечь за абсолютнаго короля, который поспѣшилъ къ нимъ изъ своего изгнанія (3 окт. 1833). Для успѣшнаго противодѣйствія возставшимъ, королева Марія-Христина, призванная къ регентству до совершеннолѣтія дочери своей Изабеллы, старалась привязать къ своему дѣлу партію либераловъ и конституціоналистовъ; она утвердила

свой тронъ на конституціи кортесовъ, разрѣшила бѣглымъ и ссыльнымъ возвратъ на родину, даровавъ имъ амнистію (всепрощеніе), и призвала въ министерство и во главу арміи свободномыслящихъ людей (въ томъ числѣ давно гонимаго Мартинеса де ла-Розу—извѣстнаго поэта и писателя, Торено, прославившагося своей исторіей войны за независимость † 1843, и генерала Мину). Такимъ образомъ споръ за престолъ превратился въ междоусобіе и въ борьбу мнѣній. Карлисты стояли за древнеиспанскія учрежденія, за прежній союзъ трона и алтаря противъ свободы, за прирожденную законность и господство іерархіи. На ихъ сторонѣ были всѣ абсолютныя державы, итальянскіе дворы, Донъ-Мигель и его приверженцы въ Португаліи, высшая аристократія всей Европы и горсть романтическихъ поклонниковъ средневѣковаго быта и дарованнаго свыше королевскаго полновластія. Христиносы боролись за конституціонный порядокъ, гражданскую свободу и равноправность, за блага, пріобрѣтенныя революціей, за уничтоженіе поповской власти и правительства камарильи. Они нашли защитниковъ въ лицѣ Франціи и Англіи, въ Маріи-да Глоріи португальской, въ просвѣщенномъ среднемъ сословіи, въ конституціоналистахъ и либералахъ всей Европы. Такъ возгорѣлась кровавая, семилѣтняя война, ознаменовавшаяся убійствомъ, грабежемъ, разореніемъ и всѣми ужасами, къ какимъ только могутъ увлечь политическій и религіозный фанатизмъ, кипучая южная страсть и ненасытная у Испанцевъ жажда мести. Войска королевы были многочисленнѣе противниковъ, за то послѣдніе тѣмъ обильнѣе снабжались деньгами изъ-за границы, а спѣшившіе къ нимъ изъ разныхъ странъ охотники (волонтеры) внесли въ ряды карлистовъ порядокъ и военную дисциплину. Притомъ энергія героя Сумалакаррегуи рѣзко выдавалась передъ неспособностью и неумѣньемъ большей части христиносскихъ начальниковъ; въ числѣ ихъ не былъ исключеніемъ и самъ престарѣлый Мина, который еще не задолго до своей смерти (24 дек. 1836) запятналъ свою прежнюю славу безчеловѣчной жестокостью. А когда Сумалакаррегуи былъ смертельно раненъ подъ Бильбао (17 іюня 1835), то во главѣ мятежниковъ сталъ, бѣжавшій изъ университета, даровитый юноша Кабрера, и умѣлъ держаться противъ королевскихъ войскъ и ихъ малоусердныхъ союзниковъ. Только къ концу тридцатыхъ годовъ наступила перемѣна. Христиносы пріобрѣли способнаго полководца въ лицѣ Эспартеро, тогда какъ въ станѣ ихъ противниковъ произошелъ разладъ. Баскскіе инсургенты, недовольные бездарностію, слабоуміемъ и фанатическою жестокостью претендента Донъ-Карлоса, отдѣлили свое дѣло отъ его и стремились только къ обезпеченію своихъ фуэросовъ. Предпріимчиваго и хитраго вождя нашли они въ Марото, который, умѣвъ поддержать довѣріе къ себѣ въ мрачномъ, подозрительномъ инфантѣ, вступилъ между тѣмъ въ сношенія съ Эспартеро, и заключилъ съ нимъ наконецъ Бергарскій договоръ (31 авг. 1839), постановившій, что инсургенты сложатъ оружіе, а Эспартеро исходатайствуетъ имъ амнистію и подтвержденіе баскскихъ и наварскихъ фуэросовъ. Напрасно Донъ-Карлосъ издалъ воззваніе, въ которомъ объявилъ Марото измѣнникомъ; значеніе его исчезло, и надежды его приближенныхъ упали до того, что большая часть его офицеровъ и до 300 священниковъ укрылись во Францію, вслѣдствіе чего и онъ съ своимъ семействомъ прибѣгнулъ подъ защиту французскаго правительства. Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Буржѣ (до 1845) подъ полицейскимъ надзоромъ, уступивъ всѣ притязанія свои старшему сыну (графу Монтемолину), получилъ онъ разрѣшеніе отправиться въ Италію, гдѣ и провелъ свою остальную жизнь; 10 марта 1855 г. онъ умеръ въ Тріестѣ. — Въ Каталоніи карлисты продолжали борьбу еще одинъ годъ, пока, побѣжденные генераломъ Эспартеро, не были также вынуждены искать убѣжища во Франціи. До 30,000 человѣкъ перешли подъ начальствомъ Кабреры за Пиренеи и, терпя крайнюю нужду во всемъ, обратились къ помощи сосѣдняго народа.

§ 828. Борьбы партій и придворныя козни. Вскорѣ потомъ Эспартеро, пожалованный въ герцоги Витторія, явился спасителемъ правъ испанскаго народа отъ коварныхъ козней двора и дипломатическихъ уловокъ партіи застоя. Дѣло въ томъ, что королева-мать Христина, женщина чувственная, страстная и себялюбивая, была далека отъ того, чтобъ удовлетворить потребность народной свободы благовременными преобразованіями. Она воспользовалась картесами только для того, чтобъ отстранить инфанта Донъ-Карлоса со всѣмъ его потомствомъ отъ престолонаслѣдія и отобрать все имущество его въ казну; впрочемъ же, вѣрная наставленіямъ и примѣру друга своего, Людовика-Филиппа, она управляла по старому и оскорбила чувство чести народной беззакрытной связью съ прекраснымъ собою каммергеромъ Муньіосомъ (герцогомъ Піансаресъ), котораго наконецъ и избрала себѣ въ мужья. Во многихъ городахъ произошли волненія; монастыри были разорены, монаховъ преслѣдовали и убивали, совершались всякаго рода ужасы (1835); весь край громко требовалъ конституціи

туціи двѣнадцатаго года (§ 757). Регентша старалась укротить бурю смѣною министровъ и разными уступками, но оппозиція кортесовъ была такъ сильна, что правительство должно было многократно прибѣгать къ распущенію палаты; вся нація раздѣлялась теперь уже не на либераловъ и раболѣпцевъ, а на восторженныхъ (эксальтадосовъ, прогрессистовъ) и умѣренныхъ (модерадосовъ). Первые неотступно требовали конституціи 1812 г. (съ одной палатой), и когда Христина объявила за это Мадридъ въ осадномъ положеніи и распустила національную гвардію, тогда отрядъ этого гражданскаго ополченія двинулся въ Ла-Гранху (Сантъ-Ильдефонсо, августъ 1836), мѣсто пребыванія королевы, и принудилъ ее снять осадное положеніе, возстановить національныхъ гвардейцевъ и ввести требуемую конституцію до тѣхъ поръ, пока вновь созванное учредительное собраніе не дастъ инаго государственнаго устава. Послѣдній состоялся въ слѣдующемъ году, при чемъ однокамерная система замѣнена была двухкамерною и допущены нѣкоторыя другія отступленія отъ конституціи 1812 г.; но вскорѣ обнаружилось очень ясно, что королева, не смотря ни на какія обѣщанія, вовсе не желаетъ управлять конституціоннымъ порядкомъ. Съ помощью многократныхъ распущеній палаты и всякихъ козней при выборахъ ввела она партію умѣренныхъ въ кортесы и въ правительство (1839) и издала непопулярный законъ объ общинномъ управленіи. Въ Мадридѣ и въ разныхъ другихъ городахъ произошли тогда возстанія и образовались хунты, что вынудило регентшу назначить первымъ министромъ главу восторженныхъ, Эспартеро, и поручить ему составленіе кабинета. 16 сент. 1840 г. герцогъ Витторія имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу и тотчасъ потребовалъ отъ королевы отмѣны общиннаго устава, удаленія камарильи и распущенія кортесовъ. Оскорбленная въ своей властительской гордости и будучи не въ силахъ отвергнуть эти требованія, регентша сложила съ себя свой санъ и отправилась во Францію (окт.), послѣ чего новоизбранные кортесы назначили регентомъ самого Эспартеро (8 мая 1841). Управленіе регента, благопріятное для промышленности и торговли, было кратковременно. Козни королевы Христины, поддерживаемой со стороны Франціи и обладающей огромными денежными средствами, зависть противниковъ, умножавшихся болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, и ненависть, какую навлекъ себѣ англолюбивый герцогъ и его приверженцы (прозванные англо-аякучосъ) кровавымъ

подавленіемъ всѣхъ возстаній въ Барселонѣ, Мадридѣ и другихъ мѣстахъ, затрудняли ему управленіе, и когда, ко всему этому, онъ еще разссорился съ папою и съ духовенствомъ, то край пришелъ въ такое сильное броженіе, что Эспартеро не могъ долѣе держаться. Когда преданный Христинѣ и обильно снабженный деньгами генералъ Нарваэсъ высадился въ Валенсіи и пошелъ съ многочисленнымъ войскомъ на столицу, Эспартеро отступилъ съ своими силами въ Сіэрру Морену, а потомъ, узнавъ тамъ о сдачѣ Мадрида, поспѣшилъ въ Кадиксъ, откуда отправился въ Англію (30 іюля 1843). Паденіе регента и преслѣдованіе аякучосовъ было торжествомъ французской политики надъ англійскою. Вскорѣ потомъ молодая королева Изабелла была объявлена совершеннолѣтнею; Нарваэсъ, строго подавившій нѣсколько возстаній возведенъ въ герцоги Валенсія и въ первые министры, а Марія-Христина снова призвана въ Испанію. Съ тѣхъ поръ господствовала въ Мадридѣ французская система, и хитрый умъ Людовика-Филиппа опуталъ Испанію, такъ же какъ и Францію, сѣтями своей противународной и враждебной свободѣ политики. По французскому внушенію Марія Христина и достигшая опять силы партія умѣренныхъ измѣнили конституцію въ пользу королевской власти, самодержавіе народа было устранено, свобода печати ограничена, и съ папскимъ дворомъ начаты переговоры о конкордатѣ. Но вѣнцомъ политики Людовика Филиппа былъ уланженный имъ подъ рукой двойной испанскій бракъ. Европейская дипломатія цѣлые годы хлопотала о томъ, чтобъ пріискать молодой Испанской королевѣ подходящаго супруга, который не поперечилъ бы интересамъ ни одной изъ великихъ державъ, и для этого предлагала то неаполитанскаго принца (графа Трапани), то графа Монтемолина, то иныхъ туземныхъ и иностранныхъ соискателей; а Людовикъ-Филиппъ, заодно съ Маріей-Христиной, устроилъ между тѣмъ такъ, что избалованная королева выдана была замужъ за своего двоюроднаго брата, Франсиска д'Ассисъ (сына старшаго брата Донъ-Карлоса), и въ то же время младшая ея сестра отдала руку, а вмѣстѣ и ближайшія притязанія на испанскій престолъ, меньшому сыну Людовика Филиппа, герцогу Монпансье. Этотъ бракъ, уланженный ради корыстныхъ цѣлей кознями французскаго короля и королевы матери, вскорѣ оказался пагубнымъ, не говоря уже о томъ, что онъ посѣялъ замѣтную непріязнь между англійскимъ и французскимъ кабинетомъ. Молодая королева скоро соскучились своимъ мужемъ. Она отдалилась отъ него совер-

шенно и отдала свое расположеніе одному изъ восторженныхъ, генералу Серрано. Придворныя сплетни и наушничество еще усилили разладъ и взаимное отвращеніе супруговъ, и хотя Марія Христина сочла за лучшее уклониться отъ народной ненависти и отправилась съ своимъ мужемъ во Францію, однакожь раздоръ у молодой королевской четы длился еще долго.

§ 829. Португалія. Такое же направленіе какъ въ Испаніи, приняли и португальскія дѣла съ тѣхъ поръ, какъ Донъ-Мигель покинулъ этотъ край и управлять имъ стала конституціонная королева Марія-да-Глорія, съ помощью кортесовъ; разница была только та, что въ Португаліи преобладало не французское, а англійское вліяніе. Португальцы также распались на многія партіи съ самыми разнообразными политическими убѣжденіями; республиканцы и абсолютисты составляли меньшинство, но и сами приверженцы конституціоннаго порядка разногласили между собою въ томъ отношеніи, что одни держались болѣе либеральныхъ мнѣній, другіе болѣе умѣренныхъ; при этомъ, точно также какъ и въ Испаніи, господствовалъ сильный недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ, и королева, подобно Маріи-Христинѣ, обнаруживала наклонность къ неограниченной власти и явное нерасположеніе къ правамъ народнаго представительства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ ранней кончины любимаго народомъ перваго супруга королевы, Августа Лёйхтенбергскаго (1836), второй супругъ ея, Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій, сталъ благопріятствовать аристократическимъ началамъ. Состоящая изъ дамъ и царедворцевъ камарилья также не преминула оказать здѣсь зловреднаго вліянія. Многократное распущеніе палатъ (особенно за отказъ предоставить царственному супругу главное военачальство) уже привело народъ въ волненіе, когда вѣсть о томъ, что произошло въ Ла-Гранхѣ, вызвала подобныя же сцены въ Португаліи. 9 сентября 1836 г. раздался со всѣхъ сторонъ роковой кличъ: «да здравствуетъ конституція 1820 года!» Вскорѣ Марія-да-Глорія была вынуждена уступить бурѣ, увидѣвъ, что большая часть войскъ примкнула къ народной партіи. Она признала демократическую конституцію и назначила новое министерство изъ «сентябристовъ». Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, подъ вліяніемъ дипломатическихъ и аристократическихъ внушеній, она обнародовала прокламацію изъ Белема, которою взяла всѣ уступки свои назадъ и объявила, что будетъ держаться (не столь либеральной) хартіи Донъ-

Педро, тогда національные гвардейцы подняли оружіе и вынудили созывъ учредительныхъ кортесовъ, которые и утвердили конституцію 1820 г., смягченную однако введеніемъ двухкамерной системы и предоставленіемъ коронѣ безусловнаго veto (т. е. права отвергать одобренный палатами законъ). Напрасно дворъ и аристократія, съ помощію Англіи, старались ниспровергнуть новоучрежденный порядокъ (1837); возбужденныя въ пользу хартіи Донъ-Педро народныя движенія были подавлены, и конституція, которой умѣренная форма не нравилась впрочемъ и крайней партіи (экзальтадосамъ), была окончательно принята и утверждена присягой. Однакожь Португальцы все еще не добились прочнаго спокойствія. Умѣренные и крайніе съ возрастающей яростью спорили между собою за власть и за господство своихъ убѣжденій. Въ 1842 г. восторжествовала первая партія и назначила министерство, которое, съ герцогомъ Терсейрой во главѣ, управляло по конституціи Донъ-Педро; гнетъ правительства и постоянно возрастающее безденежье [1] вызвали вскорѣ новые мятежи и частыя смѣны министерства, но на народное благо при этомъ мало обращалось вниманія. Наконецъ враждебная свободѣ администрація Терсейры и Косты Кабраля возбудила въ цѣломъ краѣ такое волненіе, что тронъ королевы былъ въ опасности, и Донья Марія рѣшилась наконецъ вручить кормило правленія любимому и уважаемому народомъ, герцогу Пальмельѣ (авг. 1846). Но такъ ненавистна была двору демократически-конституціонная система, что на слѣдующій же годъ Пальмелья былъ свергнутъ дворцовою революціей и посаженъ подъ стражу, а правительственный порядокъ измѣненъ. Такъ, увлекаясь страстями и предразсудками и руководясь внушеніями аристократической партіи, королева дерзостно играла спокойствіемъ цѣлой страны, народнымъ благостояніемъ и безопасностью престола. Когда она скончалась въ 1854 г., ей наслѣдовалъ сынъ ея, Педро V (род. 1837).

3. Великобританія.

§ 830. Государственная жизнь Англіи. Іюльская революція, наступившая почти одновременно съ воцареніемъ либеральнаго короля Вильгельма IV (26 іюня 1830), не осталась безъ существеннаго

[1] Всѣ деньги уходили въ Англію за мануфактурные товары, тогда какъ въ Португаліи фабричная и заводская промышленность не подвигалась ни на шагъ.

вліянія и на Англію. Въ силу стараго закона о выборахъ мѣста парламентскихъ членовъ были почти исключительно въ рукахъ аристократіи. Все земство (т. е. графства, или внѣгородская часть края) находилось въ рукахъ дворянъ, какъ единственныхъ землевладѣльцевъ и хозяевъ всѣхъ почетныхъ должностей въ управленіи; ихъ вліяніе и власть одни распоряжали выборами, такъ что въ парламентъ поступали только младшіе сыновья знатныхъ домовъ, или приверженцы и поборники ихъ же мнѣній. Что касается представительства городовъ или бурговъ [1], то здѣсь царствовали другаго рода злоупотребленія. Мѣстности, въ теченіе времени упавшія до того, что ихъ прозвали «гнилыми мѣстечками», и находившіяся также въ рукахъ аристократовъ, пользовались стариннымъ правомъ высылать въ парламентъ одного или нѣсколькихъ представителей, тогда какъ другія мѣстности, и въ томъ числѣ знатнѣйшіе города въ цѣломъ краѣ, или вовсе не имѣли права посылать депутатовъ, потому что еще не существовали въ то время, когда были даны эти привилегіи, или имѣли его въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ, что число ихъ парламентскихъ представителей нисколько не соотвѣтствовало наличному ихъ населенію. Поэтому министерство виговъ, съ графомъ Греемъ во главѣ, благопріятствовало предложенной въ нижней палатѣ парламентской реформѣ (1 марта 1831), которая отнимала у «гнилыхъ мѣстечекъ» ихъ старинную привилегію, распредѣляла парламентскіе выборы соотвѣтственно измѣнившимся обстоятельствамъ и понижала мѣру дохода (цензъ), обусловливающую право быть избирателемъ. Билль о реформѣ встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократіи, которая видѣла въ немъ ослабленіе своей власти; предложеніе было отринуто нѣсколько разъ, парламентъ распущенъ, смѣнено министерство; но грозное положеніе, въ какое сталъ народъ, рѣзкая полемика благопріятныхъ реформѣ журналовъ, рѣшительныя дѣйствія политическихъ обществъ, размножавшихся съ каждымъ днемъ, народныя сборища (митинги) и адресы вынудили аристократію послѣ двухгодовой борьбы допустить парламентскую реформу. Новый законъ (7 іюня 1832), равно какъ и введенное три года спустя (іюнь 1835) новое городовое положеніе (такъ-называемая муниципальная реформа), установившее свободный выборъ

[1] Подъ именемъ мѣстечка или «бурга» разумѣли иногда нѣсколько развалившихся, необитаемыхъ лачугъ.

представителей городскихъ общинъ, [1] были торжествомъ виговъ надъ торіями и богатаго средняго сословія надъ аристократіей. Но побѣдителямъ противустала вскорѣ новая оппозиція въ лицѣ низшихъ классовъ, гнетомыхъ страшною нуждой; она хотѣла кореннаго (радикальнаго) преобразованія и полной демократизаціи парламента, требуя избирательнаго права для всѣхъ гражданъ (безъ всякаго ценза), ежегодно смѣняющихся парламентовъ, тайной подачи голосовъ и еще многаго въ этомъ родѣ. Радикалы, имѣвшіе до 1835 г. даровитаго вождя въ лицѣ геніальнаго журналиста Вильяма Коббета, присоединили впослѣдствіи къ политическимъ реформамъ еще соціальныя и изложили свои начала въ такъ называемой народной хартіи, которая имѣла въ виду доставить рабочимъ классамъ столько вліянія на законодательство, чтобы они могли улучшить основы своего хозяйственнаго быта; отъ этого получили они прозваніе хартистовъ (по англійскому произношенію—чартистовъ); вліятельнѣйшимъ изъ ихъ вождей былъ адвокатъ Фиргесъ О'Коннеръ, впавшій потомъ въ помѣшательство.—Быть-можетъ, долго еще до того, пока хартистскія начала восторжествуютъ въ аристократической, плутократической и старовѣрной Англіи, и преобразуютъ общественное устройство, на которомъ покоятся ея прежнее величіе и слава; но вліяніе ихъ на ходъ парламентской дѣятельности и теперь уже становится болѣе и болѣе замѣтнымъ. Важное преобразованіе такъ-называемыхъ хлѣбныхъ законовъ въ сущности принадлежитъ радикаламъ. Прежній строгій уставъ, сильно затруднявшій ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, то возвышая, по понижая пошлину, смотря по спросу на эту важную статью и по измѣненіямъ ея рыночной цѣнности (такъ-называемая подвижная такса, sliding scale), — этотъ пагубный для низшихъ классовъ законъ землевладѣльческой аристократіи, вслѣдствіе энергическихъ народныхъ волненій (anticornlaw agitations) [2], былъ сперва смягченъ (1842), потомъ совершенно уничтоженъ (1846), и торговля хлѣбомъ сдѣлалась свободною. Аристократія долго всѣми силами

[1] До этого и все городское управленіе зависѣло отъ особыхъ привилегій, дарованныхъ въ старину извѣстнымъ лицамъ, зданіямъ, должностямъ, гильдіямъ и цехамъ.

[2] Самую характеристическую черту народныхъ волненій новой Англіи составляетъ то, что они весьма рѣдко переходятъ въ явное насиліе. Обыкновенно одно тревожное движеніе громаднаго большинства принимаетъ въ глазахъ олигархической аристократіи такой грозный характеръ, что заставляетъ ее соглашаться на важныя уступки, какъ бы ни противилась она имъ на первыхъ порахъ.

противилась нововведенію, чтобы удержать производимый ею туземный хлѣбъ въ возможно высокой цѣнѣ; а какъ при этомъ громадный національный долгъ необходимо требовалъ самыхъ тяжкихъ пошлинъ на привозныя статьи продовольствія, то потребности вседневной жизни вздорожали до того, что становились совершенно недоступны бѣдному классу. — Для покрытія недочета въ государственной казнѣ, причиненнаго пониженіемъ (и потомъ отмѣной) хлѣбныхъ пошлинъ, министерствомъ сэръ-Роберта Пиля введенъ трехпроцентный налогъ съ доходовъ (1842), падавшій преимущественно на зажиточныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старались дать новую жизнь торговлѣ, этому нерву англійскаго народа, измѣненіемъ прежней системы таможенныхъ пошлинъ и устраненіемъ стараго навигаціоннаго акта (монополизировавшаго право морскаго перевоза для англійскихъ судовъ) и сдѣлали высокую идею торговой свободы лозунгомъ настоящаго времени. Народъ практическій, степенный и осторожный, Англичане не любятъ насильственнаго ниспроверженія ни въ чемъ; но благовременныя реформы всегда достигаются настойчивостью націи [1]. Предложеніе допустить въ парламентъ Евреевъ, не требуя отъ нихъ христіанской присяги (1847), долго отвергалось палатою лордовъ, вѣрною строгоцерковнымъ преданіямъ, но, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, и это предложеніе прошло, хотя, въ нѣсколько умягченной формѣ, такъ что двери нижней палаты открылись наконецъ и для Евреевъ (давно принявшихъ въ Англіи ея національный складъ). — Великою потерей для отечества была внезапная смерть знаменитаго государственнаго мужа, сэръ-Роберта Пиля, постигшая его вслѣдствіе паденія съ лошади (1850). — Англійскій народъ съ каждымъ годомъ, но всегда бережно, улучшаетъ свое величавое государственное устройство, болѣе и болѣе приноровляя его къ требованіямъ времени и, осмотрительнымъ путемъ реформы, достигаетъ всей свободы, возможной въ такомъ благоустроенномъ обществѣ, котораго весь бытъ обусловленъ постепеннымъ историческимъ развитіемъ коренныхъ его основаній. Охраняемый закономъ въ своей личной независимости, въ своей собственности и другихъ правахъ, и глубоко убѣжденный въ томъ, что его представители блюдутъ и обезпечиваютъ по мѣрѣ силъ благосостояніе края, онъ посвящаетъ всю дѣятельность свою земледѣлію, промышленности, торговлѣ и мореплаванію; вѣчно трудящаяся нація богатѣетъ внутри и растетъ во внѣшнемъ значеніи и силѣ, связанныя съ метрополіей дальнія колоніи, представляютъ избытку людности удобное поприще для переселеній и наживы. Достаточный и образованный средній классъ составляетъ теперь центръ тяжести всей государственной и общественной жизни края.

[1] Нельзя однакожъ утверждать, чтобы отмѣна хлѣбныхъ законовъ была неблаговременна и гораздо прежде той эпохи, когда она состоялась: народъ страдалъ отъ нихъ уже давно, но не успѣлъ выяснить себѣ причины страданія и нашелъ сочувствіе своему горю только тогда, когда оно сильно затронуло и средній классъ, въ качествѣ производителя мануфактурныхъ издѣлій.

§ 831. Ирландскія дѣла. Съ тѣхъ поръ какъ эманципація католиковъ дозволила ирландскому народу посылать за себя адвокатовъ, его же крови и вѣры, въ англійскій парламентъ, жалобы Ирландцевъ не раздавались болѣе такъ напрасно какъ прежде, особенно когда въ палату вступилъ великій земскій человѣкъ, ораторъ и демагогъ Даніилъ О'Коннель, влача за собой «хвостъ» изъ сорока или болѣе единомышленниковъ, и, угрозою отмѣнить союзъ съ Англіей (такъ-называемымъ рипилемъ, Repeal of the Union), избавить Ирландію отъ законодательства и суда «Саксовъ», придалъ этимъ жалобамъ особенную настойчивость. Возрастающее обѣднѣніе народа, породившее при скудномъ сборѣ единственной пищи Ирландцевъ, картофеля, сильную смертность отъ голода, неотмѣнно требовало исправленія и церковныхъ и политическихъ злоупотребленій. При раздражительной и подвижной натурѣ ирландскаго народа, такому даровитому и искусному въ демагогическихъ хитростяхъ человѣку, какъ О'Коннель, было очень не трудно постоянно держать весь край въ волненіи и лозунгомъ рипиля направлять всю силу народа къ одной цѣли. Повсемѣстно образовались общества рипилеровъ съ кассами для споспѣшествованія О'Коннелевымъ замысламъ; католическое духовенство, имѣющее безусловную власть надъ невѣжественнымъ народомъ, находилось въ полномъ распоряженіи О'Коннеля; слово его было для Ирландіи закономъ, но, осторожный и ловкій, онъ никогда не злоупотреблялъ свою власть для противозаконныхъ мѣръ, которыя могли бы навлечь ему пагубу; возбуждая къ себѣ страхъ и ненависть Англичанъ, какъ «великій агитаторъ» (волнователь) Ирландіи, онъ постоянно сдерживалъ взволнованный народъ въ предѣлахъ закона, хотя на созываемыя имъ чудовищныя сборища (monster-meetings) стекалось иногда до ста тысячъ человѣкъ. — Первымъ требованіемъ ирландскаго народа, вслѣдъ за биллемъ о реформѣ, была отмѣна десятины, платимой англиканскому духовенству въ Ирландіи. Когда просьбы и жа-

лобы Ирландцевъ не были уважены въ англійскомъ парламентѣ, тогда кортомщики отказали во взносѣ десятины и не допускали ея взысканія; когда же Англичане вздумали употреблять силу, имъ противопоставили насильственный отпоръ. Вооруженныя ватаги, называвшіяся бѣлоножками по носимому ими значку, ходили повсему краю и обозначали свой путь кровью и пожарами. Убійства, поджоги, буйныя свалки происходили чуть не каждый день и настоятельно указывали необходимость обратить самое заботливое вниманіе «на революціонную, оголодавшую Ирландію, эту всегдашнюю юдоль страстей и бѣдствій». Двѣ законодательныя мѣры — ирландскій церковный билль и ирландскій смирительный билль (1833) казались англійскому министерству лучшими средствами къ возстановленію спокойствія и порядка въ глубоко взволнованномъ краѣ; первымъ отмѣнялись церковные налоги и уменьшалось число епископовъ и пребендъ (доходныхъ священническихъ мѣстъ), десятина, ограниченная въ размѣрѣ, переводилась съ кортомщика на землевладѣльца и (въ силу такъ-называемой пріурочивающей статьи) пріобрѣтаемая такимъ образомъ экономія предназначалась, въ видѣ государственнаго дохода, на поддержаніе церквей, а затѣмъ и на другія, не церковныя потребности, именно на улучшеніе народнаго образованія и на учрежденіе школъ какъ для католиковъ, такъ и для протестантовъ; второй же билль предоставлялъ лорду-намѣстнику полную власть подавлять всѣ сборища и союзы, которые онъ признаетъ опасными для общественнаго спокойствія и предавать военному суду каждый непокорный округъ. Объ эти мѣры встрѣтили себѣ сильное сопротивленіе, — первая — со стороны строгоцерковной партіи, которая въ употребленіи церковнаго достоянія для иныхъ цѣлей видѣла просто святотатство и такъ грозно возстала противъ пріурочивающей статьи, что рѣшено было отдѣлить это дополненіе отъ церковнаго билля; вторая — со стороны О'Коннела и его приверженцевъ, называвшихъ ее «посѣвомъ драконовыхъ зубовъ», отъ котораго взойдетъ вооруженная сила. Не смотря на то смирительный билль былъ принятъ и введенъ сначала на два года, а потомъ отъ времени до времени возобновляемъ. Пока государствомъ управляли виги, ирландскія дѣла оставались главнымъ предметомъ парламентской дѣятельности. Во-первыхъ проведенъ былъ билль о бѣдныхъ, по которому помощь со стороны приходовъ предоставлялась только неспособнымъ къ работѣ бѣднякамъ, а способнымъ открывались пути для труда въ рабочихъ домахъ, устроенныхъ отъ правительства; не смотря на свои благодѣтельныя цѣли, этотъ законъ возстановилъ народъ противъ виговъ тѣмъ, что не только предписывалъ отдѣлять семьи, пользующіяся пособіемъ, но дозволялъ и разлучать ихъ членовъ между собою. Ирландцы съ прежнимъ упорствомъ сопротивлялись взносу ненавистной десятины, такъ что при взиманіи ея правительство должно было помогать англиканскому духовенству вооруженной силою, отъ чего издержки на ея сборъ превышали сумму дохода; поэтому предложено было замѣнить этотъ налогъ пятилѣтнимъ поземельнымъ сборомъ въ казну, которая сама уже должна распредѣлять его по принадлежности, съ тѣмъ, чтобы Ирландія считалась за симъ свободною отъ десятины. Но и это предложеніе сокрушилось объ упорство палаты лордовъ, и какъ въ то же самое время правительство пробудило религіозную ревность строгоцерковной партіи, благопріятствуя биллю о допущеніи англійскихъ диссентеровъ (разновѣрцевъ) до ученыхъ степеней въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, и тѣмъ навлекло себѣ обвиненіе въ непріязни къ господствующей церкви, то на виговъ поднялась страшная буря со всѣхъ сторонъ. Англиканское духовенство и огромная партія слѣпыхъ поклонниковъ «старой Англіи», съ своимъ завѣтнымъ девизомъ «Король и церковь!» громко потребовали смѣны министерства (ноябрь 1834) и, обычнымъ народнымъ крикомъ «прочь папежство!»—сильно подѣйствовали въ пользу торіевъ, за которыхъ стоялъ сверхъ-того и дворъ, особенно же, полная нѣмецко-аристократическихъ предубѣжденій, королева. Король Вильгельмъ уступилъ представленіямъ, наушничеству и сплетнямъ и, по совѣту стараго герцога Веллингтона, призвалъ во главу правительства даровитаго сэръ-Роберта Пиля (10 дек. 1834), сына богатаго шерстопрядильнаго фабриканта въ Тамвортѣ. Но сколько этотъ благоразумный министръ ни старался примирить обѣ партіи на основаніи того начала, что «сохранять можно только допуская постепенныя улучшенія», — его новый билль о десятинахъ въ Ирландіи, отстранявшій употребленіе церковнаго дохода на мірскія надобности, палъ передъ предложеніемъ лорда Джона Росселя: «употребить излишки церковнаго дохода Ирландіи на улучшеніе образовательныхъ способовъ этого края», то-есть утвердить десятинный билль не иначе, какъ вмѣстѣ съ отнятою отъ него пріурочивающею статьею. Вслѣдствіе этого торіи подали въ отставку, и снова возстановленъ былъ вигскій кабинетъ, подъ предсѣдательствомъ лорда Мельбурна (18 апр. 1835). Но чѣмъ ревностнѣе нижняя палата и правительство виговъ настаивали на пре-

образованіи церковныхъ злоупотребленій, на смягченіи горькой доли ирландскаго народа и на необходимости поднять его нравственно, тѣмъ упорнѣе и рѣшительнѣе сопротивлялись этому палата лордовъ и торіи. Между тѣмъ какъ виги старались умѣрить племенную и церковную вражду, раздѣлявшую Ирландцевъ съ Англичанами, торіи и ревнители англиканской церкви учреждали такъ-называемыя оранжистскія ложи[1], постоянно питавшія и распалявшія эту церковную вражду, старавшіяся не только поддержать, но и усилить преобладаніе протестантизма въ Ирландіи. Эти общества, поставленныя теперь подъ вѣдѣніе герцога Кумберландскаго, умножались съ каждымъ годомъ и имѣли сочленовъ во всѣхъ сословіяхъ, особенно же въ арміи: наконецъ они достигли силы, столь опасной для порядка, спокойствія и всякаго довѣрія въ обществѣ, что парламентъ принужденъ былъ принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры (1836). Всѣ попытки англійскихъ либераловъ, именно извѣстнаго поборника народной свободы, гуманнаго лорда-намѣстника Мольгрева (маркиза Нормапби), освободить Ирландію отъ ига, наложеннаго на нее религіозной нетерпимостью жестокой, притѣснительной эпохи, съ тѣмъ чтобъ учрежденіемъ хорошихъ воспитательныхъ заведеній поднять образованіе и нравственность народа, пробудить въ немъ наклонность къ порядку и труду, благовременными реформами общиннаго и муниципальнаго устройства и расширеніемъ избирательныхъ правъ привлечь католическій народъ къ участію въ общественной и политической жизни и тѣмъ возвысить его достоинство какъ гражданина,—всѣ эти благія усилія сокрушились отчасти о распущенность, лѣнь и отупѣніе самихъ Ирландцевъ, отчасти о церковную и аристократическую узкость торіевъ и о предубѣжденія и страхи консервативныхъ лордовъ. Билль о десятинахъ прошелъ только съ отмѣною пріурочивающей статьи (1838), а предложенный вигами либеральный общинный уставъ (билль о муниципальной реформѣ), которымъ начала введеннаго въ Англіи городоваго положенія 1835 г. распространялись съ нужными отмѣнами и на Ирландію, былъ возвращенъ палатою лордовъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что правительство сочло за лучшее совершенно устранить весь проектъ, который, будь онъ принятъ, далъ бы и небогатымъ католическимъ гражданамъ доступъ къ городскимъ выборамъ и должностямъ. Когда, въ началѣ сороковыхъ годовъ, вигское министерство, пользовавшееся полнымъ довѣріемъ, воспитанной въ либеральныхъ началахъ, королевы Викторіи, вынуждено было уступить свое мѣсто торіямъ, тогда упали и надежды Ирландцевъ избавиться отъ своего тяжкаго положенія путемъ реформъ. Поэтому О'Коннель возобновилъ рипилерское движеніе; на исполинскихъ народныхъ сходкахъ, разжигалъ онъ племенную ненависть Кельтовъ противъ «Саксовъ», притѣсненныхъ католиковъ противъ жестокосердыхъ англиканъ, загнанныхъ кортомщиковъ противъ гордыхъ, безпощадныхъ землевладѣльцевъ, и представлялъ расторженіе союза единственнымъ средствомъ спасенія для злополучной, задавленной страны. Грозное волненіе овладѣло народомъ; кортомщики отказывали въ уплатѣ арендныхъ повинностей и податей и покушались даже на жизнь безжалостныхъ помѣщиковъ; опять вооруженныя толпы забродили по «зеленому острову» и начали разносить убійство и пожары по имѣніямъ и замкамъ богачей, которые доходы свои проживали большею частью за границей. Всѣ средства, употребляемыя торіями, — возобновленіе смирительнаго билля, запрещеніе народныхъ сходокъ, отдача «агитатора» подъ судъ и кратковременное его заключеніе [1], — все это оказалось безсильнымъ водворить прочную тишину; при всеобщемъ убожествѣ народа и при отвращеніи его отъ скудно-вознаграждаемаго труда, даже учрежденные для бѣдныхъ рабочіе дома и богадѣльни, оказывали болѣе вреда, нежели пользы, тогда какъ лучшіе изъ Ирландцевъ желали вовсе не состраданія и милостыни, а только справедливости и свободныхъ учрежденій. Ни къ чему не повело и то, что, по случаю страшнаго голода, наступившаго за неурожаемъ 1846 года, Англія принесла величайшія жертвы путемъ общественной и частной благотворительности; Ирландцы, видя въ Англичанахъ первоначальниковъ своей нищеты и всѣхъ невыносимыхъ своихъ бѣдствій, смотрѣли на эти благодѣянія, какъ на малую уплату въ счетъ огромнаго долга и по прежнему взялись за свои рипилерскія волненія. Смерть великаго агитатора (1847), конечно, отняла у нихъ главную опору и повела къ разладу между рипилерами, но февральскій переворотъ во Франціи бросилъ новую искру въ этотъ горючій матеріалъ и произвелъ такую анархію, безрядицу и самоуправство, что

[1] Оранжистами прозваны были отъ ирландскихъ католиковъ, вѣрныхъ королю Іакову II, англійскіе протестанты того края, признавшіе Вильгельма III. Фамильный цвѣтъ Оранскаго дома былъ оранжевый; его приняла и партія Вильгельма.

[1] Палата лордовъ такъ испугалась непзбѣжныхъ послѣдствій этой крутой мѣры, что по апелляціи О'Коннеля, рѣшила освободить его изъ тюрьмы, не находя достаточнаго повода къ дальнѣйшему его заключенью.

дѣло наконецъ дошло до открытаго мятежа. Конечно, англійскимъ войскамъ было не трудно одолѣть безпорядочныя, плохо вооруженныя и безсильныя толпы ирландскихъ рабочихъ, поселянъ и кортомщиковъ, которыми начальствовали притомъ неспособные коноводы (О'Брійнъ и друг.); движеніе было подавлено: но прочный миръ и порядокъ водворятся только тогда, когда церковныя, политическія и общественныя язвы края будутъ исцѣлены коренными преобразованіями [1].

§ 832. Внѣшняя политика. Во внѣшнихъ своихъ дѣлахъ Англія держалась удачной и величавой политики. Обладая огромною морскою силой и строго выправленною сухопутною арміей, набираемою по-старому вербовкой, а не конскрипціей, англійская нація имѣла полную возможность сообщать энергію и настойчивость политикѣ своихъ государственныхъ людей, осторожныхъ, разсчетливыхъ и вѣрно соображающихъ ходъ современныхъ обстоятельствъ. Когда возникали замѣшательства или затрудненія въ государственныхъ отношеніяхъ Европы, посредничество Англіи или вызывалось или невольно принималось другими державами, и нельзя было ни начать, ни совершить ничего важнаго безъ ея содѣйствія или соучастья. Заботясь наиболѣе о расширеніи своей торговли, промышленности и мирнаго общенія между народами, чтобы сбытъ англійскихъ товаровъ нигдѣ не встрѣчалъ препятствій, англійское правительство всячески старалось поддержать въ Европѣ миръ и пріобрѣсть себѣ довѣріе правительствъ и сочувствіе народовъ; внѣ европейскихъ предѣловъ оно обращало все вниманіе на расширеніе, усиленіе и процвѣтаніе своихъ колоній и на утвержденіе британскаго владычества вездѣ.

1) Въ Канадѣ, особенно въ Нижней, принадлежавшей нѣкогда Франціи и преимущественно населенной Французами, съ теченіемъ времени поднялись разнообразныя жалобы на правительственный гнетъ, на ущербъ, наносимый національнымъ учрежденіямъ, нравамъ, языку и религіи, на предпочтеніе, оказываемое англійскимъ поселенцамъ и ихъ интересамъ передъ французскими старожилами; эти жалобы стали порождать сильное волненіе особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ главѣ оппозиціонной партіи явился даровитый и расторопный Папино. Настроенные Сѣвероамериканцами, которымъ хотѣлось присовокупить эти

[1] Къ этому отчасти уже и приступлено въ послѣдніе годы, такъ что въ настоящее время положеніе Ирландіи можно считать гораздо болѣе удовлетворительнымъ, нежели оно было нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

сѣверныя области къ своему союзу, Канадцы заявили три требованія, которыя должны были обезпечить ихъ національную самобытность и проложить имъ путь къ демократическому самоуправленію: это были— право избирать законодательный совѣтъ (верхнюю палату), который назначался до тѣхъ поръ англійскимъ губернаторомъ изъ чиновниковъ и судей; расширеніе права опредѣлять податные сборы, принадлежащаго палатѣ общинъ (такъ-называемому собранію), и отвѣтственность передъ законодательною властью состоящаго при губернаторѣ административнаго совѣта. Когда эти требованія были отринуты, со стороны нижне-канадскаго сейма послѣдовалъ отказъ въ податяхъ. Особенное значеніе сообщали этому примѣръ и сосѣдство республиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которые, постоянно ревнуя къ могуществу моредержавной Англіи, пожалуй рѣшились бы оказать Канадцамъ свою помощь. Уже въ разныхъ мѣстахъ начались возстанія; американскіе волонтеры придали еще больше мужества «дѣтямъ свободы» (индепендентамъ); владычество Англіи надъ Канадой казалось поколебленнымъ. Но умомъ и энергіей британское правительство подавило грозное движенье. Оно раздражило племенную ревность англійскаго населенія противъ французскаго и тѣмъ самымъ породило раздоръ и распаденіе между самими Канадцами; въ отношеніи къ Американцамъ приняло оно угрожающее положеніе и отправило главу радикальныхъ виговъ, энергическаго лорда Дёргама, губернаторомъ въ Канаду, давъ ему диктаторскую власть. Силою и кротостью возстановилъ онъ нарушенный порядокъ, и хотя образъ его дѣйствій навлекъ ему неудовольствіе министерства, такъ что онъ вскорѣ сложилъ съ себя свой санъ (въ ноябрѣ 1838) и возвратился въ Англію (гдѣ вскорѣ и умеръ, 28 іюля 1840), однакоже спокойствіе потомъ долго не нарушалось.

2) Въ Остъ-Индіи владычество Британцевъ возрасло, и оружіе ихъ покрылось новымъ блескомъ. Хитрымъ вмѣшательствомъ въ споры за престолъ, возникавшіе между могаммеданскими владѣльцами, Англичанамъ удалось раздвинуть свои предѣлы за правый берегъ Инда и ввести свои гарнизоны въ важные для торговли города Пейшаверъ, Кабулъ, Газни, Кандагаръ и друг. Это движеніе къ средней Азіи вызвало противодѣйствіе со стороны дѣятельныхъ тамъ русскихъ агентовъ, и воинственный, храбрый горскій народъ Афганы вдругъ возстали противъ Англичанъ. Британскіе гарнизоны были изгнаны изъ Кабула, Газни и друг. мѣстъ, весь край вплоть до Инда наполнился военною тревогой; только въ Джеллалабадѣ удержался храбрый генералъ Сель, благодаря истинно-геройской

оборонѣ; въ Кандагарѣ знаменитый путешественникъ Александръ Бёрнсъ палъ жертвою своей любознательности. Афганистана нельзя было удержать въ рукахъ, но оскорбленная честь англійской націи требовала отмщенія[1]. Поэтому храбрый генералъ-губернаторъ Элленборо предпринялъ новый походъ, для возстановленія военной славы Британцевъ и для наказанія ихъ враговъ (1842). Исталифъ и Кабулъ были истреблены пожаромъ и весь Афганскій край, отъ самаго Инда до исполинскихъ хребтовъ Гиндуку, подвергся страшному разоренію. Тогда британскія войска покинули Афганистанъ, чтобы обратить свой мечъ на ближайшихъ непріятелей. Обширный край по берегу южнаго Инда, Синдъ, котораго эмиръ былъ въ союзѣ съ Афганами, подвергся нападенію Англичанъ подъ начальствомъ генерала Непира; столица его, Гайдерабадъ, была взята и весь край присоединенъ къ британскимъ владѣніямъ. Лордъ Элленборо, котораго воинственный духъ вовсе не соотвѣтствовалъ торговымъ видамъ Остъ-Индской компаніи, стараніями ея былъ отозванъ съ своего поста и замѣненъ сэръ-Вильямомъ Гардинг̧омъ. Но при всемъ миролюбіи данныхъ ему наказовъ, и онъ не успѣлъ уклониться отъ упорной, кровопролитной войны съ храбрыми Сейками, — войны, которая послѣ многихъ убійственныхъ сраженій, кончилась торжествомъ британскаго оружія (1846). Сейки, сокрушенные въ своемъ военномъ могуществѣ, принуждены были заключить Лагорскій миръ, уничтоживший ихъ самостоятельность. Два державца управляютъ Лагоромъ и очаровательною долиною Кашмира подъ верховной властью Остъ-Индской компаніи, которая, кромѣ исключительной торговли, предоставила себѣ и другія важныя права. Британское господство распространилось и на нѣкоторую часть Загангской Индіи, благодаря начатой въ 1826 и возобновленной въ 1852 г. войнѣ съ Бирманами, которыхъ край отдѣляетъ Индію отъ китайскаго «Поднебесья».—Такъ же достославно кончилась и война съ Китаемъ. Между Китайцами и Остъ-Индскою компаніей существовали давнія торговыя связи, которыя поддерживались въ Кантонѣ и Макао при посредничествѣ китайскихъ сводчиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Хонъ[2] (Hong). Пока Остъ-Индская компанія господствовала въ восточныхъ моряхъ безусловно, только изрѣдка, и то лишь на короткое время, возникали иногда перерывы въ торговыхъ дѣлахъ, потому что разсчетливые британскіе негоціанты никогда не дѣйствовали наперекоръ ребяческой надменности и народному самомнѣнію Китайцевъ [1], смотрѣвшихъ съ глубокимъ презрѣніемъ на «рыжещетинныхъ варваровъ», пришедшихъ откуда-то изъ дальнихъ странъ. Но когда англійское правительство приняло остъ-индскую торговлю въ свое вѣдѣніе и тѣмъ самымъ стало въ совсѣмъ новыя международныя отношенія къ владыкѣ «Поднебесья», тогда торговыя столкновенія привели обѣ державы къ весьма замѣчательной войнѣ, которая должна была имѣть слѣдствіемъ новое расширеніе англійскаго могущества и открытіе громаднаго Китайскаго царства для торговой предпріимчивости Европейцевъ. Въ 1836 г. китайское правительство, справедливо опасаясь зловредныхъ дѣйствій возрастающаго потребленія опіума, къ которому болѣе и болѣе привыкалъ разслабленный народъ, издало строгое запрещеніе употреблять и продавать опіумъ, чѣмъ нанесло тяжкій ударъ англійской торговлѣ, наживавшей отъ ввоза этой статьи огромные барыши. Въ силу этого запрещенія, китайскій губернаторъ Линъ потребовалъ выдачи всѣхъ складовъ опіума, находившихся въ Кантонѣ (1839), и какъ англійскіе купцы были не въ силахъ воспротивиться его требованію, то онъ велѣлъ уничтожить 20,000 ящиковъ опіума, цѣною на четыре милліона фунт. стерл. Это было началомъ цѣлаго ряда враждебныхъ дѣйствій, которыя наконецъ привели къ войнѣ между Китаемъ и Англіей. Британскій флотъ разгуливалъ по китайскимъ водамъ, подкрѣпляя настоянія своихъ негоціантовъ о вознагражденіи. Но какъ, во вниманіи къ чайной торговлѣ, которая могла отъ того сильно пострадать, Англичане вели сначала войну очень робко и бережно, то Пекинское правительство старалось еще болѣе задержать и ослабить непріятельскую силу ложною и вѣроломною политикой, приказавъ постоянно вести переговоры о мирѣ, но отнюдь его не заключать. Наконецъ-то Англичане замѣтили свое заблужденіе и прибѣгли къ энергическимъ мѣрамъ. Они заняли островъ Чусанъ, овладѣли значительнымъ торговымъ городомъ близъ Янъ-цзе-Кіана и Богдыханскаго канала и потомъ стали угрожать важному городу Нанкину. Этимъ они сломили сопротивленіе Китайцевъ, которые въ теченіе всей войны обнаружили, если не храбрость, то по крайней мѣрѣ страдательное мужество, преданность оте-

[1] На Востокѣ всякая уступка въ такомъ случаѣ считается вѣрнымъ признакомъ слабости и малодушія.

[2] Или гонгъ, какъ неправильно передали у насъ это названіе.

[1] Не надо при этомъ забывать, что гордость Китайцевъ опиралась на стародавнее, неоспоримое господство ихъ цивилизаціи во всей восточной половинѣ азійскаго материка.

честву и народнымъ интересамъ, вѣрность государю и государству. 29 августа 1842 года состоялся миръ, по которому Англичанамъ открыто было пять портовъ въ Китаѣ, назначено 21 милліонъ піастровъ вознагражденія и предоставленъ во владѣніе островъ Хонъ-Конъ.

Б Германія.

§ 833. Либеральныя движенія. Германскій народъ не легко рѣшается самъ собою на политическую дѣятельность: толчекъ къ тому идетъ обыкновенно со стороны, изъ сосѣдней Франціи. Когда вѣсть объ іюльской революціи разнеслась по Рейну, умы пришли въ чрезвычайное волненіе. Повидимому насталъ часъ, когда исцѣлятся больныя стороны государственной жизни, когда германская нація возвратится къ единству, свободѣ и величію. Но вмѣстѣ съ общимъ чувствомъ недуга не пришло еще сознаніе, чѣмъ и какъ его лѣчить. Какимъ образомъ народъ, раздѣленный цѣлыми вѣками политической и церковной розни, народъ съ сильнымъ чувствомъ племенныхъ особенностей и разности матеріальныхъ интересовъ, и притомъ безъ общаго союзнаго представительства и крѣпкой государственной связи, — какимъ образомъ такой народъ могъ внезапно сойдтись въ мысляхъ насчетъ своихъ общихъ пользъ, насчетъ учрежденія общихъ формъ государственнаго и административнаго устройства, насчетъ способовъ къ быстрому соглашенію между собою и къ немедленной затѣмъ дружной дѣятельности? Поэтому каждая держава и каждый край старались прежде всего избавиться отъ своихъ собственныхъ золъ и страданій, не заботясь о сосѣдѣ, а правительства поспѣшили, отчасти надлежащими уступками, отчасти признаніемъ успѣшно произведенныхъ частныхъ реформъ, поддержать живое чувство разности интересовъ и помѣшать соглашенію въ общемъ дѣлѣ Германіи. Такъ и вышло, что въ разныхъ германскихъ государствахъ, въ Брауншвейгѣ, Саксоніи, Гессенѣ, Ганноверѣ и друг., совершились какъ въ конституціи, такъ и въ управленіи разныя существенныя измѣненія и реформы. Но когда іюльское правительство обнаружило свой вполнѣ мирный характеръ, а стремленія нѣмецкихъ либераловъ къ сильному, государственному единству высказывались въ то же время все смѣлѣе и опредѣленнѣе, тогда правительства условились между собою насчетъ совокупныхъ мѣръ и общими силами круто противустали нововводителямъ. Союзнымъ постановленіемъ въ октябрѣ 1830 г. было положено, что каждое изъ германскихъ правительствъ обязывается давать

сосѣду по его требованію военную помощь для поддержанія спокойствія и порядка, и при этомъ указано на прежнія постановленія объ ограниченіи печати. — Паденіе Варшавы (сент. 1831) и эмиграція польскихъ патріотовъ усилили волненіе въ Германіи, и дали новую пищу стремленіямъ къ свободѣ и политическимъ реформамъ. Требованія либерализма всего громче раздавались на Рейнѣ, въ Баденѣ, Гессенѣ и особенно въ Рейнской Баваріи, гдѣ снова ожили старыя воспоминанія революціонной эпохи, принесшей вмѣстѣ съ нѣкоторымъ случайнымъ вредомъ и много добра. Здѣсь дѣйствовалъ докторъ Виртъ, изъ Гофа, пылкій, настойчивый, хотя и увлекавшійся странными идеями человѣкъ, рядомъ со многими единомышленными ему адвокатами, чиновниками, литераторами и гражданами, распространяя въ журналахъ, памфлетахъ, рѣчахъ и клубахъ мысли о конституціонномъ устройствѣ, о народной свободѣ, о «возрожденіи Германіи». Сохранившіяся отъ французской эпохи свободнѣйшія учрежденія того края, допускали болѣе широкую дѣятельность и болѣе безпрепятственное развитіе дружныхъ силъ. Плодомъ этого было волненіе, поддерживаемое туземными и пришлыми демагогами и журналистами; высшей степени достигло оно на конституціонномъ праздникѣ, который 27 мая 1832 г. происходилъ на развалинахъ замка Гамбахъ, близъ Нёйштадта, на рѣкѣ Гардтѣ. Здѣсь, среди толпы, стекшейся со всѣхъ концовъ юго-западной Германіи, при соучастіи многихъ Французовъ и Поляковъ, были произнесены пламенныя рѣчи въ честь свободы, а «тиранство» властей, «раболѣпство» и «деспотизмъ» чиновниковъ, грубость военной силы, аристократизмъ знати и т. д. подверглись страшнымъ нападкамъ, были побѣждены и уничтожены, разумѣется, только на словахъ; участники пира держали себя такъ, какъ-будто бы и въ самомъ дѣлѣ низложили непріятеля, какъ-будто бы достаточно было, перенятыхъ отъ французскихъ революціонеровъ, вдохновенныхъ рѣчей, огненныхъ фразъ и укоризнъ. для ниспроверженія всѣхъ троновъ и для одолѣнія сотень тысячъ войскъ. Много было преувеличенія, безразсудства, суетности и вздора въ шумѣ и тревогѣ, въ словахъ и поступкахъ этихъ ратоборцевъ вольности, но многія изъ ихъ жалобъ были справедливы, и правительственная система, на которую они такъ нападали, дѣйствительно заключала въ себѣ много грѣховъ. Сильная власть, принимающая къ сердцу интересы народа и общее его благоденствіе, могла бы удовлетворить справедливымъ желаніямъ и требованіямъ надлежащими реформами, и при этомъ энергически отстранить всякія преувеличенія и крайности. Но вмѣсто того,

чтобъ избрать этотъ средній, примирительный путь, правительства соединились между собой подъ эгидой Пруссіи и Австріи и противопоставили всѣмъ требованіямъ систему рѣшительнаго, безусловнаго отказа во всякой перемѣнѣ, забывая о томъ, что зло, на которое не раздается жалобъ, тѣмъ не менѣе существуетъ и дѣйствуетъ, и что именно подъ гнетомъ самовластія недовольство и разростается какъ сорная трава. Правда, что въ теченіе того же и слѣдующаго годовъ присоединились къ тому еще многія другія обстоятельства, которыя должны были раздражить правительства, опиравшіяся на три великія державы восточной Европы и вполнѣ обезпеченныя со стороны Франціи: то была, во-первыхъ, талантливая, искусная и энергическая оппозиція, которая обнаружилась отчасти въ южно-германскихъ палатахъ, отчасти во множествѣ журналовъ и памфлетовъ, которые не смотря на всѣ стѣсненія печати, появлялись въ удивительномъ изобиліи; потомъ—тайныя общества, которыя, держась въ постоянной связи между собою посредствомъ самой широкой пропаганды, своими заговорами и безразсудными возстаніями часто нарушали сладкій покой «полицейскаго государства»; наконецъ, болѣе всего другаго, возобновленіе товариществъ и демагогическихъ продѣлокъ въ университетахъ, что повело къ безумному и преступному Франкфуртскому покушенію 3 апрѣля 1833 г. Исходя отъ мысли, что мирнымъ путемъ взаимныхъ объясненій и одной умственной, литературной борьбы никакъ не дойдти до коренной реформы въ государствѣ, нѣсколько пылкихъ молодыхъ головъ, студентовъ, литераторовъ, политическихъ выходцевъ и вдохновенныхъ друзей свободы, рѣшились на попытку насильственнаго ниспроверженія и вздумали начать съ Франкфурта, сѣдалища союзнаго сейма. Въ надеждѣ на нѣсколькихъ соучастниковъ въ самомъ городѣ и обманутые ложными посулами безсовѣстныхъ зажигъ, обѣщавшихъ имъ сильную подмогу издалека и вѣрную помощь со стороны окрестныхъ поселянъ, ослѣпленные бросились съ оружіемъ на гауптвахту Констаблей, убили нѣсколькихъ солдатъ и стали призывать народъ къ возстанію за свободу. Но франкфуртскіе граждане не одушевились ихъ кликами, а ожиданная подмога не пришла; вмѣсто того выступила противъ нихъ военная сила, и, послѣ упорной схватки, они, разумѣется, были побѣждены и взяты всѣ, кромѣ тѣхъ, кому удалось спастись бѣгствомъ.

§ 834. Реакція. Безразсудная эта затѣя и жалкій ея исходъ нанесли глубокую рану либерализму и навлекли тяжкое гоненіе его сторонникамъ. Послѣдовало безчисленное множество арестацій, судамъ и

розыскамъ не было конца; имъ подпали и виновные и подозрительные; тюрьмы и крѣпости наполнились «политическими преступниками» (въ число ихъ попали Виртъ, Беръ, Эйзенманъ, Зейденштикеръ, и друг.); для открытія «опасныхъ людей» не только допускалась, но даже поощрялась безчестная система шпіонства и доносовъ, вытравляющая у человѣка всякое чувство довѣрія и вѣрности; злоупотребленія военной силы оставлялись безъ взысканія: либеральные слуги государства перемѣщались, увольнялись, подвергались непріятностямъ. Гессенскіе кавалеристы напали на дружину поселянъ, которая вышла въ поле только для того, чтобъ поддержать порядокъ и защитить собственность отъ мятежной толпы народа; въ годовщину Гамбахскаго праздника (1833) лица, пришедшія туда погулять, и нѣсколько жителей Нейштадта, которые въ тишинѣ заявляли свое сочувствіе къ либеральнымъ идеямъ, подверглись нападенію солдатъ и при этомъ старики, женщины и дѣти понесли раны и оскорбленія; въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, этомъ пріютѣ либерализма, гдѣ нѣкоторое время господствовала свободная печать, возстановлена была, по высшему распоряженію, цензура; профессоры Роттекъ и Велькеръ, издатели журнала «Вольномыслящій» и «Государственнаго Словаря», лишились своихъ каѳедръ, и Фрейбургскій университетъ былъ на время закрытъ (авг. 1832); въ Баваріи медленности законнаго судопроизводства помогали и полицейскимъ и келейно-кабинетнымъ судомъ, политическихъ арестантовъ подводили каяться и просить прощенья къ портрету короля и учредили родъ государственной инквизиціи, отъ которой трудно было увернуться, потому что доносщиковъ награждали мѣстами и орденами. Въ Дармштадтскихъ владѣніяхъ умеръ послѣ долгихъ мукъ въ тюрьмѣ пасторъ Вейдигъ (1837), взятый за демагогическія стремленія; утверждали, что онъ самъ наложилъ на себя руку, доведенный до отчаянья истязаніями, какимъ подвергалъ его враждебный ему слѣдственный судья, и что притомъ ему нарочно не подано было медицинской помощи. Въ Гессенскомъ курфюршествѣ марбургскій профессоръ Іорданъ былъ арестованъ, отданъ подъ слѣдствіе и послѣ продолжительныхъ страданій въ тюрьмѣ, которыя разстроили его здоровье, осужденъ по однѣмъ правдоподобностямъ (Indicien), какъ «соучастникъ въ покушеніи на государственную измѣну, ибо, уклонясь отъ доноса, онъ не воспрепятствовалъ вѣроломнымъ посягательствамъ злоумышленниковъ»; этотъ приговоръ вызвалъ вопль негодованія со всѣхъ концовъ германской земли. Такія и подобныя имъ

событія устрашили и встревожили либераловъ до того, что всѣ соучастники такъ-называемыхъ «злоумышленныхъ покушеній», всѣ, стоявшіе въ передовыхъ рядахъ и имѣвшіе поводъ опасаться судебнаго преслѣдованія, бѣжали за границу и искали пріюта въ Швейцаріи и Франціи; цѣлыя толпы выходцевъ перенесли свое имущество, прилежаніе и свой доховный капиталъ за море, чтобы начать новую жизнь въ «странѣ свободы» (Сѣверной Америкѣ). Умѣренные же и боязливые или покинули знамя либерализма, или замкнули задушевныя убѣжденія въ своей безмолвной груди. Такимъ-то образомъ побѣда осталась на сторонѣ правительствъ. Но они воспользовались ею такъ, что оскорбили чувство справедливости въ народѣ и попрали ногами общественное мнѣніе, которое при всеобщемъ участіи къ политической жизни, при возростающей зрѣлости умовъ и при лучшемъ знакомствѣ съ условіями государственнаго быта, развитомъ журналистикой, стало между тѣмъ значительною силой. Обходя и часто преслѣдуя либераловъ, а съ другой стороны благосклонствуя къ «безусловно преданнымъ», правительства навлекли себѣ справедливый упрекъ въ пристрастіи и дали всей своей системѣ ненавистный видъ мщенія и злоупотребленія власти, ради личныхъ цѣлей. Союзный сеймъ, руководимый Австріей и Пруссіей, все рѣзче и рѣзче противодѣйствовалъ демократическому духу, котораго главнымъ органомъ были представительныя палаты. Запретивъ присылку адресовъ (окт. 1831), сеймъ (по особенному настоянію Пруссіи, которую князь Меттернихъ умѣлъ при этомъ ловко выдвинуть впередъ, чтобы на нее одну пала общая ненависть) издалъ пресловутыя постановленія 28 іюня и 5 іюля 1832 г. «для поддержанія законнаго порядка и спокойствія». Въ нихъ положительно говорится, что вся совокупность государственной власти сосредоточена въ одномъ лицѣ державца [1]; что отказъ земскихъ чиновъ во взносѣ податей равняется открытому возстанію; что законодательство отдѣльныхъ державъ не должно противорѣчить цѣли союза или союзнымъ обязанностямъ, и что вслѣдствіе того частные законы той или другой страны могутъ быть отмѣняемы союзомъ; что особая союзная коммиссія должна постоянно наблюдать за совѣщаніями земскихъ чиновъ; что толкованіе союзныхъ законовъ принадлежитъ одному только сейму; что иностранные журналы и книги, объ-

[1] Въ ущербъ твердой власти закона, составляющей самую надежную опору всякаго правительства.

емомъ меньше 20 листовъ, должны выдаваться публикѣ только съ разрѣшенія правительствъ; что политическія общества, равно какъ всякіе значки, цвѣта и знамена, воспрещаются, народныя сборища и праздники допускаются только съ высочайшаго соизволенія, университеты должны по прежнему подлежать строгому надзору, и всѣ союзныя правительства обязываются немедленно оказывать другъ другу вооруженную помощь, въ случаѣ какихъ-либо неурядицъ или безпокойствъ.—Эти реакціонныя постановленія два года спустя завершились еще тайною конференціей министровъ въ Вѣнѣ (12 іюня 1834), въ которой снова подтверждены были положенія союза о томъ, что вся государственная власть сосредоточивается исключительно въ особѣ державца и что правительствамъ отнюдь не слѣдуетъ стѣсняться въ своихъ мѣрахъ возраженіями земскихъ чиновъ, которые не должны имѣть никакого права на обсужденіе справедливости союзныхъ постановленій. Право чиновъ на одобреніе податной смѣты истолковано было въ такомъ смыслѣ, что оно превратилось въ совершенный призракъ; запрещено было брать съ военныхъ присягу на вѣрность конституціи, и правительствамъ поставлено на видъ то правило, что служащія лица для поступленія въ палаты должны имѣть особое разрѣшеніе отъ своихъ начальствъ [1]. При этомъ опредѣлены были мѣры, какимъ образомъ всего вѣрнѣе и однакожь безъ крайней неблаговидности ограничить свободу слова, преподаванія и печати, а университеты, въ лицѣ профессоровъ и студентовъ, поставить подъ самый бдительный надзоръ; наконецъ, для порѣшенія споровъ между правительствами и чинами учрежденъ былъ союзнымъ сеймомъ весьма односторонній третейскій судъ, который, состоя изъ уполномоченныхъ однихъ правительствъ, вовсе не соотвѣтствовалъ своему имени, а потому и не имѣлъ никакого примѣненія на дѣлѣ.

Этими распоряженіями конституціонное устройство Германіи было испорчено въ конецъ и унижено до крайности. Министры спокойно оставались на своемъ мѣстѣ, хотя большинство въ палатахъ было противъ нихъ; если возникало какое-нибудь нелюбое правительству предложеніе, имѣвшее надежду на успѣхъ, палаты тотчасъ распускались и, посредствомъ устрашенія, подкупа, отказовъ въ разрѣшеніи начальства, — составлялись другія, уже болѣе покорныя. Въ Баваріи званіе служа-

[1] Эта любопытная черта показываетъ ясно, что правительства, чувствуя невозможность обойдтись на службѣ безъ способныхъ, либерально-образованныхъ лицъ, остерегались однакожь допускать ихъ мимо особаго контроля въ представительныя собранія.

щихъ распространено было на адвокатовъ, медиковъ и состоящихъ при магистратахъ, такъ что всѣ эти лица могли быть представителями не иначе какъ съ разрѣшенія высшаго начальства; въ Кургессенѣ оспоривали у чиновъ право выбора въ извѣстныхъ разрядахъ населенія, и не давали, какъ отчасти случалось и въ Баваріи, необходимыхъ указаній по отчетности въ государственныхъ расходахъ; доходило даже до открытыхъ объявленій въ такомъ смыслѣ, что право утверждать подати не заключаетъ въ себѣ права въ нихъ отказывать, а министерство Шеффера дозволяло себѣ съ представительною палатой такіе поступки, отъ которыхъ «волновалась кровь» даже у австрійскаго посланника. Въ Нассау герцогъ прямо объявилъ всѣ государственныя имущества, какого бы ни были они происхожденія, за частную свою собственность, и при совѣщаніяхъ объ этомъ въ обѣихъ палатахъ съумѣлъ устроить въ свою пользу искусственное большинство, незаконно расширивъ составъ первой палаты членами своей фамиліи, соединивъ голоса ея съ благопріятнымъ ему меньшинствомъ во второй палатѣ и исключивъ потомъ всѣхъ членовъ противной стороны, причемъ семидесятилѣтняго президента Хербера, за одну непріятную статью въ газетахъ, велѣлъ онъ присудить къ заключенію въ крѣпости, но отъ этой несправедливой казни избавила старика скорая смерть. О правѣ личности нигдѣ не было и помина: любаго обвиненія, любаго подозрѣнія достаточно было для того, чтобы лишить человѣка свободы; если нельзя было добиться приговора по суду, то обвиненнаго держали цѣлые годы подъ слѣдственнымъ арестомъ или отдавали подъ надзоръ полиціи; угодливые судьи, вмѣсто вполнѣ оправдательнаго приговора, постановляли, что подсудимый оправдался только въ той мѣрѣ или съ той стороны своей вины, на сколько она подлежитъ ихъ опредѣленному вѣдомству, и такимъ образомъ лишали его политической полноправности (по крайней мѣрѣ на время). Къ такимъ средствамъ прибѣгали въ Баваріи, Кургессенѣ, Ганноверѣ, чтобъ отстранять отъ представительной палаты лица, неугодныя властямъ.—Тяжелъ былъ гнетъ, лежавшій на книгопечатаніи. Ни одно сочиненіе менѣе 20 листовъ въ объемѣ, не могло быть издано безъ разрѣшенія, ни одной газеты нельзя было разослать безъ предварительнаго просмотра особаго цензора; иностранныя газеты также подвергались надзору; во многихъ странахъ о ходѣ внутреннихъ дѣлъ нельзя было говорить ни слова; оппозиціонныя газеты преслѣдовались цензурными строгостями, придирками и судебными процессами до тѣхъ поръ, пока не прекращались совершенно; другимъ отказывали въ разсылкѣ съ казенной почтою, наконецъ были и такія, которыя просто запрещались полицейскимъ порядкомъ.

§ 835. Ганноверъ. Въ 1837 году, когда исполнилось ровно сто лѣтъ основанію знаменитаго Гёттингенскаго университета, скончался король Англійскій и Ганноверскій, Вильгельмъ IV, и воцарилась племянница его, Викторія. Такъ какъ публичное право германскихъ государей не допускаетъ женщинъ къ престолонаслѣдію, то корона Ганновера перешла къ дядѣ королевы, Эрнсту Августу, герцогу Кумберландскому (20 іюня 1837). Весь край ликовалъ, радуясь своей самостоятельности, но скоро радость превратилась въ горе, когда новый король ознаменовалъ свое воцареніе отмѣною конституціи 1833 г. (5 іюля 1837), «потому что на нее не испрошено согласія родственниковъ давшаго ее государя и такъ какъ она заключаетъ въ себѣ существенное нарушеніе правительственныхъ правъ»; на мѣсто ея возстановленъ прежній земскій уставъ 1819 г. Вслѣдъ за тѣмъ потребовали отъ всѣхъ чиновниковъ («королевскихъ слугъ») новой присяги на вѣрность. Быть-можетъ многіе изъ служащихъ пришли отъ этого въ разладъ съ своей совѣстью, однакожь исполнили требуемое. Только семеро профессоровъ Гёттингенскаго университета, въ томъ числѣ красы нѣмецкой науки, отказались присягнуть новой конституціи. Они были уволены отъ своихъ мѣстъ (18 ноября), и трое изъ нихъ, Дальманъ, Яковъ Гриммъ и Гервинусъ, высланы за границу, потому что они обнародовали свой протестъ. Благодарность, какою вся Германія привѣтствовала ихъ поступокъ, и участіе, обнаружившееся въ предложенной имъ щедрой помощи, доказали въ первый разъ какъ усилилось общественное мнѣніе и какъ выросъ незамѣтно въ тиши образъ мыслей народа. Но ни союзный сеймъ, ни ганноверское правительство ни сколько этимъ не смутились. Не обращая вниманія на протестаціи, поступавшія и отъ цѣлыхъ городовъ и отъ отдѣльныхъ лицъ, король велѣлъ произвести выборы по закону 1819 г., и когда земскіе чины, по нѣкоторомъ колебаніи, объявили себя не въ правѣ признать отмѣну государственныхъ учрежденій 1833 г., засѣданія ихъ были закрыты. Напрасно многіе изъ членовъ и избирательныхъ корпорацій обращались къ союзному сейму съ жалобами на нарушеніе своихъ правъ: сеймъ призналъ это внутреннимъ дѣломъ края и уклонился отъ всякаго вмѣшательства; напрасно, опираясь на мнѣнія юридическихъ факультетовъ Іены, Гейдельберга и Тюбингена, нѣкоторыя мѣстности отказывали въ податяхъ: правительство достигло своей цѣли, обложивъ имѣнія секвестромъ. Когда въ слѣдующемъ году

многіе депутаты отреклись вступить въ незаконно-составленную камеру и такимъ образомъ оказалось, что за неявкою надлежащаго числа членовъ не могло состояться ни одного законнаго постановленія (1839), тогда праздныя мѣста были замѣщены посредствомъ новыхъ выборовъ отъ одного меньшинства, да и тутъ прибѣгали ко всякаго рода стѣсненіямъ, — пока не набралось необходимое число депутатовъ для разрѣшенія податнаго сбора. Точно такъ же поступило правительство въ 1840 г., чтобъ добиться признанія своей новой конституціи, составленной въ аристократическомъ, старосословномъ духѣ. На протестаціи не обращалось при этомъ ни малѣйшаго вниманія.

§ 836. Послѣдствія. Такая политика была очевидно несправедлива и близорука: доставляя правительствамъ мгновенный успѣхъ и удовлетвореніе ихъ желаній, она колебала въ сердцахъ народа чувства вѣры и вѣрности, извращала и мутила понятія о правѣ и тѣмъ подрывала самыя основы государственнаго зданія. Въ то самое время, какъ, опираясь на исходившія изъ Берлина ученія объ историческомъ правѣ [1], старались охранять всѣ отжилыя привилегіи, льготы и тягости и такимъ образомъ давали высшимъ классамъ непомѣрный перевѣсъ надъ пригнетаемыми низшими, — съ другой стороны всегда готовы были затоптать въ грязь самые неоспоримые договоры, утвержденные и давностью и присягой, обходили натянутымъ толкованіемъ народныя права и подтверждали старую нѣмецкую поговорку, что «сила пуще права». Могла ли при этомъ не родиться у народа мысль, что право, которое представляли ему вѣчнымъ и священнымъ, служитъ на пользу одной силѣ и знатности, что его можно повернуть какъ хочешь въ угоду имъ, и что вѣрность, къ которой обыкновенно взываютъ, когда это нужно, требуется только со стороны слабаго и бѣднаго. — Такая политика естественно проложила цѣлую бездну между народомъ и правительствомъ, между подданными и властями, между націей и «полицейскимъ государствомъ»; она была причиною того, что всѣ законы, распорядки, учрежденія и предлагаемыя мѣры, по скольку они исходили отъ правительствъ, обыкновенно принимались съ недовѣріемъ. Конечно, легко было держать въ уздѣ книгопечатанье посредствомъ полицейскихъ стѣсненій, но стѣсненія эти были для правительствъ зловреднѣе чѣмъ всякая свободная печать: что превозноси-

[1] Эти ученія придавали основамъ историческаго права слишкомъ безусловное значеніе, тогда какъ очевидно, что каковы бы ни были достоинства и цѣнность его въ давную эпоху, оно всегда предполагаетъ не только возможность, но и необходимость дальнѣйшаго развитія, обусловливаемаго успѣхами ума и нарожденіемъ новыхъ жизненныхъ отношеній.

лось въ изданіяхъ, подчиненныхъ строгому предварительному надзору, тому, разумѣется, не довѣрялъ никто, а что въ нихъ порицалось, то считали гораздо худшимъ нежели оно было въ самомъ дѣлѣ; благодаря произволу надзорщиковъ, всѣ благомыслящіе и имѣвшіе право на литературный голосъ мало по малу отступились отъ журналистики и оттого она попала въ такія руки, которыя рѣдко умѣли или хотѣли соблюсти мѣру должнаго. Обычай, всякое проявленіе общественной дѣятельности подчинять регламентаціи свыше и ставить его подъ особый надзоръ полиціи, породилъ величайшее отвращеніе къ господству канцелярскаго порядка, къ такъ называемой «бюрократіи» и «деспотизму чиновниковъ». Вся нація распалась на двѣ огромныя партіи: съ одной стороны стояли правительства, опирающіяся на военную силу и полицію, съ толпою состоящихъ на жалованьи слугъ, съ другой — весь остальной народъ различныхъ сословій. Вотъ отчего какія бы то ни было нападки на существующую систему, какое бы то ни было сопротивленіе властямъ, дворамъ и чиновникамъ — все безъ разбора принималось съ радостью, и издаваемыя въ этомъ духѣ книги, стихотворенія и журналы находили себѣ обширный кругъ читателей. Что жь мудренаго, если, при свойственномъ Нѣмцамъ многописаніи, воздѣлывалась по преимуществу именно эта литературная сторона? Какъ въ прежнее время бывали придворные поэты, воспѣвавшіе придворныя веселья и торжества, такъ теперь явились поэты, избравшіе предметомъ своей раздражающей лиры лохмотья убогихъ и бѣдствія пролетаріевъ. Однѣ только оппозиціонныя газеты могли разсчитывать на прочную долговѣчность и большое число подписчиковъ; консервативныя — скоро заподозривались въ подкупности и не могли долѣе существовать. Даже въ наукѣ и литературѣ, единственномъ поприщѣ, открытомъ для свободнаго движенія ума, оппозиція противъ существующаго занимала болѣе и болѣе мѣста и сообщала созданіямъ разума и фантазіи тотъ разлагающій характеръ, который находилъ себѣ такое сильное сочувствіе и такой сильный отголосокъ въ общественномъ мнѣніи. Изъ отвращенія къ поддерживаемому правительствами мертвому застою въ церкви и государствѣ, само среднее сословіе, консервативное по своему существу, поощряло съ какимъ-то злорадствомъ всѣ разрушительныя направленія и порывы, даже и тѣ, которые подготовляли страшную бѣду для священнѣйшихъ и дражайшихъ его интересовъ. — Только одно стремленіе постоянно просвѣчивало во всѣхъ борьбахъ и разногласіяхъ Германіи и было той «красной нитью», которая сквозила во всей общественной дѣятельности

народа,—стремленіе къ національному и политическому единству, къ преобразованію государственнаго строя въ одно цѣлое, къ достиженію внѣшняго почета и совокупнаго представительства въ отношеніи другихъ державъ; въ этомъ смыслѣ радостно привѣтствовали учрежденный прусскимъ правительствомъ общій Таможенный союзъ, какъ краеугольный камень германскаго единенія черезъ свободную связь различныхъ племенъ и владѣній. Имѣя ближайшею цѣлью поднять одни вещественные интересы, онъ скоро укрѣпилъ чувство національности и общаго отечества и породилъ самоувѣренность, общемысліе и любовь къ родному краю.

B. Абсолютныя государства.

1. Австрія.

§ 837. Въ Австріи, какъ при императорѣ Францѣ I, такъ и по смерти его (2 марта 1835), при слабомъ, безхарактерномъ Фердинандѣ I, настоящимъ вождемъ государства и душою всей политики оставался князь Меттернихъ. Врагъ всѣхъ демократическихъ формъ государства, и республиканскихъ и конституціонныхъ, ревностный поборникъ безусловной монархіи съ аристократическою обстановкой, какъ оплота противъ угрожающаго разлива революціонныхъ идей, князь Меттернихъ былъ средоточіемъ консервативной и реакціонной политики. Подъ его управленіемъ Австрійская имперія была не что иное какъ таможенная линія, охраняемая досмотрщиками и толпами стражи и запертая отъ чужеземцевъ строгою паспортною системой; всѣ умственныя связи прерывались и затруднялись самыми стѣснительными ограниченіями книжной торговли и строгимъ надзоромъ не только за привозными книгами и газетами, но даже и за частною перепиской. Этимъ пограничнымъ кордономъ надѣялись отстранить отъ вѣрныхъ и простодушныхъ Австрійцевъ «заразу просвѣщенія» другихъ странъ, непоколебимо сохранить власть духовенства надъ умами и навѣки приковать народъ къ завѣщанному преданіемъ старому порядку, но водворили только систему лжи, подкупа, безнравственности, умѣнья все дѣлать на показъ и вездѣ обходить сущность дѣла. Отстраняя всѣми силами отъ Австріи умственную жизнь, религіозныя и политическія борьбы другихъ народовъ, Меттернихъ старался точно такъ же слѣдить и подавлять тайною государственной полиціей каждое живое движеніе внутри.

— Полицейскіе агенты, шпіоны и доносчики наблюдали и улицы и общественныя мѣста, подслушивали разговоры, вывѣдывали самыя задушевныя мысли, религіозныя и политическія мнѣнія туземцевъ и пріѣзжихъ. Такой гнусной системы предательства, какая господствовала тогда въ Австріи, подрывая всякое довѣріе въ общественной и частной жизни, едва ли видано гдѣ-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось существованіе венеціанской тайной полиціи и инквизиціи испанской и итальянской. Всякаго, кто по неосторожности попадался въ лишнемъ словѣ, въ жалобѣ или какомъ-нибудь порицаніи, кто дозволялъ себѣ непрошеную критику въ печати, или, тѣмъ паче, навлекалъ на себя подозрѣніе въ принадлежности къ какому-нибудь тайному обществу противъ политической системы,— ожидали государственныя тюрьмы, обнимавшія его какъ могильный склепъ и такъ наглядно изображенныя перомъ многострадальца Сильвіо Пѐллико. Противуядіемъ революціонному духу и силѣ просвѣщенія служили поборники умственной тупоты, — иноческіе ордена, монастыри и іезуиты, ревностно поддерживаемые въ своей дѣятельности (придворною камарильей [1]). Послѣдніе водворились, гдѣ подъ чужимъ именемъ, гдѣ открыто и явно, въ Грецѣ, Инсбрукѣ и друг. мѣстахъ и, въ качествѣ воспитателей, старались предохранить будущія поколѣнія отъ тревожнаго духа времени, слишкомъ падкаго на новизну. Науки и искусства не оставались впрочемъ безъ поощренія, высшія учебныя заведенія и академіи художествъ могли указать на нѣсколько именъ, украшенныхъ литературною и художническою славой; но это научное и художественное образованіе было слишкомъ неровно распредѣлено. При строгомъ надзорѣ за преподаваніемъ, только практическія и опытныя науки, естествовѣдѣніе и медицина, математика и технологія, да развѣ еще филологія и древности, находились на соотвѣтственной германскимъ взглядамъ высотѣ; напротивъ того, исторія или должна была примѣняться къ кругу понятій и воззрѣній господствующей церковной и государственной системы, или ограничиваться учеными изслѣдованіями давно минувшихъ эпохъ и исчезнувшихъ поколѣній; философія была стѣснена въ свободѣ умствованія и сводилась на однѣ схоластическія формы; богословію также предоставлялось лишь

[1] Правдивая исторія должна снять съ печальной памяти князя Меттерниха обвиненіе по крайней мѣрѣ въ томъ, что будто онъ поддерживалъ и ретроградные происки духовенства. Это вполнѣ противорѣчило его личнымъ убѣжденіямъ и было дѣломъ сильной при дворѣ клерикальной партіи, во главѣ которой съ 1824 г. стала хитрая эрцгерцогиня Софія.

весьма узкое поприще, замкнутое со всѣхъ сторонъ строгимъ католицизмомъ. Мало заботясь объ образованіи народа, для котораго считали достаточною самую скудную долю знаній, австрійскія власти обращали главное свое вниманіе на высшіе и средніе классы и поощряли особенно такія учебныя заведенія, которыя, какъ дворянскіе и военные институты, служили на пользу могущественной аристократіи, или, какъ реальныя и ремесленныя школы, споспѣшествовали только развитію промышленности и одного техническаго образованія. Собственно же народныя училища оставались въ небреженіи и ввѣрялись руководству малообразованнаго и притомъ лѣниваго духовенства, тогда какъ изъ высшихъ заведеній старались устранить всѣ свободные предметы человѣческаго знанія, облагораживающіе духъ и развивающіе мыслительность. Утрата свободы должна была вознаграждаться обиліемъ вещественныхъ благъ и житейскихъ наслажденій; но отсутствіе идеальныхъ стремленій и недостатокъ умственныхъ и нравственныхъ пружинъ не наверстывается никакимъ другимъ благомъ въ мірѣ. — Между тѣмъ какъ на западѣ все настойчивѣе требовали обширнѣйшаго участія народа въ государственной жизни и все болѣе старались осуществить начало народнаго самодержавія, которому правительство служило бы только высшимъ органомъ, — въ Австріи держались крайне-податливаго правила: «все для народа, и ничего черезъ народъ», болѣе и болѣе стѣсняли право земскаго представительства, тамъ, гдѣ оно еще существовало, и довели его подъ-конецъ до совершенной ничтожности: такъ было въ эрцгерцогствѣ Австріи, въ Богеміи, въ Штиріи и друг. м. Въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ народное представительство было устранено почти совсѣмъ, а въ кроатскихъ и иллирійскихъ провинціяхъ голосъ туземцевъ только тогда принимался въ уваженіе, когда грозный видъ воинственнаго народа придавалъ ему по временамъ особый вѣсъ. Одна Венгрія отстаивала свое народное представительство. Въ то время какъ всѣ другія державы, отмѣною феодальныхъ повинностей, старались умѣрить возрастающее наравенство собственности и заранѣе принять мѣры противъ пауперизма, который какъ грозное привидѣніе вперялъ отчаянные взоры въ богатый высшій классъ, — въ Австріи по прежнему существовали барщины и сохранялись въ самой притѣснительной формѣ всѣ отношенія рабскаго труда; этимъ, разумѣется, поддерживалась взаимная ненависть между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, которая привела къ извѣстнымъ ужасамъ въ Галиціи и нарушала всякой порядокъ и мирное общежитіе различныхъ сословій между собою. Государственное хозяйство и вся финансовая часть неоднократно подвергались совершенной разладицѣ, такъ что государственные кредиторы потерпѣли много потерь, государственный долгъ и бумажныя деньги возрасли въ громадномъ размѣрѣ, а подати, таможенныя пошлины и налоги достигли обременительной высоты. Уже въ 1811 г., патентомъ министра Валлиса, находившіяся въ оборотѣ банковыя ассигнаціи были понижены въ пятую часть своей цѣны, а проценты государственныхъ облигацій на половину. — Правда, что Австрія обладала хорошо вооруженною, сильною арміей, что Тріестскія торговыя суда служили посредниками восточной торговли, что шоссе и желѣзныя дороги содержались въ исправности, что многія отрасли промышленности (благодаря техническому образованію и охранительной системѣ) развились и процвѣли, что фабрики и мануфактуры всякаго рода занимали бездну рукъ и вызвали многія мѣстности къ новой жизни; но при этомъ не должно упускать изъ виду и зловредныхъ дѣйствій абсолютизма: прежнее великолѣпіе и красота Венеціи исчезли безъ слѣда; исчезли богатство, энергія, чувство свободы и живая гражданская дѣятельность Ломбардцевъ, которые нѣкогда такъ славно противустали геройской силѣ Гогенштауфеновъ; австрійское правительство плохо исполнило свое призваніе быть поборникомъ германской культуры на Востокѣ; оно не обезпечило участи придунайскихъ странъ; ни въ Греціи, ни въ Турціи, ни на Востокѣ вообще оно не съумѣло дать имперіи того вѣса, какой пріобрѣли тамъ Англія, Россія и Франція. Оно, повидимому, совсѣмъ забыло свой старый лозунгъ: «Австрія впередъ!» Заботясь только о задержаніи прогресса и о подавленіи духа свободы во всѣхъ сферахъ и проявленіяхъ, правительство спокойно смотрѣло на то, какъ другія державы опережали великую Австрійскую монархію, и какъ всякая гражданская доблесть постепенно замирала въ клещахъ полицейскаго управленія. Самъ изукрашенный всѣми возможными орденами, титулами и почестями, обладая огромнымъ богатствомъ и сверхъ-того получая большіе пенсіоны, князь Меттернихъ поддерживалъ страсть къ чинамъ и титуламъ въ австрійскомъ обществѣ, подавлялъ въ немъ всякое вольное движеніе, всякое чувство истинной чести, возбуждая суетность и мелочное честолюбіе, и направлялъ всѣ силы и способности народа къ пріобрѣтенію однихъ вещественныхъ благъ, къ исканію однѣхъ чувственныхъ отрадъ и наслажденій. Какъ нѣкогда Римскіе императоры, такъ теперь и австрійское правительство внимало только одному народному требованію, — требованію «хлѣба и зрѣлищъ»; поощряя всякія общественныя потѣхи и театральные фарсы низшаго раз-

бора, оно питало свойственную народному характеру лѣнь и беззаботность, чтобы подданные не только терпѣливо выносили, но еще и благословляли руководящую ихъ власть. Не должно однакожь забывать того, что всѣ сколько нибудь прочныя, устойчивыя черты народнаго и государственнаго быта являются скорѣе источникомъ, нежели плодомъ правительственныхъ системъ; и тѣ и другія всегда почти обусловлены совокупнымъ дѣйствіемъ племеннаго характера и преобладающихъ въ извѣстную эпоху всемірно-историческихъ обстоятельствъ. — Князь Меттернихъ былъ первоначальникомъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя обездоливали государственную жизнь Германіи и подавляли лучшія ея стремленія и силы, тогда какъ, благодаря его же вліянію, въ Испаніи, Португаліи и Швейцаріи клерикальная партія находила себѣ поддержку противъ людей прогресса, да и вездѣ готова была рука помощи обскурантизму и реакціи противъ просвѣщенія и свободы.

2. Пруссія.

§ 838. Въ Пруссіи, до кончины многоиспытаннаго короля Фридриха Вильгельма III (7 іюня 1840), прежнее положеніе поддерживалось по-возможности неизмѣнно; только съ лѣтами все возрастало недовѣріе этого государя къ современнымъ либеральнымъ стремленіямъ, внушенное ему такими совѣтниками, какъ Кампцъ и друг., а вслѣдствіе того обнаруживалось у него и болѣе строгости къ поборникамъ либерализма. Постановленія союзнаго сейма, ограничивавшія свободу политической жизни въ конституціонныхъ государствахъ, подавившія свободу печати, введенную было въ Баденѣ, усилившія цензуру и подвергшія строгому надзору журналистику и книжную торговлю,— все это большею частію исходило отъ Пруссіи или поддерживалось ею. Что̀ преслѣдовалось королемъ въ чужихъ владѣніяхъ, то, разумѣется, еще менѣе терпѣлось въ его собственныхъ. Далекій отъ того, чтобъ учрежденіемъ государственныхъ чиновъ исполнить свое королевское слово въ точности и къ совершенному удовольствію подвластныхъ, онъ, напротивъ, болѣе и болѣе урѣзывалъ права областныхъ сеймовъ и такимъ образомъ лишилъ ихъ всякаго значенія; надменная чиновническая іерархія, хотя и состояла изъ способныхъ людей, которые искусно управляли государственною машиной, но прикрывала свои дѣйствія и намѣренія завѣсою тайны и часто оскорбляла рѣзкимъ, бюрократическимъ тономъ своего повелительнаго канцелярскаго языка (такъ въ одномъ офиціальномъ актѣ употреблено было въ отношеніи къ прусскому народу пресловутое

выраженіе «ограниченный умъ подвластныхъ»); финансовое управленіе, при всей его добросовѣстности, также закутывалось въ таинственный мракъ, и въ податной системѣ по прежнему господствовало тяжкое для маленькаго человѣка разнообразіе, то есть различное распредѣленіе налоговъ смотря по областямъ, сословіямъ и стародавнимъ преимуществамъ и льготамъ. Судопроизводство оставалось при своей устарѣлой письменности и тайнѣ и вовсе не имѣло въ виду внушить народу болѣе довѣрія уступками духу времени, настойчиво требовавшему гласности, устности и участія присяжныхъ; мало этого,—къ укорененнымъ въ Рейнской провинціи учрежденіямъ такого рода [1] постоянно обнаруживали какое то непріязненное расположеніе и подвергали ихъ разныхъ передѣлкамъ. Такъ-называемая «исключительная подсудность» и право «вотчиннаго суда», оставленныя за привилегированнымъ классомъ, противорѣчили общему требованію равноправности для всѣхъ подданныхъ. Правда, что отъ несчастной, но столь великой для Пруссіи поры чужевластья она сохранила пріобрѣтенныя тогда учрежденія, которыя возвышали ее надъ множествомъ другихъ державъ:—ея почва была большею честію освобождена отъ тяготѣвшихъ на ней повинностей, ея ремесленный классъ избавился отъ цеховыхъ стѣсненій, у ней было народное воеустройство, у ней былъ либеральный общинный уставъ; но вразсужденіи строгаго наблюденія за церковью, учебнымъ вѣдомствомъ и печатью, она мало уступала австрійской системѣ управленія. Университеты состояли подъ усиленнымъ надзоромъ государственныхъ властей; свобода преподаванія много стѣснялась запрещеніемъ посѣщать иные университеты, а равно и прекращеніемъ такихъ курсовъ, которые не нравились правительству; учительство подлежало самому строгому контролю. Періодическая литература крайне стѣснялась не только предварительною и возвратною цензурой, но сверхъ-того еще и тѣмъ, что внутреннія дѣла вообще не дозволялось подвергать критическому разбору; книги, казавшіяся опасными, вовсе не допускались въ продажу. Крайне подозрительному наблюденію подлежали церковь и вѣроученіе, что̀ особенно зависѣло отъ религіозности самого короля. Въ протестантской церкви не терпѣлъ онъ никакого уклоненія отъ изданнаго имъ единительнаго акта, и ослушниковъ наказывалъ лишеніемъ политической равноправности, да и относительно католицизма заявилъ свое самовластительство тѣмъ, что приказалъ

[1] Со времени владычества тамъ Французовъ.

взять подъ стражу Кёльнскаго архіепископа (§ 815).—Преемникъ его, Фридрихъ Вильгельмъ IV, сынъ высокообразованной эпохи, питомецъ круга умныхъ, отчасти даже геніальныхъ людей, былъ человѣкъ, въ чьей воспріимчивой душѣ сходились, какъ въ фокусѣ, лучи всѣхъ отраслей науки, тщательно воздѣлываемыхъ въ Берлинѣ, этой «метрополіи германскаго ума»; онъ по временамъ и какъ бы скачками покидалъ обычный путь своего отца, но, постоянно колеблясь духомъ, вскорѣ потомъ возвращался и шелъ опять тою же дорогою. Въ надеждѣ на свою умственную силу, онъ сначала ослабилъ путы, которыми его предшественникъ связалъ свободу книгопечатанія, слова и даже помысла; онъ думалъ, что всегда совладѣетъ съ умами, которымъ отпуститъ повода; но когда онъ замѣтилъ, какъ сильно и полуосвобожденная печать волнуетъ жаждущее простора время, тогда онъ дозволилъ своему правительству снова крѣпче натянуть бразды власти, особенно послѣ злодѣянія отставнаго бургомистра Тшеха, который изъ одной личной мести совершилъ опасное покушеніе на жизнь короля.—Надѣленный живымъ умомъ, даромъ слова и скороподвижнымъ характеромъ, Фридрихъ Вильгельмъ IV не находилъ никакого удовольствія въ спокойномъ, обычномъ ходѣ государственнаго и церковнаго порядка; онъ хотѣлъ дѣйствовать и творить, но всегда по собственному усмотрѣнію; онъ хотѣлъ преобразованій, но лишь на столько, на сколько это представлялось нужнымъ его властительскому уму; отсюда то колебаніе между застоемъ и движеніемъ, та система «заторможеннаго прогресса», которая такъ часто возбуждала ироническій смѣхъ. Въ душѣ его зарождалось много великихъ мыслей и плановъ, но осуществленіе ихъ задерживалось то его гордостью, которая не хотѣла дѣлать никакихъ уступокъ духу времени, то его средневѣковыми и аристократическими предубѣжденіями, которыя крѣпко держались за историческія права и ненавидѣли въ преобразовательномъ либерализмѣ дѣтище революціи, то, наконецъ, его строговѣріемъ, которое рѣшалось допускать свободу религіозной жизни и церковный прогрессъ въ той только степени, въ какой это было согласно съ основаніями и правилами, установленными въ символическихъ книгахъ. Великая цѣль всякой національной политики, — единство германской земли, находила въ патріотическомъ духѣ короля и многихъ его совѣтниковъ истинное сочувствіе; но сколько ни поблажало этому стремленію правительство, поощряя и расширяя таможенный союзъ, явная антипатія къ южно-германскому либерализму, обнаружившаяся въ малодушной высылкѣ изъ Пруссіи двухъ баденскихъ депутатовъ, снова разрушила народное довѣріе къ чистотѣ его намѣреній. Эта же антипатія къ либерализму и его порывамъ преимущественно удерживала короля дать государству «конституцію», какъ требовало того общественное мнѣніе, и внушила ему мысль, послѣ долголѣтнихъ изысканій въ области конституціонныхъ мнѣній, возстановить опять средневѣковые земскіе чины патентомъ отъ 3 февраля 1847 г. — Во всѣхъ мѣрахъ и учрежденіяхъ Фридриха Вильгельма IV замѣтны борьба и постоянное колебаніе между высокою, свободною идеей и закоренѣлымъ предразсудкомъ, между величавою, благородною политикой и пренебрежительнымъ неуваженіемъ къ общественному мнѣнію, между ревностнымъ исканіемъ народной любви и популярности и самодовольнымъ сознаніемъ своего высокаго сана.

3. Россія.

§ 839. Въ эпоху трехлѣтней борьбы за освобожденіе Европы отъ Наполеона, либеральныя идеи запада естественно привились и ко многимъ изъ образованныхъ Русскихъ, игравшихъ въ этой достопамятной войнѣ столь важную и столь почетную роль. По возвращеніи русскихъ войскъ въ предѣлы отечества, идеи эти стали распространяться и на нѣкоторые другіе кружки и даже замѣтно высказываться въ литературѣ. Императоръ Александръ, вначалѣ снисходительно смотрѣвшій на эти заявленія, призналъ необходимымъ противодѣйствовать имъ съ тѣхъ поръ, какъ движенія либеральной партіи въ западной Европѣ нарушили тамъ вновь-водворенный порядокъ и сильно встревожили только-что успокоившіяся правительства. Мы уже видѣли, что глубоко огорченный Государь узналъ передъ кончиною о существующемъ въ арміи военномъ заговорѣ и оставилъ своему преемнику печальный долгъ принять мѣры противъ готовившагося возстанія. Преодолѣвъ вспыхнувшій въ Петербургѣ и на югѣ военный мятежъ, и наказавъ главныхъ виновниковъ смертью, а остальныхъ ссылкою или заключеніемъ, императоръ Николай (§ 798) вступилъ въ спокойное обладаніе могущественнѣйшимъ престоломъ. Съ тою же рѣшительностью и энергіей, какія обнаружилъ онъ при подавленіи многовѣтвистаго заговора, новый Государь держалъ съ тѣхъ поръ въ своей твердой рукѣ бразды верховной власти, лично направляя весь ходъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ громадной имперіи. Преобладающимъ стремленіемъ его было оградить свой народъ отъ соблазнительнаго духа партій западной Европы, дать ему особое, наці-

ональное развитіе и по мѣрѣ возможности распространить на подвластныя Россіи чуждыя племена господствующіе въ ней религіозные и государственные элементы. Съ этою цѣлью состоялся цѣлый рядъ мѣръ къ устраненію всѣхъ тѣхъ вліяній западнаго образованія, которыя могли противодѣйствовать полному успѣху «національной системы»: предпринято возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью, изданы разныя постановленія, ограничивавшія мѣсто жительства и самый бытъ Евреевъ, и предписано распространеніе русскаго языка, отчасти и грековосточнаго исповѣданія, въ западныхъ областяхъ имперіи. Единообразный порядокъ всѣхъ отраслей внутренняго управленія старались утвердить на началахъ военнаго устройства. При этомъ заботы Государя были постоянно обращены на содержаніе многочисленнѣйшей арміи въ возможно блистательномъ видѣ и во всегдашней готовности на случай войны.

§ 840. Внѣшняя политика. Главною задачею внѣшней политики Россіи было расширеніе ея вліяній на Востокѣ и на Западѣ. Вызванная нападеніемъ Персіи война съ этою державой кончилась въ 1828 г. присоединеніемъ Армянской и Эриванской областей и по возстановленіи мира надолго подчинила шаха вліянію русской дипломатіи, сильно безпокоившему Англичанъ относительно ихъ остъ-индскихъ владѣній. Чтобы противодѣйствовать успѣхамъ Россіи съ этой стороны, смѣтливые островитяне принялись снабжать оружіемъ и военными припасами племена храбрыхъ кавказскихъ горцевъ, защищавшихъ съ удивительною стойкостью свою дикую независимость противъ грознаго напора русскихъ силъ. Дѣятельность англійскихъ и польскихъ агентовъ на Кавказѣ ни для кого не была тайною, но разрыва съ Англіей не послѣдовало даже и тогда, когда охранявшая восточный берегъ Чернаго моря русская эскадра захватила англійскій бригъ Виксенъ, весь нагруженный оружіемъ (1838). Англія, съ другой стороны не настаивала въ своихъ притязаніяхъ за то, что при занятіи Персіанами пограничнаго съ Индіей важнаго торговаго города Герата (1839), обнаружилось участіе агентовъ русской дипломатіи; она вполнѣ удовольствовалась отозваніемъ русскаго посланника въ Персіи, графа Симонича, который, какъ увѣряли, превысилъ въ этомъ случаѣ данные ему наказы. — Вліяніе Россіи на Турцію особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Николай оказалъ ей необыкновенно быструю помощь присылкою вспомогательнаго корпуса (въ началѣ 1833), котораго присутствіе передъ Константинополемъ побудило побѣдоноснаго Ибрагима-

Пашу согласиться на миръ и отступить въ Сирію. Заключенный въ слѣдъ за тѣмъ трактатъ въ Ункяръ Скелеси обезпечилъ Портѣ на десятилѣтній срокъ вооруженное пособіе со стороны Россіи, въ случаѣ какихъ либо дальнѣйшихъ столкновеній, а Порта, подтвердивъ всѣ прежніе договоры съ Россіею, въ томъ числѣ и право послѣдней покровительствовать единовѣрныхъ ей турецкихъ христіанъ, обязалась, на случай разрыва между россійскимъ дворомъ и другими державами, не допускать флотовъ этихъ державъ въ Дарданеллы. Судьба Дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, которыя были оставлены въ рукахъ русскихъ войскъ впредь до уплаты контрибуціи наложенной на Порту Адріанопольскимъ миромъ (1829), устроилась подъ покровительствомъ Россіи и при дѣятельномъ участіи русскаго военачальника (въ послѣдствіи графа) Киселева на лучшихъ основаніяхъ, и въ 1834 г. Русскіе окончательно выступили изъ того края. По смерти султана Магмуда II (1839) и по воцареніи юнаго и слабаго Абдулъ-Меджида, вражда Турціи съ непокорнымъ Египтомъ вызвала совокупное вмѣшательство со стороны великихъ державъ, въ которомъ дѣятельное участіе приняла и Россія. Ея очевидный перевѣсъ въ Турціи и занятіе ею Сулинскаго гирла Дуная (лучшаго судоходнаго устья этой рѣки) возбудили вскорѣ потомъ подозрительную ревность союзниковъ, въ особенности Англичанъ, озабоченныхъ, какъ и всегда, обезпеченіемъ своихъ торговыхъ интересовъ. Въ западной Европѣ стали болѣе и болѣе распространяться слухи о честолюбивыхъ видахъ русской политики, сильно поддерживаемые враждебною ей либеральною литературой; тѣсныя связи Россіи съ Австріей и Пруссіей, а также и съ нѣкоторыми другими изъ германскихъ державъ, давали, при подобномъ настроеніи, обильную пищу многимъ преувеличеннымъ толкамъ о значеніи этихъ связей, о грозномъ «сѣверномъ колоссѣ» и его возрастающемъ величіи; однакожь, не смотря на то дружественныя отношенія русскаго двора къ либеральнымъ державамъ запада, хотя иногда и охладѣвали, но въ сущности нисколько не нарушались до тѣхъ поръ, пока не наступилъ періодъ новыхъ революціонныхъ движеній.

Ж. НОВѢЙШІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ БУРИ.

I. Предвѣстія.

1. Италія.

§ 841. Италія. Въ іюнѣ 1846 г. умеръ папа Григорій XVI, человѣкъ простыхъ, строгихъ нравовъ, но врагъ новаго политическаго и религіознаго образованія и далекій отъ всякихъ заботъ о благѣ государства и о счастіи своихъ подданныхъ. Преемникомъ ему, еще въ полной силѣ зрѣлаго мужества, былъ избранъ Мастаи Ферретти, воцарившійся подъ именемъ Пія IX (род. 1792); сторонникъ прогресса, онъ, подъ вліяніемъ энтузіазма римскаго народа съ одной стороны, и поднявшейся противъ него оппозиціи—съ другой, возвысился до чувства призванія свыше—призванія стать преобразователемъ и спасителемъ Церковной Области. Его кротость и привѣтливое радушіе пріобрѣли ему сердца народа, его быстрыя реформы пробудили вдругъ надежды самыя смѣлыя. Онъ началъ съ разныхъ экономій въ своемъ дворцовомъ хозяйствѣ, дозволилъ болѣе свободы книгопечатанью, усилилъ прежде открытыя коммиссіи для составленія уложеній и преобразованія судопроизводства, введеніемъ въ нихъ лицъ, облеченныхъ общимъ довѣріемъ, утвердилъ постройку желѣзныхъ дорогъ, открылъ мірянамъ путь къ высшимъ служебнымъ обязанностямъ, рѣшился обложить монастыри Церковной Области податями, призвалъ изъ провинцій именитыхъ выборныхъ въ свой государственный совѣтъ, далъ городу Риму свободное муниципальное устройство и принялъ мѣры къ подготовленію союза итальянскихъ государствъ. Для подавленія явной и тайной оппозиціи, возставшей противъ этого «подтачивающаго начала, этого главы Юной Италіи», и поддерживаемой самими государями италійскаго полуострова, онъ устроилъ новую гражданскую стражу. Такимъ образомъ Пій IX сталъ въ челѣ національнаго движенія и снова сдѣлалъ папство «политическимъ средоточіемъ Италіи». Сильное волненіе обнаружилось вскорѣ въ цѣломъ краѣ, столь благословенномъ природою, столь угнетеномъ и обездоленномъ военнымъ деспотизмомъ и владычествомъ поповъ. Pio nono! (Пій IX!) восторженно гремѣло со всѣхъ сторонъ, сдѣлалось

лозунгомъ либераловъ, надеждой патріотовъ; evviva (да здравствуетъ!) папѣ считалось въ Неаполѣ, въ Моденѣ, въ Ломбардіи революціоннымъ кликомъ. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, гдѣ наемныя чужестранныя войска, изнѣженный дворъ и богатая чиновническая аристократія жили потомъ и кровью злополучной націи, гдѣ многочисленное бѣлое духовенство и лѣнивые, необразованные монахи владѣли громадными землями и несмѣтнымъ богатствомъ и держали народъ въ невѣжествѣ и суевѣріи, гдѣ полиція и блестящее для парадовъ войско не въ силахъ были защищать области отъ шаекъ мошенниковъ и бандитовъ [1],—тамъ требованіе реформъ и болѣе свободнаго государственнаго устройства раздавалось громче и грознѣе съ каждымъ днемъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ отпалъ угнетенный, обнищавшій островъ Сицилія, гдѣ смѣшанный изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ пылкій народъ не переставалъ вдыхать навѣвы свободы изъ-подъ развалинъ древняго величія; онъ разорвалъ наконецъ цѣпь, которою былъ прикованъ къ Неаполю и, въ надеждѣ на англійскую помощь, водрузилъ знамя независимости. Съ мужествомъ, презрѣніемъ смерти и непоколебимымъ упорствомъ, которыхъ никто не ожидалъ отъ давно порабощеннаго народа, освободилась Сицилія отъ своихъ тирановъ и лучше захотѣла предать бомбадировкѣ съ неприступной цитадели свой богатѣйшій торговый городъ Мессину (янв. 1848), нежели согласиться на предложенный Неаполемъ договоръ, которымъ взаимная связь ихъ, хотя и въ слабѣйшей степени, должна была все-таки поддержаться. Увлеченные такой отвагой Сицилійцевъ, жители Неаполя также подняли мятежъ, вслѣдствіе котораго король обѣщалъ грознымъ толпамъ народа дать государству представительную конституцію. Примѣру этому, волей или неволей, послѣдовали Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій, пользовавшійся любовью и уваженіемъ народа, не смотря на свое австрійское происхожденіе и родство, и сдѣлавшій свой благословенный край самымъ счастливымъ въ Италіи, и Карлъ Альбертъ, король Піэмонта и Сардиніи, который вначалѣ свои прежнія связи съ либералами старался загладить передъ другими дворами строгимъ управленіемъ въ старинномъ смыслѣ, участіемъ во французскомъ походѣ на непокорныхъ Испанцевъ и благосклонствомъ къ іезуитизму и реакціи, а теперь, вторично измѣнивъ образъ мыслей

[1] Не разъ доходило до того, что правительство прибѣгало къ сдѣлкамъ съ этими шайками, возлагая на сильнѣйшую изъ нихъ исполненіе полицейскихъ обязанностей! Въ самомъ Неаполѣ цѣлыя артели мошенниковъ (комориисты) служили подручниками полиціи, какъ обнаружилось въ послѣднее время.

въ духѣ времени, началъ добиваться расположенія и любви италійскихъ народовъ. Честолюбивый и полный увѣренности въ свое военное искусство, онъ надѣялся сдѣлаться владыкою единой и независимой Италіи. Герцогъ Моденскій, ревностный поборникъ богодарованной власти и прирожденной законности, спасся бѣгствомъ отъ революціоннаго духа своихъ подданныхъ; смерть мало любимой и мало уважаемой Маріи Луизы Пармской (18 дек. 1847), не понявшей своей великой судьбы и повидимому забывшей въ своемъ второмъ неравномъ бракѣ и императора Наполеона и роковой его жребій, — смерть эта еще болѣе подняла надежды Итальянцевъ на близость національнаго единства подъ державою природныхъ государей и на болѣе свободное политическое устройство. Только двѣ власти, одна духовная, другая свѣтская, повидимому мѣшали достиженію этой цѣли,—іезуиты и Австрійцы. Противъ этихъ-то двухъ властей и устремилась пламенная ненависть Итальянцевъ. Клики: «да здравствуетъ Джоберти!» врагъ іезуитовъ, и «смерть Нѣмцамъ!» (Tedeschi), разумѣется Австрійцамъ, мѣшались съ возгласами въ честь Пія IX, особенно когда послѣдній энергически протестовалъ противъ занятія Феррары австрійскимъ гарнизономъ. Столкновенія и ссоры между Итальянцами и Австрійцами въ Падуѣ, Миланѣ и во всей верхней Италіи, насмѣшки, поддразниванья, вызывающія пѣсни и угрозы противъ «Нѣмцевъ», союзы воздержанія отъ табаку и лотерей, въ ущербъ австрійскимъ доходамъ, враждебныя демонстраціи и оскорбительныя стачки, довели непріязнь и озлобленіе обѣихъ націй до того, что австрійскіе солдаты жили въ ломбардовенеціанскихъ городахъ какъ въ непріятельскомъ краѣ, и что наконецъ австрійское правительство объявило Ломбардію въ осадномъ положеніи (22 февр. 1848), рѣшась подавить волненіе строгостью.

2. Германія и Швейцарія.

§ 842. Пруссія. Движеніе и борьба 1847 г. были предвѣстниками страшныхъ потрясеній и переворотовъ въ 1848. Когда король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію и, допустивъ гласность и устность судовъ и узаконивъ эдиктомъ о терпимости ограниченную свободу вѣры, патентомъ отъ 3 февраля созвалъ въ Берлинъ такъ называемый «соединенный сеймъ», тогда общій голосъ прозвалъ

этотъ сеймъ собраніемъ именитыхъ гражданъ [1], вовсе не подозрѣвая, что это прозвище скоро подтвердится на самомъ дѣлѣ. Много голосовъ слышалось противъ принятія такой конституціи, которая столь мало соотвѣтствовала прежнимъ обѣщаніямъ и потребностямъ настоящаго, которая давала не сеймъ, составленный свободнымъ выборомъ народа, а только соединеніе областныхъ чиновъ, раздѣленныхъ посословно и возникшихъ изъ слишкомъ тѣсной формы избирательства; которая, не опредѣляя сроковъ этого сейма, предоставляла на волю власти назначеніе времени и мѣста собраній его каждый разъ; которая множествомъ постановляемыхъ изъятій обращала въ чистый призракъ право законодательства и утвержденія налоговъ; которая ограничивала право жалобъ и политическихъ прошеній и, учрежденіемъ сеймоваго комитета, давала поводъ сомнѣваться даже въ будущемъ созывѣ соединеннаго сейма. Но не смотря на всѣ стѣснительныя формы, въ этомъ собраніи, раздѣленномъ на курію господъ и курію чиновъ, обнаружилась столь сильная оппозиція изъ значительнѣйшихъ лицъ всѣхъ сословій, въ немъ такъ настойчиво указывали на прежнія обѣщанія, такъ сильно отстаивали право образованныхъ людей на свободу печати и на другія блага свободной государственности, что представители правительства, за исключеніемъ одного министра фонъ-Боделыпвинга, могли оказать только слабый отпоръ, и для каждаго безпристрастнаго наблюдателя вполнѣ выяснилась несостоятельность старой системы, не смотря на замѣчательную тронную рѣчь, въ которой король высказалъ свое рѣшеніе, что ни какая власть въ мірѣ не заставитъ его дать «бумажной конституціи». Воля короля преодолѣла оппозицію, и соединенный сеймъ не одержалъ ни какого существеннаго успѣха; но тѣмъ сильнѣе было нравственное вліяніе рѣчей и преній на націю, съ гордостью слѣдившую за ходомъ собранія, гдѣ выказались столь блистательные ораторскіе таланты, столько дѣльнаго знанія и ума. — Между тѣмъ какъ образованный и зажиточный классъ смотрѣлъ съ напряженнымъ участіемъ на внутреннюю борьбу въ сферѣ государства и церкви и съ тревожнымъ опасеніемъ — на глубокія потрясенія въ мірѣ коммерческомъ, гдѣ, вслѣдствіе непомѣрнаго расширенія кредита, наступилъ цѣлый рядъ банкрутствъ, разорившій въ конецъ тысячи, — въ то самое время хижины оглашались воплями голодныхъ, которые при возрастающей дороговизнѣ припасовъ послѣ

[1] Какъ называлось собраніе, предшествовавшее первой Французской революціи.

двухъ неурожайныхъ годовъ не находили средствъ къ полному удовлетворенію своихъ жизненныхъ потребностей. Вѣсти о страшной нуждѣ, породившей голодную смерть въ Верхней Силезіи и чисто ирландскія сцены во многихъ фабричныхъ и промысловыхъ мѣстностяхъ, — эти вѣсти, соединенныя съ раздражающими картинами пролетаріата въ литературѣ и вездѣ господствующею бѣдностью, породили сильное волненіе, которое наконецъ, въ Берлинѣ, Штутгартѣ, Мюнхенѣ и другихъ городахъ, перешло въ открытые мятежи. Послѣдніе хотя и были подавлены военною силой и полиціей, хотя благотворительность богатыхъ и обильная жатва вскорѣ успѣли положить конецъ мгновенной нуждѣ; однакожь возрастающая бѣдность рабочихъ классовъ и страшное неравенство собственности и жизненнаго довольства впервые обнаружились во всей страшнойнаготѣ; увидѣли ясно ту бездну горя и бѣдствія, въ которой находился пролетаріатъ и изъ которой неизбѣжная пагуба угрожала всему обществу, — и все сильнѣе ощущалась необходимость пособить этому злу путемъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій. Что пользы было въ томъ, что ежегодно цѣлыя тысячи уходили въ Америку? Совокупной благотворительности правительствъ, общинъ и частныхъ лицъ предстояло дать неимущимъ средства къ переселенію, да сверхъ-того заградить еще самый источникъ обѣднѣнія и нравственнаго упадка! Вездѣ проявлялось гнетущее, тревожное чувство недовольства; настоящее положеніе казалось крайне ненадежнымъ, тѣмъ болѣе, что, по винѣ самихъ правительствъ, чуть не всѣ возможныя бѣды приписывали однѣмъ политическимъ несообразностямъ. И сколько ни старались сдерживать подобные взгляды цензурой и строгимъ надзоромъ за печатью вообще, они все таки проникали въ народъ и дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что подкрѣплялись соблазнительною приправой тайны.

§ 843. Баварія. Тутъ, какъ нарочно, взволновалъ еще всю Германію слухъ о томъ, что престарѣлый король Лудвигъ Баварскій, попавъ въ сѣти испанской танцовщицы, Лолы Монтесъ, не только вовлекается ею въ самое безразсудное мотовство, но притомъ грозитъ лишеніемъ мѣстъ и немилостью всѣмъ тѣмъ, кто отказываетъ новой Дюбарри въ раболѣпномъ поклоненіи. Ультрамонтанская партія, безусловно управлявшая королемъ и краемъ въ послѣдніе годы, неизвѣстно изъ за какихъ причинъ разссорилась съ королевскою метрессой и подвергла власть свою величайшей опасности. Министерство Абеля и главы ультрамонтановъ въ университетѣ вдругъ лишились своихъ мѣстъ и, такимъ образомъ, послѣ зловредной дѣятельности, дожили до незаслуженно-почетнаго

паденья. Даже терпѣливый баварскій народъ пришелъ въ волненіе, когда строговѣрное духовенство обнаружило безнравственную жизнь короля и выставило прекословіе ей со стороны піэтистовъ единственною причиной ихъ удаленія; когда любимая танцовщица, пожалованная въ графини Ландсфельдъ, начала съ безстыдною наглостью выказывать свое вліяніе и свой позоръ; когда безпредѣльная слабость ослѣпленнаго короля отняла у короны весь блескъ царскаго величія. Даже поданныя имъ надежды на осуществленіе давно ожидаемыхъ реформъ и на болѣе современную систему правленія при новомъ министерствѣ, не могли разсѣять народнаго неудовольствія; да и либеральная партія, которую онъ думалъ привлечь къ себѣ, не изъявила никакой охоты запятнать свое дѣло позоромъ связи, оскорбляющей и нравы и приличіе, и дать противникамъ своимъ поводъ къ справедливымъ нареканіямъ. Мрачное недовольство господствовало такимъ образомъ во всѣхъ слояхъ, за исключеніемъ немногихъ раболѣпныхъ царедворцевъ и чиновниковъ; но передъ февральскою революціей во Франціи оно перешло въ открытый мятежъ, когда король велѣлъ временно закрыть университетъ и разослать по домамъ студентовъ въ наказаніе за то, что отчасти изъ-за оскорбленнаго нравственнаго чувства, отчасти изъ приверженности къ павшимъ ультрамонтанамъ, они не захотѣли имѣть сношеній съ одною студентскою корпораціей, къ которой особенно благосклонствовала метресса. Послѣ кратковременнаго боя на улицѣ, который граждане, студенты и простой народъ выдержали противъ полицейскихъ и слабо-дѣйствовавшей военной силы, король самъ призналъ за лучшее отмѣнить свое повелѣніе насчетъ университета и удалить графиню отъ себя.

§ 844. Вольныя дружины и отдѣльный союзъ (Зондербундъ) въ Швейцаріи. Одновременно съ этими явленіями происшествія въ Швейцаріи подожгли въ свою очередь и безъ того взволнованные умы. Болѣе тысячи лѣтъ католическая Швейцарія была связана съ епископствомъ констанцскимъ. При переустройствѣ общаго порядка дѣлъ по низложеніи Наполеона, швейцарскіе католики поставлены были подъ вѣдѣніе назначеннаго отъ папы генералъ викарія, который жилъ попеременно то въ Люцернѣ, то въ Швицѣ; въ слѣдъ за нимъ водворились во Фрейбургѣ и Валлизѣ іезуиты и учредили воспитательныя заведенія, въ которыя поступало много молодыхъ людей. Іюльская революція сильно повредила торжествующимъ ультрамонтанамъ; измѣненія конституціи въ демократическомъ смыслѣ совершились не въ пользу іерархіи, и на Ба-

денскомъ совѣщаніи (1834) партія движенія постановила правиломъ, что церковь должна быть подъ надзоромъ государства, что народному воспитанію слѣдуетъ предоставить полную свободу, а дѣятельность монастырей направить къ общеполезнымъ дѣламъ благочестія. Не смотря на протесты римской партіи, многіе смѣсные (т. е. католическо протестантскіе) кантоны, особенно радикальное ааргауское правительство, взяли управленіе монастырскимъ имуществомъ въ свои руки, и когда католическая партія въ Ааргау подняла за это мятежъ противъ новой конституціи, измѣненной въ смыслѣ баденскихъ постановленій, то правительство воспользовалось этимъ случаемъ для того, чтобъ, по опредѣленію Большаго совѣта (20 янв. 1841), отобрать въ казну для благотворительныхъ и учебныхъ цѣлей восемь монастырей, въ томъ числѣ и основанный Габсбургами, богатый Мури, какъ «главный притонъ волненія и мятежа». Не обращая вниманія на протестаціи католическихъ кантоновъ и Австріи противъ этого захвата церковной собственности, ааргауское правительство удержало монастырское имущество въ своихъ рукахъ и, предложивъ въ видѣ уступки возстановить изъ числа отобранныхъ три женскіе монастыря, получило на всѣ свои мѣры утвержденіе союзнаго сейма (1843). Съ тѣхъ поръ Швейцарія распалась на два лагеря, радикальный и консервативный. Ядромъ послѣдняго были семь католическихъ кантоновъ: три первобытные (Waldstädte) — Швицъ, Ури, Унтервальденъ, потомъ Люцернъ (гдѣ ультрамонтаны, при помощи поселянъ, восторжествовали надъ господствовавшими прежде либералами, съ тѣхъ поръ какъ въ 1841 г. пересмотръ мѣстной конституціи совершился въ консервативномъ смыслѣ подъ вліяніемъ насильственнаго закрытія ааргаускихъ монастырей), Цугъ, Фрейбургъ и Валлизъ (въ послѣднемъ радикальная партія нижней Ронской долины была побѣждена клерикальною въ кровопролитной схваткѣ и затѣмъ правительство устроилось въ духѣ побѣдителей). При возрастающемъ разномысліи и ярости партій, Люцерицы думали обезпечить успѣхъ своего дѣла навсегда, если призовутъ въ кантонъ іезуитовъ завѣдывать воспитаніемъ и обученіемъ юношества. Послѣ упорной борьбы предложеніе объ этомъ состоялось, благодаря перевѣсу крестьянскихъ голосовъ. Тогда либеральная партія въ Люцернѣ обратилась къ помощи своихъ единомышленниковъ въ другихъ кантонахъ, съ тѣмъ, чтобы силою вырвать власть изъ рукъ іезуитовъ и ихъ сторонниковъ. Но дурно устроенное ополченіе вольныхъ дружинъ было разсѣяно (мартъ 1845) столько же по милости неспособныхъ начальниковъ, сколько и благодаря хоругви первобытныхъ кантоновъ; а затѣмъ мстительное люцернское правительство прибѣгло къ мѣрамъ устрашенія и подавило всякую оппозицію строгостью судовъ. Тогда этотъ частный споръ перешелъ въ ярую борьбу между іезуитствомъ и радикализмомъ во всей Швейцаріи. Семь католическихъ кантоновъ требовали наказанія вольныхъ дружинъ, законнаго огражденія отъ подобныхъ посягательствъ на будущее время и полнаго возстановленія ааргаускихъ монастырей, а когда желаніе ихъ не встрѣтило себѣ у сейма надлежащаго сочувствія, они заключили между собою отдѣльный союзъ (Sonderbund) для взаимнаго отстраненія какъ внѣшнихъ нападеній, такъ и внутренней безурядицы. Въ противоположность этой мѣрѣ радикалы старались внезапнымъ насиліемъ ниспровергнуть правительства всѣхъ остальныхъ консервативныхъ кантоновъ, чтобы на слѣдующемъ сеймѣ обезпечить себѣ большинство. Въ Женевѣ и Ваадтѣ имъ удалось выполнить свой замыслъ. Достопочтенный «градъ Кальвина», получившій на Вѣнскомъ конгрессѣ роковой даръ въ видѣ присоединенныхъ къ нему католическихъ мѣстностей, попалъ, при содѣйствіи послѣднихъ, въ руки радикальной партіи (окт. 1846), тогда какъ въ Ваадтскомъ кантонѣ, благодаря усиліямъ государственнаго совѣтника Дрюэя, радикализмъ еще прежде (1845) восторжествовалъ надъ умѣренно-аристократическимъ правительствомъ и союзниками его, методистами (§ 814). Этотъ ударъ и воздѣйствіе его на прочіе кантоны обезпечили перевѣсъ радикаловъ, съ могущественнымъ Берномъ во главѣ, но навлекли имъ нерасположеніе Гизо, очень пристрастнаго къ старой Женевѣ, гдѣ онъ провелъ часть своей молодости. Радикальная партія потребовала теперь общаго удаленія всѣхъ іезуитовъ (іюль 1847), какъ необходимаго условія мира и тишины въ союзѣ, и настояла на сеймѣ, чтобы «отдѣльный союзъ» объявленъ былъ несовмѣстнымъ съ союзнымъ договоромъ, а высылка іезуитовъ предписана всѣмъ вообще кантонамъ республики. Пій IX увѣщевалъ не нарушать миръ, но не рѣшился формальнымъ отозваніемъ ордена предоставить противникамъ его полную побѣду, а такъ какъ и члены «отдѣльнаго союза», руководимые вліяніемъ горсти люцернскихъ фанатиковъ (какъ наприм. Зигвартъ Мюллеръ), не захотѣли исполнить опредѣленій сейма, то оставалось рѣшить дѣло мечемъ. Сверхъ всякаго ожиданія и въ противность всѣмъ бывшимъ примѣрамъ междоусобныхъ и религіозныхъ войнъ, борьба кончилась очень скоро (4 ноября — 1 декабря 1847). Союзная армія, подъ начальствомъ опытнаго генерала Дюфура, изъ Женевы,

почти безъ сопротивленія овладѣла Фрейбургомъ и Люцерномъ, послѣ чего другіе кантоны добровольно покорились сеймовымъ постановленіямъ. Важнѣйшими условіями мира были — принятіе на себя военныхъ издержекъ ослушными кантонами, смѣна ихъ правительствъ, расторженіе отдѣльнаго союза и высылка іезуитовъ. Этотъ быстрый исходъ не мало озадачилъ три великія державы, Австрію, Францію и Пруссію, которыя, враждуя радикаламъ, только-что успѣли согласиться насчетъ совокупнаго посредничества и вмѣшательства и отчасти втайнѣ снабжали отдѣльный союзъ и деньгами и оружіемъ. Курьеръ Гизо, привезшій депеши этому союзу, засталъ его уже расторгнутымъ и коноводовъ бѣгущими въ Италію. Онъ пустился догонять ихъ за Альпы и тѣмъ доставилъ обильную пищу насмѣшкамъ и остротамъ противной стороны. Эта политика Гизо, который при занятіи Кракова объявлялъ, что считаетъ Вѣнскіе договоры уничтоженными, а теперь опять взялся поддерживать эти договоры въ пользу іезуитизма противъ либераловъ и радикаловъ, стала могилою для іюльскаго правительства [1]. Только протестантская Англія держалась въ Швейцаріи, какъ и въ Италіи, иной политики [2]. Вслѣдъ за побѣдою швейцарскій сеймъ приступилъ къ пересмотру государственныхъ установленій республики, и на мѣсто прежняго представительства со стороны кантонныхъ властей на сеймѣ, введена была новая союзная конституція, значительно усилившая государственную власть. Рядомъ съ союзнымъ совѣтомъ (Bundesrath), который постоянно засѣдаетъ въ Бернѣ и, именемъ всего союза, держитъ въ рукахъ верховную правительственную власть, поставлены совѣтъ земскихъ чиновъ (Standerath), какъ представитель отдѣльныхъ кантонныхъ правительствъ, и національный совѣтъ (Nationalrath), свободно избираемый кантонами соразмѣрно населенію каждаго изъ нихъ. Въ тоже время приняты были мѣры для утвержденія большей централизаціи и національнаго единства въ союзѣ.

II. Февральская революція въ Парижѣ.

§ 845. Банкеты въ честь реформы. Большимъ несчастіемъ для іюльской династіи былъ тотъ случай, что вскорѣ по обновленіи

[1] Страшныя бури выдержалъ Гизо по поводу этихъ событій въ палатѣ депутатовъ, и въ цѣлой Франціи распространилось такое волненіе, которое предвѣщало неминуемый взрывъ.

[2] Особенно со времени краковскихъ событій.

палаты, которой большинство рѣшительно стояло за Гизо, репутація продажности и грязной корысти, тяготѣвшая на правительствѣ, нашла себѣ торжественное подтвержденіе въ процессѣ за взятки, которому подверглись генералъ Кюбьеръ и министръ Тестъ; что даровитый, но безхарактерный редакторъ газеты La Presse, Эмиль Жирарденъ, ненавистный республиканцамъ за то, что убилъ на поединкѣ Армана Карреля, оказался въ то же время министерскимъ наемникомъ; что между ближайшими къ двору людьми обнаружились явныя плутни; что наконецъ вся безнравственность, весь развратъ окружавшихъ іюльскій тронъ высшихъ сословій открылись въ самомъ страшномъ свѣтѣ гнуснымъ убійствомъ благородной дочери маршала Себастіани, герцогини де-Праленъ (Praslin), погибшей отъ руки мужа, ночью, въ своей собственной спальнѣ. И когда самоубійство герцога въ тюрьмѣ отнялоу раздраженнаго народа отраду судебнаго слѣдствія и торжество смертной казни грозившихъ вельможѣ, недовѣрчивая и взволнованная толпа была увѣрена, что послѣднему преступленію нарочно содѣйствовали для того, чтобъ не подвергнуть герцога началу равенства передъ закономъ и стыду всенароднаго обезглавленія. Что правительственная система, держащаяся на такихъ гнилыхъ опорахъ, не прочна — это чувство быстро проникло всю націю, охватило всѣ политическія партіи. Только обновленіемъ народнаго представительства чрезъ разширеніе выборнаго права можно было достигнуть желанной перемѣны и улучшенія; палата могла считаться выраженіемъ національной мысли, истою представительницей народа только тогда, когда бы вся нація, или по крайней мѣрѣ весь средній классъ участвовали въ выборѣ депутатовъ и такимъ образомъ устраняли всякую возможность подкупа и избирателей и избираемыхъ. Поэтому кличь о необходимости избирательной реформы раздавался громче съ каждымъ днемъ; всѣ классы и всѣ мнѣнія сходились въ этомъ между собою; избирательная реформа стала лозунгомъ для всѣхъ, знаменемъ легитимистовъ, конституціоналистовъ и республиканцевъ. Чтобы придать этому требованію болѣе гласности и настойчивости и вмѣстѣ вполнѣ обнаружить тотъ несомнѣнный фактъ, что наличное палатское большинство не есть выраженіе народа, люди прогресса устроили во многихъ городахъ Франціи реформные банкеты, на которыхъ часто являлось по нѣскольку депутатовъ лѣвой стороны (оппозиціи), и гдѣ въ смѣлыхъ рѣчахъ и тостахъ безпощадно обличались грѣхи господствующей правительственной системы. Событія въ Ита-

ліи и Швейцаріи, по поводу которыхъ сочувствія Французскаго народа стояли въ рѣзкой противоположности съ политикой правительства, усиливали волненіе и вызывали все новые банкеты, все болѣе и болѣе смѣлыя демонстраціи. Среди такого настроенія послѣдовало открытіе палатъ, и оппозиція тотчасъ же положила устроить реформный банкетъ въ Парижѣ и придать ему особенное значеніе, какъ выраженію мысли цѣлаго народа. Правительство старалось помѣшать исполненію этого замысла. Въ тронной рѣчи говорилось о «движеніи, разжигаемомъ враждебными или слѣпыми страстями» и забытый законъ 1790 года открытъ былъ для того, чтобы на будущее время положить конецъ всѣмъ реформнымъ банкетамъ. Это нарушеніе права мирныхъ сборищъ, уважаемаго даже реставраціей, и возвращеніе къ закону, утратившему свою силу со введенія Наполеонова кодекса, возбудили сильное негодованіе и породили мысль, что неотъемлемыя конституціонныя права хотятъ подкопать юридическими крючками. Поэтому пренія объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь были крайне оживлены и бурны. Гизо обвиняли въ продажѣ должностей, порицали пристрастіе судовъ противъ оппозиціонной журналистики. а Тьеръ подвергнулъ рѣзкому разбору политику министерства относительно Швейцаріи, взявшую подъ свою защиту іезуитовъ, заключившую союзъ съ Австріей. оттолкнувшую и предавшую гельветскій народъ, цѣлые вѣка дружественный Французамъ. Тѣмъ не менѣе министерская партія не могла отказать себѣ въ торжествѣ внести въ отвѣтный адресъ порицаніе «противъ козней, вызывающихъ враждебныя страсти или слѣпыя увлеченія», и не смотря на самое яростное сопротивленіе лѣвой стороны, она настояла на своемъ. Такую же побѣду одержало бы правительство и въ банкетномъ вопросѣ. еслибъ ему пришлось имѣть дѣло съ одною палатскою оппозиціей. Хотя вожди лѣвой стороны, Одильонъ Барро, Гарнье Пажѣсъ, Арагo и друг., всѣми силами отстаивали право сборищъ, хотя, наперекоръ запрещенію, они распорядились устройствомъ банкета и разослали приглашенія національной гвардіи; однакожъ, когда по обнародованіи программы торжественнаго шествія и празднества, составленной редакторомъ газеты National Маррастомъ, правительство стало принимать военныя мѣры и воспретило сборище и банкетъ полицейскимъ приказомъ. то оппозиція поколебалась, большинство отступилось отъ предположеннаго праздника и вмѣсто того рѣшило, въ ближайшемъ засѣданіи палаты обвинить министерство въ нарушеніи конституціи и требовать преданія его суду.

§ 846. Паденіе іюльской династіи. Но народъ былъ уже до того взволнованъ, что робкій образъ дѣйствій депутатовъ и распорядителей праздника не могъ удержать его отъ задуманныхъ демонстрацій. Толпы рабочихъ и блузниковъ, студенты, питомцы политехнической школы, бойкая уличная молодежь оживленной столицы потянулись съ кликами: «Реформа! Прочь Гизо!» по площадямъ и улицамъ, окружили палату депутатовъ и требовали суда надъ министрами. Число ихъ возрастало съ часу на часъ; линейныя войска дѣйствовали очень бережно, національная гвардія сочувствовала народу, полицейская стража (муниципальная гвардія) была противъ него слишкомъ слаба; во многихъ улицахъ устроены были завалы (баррикады), и народъ отстоялъ ихъ. Два дня (22 и 23 февр.) бой продолжался съ возрастающимъ ожесточеніемъ. Тогда король призвалъ въ Тюйльери бывшаго министра Молѐ, уволилъ министерство Гизо и обѣщалъ реформу. Къ вечеру эта вѣсть бѣглымъ огнемъ распространилась по городу и возбудила настоящій восторгъ въ массахъ взволнованнаго народа. Съ пѣснями и кликами радости валила толпа по улицамъ; баррикады исчезли; дома освѣтились огнями; всѣ обнимали другъ друга въ полномъ чувствѣ торжества. Тутъ-то около 10 часовъ вечера, масса народу, съ знаменами и факелами, съ пѣснями и шумомъ, вышла на бульвары. Остановясь передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, она потребовала, чтобъ и это зданіе освѣтилось потѣшными огнями. Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и расположенный въ министерствѣ военный отрядъ былъ увѣренъ, что на него начинается рѣшительное нападеніе. Онъ пустилъ залпъ въ густую толпу, и 52 человѣка упали раненные или убитые. Народъ пришелъ въ невыразимую ярость. Сложили трупы на носилки и, при свѣтѣ факеловъ, съ кликами: «Къ оружію! насъ бьютъ!» пошли по улицамъ столицы. Въ полночь загудѣлъ набатный колоколъ Парижской-Богоматери, а къ утру 24 февраля весь Парижъ былъ запертъ баррикадами. Напрасно король прибѣгнулъ теперь къ лѣвой сторонѣ, призвалъ въ министерство Тьера, Одильона Барро и проч. Было уже поздно! Ихъ воззваній къ порядку не слушали, ихъ обѣщаніямъ не вѣрилъ ни кто. Побѣда болѣе и болѣе склонялась на сторону народа, линейныя войска отчасти перешли къ нему, отчасти были одолѣны силою; національная гвардія, поставленная подъ главное начальство генерала Ламорисьера, дѣйствовала только оборонительно, но не хотѣла биться съ народомъ. Тогда увидѣлъ свое заблужденіе и свою опасность Людовикъ-Филиппъ. Онъ отрекся отъ престола въ пользу

своего внука, графа Парижскаго, и назначилъ герцогиню Орлеанскую правительницею, а когда и эта мѣра не произвела никакого дѣйствія и мятежныя толпы все грознѣе тѣснились къ замку, тогда въ часъ по полудни, онъ убѣжалъ задними воротами вмѣстѣ съ своей женой и поспѣшилъ къ морю. Нѣсколько дней королевская чета блуждала по берегамъ прежде чѣмъ успѣла благополучно переправиться въ Англію, куда, испытавъ много опасностей, прибыли разными путями и остальные члены семейства. Герцогиня Орлеанская, въ сопровожденіи герцога Немурскаго и вмѣстѣ съ обоими своими дѣтьми, пыталась искать защиты въ палатѣ депутатовъ; однакожь напоръ вооруженныхъ массъ и клики: да здравствуетъ республика! вынудили ее къ бѣгству. Переходомъ къ республиканской формѣ служило учрежденіе временнаго правительства подъ предсѣдательствомъ старца Дюпонъ де-Лёра (Dupont de l'Eure, 1767 — 1855). Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Арагò, Гарнье-Пажѐсъ, Кремьё и Луи-Бланъ (Louis Blanc) были извѣстнѣйшіе члены этого правительства, засѣдавшаго въ городской думѣ. Между тѣмъ взятъ былъ Тюйльери, мебели и украшенія его были преданы огню, тронъ перенесенъ на Бастильскую площадь и разбитъ въ дребезги подъ Іюльскою колонной, по великолѣпнымъ заламъ дворца расхаживали толпы оборванныхъ пролетаріевъ. Ни грабежа, ни грубыхъ посягательствъ на жизнь и собственность не было однакожь ни гдѣ, а сокровища искусства оберегали студенты и политехники. Довольно было нѣсколькихъ часовъ для ниспроверженія могущественнѣйшей монархіи, для превращенія богатѣйшаго державца въ безпомощнаго бѣглеца; министерскіе депутаты всѣ бѣжали или попрятались; легитимисты, духовенство, областные чиновники, войско, всѣ поспѣшили признать новую форму правительства; у Орлеанскаго дома не оказалось ни приверженцевъ, ни партіи; владычество его основывалось на своекорыстіи, — оттого и его паденіе не возбудило ни участія, ни состраданья.

§ 847. Республика. Но обаяніе республиканскаго восторга съ его праздниками и освященіемъ знаменъ, воодушевленіе новымъ лозунгомъ: «свобода, равенство и братство!» были мимолетнымъ дѣломъ, а проза дѣйствительности, практическая жизнь скоро вызвали разныя затрудненія и недоумѣнья. Конституцію будущей демократической республики предоставлялось учредить національному собранію, основанному на самомъ свободномъ выборѣ народа, а пока оно соберется въ маѣ мѣсяцѣ, государственными дѣлами должно было завѣдывать

временное правительство. Въ груди побѣдоноснаго народа воспрянуло чувство человѣческаго достоинства, и первыми его движеніями благородно воспользовался Ламартинъ, чтобы устранить кроваво-красное знамя и настоять на принятіи техцвѣтнаго, которое нѣкогда побѣдно обошло всю Европу, и на отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія. Но какъ революція была дѣломъ рабочихъ классовъ, то разумѣется главною задачей новой власти должно было сдѣлаться улучшеніе ихъ быта и судьбы. Къ составу временнаго правительства присоединили одного изъ рабочихъ, Альбера, и предоставили Луи Блану устроить по его мыслямъ организацію труда и вмѣстѣ благополучіе бѣдныхъ сословій! Но тутъ-то и оказалась вся несостоятельность соціальныхъ системъ того времени. Обезпеченіе занятій рабочимъ со стороны государства неизбѣжно привело къ содержанію цѣлаго легіона нищихъ, облѣнившихся или праздношатающихся людей, и къ открытію для нихъ національныхъ мастерскихъ (ateliers nationaux), которыя поглотили милліоны, а путнаго ничего не сдѣлали [1]. Раздача по два франка на день въ пособіе остающимся безъ работы, усиливала государственный расходъ до непомѣрности и съ каждымъ днемъ размножала число убогихъ. Что учрежденіе такого рода должно въ короткое время истощить казну, разорить достаточные классы и загубить всякую гражданственность, было для каждаго очевидно; а потому одною изъ первыхъ мѣръ національнаго собранія (послѣ того какъ оно приняло въ руки верховную власть, одолѣвъ грозу соціалистскаго возстанія 15 мая) было закрытіе мастерскихъ и прекращеніе выдачи рабочимъ пособія изъ государственнаго казначейства. Тогда рабочіе попытались произвесть новый переворотъ, чтобы доставить господство такъ называемому четвертому сословію; легитимисты и бонапартисты втайнѣ были съ ними заодно и помогали имъ деньгами. Это привело къ ужаснымъ сценамъ іюньскихъ дней (22—26 іюня 1848 г.), когда приверженцы «красной республики» запятнали себя дѣлами варварства и звѣрства. Они умертвили храбраго генерала Бреа и парижскаго архіепископа, благочестиваго Аффра, въ то самое время, какъ онъ вышелъ къ нимъ съ словами примиренія; они наполнили баррикады трупами своихъ противниковъ и носили нѣсколько знаменъ, съ надписью: «Жить работою, или умереть

[1] Справедливость требуетъ сказать, что Луи Бланъ вполнѣ оправдался отъ участія въ заведеніи этихъ мастерскихъ, учрежденныхъ скорѣе для того, чтобъ какъ-нибудь прокормить недовольную массу парижскихъ рабочихъ, нежели для того, чтобъ употребить ихъ въ дѣло какъ слѣдуетъ. — Довольно всякому своихъ собственныхъ грѣховъ.

въ бою!» Въ ужасѣ отъ безчеловѣчія и звѣрства низшихъ классовъ, которыя обнаружились при этомъ мятежѣ, національное собраніе облекло генерала Каваньяка диктаторскою властью. Послѣ кровопролитнаго четвородневнаго боя въ улицахъ Парижа, диктаторъ одолѣлъ мятежниковъ, причемъ погибло отъ 10,000 до 12,000 человѣкъ, и семь генераловъ убиты были на мѣстѣ или вскорѣ умерли отъ ранъ, велѣлъ переловить коноводовъ и зачинщиковъ и сослалъ ихъ въ ссылку, а Парижъ объявилъ въ осадномъ положеніи. Огражденное такими мѣрами, собраніе продолжало потомъ свои совѣщанія о новомъ республиканскомъ устройствѣ. При выборѣ президента республики (10 дек.), оно охотно бы отдало предпочтеніе Каваньяку, но народъ, увлеченный блескомъ императорскаго имени, выбралъ Людовика Наполеона Бонапарта большинствомъ шести милліоновъ голосовъ (на $7\frac{1}{2}$ милліоновъ избирателей). Столь же послушный закону и народной волѣ, какъ храбрый и преданный отечеству, Каваньякъ безпрекословно вручилъ свою высокую власть болѣе счастливому соискателю (20 дек.). Среди всѣхъ этихъ потрясеній обнаружились три прекрасныя качества французскаго народа—храбрость, любовь къ отечеству и политическій тактъ; цѣлію всѣхъ партій было одно— величіе Франціи.

III. Разливъ революціи по Европѣ.

§ 848. Германія. Если въ свое время іюльская революція могла взволновать всю Европу, то при господствовавшемъ теперь броженіи и при возростшей оппозиціи февральскій переворотъ долженъ былъ подѣйствовать еще сильнѣе. Въ Италіи, Германіи, Польшѣ, Ирландіи, Швейцаріи, вездѣ было распаденіе на партіи, возбужденная борьба мнѣній, страстная игра національнаго чувства! Мудрено ли, что восторженныя натуры, мечтатели, незнакомые съ политикой, фанатики демократизма, друзья свободы безъ границъ, попали на мысль о всеобщей европейской республикѣ, съ устраненіемъ всѣхъ національныхъ и религіозныхъ различій и съ лозунгомъ: свобода, равенство и братство! вмѣсто знамени. Мятежи, послѣдовавшіе съ быстротою молніи въ большей части странъ, утвердили ихъ въ такихъ надеждахъ, и пропаганда, имѣвшая сѣдалищемъ и средоточіемъ столицу Франціи, разжигала революціонный огонь и распространяла республиканскія идеи, съ оттѣнкомъ соціализма и коммунизма для приманки низшимъ классамъ. Мысль, что революція обойдетъ всю Европу засѣла во многихъ головахъ и побуждала ихъ содѣйствовать ея успѣху. Первыя проявленія обнаружились въ Германіи, и именно на границѣ, въ Баденѣ. Живая политическая дѣятельность, какою великое герцогство отличалось съ давнихъ поръ передъ остальными державами союза, повидимому давала ему полное право поднять прежде всѣхъ знамя прогресса и обновленія. Съ шумомъ и гамомъ представлены были собравшимся тогда палатамъ настоятельныя прошенія о свободѣ печати, судѣ присяжныхъ, о національной гвардіи подъ начальствомъ свободно избираемыхъ вождей, и о германскомъ парламентѣ, котораго учрежденіе незадолго передъ тѣмъ предложено было въ баденской палатѣ депутатомъ Бассерманомъ и который долженъ былъ стать наряду съ органомъ правительствъ, союзнымъ сеймомъ, какъ представитель германскаго народа. Правительство Бадена не только уступило все это, на сколько отъ него зависѣло, но вмѣстѣ съ палатами издало еще законъ объ отмѣнѣ всѣхъ феодальныхъ повинностей, съ вознагражденіемъ впредь изъ государственной казны всѣхъ тѣхъ, кто потерпитъ отъ этой перемѣны, и сверхъ-того, удалило отъ должностей многихъ нелюбыхъ народу чиновниковъ и придворныхъ; непопулярные депутаты сами сложили съ себя свое знаніе и были замѣщены другими. Примѣръ Бадена подѣйствовалъ на прочія германскія державы. Мало по малу тѣ же требованія предъявлены и удовлетворены вездѣ, съ присоединеніемъ къ тому еще разныхъ другихъ, смотря по особеннымъ желаніямъ каждаго края въ частности. Въ Вюртембергѣ, Саксоніи и иныхъ странахъ вожди либеральной оппозиціи были призваны въ министерства и бразды правленія вручены имъ; злоупотребленія въ сферѣ земскихъ чиновъ были устранены, ограниченные избирательные законы преобразованы, союзный сеймъ переустроенъ въ либеральномъ смыслѣ и изъ среды свободномыслящихъ людей присоединены къ нему повѣренные отъ народа (Vertrauensmänner) для совѣщаній о новой союзной конституціи. Но конечно только перевороты въ Вѣнѣ и Берлинѣ завершили торжество либераловъ и придали ему характеръ благонадежности.

§ 849. Австрія. Подобно Людовику Филиппу, и князь Меттернихъ, посѣдѣвшій въ дипломатическихъ уловкахъ хитросплетенной политики, почитался величайшимъ государственнымъ мужемъ и народоправителемъ; его слову и совѣту германскія правительства внимали и слѣдовали какъ прорицаніямъ оракула. Но пробилъ и его часъ. Онъ не

хотѣлъ признать силу современности и считалъ гнилыя опоры полицейскаго государства довольно сильными для того, чтобъ выдержать бурный напоръ молодой свободы. Предавшись житейскимъ наслажденіямъ, онъ и не замѣчалъ того, что оппозиціонная литература вкралась соблазнителемъ даже и въ австрійскія земли и безпощадно обличила тлю и гниль ихъ государственности. Князь Меттернихъ, какъ и другъ его Генцъ, держались въ жизни извѣстнаго правила: стало бы только съ наше, а тамъ пропадай себѣ хоть все! Но дѣло въ томъ, что «не стало и съ наше»; парижскія вѣсти произвели лихарадочное волненіе во всей имперіи. Настойчивыя требованія посыпались на императорское правительство со стороны венгерскихъ чиновъ, которые хотѣли самостоятельнаго національнаго управленія подъ рукою эрцгерцога палатина, требовали преобразованія своей конституціи, сбавки податей, освобожденія отъ обязанности нести долю австрійскаго государственнаго долга и сверхъ того предоставленія военнымъ Венграмъ права, не служить внѣ своего отечества; то же произошло и въ Прагѣ, гдѣ еще въ минувшемъ году богемскіе чины были глубоко оскорблены въ своихъ правахъ и достоинствѣ; то же случилось наконецъ и въ самой Вѣнѣ, куда собрались въ мартѣ австрійскіе областные чины. Неизвѣстность финансоваго положенія, покрытаго завѣсою тайны, порождала глубокое недовѣріе. Мѣстами отказывались принимать ассигнаціонныя деньги; торговля и промышленность остановились; число незанятыхъ и нуждающихся рабочихъ возросло. Среди такихъ обстоятельствъ изумительный успѣхъ сопровождалъ юношески-опрометчивое начинаніе вѣнскихъ студентовъ. Шумно составляли и подносили они прошенія чинамъ, министрамъ, императору, и толкуя о дѣлахъ на бурныхъ сходкахъ, произвели всѣмъ этимъ такое волненіе въ цѣломъ городѣ, что когда кротко и бережно дѣйствовавшая военная сила мѣстами была оттѣснена, а всѣ студенты взялись за оружіе, то князь Меттернихъ сложилъ съ себя свое высокое званіе (13 марта 1848) и искалъ убѣжища въ Англіи, маститымъ бѣглецомъ. Грабежи, разоренія и разныя буйства черни возвѣстили конецъ стараго порядка и начало новой безрядицы. Дозволенное теперь общее вооруженіе только усилило опасность. Тогда-то система Меттерниха обнаружилась въ своихъ печальныхъ послѣдствіяхъ. Народъ, который держали въ полнѣйшемъ политическомъ невѣжествѣ, и который поэтому совершенно не созрѣлъ для свободной государственной жизни, вдругъ потребовалъ и пріобрѣлъ такія вольности и права, которыми вовсе не умѣлъ пользоваться. Свобода печати скоро привела

къ поденной революціонной литературѣ, которая, состоя изъ поджигательныхъ листковъ и настѣнныхъ объявленій, поколебала всѣ связи, всѣ отношенія и помѣшала пересозданію государства путемъ реформы и правильнаго развитія; свободою сборищъ воспользовались для шумныхъ народныхъ сходокъ и для составленія отдѣльныхъ демократическихъ обществъ, которыя тянули въ разныя стороны и парализовали дѣятельность новаго министерскаго совѣта, состоявшаго изъ очень популярныхъ людей. Студенты и наскоро образовавшаяся гражданская стража (Bürgerwehr) управляли въ городѣ; краснорѣчивые коноводы демократовъ, собираясь со всѣхъ концовъ Вѣны и опираясь на многочисленныя толпы праздныхъ рабочихъ, такъ легко поддающихся увлеченію и по своей натурѣ и по невѣжеству, взяли въ руки огромную власть и какъ нарочно поддерживали революціонную лихорадку. При подобныхъ обстоятельствахъ демагогамъ было очень легко довести до новаго мятежа и боя на улицахъ (15 марта) эти толпы, недовольныя министерскимъ проектомъ конституціи, который хотѣли предложить на обсужденіе государственнаго сейма, составленнаго по сословіямъ; они вынудили у правительства созывъ учредительнаго сейма, изъ одной палаты, которая должна была состоять изъ депутатовъ, свободно выбранныхъ всѣмъ міромъ отъ разныхъ областей и племенъ австрійской державы, и собраться въ Вѣну для начертанія новой государственной конституціи. Императоръ, встревоженный этими событіями и пострадавшій въ своемъ здоровьѣ отъ шумныхъ передрягъ, отправился по совѣту реакціонной партіи со всѣми приближенными въ Иннсбрукъ (19 мая). Этотъ неожиданный шагъ перепугалъ столицу и на короткое время повернулъ общественное настроеніе. Но когда правительство вздумало воспользоваться этою перемѣной для распущенія студентскаго легіона и окружило университетъ военною силою, тогда послѣдовало третіе возстаніе (26 мая), грознѣе и сильнѣе обоихъ предыдущихъ. День и ночь городъ былъ запертъ баррикадами и освѣщался сторожевыми огнями сопротивниковъ. Наконецъ порѣшили тѣмъ, чтобы войска удалились, а охраненіемъ порядка въ городѣ завѣдывалъ блюстительный комитетъ изъ гражданъ, національныхъ гвардейцевъ и студентовъ, послѣ чего университетъ былъ закрытъ въ величайшей тишинѣ. Вскорѣ потомъ національное собраніе (учредительный сеймъ) открыто было эрцгерцогомъ Іоанномъ отъ имени отсутствующаго императора (22 іюля); но какъ при господствовавшемъ въ столицѣ волненіи не могли добиться ни спокойныхъ совѣщаній, ни

сохраненія законнаго порядка, пока дворъ оставался въ Инсбрукѣ, то императора неоднократно просили возвратиться. Однакожь онъ согласился на эту просьбу, только послѣ вторичной значительной депутаціи со стороны сейма. 12 августа, среди радостныхъ кликовъ народа и торжественно сопровождаемый національною гвардіей, Фердинандъ вступилъ обратно въ Вѣну. — Чехи въ Прагѣ, не довольствуясь большими уступками и преобразованіями, которыя сулило имъ новое императорское правительство, и взволнованные своимъ общеславянскимъ съѣздомъ, хотѣли воспользоваться разстройствомъ имперіи, чтобы внезапно захватить въ руки всю власть (2 іюня 1848), но кровавое, соединенное съ бомбардировкой города пораженіе, которое нанесъ имъ энергическій князь Виндишъ-Грецъ, лишившійся при этомъ своей супруги, послужило для нихъ тяжкимъ урокомъ, что военная сила Австріи еще цѣла. Впослѣдствіи тотъ же урокъ блистательно подтвердился побѣдами Радецкаго въ Ломбардіи и успѣшною борьбой кроатскаго бана Еллачича противъ Мадьяровъ.

§ 850. Мартовскіе дни въ Берлинѣ. Прусское правительство долго сопротивлялось могучему напору новой эпохи, но тѣмъ сильнѣе былъ и постигшій его ударъ. Многіе патріотическіе люди, считавшіе величіе и единство Германіи возможными только въ связи ея съ Пруссіей и охотно бы желали упрочить за королемъ то первенство, на которое онъ имѣлъ право по могуществу своей державы, обратились къ нему вслѣдъ за февральскою революціей съ настоятельными убѣжденіями, да воспользуется онъ быстро и рѣшительно новымъ духомъ времени и да пріобрѣтетъ себѣ опять путемъ уступокъ отчужденныя сердца народа, прежде нежели и его постигнетъ роковое «уже поздно!»—какъ постигло оно французскаго властителя. Но мысль о принужденной уступчивости была для него невыносима; еще распуская по домамъ комитеты соединеннаго сейма, онъ особенно напоминалъ имъ о добровольности своего рѣшенія допустить періодическій срокъ сеймовыхъ собраній, въ которомъ сначала отказывалъ. Та же царственная гордость и надежда на военную силу удержали короля согласиться на поданныя ему прошенія о дарованіи свободы печати и другихъ правъ, уже предоставленныхъ въ большей части государствъ Германскаго союза, даже и тогда, когда постановленіе сейма разрѣшило отдѣльнымъ державамъ отмѣну предварительной цензуры. Неизбѣжность благовременныхъ реформъ признали только тогда, когда вѣсть о вѣнскихъ происшествіяхъ усилила общее волненіе, когда

въ политическихъ клубахъ, которыхъ число размножалось съ каждымъ днемъ, послышались болѣе и болѣе грозныя рѣчи, и когда иностранные подосланцы (эмиссары) начали возбуждать низшія сословія къ мятежу. Но и тутъ еще медлили обнародованіемъ уступокъ, такъ какъ сборища, происходившія нѣсколько вечеровъ сряду на берлинскихъ улицахъ и разгоняемыя подъ-конецъ военною силой, могли возбудить подозрѣніе, что правительство уступаетъ поневолѣ. Предположенныя льготы хотѣли даровать народу только по возстановленіи спокойствія. Эта медлительность съ часу на часъ болѣе возмущала народъ, подстрекаемый Поляками и другими революціонерами. Громче и громче требовали удаленія военной силы, которая, бывъ раздражена многодневнымъ задержаніемъ въ сборѣ по казармамъ, а также ругательствами и оскорбленіями, которыми осыпали ее при появленіи на улицѣ, во многихъ случаяхъ дозволила себѣ самоуправныя мѣры. Наконецъ-то наступилъ повидимому день для обнародованія уступокъ. 17 марта была отмѣнена цензура, книгопечатаніе подъ извѣстными законными условіями было объявлено свободнымъ, и подана надежда на коренное преобразованіе конституціи и общественныхъ отношеній Германскаго союза въ согласіи съ другими правительствами Германіи. Сколько ни обрадовались этимъ новостямъ, ненависть къ войску и требованія удалить его, а охрану города поручить гражданской стражѣ, продолжались по прежнему. Сборища передъ дворцомъ росли и умножались. Все громче и грознѣе раздавались клики о выступленіи солдатъ; депутація членовъ городской думы и гражданъ не была допущена; окружавшія короля лица повидимому не сходились въ мысляхъ. Вдругъ двинулся изъ дворца отрядъ пѣхоты, чтобы оттѣснить возрастающую народную толпу. Раздались два выстрѣла, умышленно или случайно, со стороны ли войскъ, или со стороны тайныхъ зажигъ,—осталось неизвѣстно. Съ ужасомъ разбѣжалась масса, громко крича: «Измѣна! насъ бьютъ! Къ оружію!» Страстная ярость овладѣла народомъ. Съ изумительной быстротой принялись строить баррикады, такъ что черезъ два часа ихъ было уже до двухъ сотъ по всѣмъ улицамъ. Тогда послѣдовалъ кровопролитный уличной бой, продолжавшійся четырнадцать часовъ сряду, такой упорный и жаркій, что ничего этому подобнаго не запомнитъ новѣйшая исторія Германіи. Мужеству войскъ и силѣ картечи удалось снести или разрушить часть баррикадъ, но сопротивленіе росло вмѣстѣ съ битвой и мѣсто павшихъ заступали все новые и новые бойцы. Утромъ 19 марта сраженіе еще не рѣшилось; обнародованное

рано воззваніе къ Берлинцамъ, чтобы они сложили оружіе и очистили баррикады, осталось безуспѣшно. Тогда наконецъ король сдался на настоянія городской депутаціи и приказалъ войскамъ выступить изъ Берлина, уволилъ министерство и разрѣшилъ учрежденіе гражданской стражи для охраненія города и содержанія карауловъ при дворцѣ. По удаленіи солдатъ съ чуть-слышнымъ барабаннымъ боемъ, трупы павшихъ на баррикадахъ были снесены на дворцовый дворъ, и король вынужденъ обнажить голову въ знакъ уваженія передъ ними; сопровождавшая его королева упала при этомъ въ обморокъ. Властительный духъ Фридриха Вильгельма IV былъ сокрушенъ вполнѣ, и въ немъ тотчасъ созрѣло рѣшеніе беззавѣтно отдаться духу времени, войдти въ желанія и требованія своего народа. Онъ объявилъ безусловное прощеніе всѣмъ тѣмъ, кто былъ обвиненъ или осужденъ за политическія и книгопечатные проступки и преступленія. Эта амнистія, дарованная и въ другихъ германскихъ странахъ, дозволила бѣглымъ либераламъ возвратиться на родину и дѣятельно участвовать въ преобразованіи ея; она отворила тюрьмы и недавно осужденнымъ польскимъ заговорщикамъ (§ 802), которые тотчасъ же поспѣшили въ Познань и призывали своихъ соплеменниковъ къ кровопролитной борьбѣ противъ ихъ нѣмецкихъ согражданъ. — Но король не зналъ, какую бездну 18-е марта положило между нимъ и германскимъ народомъ. Изданная имъ 21 марта прокламація: «Къ германской націи!» въ которой онъ возвѣщалъ, что для спасенія Германіи становится во главѣ общей отчизны, что онъ, какъ новый, конституціонный король, хочетъ быть вождемъ свободнаго, возрожденнаго германскаго народа, — въ южной Германіи принята была съ неудовольствіемъ, а когда вскорѣ потомъ, украшенный германскими цвѣтами (кокардою и проч.), король, въ сопровожденіи принцевъ и министровъ, торжественно проѣзжалъ по городу и завѣрялъ народъ, что онъ хочетъ «свободы Германіи, единства Германіи», тогда по всѣмъ южнымъ областямъ края раздался вопль негодованія. Мысль о прусскомъ преобладаніи, хотя бы съ нею соединялось даже полное претвореніе Пруссіи въ общегерманскую страну, была въ высшей степени непопулярна, да неудачно выбрана и минута для ея возвѣщенія. Удаленіе въ Англію принца Прусскаго (потомъ короля Вильгельма I), которому приписывали главную вину во всемъ и котораго дворецъ съ трудомъ спасли отъ разоренія, и торжественное погребеніе павшихъ ратоборцевъ народа въ одной общей громадной могилѣ, вырытой самими героями баррикадъ на самомъ высокомъ мѣстѣ Фридрихо-

вой Рощи (22 марта) заключили собой достопамятные мартовскіе дни, которыми неограниченная военная власть престола, это созданіе доблестныхъ каролей, была потрясена до основанія. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ послѣдній разъ собрался на короткое время соединенный сеймъ, чтобы утвердить законъ о выборахъ, давшій вслѣдъ за тѣмъ прусское національное собраніе для составленія новой конституціи. Но видъ Берлина измѣнился съ тѣхъ поръ совершенно. Сотни зажиточныхъ семействъ покинули городъ; перерывъ торговыхъ сношеній и остановка промышленности размножили число бѣдныхъ и нуждающихся и приготовили плодоносную почву для разрушительной дѣятельности поджигающихъ демагоговъ; министерства смѣнялись чуть не каждый день; народныя сходки, клубы и товарищества рабочихъ рѣшали великіе вопросы текущей политики.

§ 851. Предварительный парламентъ и національное собраніе. Между тѣмъ во всѣхъ германскихъ государствахъ произошелъ огромный переворотъ. Союзный сеймъ получилъ новую жизненную силу, съ тѣхъ поръ какъ въ него вступили «старый витязь свободы» Велькеръ, глубоко-оскорбленная жертва полицейскаго государства и судебной тиранніи Іорданъ, и другіе либералы, и съ тѣхъ поръ какъ рядомъ съ нимъ стали семнадцать повѣренныхъ для составленія новой союзной конституціи,—въ томъ числѣ такіе люди, которыми гордилась Германія. Въ Баваріи король Лудвигъ уступилъ общественному мнѣнію и передалъ скипетръ въ руки наслѣдника престола (21 марта 1848); въ Гессенъ-Дармштадтѣ старый великій герцогъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины предоставилъ верховную власть своему сыну; въ Кургессенѣ членомъ министерства, составленнаго либеральнымъ обербюргмейстеромъ города Ганау, Эбергардомъ, вступилъ между прочимъ Випперманъ, только-что избавившійся отъ суда за вольномысліе въ печати; въ Ганноверѣ король призвалъ въ свой совѣтъ гонимаго прежде Штюве, изъ Оснабрюка; въ Нассау удѣльныя герцогскія имѣнія (Domänen) объявлены были государственнымъ имуществомъ и всѣ требованія народа удовлетворены. Либералы одержали вездѣ полнѣйшую побѣду; свобода печати, присяга войска на вѣрность конституціи, измѣненіе, въ демократическомъ смыслѣ, законовъ о выборахъ, народное вооруженіе и право сборищъ, отчасти предоставленное формально, отчасти присвоенное гражданами по собственной волѣ, были важнѣйшими уступками со стороны новыхъ правительствъ. Но вскорѣ обнаружились явленія, показывавшія ясно, что политическія начала либераловъ

были уже безсильны исцѣлить язвы того времени; что соціальныя стремленія Франціи были уже не тайною и для германскаго народа, по крайней мѣрѣ для радикальныхъ его стихій; что свободѣ и равенству стараются дать не одно правомѣрное осуществленіе, но вмѣстѣ и матеріальное, вещественное. Въ прежде бывшемъ Майнъ-Тауберскомъ округѣ [1], въ Оденвальдѣ и Принекарскихъ долинахъ, этомъ старинномъ поприщѣ крестьянской войны, господскихъ управителей прогнали силой, писцовыя и оброчныя книги были истреблены, замки владѣльцевъ подверглись разоренію, права охоты были нарушены. Въ Саксоніи сожгли замокъ Шёнбурговъ, Вальденбургъ (5 апр.). Людямъ крайняго прогресса мало было того, что предварительное собраніе (такъ-называемый предпарламентъ), изъ оппозиціонныхъ членовъ германскихъ представительныхъ палатъ, изъ передовыхъ либераловъ, журналистовъ, литераторовъ и политическихъ выходцевъ, съѣхавшееся для совѣщаній о будущемъ устройствѣ общегерманскаго парламента во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ началѣ апрѣля приняло главною основой, народное самодержавіе и вслѣдствіе того постановило, чтобы въ маѣ устроить національное собраніе изъ выборныхъ, назначенныхъ по крайне демократической избирательной системѣ помимо всѣхъ условій званія, имущества (ценза) и вѣроисповѣданія, для полнаго и окончательнаго рѣшенія вопросовъ о будущей конституціи и юридико-политическомъ устройствѣ Германіи, и чтобы безсмѣнный комитетъ изъ пятидесяти лицъ (такъ называемыхъ пятидесятскихъ, Fünfzigmänner) наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ этихъ опредѣленій со стороны правительствъ; этотъ преобразовательный путь казался слишкомъ узкимъ для радикальной партіи, во главѣ которой стояли Гекеръ, Струве и друг., и она непремѣнно хотѣла революціи [2]. Когда предложеніе радикаловъ объявить существующее собраніе постояннымъ и совершенно устранить союзный сеймъ, не получило требуемаго большинства, они отдѣлились отъ своихъ товарищей и, нѣсколько времени спустя, призвали взволнованный шумными сборищами народъ баденскаго нагорья (Оберланда) къ насильственному

[1] Эта часть великаго герцогства Баденскаго состояла сплошь изъ господскихъ помѣстій.

[2] Такая настойчивость на крайнихъ мѣрахъ объясняется отчасти разномыслiемъ, обнаружившимся въ средѣ либеральной партіи, раздѣленной на множество оттѣнковъ, и недовѣріемъ радикаловъ къ тому, чтобы при подобномъ разномыслiи, правительства не воспользовались своимъ тайнымъ или явнымъ вліяніемъ для уклоненія всего дѣла отъ предположенныхъ цѣлей.

учрежденію республики. Но республиканское возстаніе не имѣло большаго успѣха. Послѣ нѣсколькихъ частныхъ набѣговъ и послѣ схватокъ при Кандернѣ, гдѣ погибъ храбрый союзный генералъ Фридрихъ фонъ-Гагернъ, и при Доссенбахѣ (апр. 1848), вольные отряды, подкрѣпленные толпами иноземныхъ республиканцевъ и нѣмецкихъ рабочихъ изъ Франціи, были разсѣяны войсками союза, и мятежъ подавленъ и прекращенъ. Однакожь мысль о германской республикѣ, подъ которою простолюдину мечталось райское блаженство, осуществленіе началъ «свободы, благоденствія и образованія для всѣхъ», — эта мысль осталась преобладающею въ народѣ, и имя Гекера разнеслось въ удалыхъ пѣсняхъ по всему пространству Германіи. — 18 мая открылось въ Павловской церкви, во Франкфуртѣ, учредительное національное собраніе, вышедшее изъ свободнаго выбора всѣмъ міромъ. Таланты, званіе и краснорѣчіе, обнаружившіеся въ его средѣ, а равно и достойный образъ дѣйствій его энергическаго и ловкаго перваго президента, Генриха фонъ-Гагерна, явились прекраснымъ выраженіемъ нѣмецкой образованности и настроенія мыслей. Чтобъ довершить свое великое дѣло подъ щитомъ прочнаго порядка, спокойно и благонадежно отъ всякихъ помѣхъ снизу и сверху, національное собраніе постановило учредить новую центральную власть въ Германіи. Союзный сеймъ оставилъ по себѣ слишкомъ дурную память у Нѣмцевъ, а потому нельзя было и думать о сохраненіи его, даже и по совершенномъ преобразованіи. Демократы называли его «трупомъ», который представлялось невозможнымъ оживить. Послѣ горячихъ парламентскихъ преній, которымъ одинъ «смѣлый шагъ,» президента далъ можно-сказать окончательный исходъ, большинство рѣшило на томъ, что собраніе изберетъ безотвѣтственнаго блюстителя имперіи (Reichsverweser), а онъ окружитъ себя по томъ отвѣтственнымъ министерствомъ. Произведенный 29 іюня выборъ палъ съ огромнымъ большинствомъ голосовъ на эрцгерцога Іоанна Австрійскаго, который 11 іюня торжественно вступилъ во Франкфуртъ и изъявилъ готовность принять высокій санъ (§ 855).

§ 852. Шлезвигъ-Голштейнъ и Познань. Между тѣмъ пограничныя нѣмецкія земли стали поприщемъ великихъ потрясеній и кровопролитной борьбы. Вслѣдствіе революціоннаго движенія въ датской столицѣ, которое принудило короля объявить Шлезвигское герцогство нераздѣльною принадлежностію монархіи, въ Шлезвигъ-Голштейнѣ образовалось временное земское правительство,

съ Вильгельмомъ Безелеромъ во главѣ; это было знакомъ къ совершенному разрыву съ Даніей и вмѣстѣ къ кровопролитной войнѣ съ нею. Германія вступилась за тѣснимую Датчанами страну, когда маленькая шлезвигъ-голштинская армія, разбитая подъ Бау (9 апр.), была вынуждена отступить въ крѣпость Рендсбургъ. Составились вольныя дружины изъ студентовъ и полной надеждъ молодежи, которые отваживали жизнь и здоровье въ неравной борьбѣ; прусскія и другія союзногерманскія войска поспѣшили на помощь герцогствамъ, разбили подъ начальствомъ прусскаго генерала Врангеля датскую армію при Шлезвигѣ (23 апр.), побѣдоносно проникли до Ютландіи и совершенно вытѣснили непріятеля съ материка. Но при неимѣніи германскаго военнаго флота (за учрежденіе котораго общественное мнѣніе высказалось частными пожертвованіями, а парламентъ—назначеніемъ 6 милліоновъ гульденовъ) борьба все-таки была неравна, и сѣверная морская торговля потерпѣла много потерь и препятствій. Это обстоятельство и грозное положеніе, принятое Россіей, Швеціей и Англіей въ пользу Датчанъ, произвели то, что прусское правительство, которому центральная власть Германіи поручила устройство шлезвигъ-голштинскаго вопроса, склонилось на дипломатическое посредничество, вслѣдствіе котораго воинская энергія затихла и состоялось вовсе не почетное перемиріе (26 авг. 1848), которое въ сущности не коснулось даже силы «патента» (§ 806), возвѣстившаго о присоединеніи Шлезвига къ датскому королевству. Въ прусской области Познани, польская часть народонаселенія подняла знамя національной независимости. Не довольствуясь возвѣщеннымъ и уже предписаннымъ со стороны прусскаго правительства преобразованіемъ, въ силу котораго нѣмецкіе округи края предполагалось отъ него отдѣлить и соединить ихъ съ сосѣдними областями, а польскіе округи поставить подъ своенародное управленіе, Поляки объявляли запоздалое притязаніе на всецѣлость своей державы въ томъ объемѣ какъ существовала она до перваго раздѣла, и подняли рѣзню противъ своихъ нѣмецкихъ единоземцевъ. Послѣ кровопролитной борьбы, въ которой политическій и религіозный фанатизмъ, вмѣстѣ съ племенною ненавистью, доводилъ Поляковъ до ужасныхъ злодѣяній, мятежники принуждены были уступить превосходной силѣ прусскихъ войскъ. — Современный демократизмъ посягнулъ было и на аристократически-національное устройство Англіи. Но произведенное французскими зажигами волненіе и частныя народныя смуты въ фабричныхъ городахъ не имѣли значительныхъ послѣдствій.

Громадное сборище и демонстрація англійскихъ чартистовъ прошли спокойно, а возстаніе въ Ирландіи (§ 831) было легко усмирено. Англія равно какъ и Бельгія (гдѣ ватага французскихъ эмиссаровъ, сулившихъ сосѣду республиканскія блага Франціи, была схвачена тотчасъ по прибытіи ихъ на границу), доказали обѣ, что дѣйствительно сильны только тѣ правительства, которыя коренятся въ самомъ народѣ, и что, напротивъ, раздоръ между властями и подданными всегда ослабляетъ государство и пролагаетъ свободный путь безначалію.

§ 853. Судьбы Италіи (§ 841). Въ Швейцаріи вѣсть о февральской революціи повела къ отпаденію Нёшательскаго кантона отъ Пруссіи и къ совершенному торжеству радикаловъ, а въ Италіи породила она внутреннія потрясенія и національную войну противъ Австріи.— Сицилія отстаивала свою независимость отъ Неаполя; она не только упорно отвергала всѣ примирительныя предложенія со стороны короля Фердинанда, особенно съ тѣхъ поръ, какъ этотъ мстительный государь съ помощію своей швейцарской гвардіи подавилъ возстаніе неапольскихъ гражданъ, предпринятое ими для возвращенія себѣ прежнихъ правъ (15 мая), и, какъ полвѣка тому назадъ, королева Каролина, предалъ зажиточныхъ обывателей своей столицы хищничеству неистовыхъ шаекъ ладзаронъ. Безсильное, раболѣпное народонаселеніе Неаполя терпѣло жестокое иго военнаго деспотизма, но Сицилія отложилась отъ Бурбоновъ и выбрала королемъ герцога Генуэзскаго, сына Карла Альберта. Но этимъ еще не исполнилась судьба злополучнаго, прекраснаго острова, кровавая драма еще не разыгралась. Хотя, при французскомъ и англійскомъ посредничествѣ, состоялось перемиріе, во время котораго восточная часть острова, съ Мессиной, опредѣленная демаркаціонною линіей (временною межой), повиновалась Неаполитанцамъ, а западная, съ городами Палермо, Сиракузами и Катаніей, находилась подъ властью временнаго правительства, съ Руджіэро Сеттимо во главѣ; но какъ происходившіе въ теченіе зимы переговоры не привели ровно ни къ какому послѣдствію, то въ апрѣлѣ борьба началась снова. Многочисленный иностранный легіонъ, подъ начальствомъ Поляка Мѣрославскаго, пришелъ на помощь Сицилійцамъ; однако побѣда осталась за неаполитанскими наемниками, которые были больше знакомы съ военнымъ дѣломъ и лучше вооружены. По пораженіи и бѣгствѣ иноземцевъ неаполитанская армія двинулась черезъ Сиракузы къ столицѣ Палермо. Отчаяваясь въ успѣшномъ сопротивленіи, граждане пошли на переговоры и, послѣ того какъ главы революціи спаслись бѣгствомъ на остр. Маль-

ту, они сдали городъ побѣдителю, обѣщавшему за то амнистію. 14 мая неаполитанскія войска вступили въ столицу Сициліи, и несчастный этотъ край, въ которомъ болѣе года развѣвалось трехцвѣтное знамя, снова былъ прикованъ къ военному деспотизму Бурбоновъ. — Въ Церковной области восторженное одушевленіе къ папѣ ослабѣло, когда увидѣли, что онъ не спѣшитъ удовлетворить преувеличенныя притязанія народа и рѣшительно отвергаетъ требованіе войны съ Австріей, какъ несообразное съ его положеніемъ и религіознымъ саномъ. Даже изгнаніе іезуитовъ и дарованіе представительной конституціи не могли возвратить ему прежней народной любви. Умный Итальянецъ Росси, изъ Каррары, сначала преподававшій право въ Женевѣ, а потомъ занявшій вліятельное положеніе въ Парижѣ при Людовикѣ Филиппѣ и Гизо и исполнявшій важныя дипломатическія порученія, призванъ былъ Піемъ IX, въ качествѣ конституціоннаго министра, снова крѣпче натянуть бразды правленія, повидимому ускользавшія изъ слабыхъ рукъ духовнаго владыки. Но дѣятельными мѣрами, которыя Росси принялъ противъ анархіи, онъ до того навлекъ себѣ ненависть римскихъ демократовъ, что при открытіи палатъ (15 ноября 1848) онъ былъ смертельно пораженъ кинжаломъ въ горло на лѣстницѣ собранія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда палъ Юлій Цезарь. Вслѣдъ за тѣмъ буйная чернь, предводимая княземъ Канино (Бонапарте), обступила Квириналъ и угрозами принудила папу назначить радикальное министерство, подъ предсѣдательствомъ Маміани. Съ тѣхъ поръ порядокъ и законность исчезли въ вѣчномъ городѣ. Палата депутатовъ не имѣла никакой силы и была до того ослаблена выбытіемъ многихъ членовъ изъ ея среды, что едва могла постановлять законныя опредѣленія; всѣмъ распоряжался демократическій народный клубъ, съ помощью суровой и здоровенной трастеверинской (т. е. затибрской) черни, послѣ того какъ обезоружили и распустили швейцарскую гвардію папы и замѣнили ее неблагонадежною гражданскою стражей; многіе кардиналы удалились; Пія IX стерегли какъ плѣнника. Возмущенный этими поступками и боясь за свою личную безопасность, папа убѣжалъ наконецъ (24 ноября) переодѣтый въ Гаэту, гдѣ составилъ новое министерство и протестовалъ противъ всего совершившагося. Этотъ шагъ сначала доставилъ республиканской партіи полную побѣду. Созвано было новое учредительное собраніе, которое въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій лишило папу свѣтской власти, водворило римскую республику и положило всѣми силами

стремиться къ соединенію Италіи подъ демократико-республиканскою формой. На произнесенное папой отлученіе народный клубъ отвѣчалъ потѣшнымъ торжествомъ. Временное правительство, подъ руководствомъ трехъ лицъ (тріумвировъ), приняло на себя завѣдываніе дѣлами республики, между тѣмъ какъ учредительное собраніе наложило руку на церковное имущество, чтобы подѣлить его мелкими участками для бѣдныхъ, а смѣлый начальникъ вольныхъ дружинъ, Гарибальди, долго скитавшійся въ Америкѣ и другихъ странахъ, какъ политическій выходецъ, и по возвращеніи принявшій самое живое участіе въ борьбѣ Піэмонтцевъ и Ломбардцевъ противъ Австріи, составилъ значительное народное ополченіе изъ вольныхъ дружинъ и демократовъ. Несчастный исходъ вторичной войны въ верхней Италіи, наводнившій Римъ множествомъ бѣглыхъ патріотовъ, и появленіе тамъ Мадзини, который былъ такъ долго дѣятельнымъ главою «юной Италіи» и душою демократической пропаганды, усилили революціонное волненіе въ Римѣ. Рѣшились всѣми силами защищать Церковную Область, какъ послѣднее прибѣжище свободы и какъ средоточіе для дальнѣйшихъ предпріятій крайней партіи. И регулярныхъ войскъ, и вольныхъ дружинъ было у нихъ очень много, въ оружіи и пушкахъ недостатка также не было, а самый дикій революціонный терроризмъ доставлялъ имъ всѣ другія необходимыя средства. Это соединеніе революціонныхъ силъ вызвало державы, покровительствовавшія Церковную Область и къ чьей помощи папа прибѣгалъ, на совокупное вооруженное вмѣшательство. Между тѣмъ какъ Австрійцы, послѣ жаркихъ схватокъ овладѣли Болоньею и Анконой, а Неаполитанцы вошли въ римскіе предѣлы съ юга, французскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Удино высадился въ Чивита-Веккіи и обложилъ страшно взволнованную столицу. Напрасны были объявленія Французовъ, что они пришли какъ друзья для защиты порядка и законной свободы и для воспрепятствованія Австрійцамъ и Неаполитанцамъ занять Римъ, — демократы оттолкнули руку, простертую на примиреніе и союзъ, и приготовлялись упорно отразить незваныхъ союзниковъ. Первое нападеніе Французовъ было неудачно. Послѣ самаго отважнаго боя противъ отлично расположенныхъ инсургентовъ, которыхъ артиллерія дѣйствовала какъ нельзя лучше (2 мая 1849), Удино былъ вынужденъ съ большими потерями отступить къ морю и ожидать подкрѣпленій. Чтобъ раздѣлить своихъ противниковъ, тріумвиры завязали переговоры съ французскимъ главнокомандующимъ и заключили осьмидневное перемиріе, которымъ Гарибальди воспользо-

вался очень ловко для того, чтобы напасть на Неаполитанцевъ подъ Веллетри и отбросить ихъ за римскую границу (19 мая). Когда переговоры не достигли своей цѣли, Французы вторично произвели штурмъ. Но и на этотъ разъ встрѣтило ихъ у воротъ св. Панкратія такое сильное сопротивленіе, что они должны были перейдти къ правильной осадѣ, и только послѣ битвъ и приступовъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, овладѣли наконецъ городомъ по уговорѣ (3 іюля). Баррикады тотчасъ же были снесены, временное правительство распущено и учреждена военная власть чужеземцевъ. Гарибальди, Мадзини и друг. спаслись бѣгствомъ. Но папа еще долго оставался въ своемъ добровольномъ изгнаніи, сѣтуя на неблагодарный къ нему городъ. Только въ апрѣлѣ 1850 г. послѣдовалъ его возвратъ. Съ тѣхъ поръ порядокъ поддерживался въ Римѣ французскимъ гарнизономъ; но разбойничьи шайки, рыскавшія по краю подъ начальствомъ удалыхъ атамановъ, свидѣтельствовали о глубокомъ паденіи общественнаго порядка и о безсиліи правительства.

§ 854. Великій герцогъ Леопольдъ Тосканскій умѣлъ долго сохранить расположеніе своихъ подданныхъ либеральными реформами, высылкою іезуитовъ и. хотя и недобровольнымъ, участіемъ въ войнѣ противъ Австрійцевъ; но наконецъ радикальной пропагандѣ удалось подкопать общественную почву и здѣсь. настоять на созывѣ учредительнаго собранія (8 февр.). принудить великаго герцога къ бѣгству и основать эфемерную республику подъ руководствомъ Гверацци. Но черезъ нѣсколько недѣль самъ народъ произвелъ контръ-революцію. Леопольдъ былъ призванъ назадъ, и прежній порядокъ возстановленъ (11 апр.).—Самовластительный герцогъ Францъ Моденскій и только-что воцарившійся герцогъ Карлъ Пармскій не устояли противъ сильныхъ мартовскихъ бурь. Они покинули свои державы и примкнули къ Австріи. съ которою дѣлили и первое ея пораженіе и послѣдовавшее за тѣмъ торжество. Вступленіе Радецкаго въ Миланъ было и для нихъ днемъ возврата.—Достопамятнѣйшій поворотъ совершился въ верхней Италіи. Король Піэмонта и Сардиніи, Карлъ Альбертъ, прозванный отъ своихъ поклонниковъ «мечемъ Италіи», былъ человѣкъ нетвердый и ненадежный, который грѣхи либеральной юности искупилъ сперва строгимъ абсолютизмомъ, а потомъ, увлекшись духомъ времени, поднялъ знамя итальянской національности и независимости и думалъ воспользоваться удобною минутой, чтобъ объявленіемъ Австріи войны безъ всякой особенной причины снискать себѣ

расположеніе итальянскаго народа и пріобрѣсть вмѣстѣ Ломбардо-венеціанское королевство и верховное преобладаніе въ Италіи. Заодно съ Ломбардцами, которые по нѣкоторомъ колебаніи возстали на Австрійцевъ, учредили временное правительство и послѣ многодневнаго упорнаго боя въ Миланѣ (начиная съ 18 марта 1848) принудили стараго фельдмаршала Радецкаго (1766 — 1858) выступить оттуда съ своимъ войскомъ, ослабленнымъ измѣною и побѣгами, Венеціанцы также освободили свою столицу капитуляціей съ австрійскимъ комендантомъ крѣпости, графомъ Зичьи, и примкнули къ общенародному возстанію; съ ними и съ многочисленными вольными дружинами (crociati, крестоносцами) средней Италіи, Карлъ Альбертъ двинулся на Минчіо, въ первыя минуты одушевленія и внезапности оттѣснилъ австрійскія войска превосходствомъ своихъ силъ къ сѣвернымъ границамъ Италіи и, послѣ побѣдоноснаго боя при Гоито, овладѣлъ крѣпкою Пескіэрой. Италіянскіе волонтеры проникли даже въ южный Тироль, чтобы отнять у Австріи и эту пограничную землю Вездѣ развѣвалось трехцвѣтное знамя; большая часть городовъ, за исключеніемъ крѣпостей Мантуи и Вероны, примкнули къ возставшимъ; Флоренція, Римъ, Неаполь объявили Австріи войну и усилили собой піэмонтскую армію, которою храбрый и воинолюбивый король предводительствовалъ лично. Борьба приняла характеръ крестоваго похода; духовенство, начиная съ новопоставленнаго архіепископа Миланскаго до послѣдняго монаха, дѣйствовало въ пользу національнаго дѣла и независимости Италіи и сообщало возстанію церковное освященіе. Вольныя дружины украшали себя краснымъ крестомъ, выходя въ поле. Въ то время, какъ Италія торжествовала свою побѣду праздниками, пирами и тріумфальными шествіями, въ то время какъ она ликовала, радуясь освобожденію отъ ненавистнаго ига варваровъ, старый левъ оттачивалъ свои когти въ веронскомъ логовищѣ и скоро вышелъ оттуда, потрясая гривой. Уже 6 мая слишкомъ осьмидесятилѣтній фельдмаршалъ Радецкій выдержалъ при Санта Лучіи, неподалеку отъ Вероны, кровопролитный бой, въ которомъ храбрая австрійская армія удержала за собой поле битвы противъ превосходнаго непріятеля, а между тѣмъ фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Вельденъ освободилъ южный Тироль. Къ концу мѣсяца (29 мая 1848) Радецкій прорвалъ храбро защищаемую линію Куртатоне и проложилъ себѣ дорогу къ Мантуѣ въ то самое время, когда войско Карла-Альберта совершало блистательныя дѣла подъ Гоито и Пескіэрою. Въ іюнѣ, послѣ кровопролитнаго боя, фельдмаршалъ овла-

дѣлъ Виченцой, а Карлъ-Альбертъ занялъ знаменитое въ военной исторіи мѣсто Риволи [1]. Жаркія схватки происходили потомъ съ перемѣннымъ счастіемъ въ близи обѣихъ крѣпостей, и берега Минчіо обагрились кровью множества храбрыхъ. Итальянцы дрались за свободу и національность, Австрійцы за господство и военную честь; но первымъ недоставало той опытности и строгой дисциплины, которыя помогали привычнымъ войскамъ послѣднихъ, и въ то время какъ всѣ безъ исключенія Австрійцы повиновались одному энергическому вождю, у ихъ противниковъ, состоявшихъ также изъ разнородныхъ элементовъ, часто господствовали разладъ и разномысліе. Вотъ почему колебавшееся сначала военное счастіе наконецъ склонилось на сторону Австрійцевъ. 25 іюля, въ лѣтній, страшно знойный день, Радецкій одержалъ при Кустоццѣ такую побѣду, которая блистательно возстановила честь австрійскаго оружія. Маститый фельдмаршалъ, разбивъ еще непріятеля при Гоито и Вольтѣ и гоня его передъ собой, быстро двинулся опять въ Ломбардію и въ началѣ августа стоялъ уже передъ Миланомъ. Послѣ жестокаго боя, въ которомъ самъ король подвергся опасности, городъ сдался на уговорѣ, и 6 августа Радецкій снова вступилъ въ Миланъ. Карлъ-Альбертъ, преслѣдуемый угрозами и бранью народной массы, какъ измѣнникъ, покинулъ городъ въ глухую ночь, едва вымоливъ у Австрійцевъ перемиріе. Радецкій, столь же кроткій и человѣколюбивый, сколько храбрый и настойчивый, не опозорилъ своей побѣды ни одной жестокостью. Бѣжавшіе Миланцы, мало по малу возвращались домой смирно и уничиженно, сдерживая въ глубинѣ души ненависть свою къ Нѣмцамъ, которую прежде высказывали такъ громко въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Гарибальди, одинъ изъ самыхъ отважныхъ вождей вольныхъ дружинъ, скитался еще нѣсколько времени съ своей полуодичалою ватагой, пока угрожаемый непріятелемъ не укрылся сначала въ южной Швейцаріи, а потомъ нашелъ для своей воинской дѣятельности удобную почву въ взволнованномъ Римѣ. Но этимъ еще не кончилась австріиско-сардинская война. Карлъ-Альбертъ, позоримый народомъ, увлекаемый радикалами, которые оттѣснили умѣренно-либеральное министерство Джоберти и одержали верхъ въ палатѣ и въ правительствѣ, боясь республиканской пропаганды за свою власть, и томимый оскорбленной гордостью вѣнценосца, съ отчаянія рѣшился вторично попытать военной удачи. Поводомъ къ возобновленію войны выставили неточное выполненіе условій перемирія. Въ мартѣ 1849 г. большая сардинская армія, при которой находилось много польскихъ генераловъ (Раморино, Хржановскій и др.), двинулась за ломбардскую границу чтобы снова попытаться выгнать Австрійцевъ изъ Италіи. Но четырехдневный походъ старика Радецкаго (20 — 24 марта) въ долинѣ Тессина, столь знаменитой битвами и военно-историческими событіями, и кровавыя побѣды подъ Мортарою и Новарой, одержанныя Австрійцами надъ растянутыми корпусами непріятельской арміи, скоро положили конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ замысламъ и сокрушили надежды итальянскихъ патріотовъ. Раморино (родомъ изъ Генуи), который со времени паденія Польши велъ непосѣдную жизнь скитальца, подвергся теперь подозрѣнію въ предательствѣ, за то что по непростительной небрежности оставилъ незанятымъ одинъ важный постъ; военный судъ приговорилъ его къ смерти, и онъ былъ разстрѣлянъ. Карлъ-Альбертъ, отчаявшись въ удачѣ, передалъ престолъ сыну своему, Виктору Эмануилу, бѣжалъ скрытыми путями изъ своей родины и въ отдаленной Португаліи искалъ пріюта для послѣдняго конца своихъ дней. Немного мѣсяцевъ спустя смерть избавила его отъ всѣхъ страданій и горестей земной жизни. Юный король Викторъ-Эмануилъ поспѣшно заключилъ съ побѣдоноснымъ фельдмаршаломъ перемиріе (26 марта), но оно возбудило въ цѣломъ краѣ такое недовольство, что палата депутатовъ отказалась утвердить его, и въ Генуѣ вспыхнулъ мятежъ. Только когда палата была распущена, а мятежъ подавленъ силой, народъ покорился горькой необходимости. Новая палата утвердила въ послѣдствіи миръ съ Австріей, возложившій на бѣдную страну тяжелое бремя долга за военныя издержки. Съ тѣхъ поръ сардинское правительство шло безпрепятственно впередъ по пути либеральныхъ реформъ и внутренняго развитія [1]. Возстаніе, вспыхнувшее въ тылу австрійскаго войска, въ Брешіи (1—4 апр.), было подавлено безпощаднымъ фельдмаршалъ лейтенантомъ Гайнау съ кровавою жестокостью, послѣ того какъ онъ взялъ приступомъ мятежный городъ. — Одна Венеція, гдѣ по выходѣ австрійскаго гарнизона, дѣлами завѣдывало сперва временное правитель-

[1] Здѣсь Бонапартъ одержалъ славную побѣду надъ Австрійцами 14 янв. 1797 г. Отличившійся при этомъ Массена получилъ потомъ титулъ герцога Риволійскаго

[1] Этимъ оно пріобрѣло себѣ сочувствія не только Итальянцевъ, но и всей либеральной Европы до такой степени, что могло потомъ снова стать во главѣ народно-итальянскаго движенія уже съ гораздо большею надеждой на успѣхъ.

ство именемъ Сардинскаго короля, а потомъ, когда Итальянская армія потерпѣла пораженіе, учредилось республиканское устройство подъ вліяніемъ Манина, — одна Венеція, благодаря неодолимости своего положенія, могла еще цѣлые мѣсяцы сопротивляться австрійскому осадному корпусу и всѣмъ попыткамъ овладѣть ею, даже и послѣ того, какъ Австрійцы успѣли захватить ведущую къ ней крѣпость Мальгеру (27 мая) и стать твердою ногою въ предѣлахъ самыхъ лагунъ. Только уже тогда, когда повсемѣстное пораженіе инсургентовъ отняло всякую надежду на успѣшный исходъ борьбы съ Австріей и когда городъ доведенъ былъ до крайности внутреннимъ разладомъ и усиліями внѣшняго врага,— только тогда сдалась и Венеція на уговорѣ Австрійцамъ (25 авг. 1849). 30 августа фельдмадшалъ торжественно вступилъ въ гордую столицу лагунъ. Съ тѣхъ поръ двуглавый орелъ снова распростеръ свои крылья надъ Ломбардо-венеціанскимъ королевствомъ; въ средней и нижней Италіи по прежнему развѣвались знамена законныхъ государей, а полная надеждъ трехцвѣтная хоругвь Итальянцевъ только въ Сардиніи находила себѣ убѣжище и пріютъ. Пій IX всенародными церковными эпитиміями заявлялъ глубокое раскаяніе въ грѣхахъ своего либерализма, а въ злополучномъ Неаполѣ господствовала мрачная реакціонная система, руководимая жестокостью и местью, и посмѣвавшаяся всѣмъ законамъ человѣческаго чувства и образованія. Сколько безразсудствъ и необдуманной страстности ни обнаружилось при возстаніи Итальянцевъ, нельзя отказать имъ въ томъ, что честь націи со славою выдержала испытаніе. Бывъ цѣлые вѣка предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія у другихъ народовъ, Итальянцы доказали въ эту войну, что они еще умѣютъ владѣть оружіемъ, и если и на этотъ разъ они были побѣждены, благодаря столько же своей собственной безрядицѣ, какъ и военному превосходству своихъ противниковъ, то все же нѣтъ сомнѣнія, что и для нихъ настанетъ день, когда національное единство и законная свобода водворятъ болѣе счастія и достоинства въ жизни этого даровитаго народа.

IV. Борьбы за конституцію въ Германіи и паденіе Венгерцевъ.

§ 855. 1. Учредительное народное собраніе въ Павловской церкви, во Франкфуртѣ. — Центральная власть. Германское движеніе, хотя демократическое въ своемъ источникѣ и бурное въ своемъ проявленіи, тѣмъ не менѣе благоговѣйно остановилось передъ тронами: — доказательство, что, говоря вообще, стремленіе народа клонилось не къ республиканскимъ формамъ, а лишь къ достиженію свободной государственной жизни съ національнымъ единствомъ, при которомъ отдѣльныя державы могли по-прежнему существовать въ своихъ привычныхъ разнообразныхъ формахъ. Великою, трудною задачей національнаго собранія во Франкфуртѣ было—создать такую форму единства, съ помощію которой германскій народъ достигъ бы благоустроенной свободы внутри, силы и вѣса въ отношеніи къ другимъ державамъ, и которая положила бы новыя основанія величію и благу общаго отечества. Большинство сознавало эту цѣль и избѣгало тѣхъ ложныхъ путей, на которые суетливое меньшинство хотѣло увлечь парламентъ, предлагая совершенно чуждые предметы на его обсужденіе: такъ наприм. старались навязать ему рѣшеніе ссоры между гражданами Майнца и прусскими войсками; но выслушавъ дѣло, собраніе постановило: «перейдти къ очереднымъ занятіямъ, въ увѣренности, что подлежащія власти сдѣлаютъ, что слѣдуетъ по закону». Однакожь главное дѣло собранія подвигалось медленно, при сильномъ противорѣчіи, которымъ встрѣченъ былъ большею частію взволнованнаго народа проектъ конституціи, изготовленный повѣренными, и при тѣхъ бурныхъ событіяхъ, отъ которыхъ не могло вполнѣ уклониться собраніе, призываемое въ посредники или судьи со всѣхъ сторонъ. Если вначалѣ совѣщанія затруднялись незнакомствомъ членовъ между собою и смутностію цѣли, къ которой должно было идти, то впослѣдствіи, когда выяснилось положеніе партій, единодушію препятствовали разнообразіе цѣлей и духъ оппозиціи. Партіи впервые рѣзко обозначились при обсужденіи вопроса о центральной власти. Лѣвая сторона, имѣя въ виду республиканское устройство и начало народнаго самодержавія, требовала, чтобъ исполнительная власти, исходила изъ нѣдръ самого національнаго собранія и отвѣтствовала только передъ нимъ, помимо всякаго содѣйствія правительствъ; правая сторона и часть средины, желая соглашенія правительствъ съ представителями народа, сошлись между собою въ томъ, что при учрежденіи центральной власти правительства и національное собраніе должны идти рука въ руку. Для этого, по ихъ мысли, слѣдовало назначить директорію изъ трехъ лицъ, представляющихъ двѣ великія державы, Австрію и Пруссію, и совокупность среднихъ и мелкихъ державъ Германіи. Правительства должны были согласиться между собою насчетъ этихъ лицъ и потомъ предста-

вить ихъ собранію до окончательнаго утвержденія, «такъ чтобы одобрительный отзывъ собранія палъ именно между предложеніемъ и назначеніемъ этихъ трехъ лицъ». Послѣ долгихъ и жаркихъ преній мысль эта была оставлена по двумъ слѣдующимъ соображеніямъ: опасались, что правительствамъ понадобится слишкомъ долгій срокъ для соглашенія насчетъ выбора, и знали навѣрно, что (каковъ бы ни былъ выборъ) предложенные директоры подвергнутся такой безпощадной критикѣ со стороны противниковъ, что отъ этого непремѣнно потерпитъ ихъ вѣсъ. Поэтому въ теченіе преній пришли къ убѣжденію, что вмѣсто троичной директоріи («тріады») лучше облечь верховною властью одного безответственнаго главу («монаду»), который будетъ предложенъ и назначенъ отъ правительствъ, а собраніемъ принятъ безъ обсужденій. Съ этой стези соглашенія національное собраніе было неожиданно сведено полновѣснымъ словомъ своего президента и увлечено къ «смѣлому шагу» (kühner Griff) выбрать этого безответственнаго главу прямо отъ себя. Послѣ продолжительныхъ и шумныхъ споровъ пришли наконецъ къ слѣдующему рѣшенію: «Временная центральная власть поручается нецарствующему члену одной изъ нѣмецкихъ династій, въ качествѣ блюстителя имперіи. Національное собраніе изберетъ его, въ надеждѣ на согласіе правительствъ». Президентъ Гагернъ думалъ этимъ оборотомъ дѣла избавить правительства отъ великаго затрудненія, придать блюстителю имперіи въ глазахъ народа больше популярности и въ то же время самою личностію избраннаго представить важное обезпеченье правительствамъ. Съ другой стороны онъ надѣялся примирить этимъ всѣ партіи и увлечь ихъ къ единодушному рѣшенью. Давно не подлежало никакому сомнѣнію, что избранникомъ будетъ любой народу, граждански-мыслящій эрцгерцогъ Іоаннъ австрійскій. При постановкѣ всѣхъ предложеній явнымъ образомъ его имѣли въ виду. Не смотря однакожь на первоначальный восторгъ, произведенный этимъ событіемъ, многіе находили, что «смѣлый шагъ» — шагъ ошибочный, которымъ національное собраніе разомъ стало на точку революціи и дало правительствамъ полную возможность, впослѣдствіи уклониться отъ центральной власти. Оттого верховно-имперское правительство по всѣмъ общегерманскимъ дѣламъ, равно какъ и прежде состоявшееся постановленіе, что конституціи отдѣльныхъ государствъ не должны ни въ чемъ противорѣчить дѣлу общегерманской конституціи, признавались и имѣли значеніе только до тѣхъ поръ, пока отдѣльныя правительства и ошеломленный партикуляризмъ не имѣли достаточно воли или силъ отдѣлаться отъ этихъ нововведеній.—Послѣ того, какъ блюститель имперіи принялъ отъ президента союзнаго сейма всю власть, бывшую прежде въ рукахъ послѣдняго (12 іюля 1848), онъ окружилъ себя отвѣтственнымъ министерствомъ, въ которомъ, подъ кратковременнымъ предсѣдательствомъ князя Лейнингена, различными отраслями дѣлъ завѣдывали Шмерлингъ, Пёйкеръ, Робертъ фонъ-Моль, Гекшеръ, Дуквицъ и Бекератъ, и назначилъ извѣстное число помощниковъ статсъ секретарей изъ среды собранія.

§ 856. Положеніе партій. Со времени учрежденія центральной власти распредѣленіе членовъ собранія по партіямъ утвердилось на болѣе твердой почвѣ и приняло болѣе благонадежный видъ [1]. Правая сторона, желавшая, чтобъ дѣло германской конституціи состоялось чрезъ соглашеніе парламента съ государями и правительствами, руководилась умственнымъ превосходствомъ и ораторскимъ дарованіемъ двухъ энергическихъ людей, фонъ-Радовица и фонъ-Финке; наряду съ ними величайшее вліяніе имѣлъ еще ловкій, остроумный и мастерски пользовавшійся минутою, князь Лихновскій. Такъ называемый «Каменный домъ» былъ мѣстомъ сборища консервативныхъ людей, державшихся этой партіи. Имъ противустояла лѣвая сторона, состоявшая изъ тѣхъ парламентскихъ членовъ, которые, исходя отъ начала исключительнаго народовластія, хотѣли соорудить новую конституцію, въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми существующими отношеніями, на самой широкой демократической основѣ, и увѣнчать ее безпредѣльнѣйшею личною свободой. Имѣя въ виду республиканское союзное государство, они для достиженія этой цѣли постоянно указывали революціонный путь, и во всѣхъ вопросахъ отстаивали именно ту сторону, которая явно или тайно вела къ этому идеалу. Слабые числомъ, пріобрѣли они силу и значеніе благодаря столько же своей собственной подвижности и единодушію, сколько и сочувствіямъ низшаго класса, который они умѣли привлечь на свою сторону звучными фразами и мѣткими, всегда возбуждающими толпу поговорками. Разнясь по природѣ и стремленіямъ, они при своей малочисленности были вынуждены крѣпко держаться другъ за друга и во всѣхъ важныхъ вопросахъ давать голосъ заодно; но уже рано выказалась между ними крайняя сторона, «демократически-радикальная партія», къ которой принадлежали люди чис-

[1] То-есть исчезла прежняя шаткость и переходчивость, мѣшавшая положительно разсчитывать на вѣроятность принятія той или другой мѣры извѣстными оттѣнками партій.

таго отрицанія, поблажники революціонной анархіи или теоретическіе поклонники демократической свободы, каковы наприм. Фогтъ, Цицъ, Руге и друг., тогда какъ настоящая лѣвая сторона собиралась около лейпцигскаго народнаго витіи, Роберта Блума. Сборищемъ для этой партіи служилъ домъ, извѣстный подъ именемъ «Доннерсберга» (громовой горы). — Обширную средину между этими крайними направленіями занимали умѣренно либеральные люди, которые до мартовскихъ дней большею частію причислялись къ «либераламъ», а теперь преимущественно стремились къ національному единству, неразрывному съ гражданскою свободой, и стояли за конституціонную монархію. Они менѣе членовъ лѣвой стороны опирались на предустановленныя начала и болѣе ихъ соображались съ существующими отношеніями; однакожь, слишкомъ замыкаясь въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, какъ сущіе идеалисты, они большею частію навлекли себѣ упрекъ въ «доктринёрствѣ» (т. е. безвыходномъ вращеніи въ извѣстномъ теоретическомъ кругу). Многочисленность членовъ этой партіи и неизбѣжное различіе во взглядахъ на подробности, вскорѣ привели ее къ распаденію на лѣвый и правый центръ. Первые, вмѣстѣ съ лѣвою стороной, видѣли въ самодержавіи народа единственную основу будущей союзной конституціи и требовали безусловнаго подчиненія отдѣльныхъ державъ идеѣ единства; но какъ они при этомъ не отказывались принять въ соображеніе взгляды правительствъ и неустранимыя потребности каждаго края порознь, то тѣмъ самымъ давали просторъ весьма разнообразнымъ воззрѣніямъ и стремленьямъ. Сборнымъ мѣстомъ для этой партіи, состоявшей преимущественно изъ швабскихъ и баварскихъ депутатовъ (Рёмера, Фальмерайера, Эйзенмана и друг.), служило «Вюртембергское подворье»; къ нимъ же присоединился фонъ-Виденбругкъ изъ Веймара. Впослѣдствіи между ними произошло новое раздѣленіе, и тогда стоявшіе ближе къ лѣвой сторонѣ (Раво изъ Кёльна) собирались въ «Вестендгаллѣ», а другіе — на «Аугсбургскомъ подворьѣ». Правый центръ, называвшійся также «партіею Гагерна», признавалъ мысль о самодержавіи національнаго собранія основанною на коренныхъ началахъ права, но не исключающею и совмѣстное правомочіе правительствъ; цѣлію этой партіи было чистосердечное установленіе конституціонно-монархическаго порядка и перенесеніе всего дѣла о государственномъ преобразованіи отечества съ революціонной почвы на почву права. Къ этой огромной партіи, которая при подачѣ голосовъ обыкновенно рѣшала дѣло, принадлежали многіе патріоты, пламенно желавшіе величія,

единства и свободы Германіи, каковы Дальманъ, Гервинусъ, Арндтъ, Безелеръ, Бассерманъ, Яковъ Гриммъ и многіе друг. Съ ними же заодно стоялъ большею частію и Велькеръ. — Послѣ 18 марта раздѣлилась она на двѣ половины, изъ которыхъ одна, болѣе наклонная къ лѣвой сторонѣ, собиралась въ «Ландсбергѣ», а другая въ «Казино»; впрочемъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ между ними обнаруживалось прежнее единодушіе.

§ 857. Коренныя права (die Grundrechte) и внѣшняя политика. 4 іюля началось «совѣщаніе о коренныхъ правахъ германскаго народа», — совѣщаніе, которому заранѣе предназначалось быть двукратнымъ, которое заняло очень много времени и нарушалось разными неблагопріятными событіями. Народъ, обладавшій между тѣмъ фактически уже самыми широкими правами свободы, соскучился глядя на теоретическія усилія своихъ представителей занесть эти права въ протоколъ со всею канцелярскою точностью. Эта «скука и нетерпѣніе» народа, безпрерывно волнуемаго подрывающею партіей, побудила нѣкоторыхъ членовъ предложить собранію болѣе краткій и быстрый путь, но этому воспротивилась нѣмецкая основательность и степенность. Никто не хотѣлъ отказаться отъ случая поговорить, а между тѣмъ проходило время, удобное для водворенія новыхъ отношеній, и все дѣло затягивалось въ долгій ящикъ, такъ что, когда наконецъ порѣшили вопросъ о коренныхъ правахъ и, какъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе, сообщили ихъ народу въ несмѣтномъ числѣ экземпляровъ, правительства, пришедшія между тѣмъ въ силу, могли уже замедлить или и совсѣмъ воспретить ихъ введеніе. Эти коренныя права, хотя бы въ нихъ и нашлось что-нибудь, носящее печать той взволнованной эпохи и не во всемъ согласное съ строгой справедливостью и съ утвердившимся обычаемъ, безспорно устранили или по крайней мѣрѣ ослабили многія ограниченія и путы, препятствовавшія дотолѣ развитію личной свободы и независимости; они положили основаніе равноправности всѣхъ Германцевъ, упразднивъ сословныя привилегіи, оградили народъ отъ всякихъ судебныхъ и полицейскихъ правонарушеній, поставили внѣ всякаго вопроса право сборищъ и товариществъ, избавили печать отъ всякаго сверхзаконнаго надзора и предоставили свободу вѣры и обученія; вполнѣ обезпечивъ права собственности, они въ то же время распорядились отмѣною или постепеннымъ устраненіемъ сословныхъ преимуществъ и устарѣлыхъ повинностей, обременявшихъ пользованіе землей; суды присяжныхъ съ гласнымъ и устнымъ дѣлопроизводствомъ и съ независимостью судейскаго

сословія должны были положить основу такой юстиціи, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала духу времени и успѣхамъ образованія; наконецъ, отмѣною смертной казни они принесли быть-можетъ слишкомъ большую жертву началу гуманности. Такимъ образомъ коренныя права давали во всѣхъ отношеніяхъ широкую мѣру свободы и осуществись они вполнѣ, конечно поставили бы германскій народъ въ ряду цивилизованныхъ націй на ту степень, которая подобаетъ ему по его природѣ и развитію. — Совѣщаніе о коренныхъ правахъ насильственно перерывалось множествомъ вопросовъ и предложеній, которые такъ и ломились въ собраніе. Оно постоянно было средоточіемъ и фокусомъ для всѣхъ патріотическихъ надеждъ, желаній и интересовъ, шевелившихся въ обширныхъ сферахъ отечественной жизни, но лишь недавно силою прорвавшихся на Божій свѣтъ. Вопросы внѣшней политики особенно подавали поводъ къ самымъ жаркимъ преніямъ въ парламентѣ. Партія движенія, хотѣвшая водворить «новый порядокъ» во всей Европѣ, настаивала на заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Франціей и нетерпѣливо желала «схватить братскую руку зарейнскаго народа». Но большинство собранія, руководясь началомъ мира и невмѣшательства въ чужія дѣла, отвергнуло предлагаемый союзъ, хотя, разумѣется, было ни противъ признанія французской республики, ни противъ отправленія въ Парижъ имперскаго посла. Для этого избранъ былъ историкъ Гогенштауфеновъ, Фридрихъ фонъ-Раумеръ. — При совѣщаніяхъ объ австро-итальянской войнѣ, лѣвая сторона защищала космополитское начало національной независимости, даже въ ущербъ собственнымъ выгодамъ Германіи, и требовала прекратить войну, между тѣмъ какъ большинство, увлеченное неодолимымъ краснорѣчіемъ Радовица, предоставило (12 авг. 1848) рѣшеніе вопроса центральной власти, въ надеждѣ, что она соблюдетъ интересы Германіи. Радовицъ настаивалъ на удержаніи за имперіей Венеціанской области и всего края по Минчіо, считая это необходимымъ для военной безопасности Германіи, именно въ тѣхъ видахъ, чтобъ верхняя Италія не подпала преобладанію Франціи, а нижняя — Англіи. Въ рядахъ космополитскихъ ораторовъ нашло себѣ ревностную защиту даже послѣдовавшее позже требованіе объ уступкѣ итальянскаго Тироля, что по мѣткому выраженію Радовица совершенно равнялось тому, какъ еслибъ потребовали отъ кого-нибудь уступить дверь его собственнаго дома [1]. — Только по одному вопросу были согласны между собою всѣ

[1] Впослѣдствіи, при болѣе хладнокровнымъ разсмотрѣніи вопроса, сами военные авторитеты Германіи отчасти признали, что Радовицъ заходилъ слишкомъ далеко, утверждая будто Нѣмцамъ мало владѣть однѣми Альпами, но что для пущей безопасности имъ нуженъ еще и весь приальпійскій край.

партіи въ парламентѣ, именно насчетъ того, что существовавшее дотолѣ соединеніе германскаго союзнаго герцогства Лимбурга подъ одною конституціей и административною системой съ королевствомъ Нидерландскимъ несовмѣстно съ конституціей Германскаго союза, почему центральной власти было настоятельно поручено вступиться за герцогство по поводу возложенной на его жителей обязанности участвовать въ голландскомъ государственномъ долгѣ. Напротивъ, тѣмъ сильнѣе запылала борьба по славянскому вопросу, не столько изъ за того, обязывать ли Чеховъ присылкою депутатовъ въ національное собраніе, что рѣшено было сдѣлать чрезъ австрійское правительство, какъ изъ-за спора о признаніи и допущеніи депутатовъ, избранныхъ въ той части Познани, которая была присоединена къ Германскому союзу. Лѣвая сторона полагала, что не льзя ни чѣмъ лучше отблагодарить представителей демократизма, Поляковъ, этихъ усерднѣйшихъ и отважнѣйшихъ подвижниковъ политическихъ смутъ и заговоровъ, какъ потребовавъ отъ собранія, чтобы оно признало свободу и независимость каждой народности и, въ силу этого «новаго международнаго права», положило содѣйствовать возстановленію Польши. Общее сочувствіе къ этому народу придало на этотъ разъ словамъ Арнольда Руге, выдвинутаго радикалами впередъ, гораздо болѣе вѣса, нежели обыкновенно имѣли въ глазахъ большинства незрѣлыя мысли и безразсудныя изреченія философовъ-космополитовъ. Только минута была неудачно выбрана. Запальчивость и жестокость Поляковъ, обнаружившіяся незадолго до этого въ вѣроломной войнѣ, предпринятой ими противъ своихъ нѣмецкихъ одноземцевъ, и явное намѣреніе ихъ идти заодно съ парламентскими радикалами революціонною дорогой, ослабили сочувствіе къ такому дѣлу, въ которомъ до тѣхъ поръ видѣли «высокую поэтичность мученичества». Собраніе, занятое именно тогда практическимъ возрожденіемъ германской націи и готовое отвергнуть абстрактно-философскій идеализмъ предшествовавшей эпохи, выслушало среди бурныхъ взрывовъ негодованія вовсе непатріотическую исповѣдь Руге насчетъ его «міросозерцанія». То самое, что краснорѣчивый князь Лихновскій, говоря въ смыслѣ большинства, рѣшительно ставилъ въ укоръ Полякамъ, — ихъ всегдашнее появ-

леніе первыми на баррикадахъ, — именно это и прославляли въ нихъ радикалы собранія. Теплыя слова нѣмецкихъ депутатовъ изъ Познани, молившихъ не отталкивать полмилліона угрожаемыхъ земляковъ, не выгонять ихъ безъ защиты на улицу, нашли доступъ къ сердцамъ и побѣдили страстное краснорѣчіе польскаго оратора, который возбуждалъ состраданіе парламента къ «невыразимымъ бѣдствіямъ» его отчизны, и обращался вмѣстѣ съ тѣмъ къ «доблестной справедливости» своихъ сочленовъ. А когда за познаньскихъ Нѣмцевъ возвысилъ голосъ и Іорданъ изъ Берлина, который до тѣхъ поръ постоянно держался лѣвой стороны, когда онъ краснорѣчиво представилъ позоръ и несправедливость жертвовать нѣмецкими братьями чуждому народу, который видитъ въ нихъ смертельныхъ недруговъ, когда онъ живо выставилъ распавшуюся и гнилую государственность и національность Польши неизбѣжною причиной ея раздѣленія, изобразилъ завоеванія Нѣмцевъ по Вислѣ и Вартѣ — завоеваніями не меча, а обработывающаго плуга, и мысль противниковъ, что Польшу слѣдуетъ возстановить какъ оплотъ Германіи противъ Россіи, отстранилъ указаніемъ на собственную силу первой и на бо́льшую вѣроятность русско польскаго союза противъ Нѣмцевъ,—тогда исходъ совѣщанія сталъ уже несомнѣннымъ. Рѣшено, допустить въ собраніе 12 депутатовъ изъ присоединенной къ Германіи, части Познани, и до-времени утвердить пограничную черту генерала Пфуля, которая раздѣлила область на двѣ половины, нѣмецкую и польскую. Добавочное предложеніе лѣвой стороны, «объявить раздѣлъ Польши постыдною несправедливостью», было отстранено на томъ основаніи, что это—историческій фактъ, неподлежащій суду собранія.

§ 858. Пруссія и національное собраніе. Съ тѣхъ поръ какъ однимъ смѣлымъ шагомъ собраніе въ Павловской церкви установило сообственною волею центральную власть, нельзя было не замѣтить въ отношеніи къ нему нѣкоторой раздражительности со стороны Пруссіи. Приказъ военнаго министра Пёйкера, чтобы всѣ германскія войска присягнули блюстителю имперіи, въ Пруссіи исполненъ не былъ; на все, что ни дѣлалось во Франкфуртѣ, Берлинъ смотрѣлъ недовѣрчиво и ревниво; опасались, чтобъ «сліяніе въ одну Германію» не кончилось исчезновеніемъ Прусской державы, противъ чего ново-ожившее «прусачество» ратовало упорно изо всѣхъ силъ. Раздражительность эта возрасла еще болѣе отъ ненавистливаго тона, съ какимъ нападали на Пруссію въ южной Германіи и на словахъ и печатно, и часто казалось, что вмѣсто чаемаго еди-

ненія Германіи плодомъ достопамятной эпохи будетъ только еще горшій разладъ и обособленіе въ сугубой степени. Особенно обнаружилось это, когда 7 августа лѣвая сторона сдѣлала предложеніе даровать амнистію (участникамъ баденскаго возстанія и друг.) и допустить въ національное собраніе Фридриха Гекера, выбраннаго въ Тингенѣ. Большинство было того мнѣнія, что человѣкъ, «хотѣвшій на мѣсто вѣчнаго порядка права водрузить знамя насилія», не можетъ засѣдать въ собраніи, которому германскій народъ довѣрилъ утвержденіе единства и упроченіе свободы «путями совѣта, умѣренности, благоразумія и терпѣнья». Но, отнюдь не раздѣляя этого воззрѣнія, лѣвая сторона поддержала оскорбительныя слова депутата Брентано, который поставилъ принца Прусскаго [1] на одну доску съ вождемъ баденскихъ вольныхъ дружинъ. Страшная буря послѣдовала за этимъ отзывомъ; среди крика и шума одна сторона парламента требовала напоминовенія о порядкѣ, другая препятствовала этому; засѣданіе пришлось наконецъ закрыть. И когда на другой день президентъ высказалъ вчерашнему оратору замѣчаніе о соблюденіи порядка, крикъ и волненіе возобновились въ такой степени, что надо было на нѣсколько времени отсрочить засѣданіе и велѣть очистить шумную галерею (гдѣ помѣщалась публика). Эта сцена оставила занозу въ сердцѣ Пруссаковъ, хотя собраніе и обнаружило при выходкѣ Брентано свое рѣшительное неодобреніе. Только когда десять дней спустя блюститель имперіи и около половины національнаго собранія отправились въ Кёльнъ на празднество по случаю отстройки знаменитаго собора и сошлись тамъ съ королемъ Прусскимъ, то одушевленіе къ будущему величію Германіи вытѣснило на-время изъ всѣхъ сердецъ чувство узкаго партикуляризма. Плаваніе по Рейну, привѣтствуемое ликующими толпами народа, и слѣдовавшее за тѣмъ празднество, были прекраснѣйшимъ, самымъ полнымъ надеждъ моментомъ.

§ 859. Перемиріе въ Мальмё и сентябрьскіе ужасы во Франкфуртѣ. Разладъ между Франкфуртомъ и Берлиномъ дошелъ до высшей степени, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Пруссія не исполнила надеждъ парламента, высказанныхъ при предоставленіи ей развязки шлезвигъ-голштинскаго спора съ Даніей, — надеждъ, «что при заключеніи мира будутъ соблюдены права герцогствъ и съ тѣмъ вмѣстѣ честь Германіи»; что, напротивъ, состоявшееся 26 августа переми-

[1] Принцъ Прусскій (впослѣдствіи король Вильгельмъ I) начальствовалъ союзными войсками, подавившими баденское возстаніе.

ріе въ Мальмё содержитъ въ себѣ унизительныя условія, такъ какъ имъ отмѣнены всѣ законы и распоряженія, послѣдовавшіе въ Шлезвигъ-Голштейнѣ съ 17 марта (дня возстанія края), временная администрація замѣнена правительствомъ изъ четырехъ лицъ, назначеннымъ по общему соглашенію Пруссіи съ Даніей, и шлезвигскія войска совсѣмъ отдѣлены отъ голштинскихъ. Но негодованіе еще усилилось, когда пришла вѣсть, что во главѣ временнаго правительства и соединенныхъ герцогствъ долженъ стать графъ Карлъ Мольтке, ревностнѣйшій поборникъ единства датской державы [1], и когда притомъ оказалось, что въ договорѣ не было и помина о франкфуртскомъ парламентѣ и что Пруссія дѣйствовала только именемъ «Германскаго союза». Когда объ этомъ перемиріи зашла рѣчь въ національномъ собраніи (4 сент. 1848), утвержденію его воспротивилась не только одна лѣвая сторона, но первое прекословіе раздалось изъ праваго центра, изъ устъ Дальмана, который, посвятивъ шлезвигскому дѣлу лучшія силы юности и оставшись ему вѣрнымъ во всю жизнь, напомнилъ теперь скорбными словами о правахъ Шлезвига и о чести Германіи и предложилъ отвергнуть перемиріе и остановить выступленіе германскихъ войскъ. Собраніе раздѣлилось въ мысляхъ, и предложеніе Дальмана было принято незначительнымъ большинствомъ (5 сент.). Но исполненіе его встрѣтило неодолимыя преграды. Все имперское министерство, объявившееся въ пользу перемирія, вышло въ отставку, и какъ ни Дальманъ, ни кто другой изъ противниковъ договора, не смогъ составить новаго министерства, то между тѣмъ прошло нѣсколько драгоцѣнныхъ дней, въ теченіе которыхъ прусскія войска начали свое выступленіе и такимъ образомъ на дѣлѣ исполнили условія трактата. А какъ въ то же время изъ Пруссіи были поданы надежды, что графъ Мольтке не займетъ предназначавшейся ему должности, и что вообще Данію можно будетъ склонить на нѣкоторыя уступки, то мало по малу положеніе партій въ парламентѣ много измѣнилось. Умѣренные противники постепенно перешли на другую сторону, сообразивъ потери, неизбѣжныя для прибалтійскихъ жителей въ случаѣ возобновленія войны, и особенно убоясь дѣйствовать заодно съ подвижниками революціи, съ врагами всякаго государственнаго порядка. Послѣ новой трехдневной борьбы въ парла-

[1] Подъ именемъ единства Датской державы разумѣется подчиненіе всѣхъ принадлежащихъ къ ней областей одинаковому государственному устройству и общимъ основнымъ законамъ.

ментѣ (14—17 сент.), при чемъ сами шлезвигскіе депутаты говорили въ пользу перемирія, лѣвая сторона, въ лицѣ легкоязычнѣйшаго изъ своихъ членовъ, Карла Фогта, оттолкнула всѣхъ колеблющихся указаніемъ на предстоящій Германіи «конвентъ», а правая, въ лицѣ Финке и Лихновскаго, выставила необходимость неразрывной связи съ Пруссіей и примиренія партій и въ парламентѣ и въ краѣ,—послѣ всего этого прежнее отрицательное рѣшеніе было отмѣнено и исполненіе перемирія одобрено, но при этомъ на временную центральную власть возложена обязанность достигнуть необходимыхъ измѣненій и скорѣе начать переговоры объ окончательномъ трактатѣ съ Даніей. — Примирительныя слова Лихновскаго были лебединою его пѣснью. Непопулярное рѣшеніе о перемиріи послужило радикальной партіи желаннымъ предлогомъ для возобновленія мартовскихъ революціонныхъ дней. Не то, чтобъ «красные республиканцы» принимали слишкомъ къ сердцу шлезвигъ-голштинское дѣло: напротивъ, ихъ же собственные журналы постоянно подтрунивали надъ «крававою комедіей», которая тамъ разыгрывалась; но они воспользовались удобнымъ случаемъ нанести національному собранію рѣшительный ударъ; они могли прикрыть свои ужасные замыслы личиной патріотизма и національной чести. На народной сходкѣ, близъ Франкфурта, на такъ называемомъ Троицкомъ лугу (Pfingstheide), гдѣ одинъ изъ членовъ лѣвой стороны выставилъ необходимость поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ «ломанымъ шрифтомъ» (in Fracturschrift zu reden), устроили мятежъ противъ національнаго собранія и страшно взволновали массы. Приступомъ къ главному удару должно было служить поднесеніе грознаго адреса, въ которомъ большинство членовъ объявлялось измѣнниками отечеству и требовалось ихъ удаленія. Удержанные отъ своего замысла призванными изъ Майнца войсками, республиканцы, подкрѣпясь толпами пролетаріевъ, перешли прямо къ мятежу и къ бою на баррикадахъ (18 сент.), что, правда, вскорѣ было прекращено военною силой, однакожь имѣло послѣдствіемъ ужасное злодѣйство: пока въ самыхъ воротахъ завязался ухищренный и малодушный бой, передъ воротами совершалось чистое убійство. Лихновскій и генералъ Ауэрсвальдъ выѣхали за городъ верхомъ. Узнанные и преслѣдуемые толпами черни, укрылись они въ жилищѣ одного садовника на Борнгеймскомъ полѣ, но были отысканы, вытащены на улицу и убиты среди страшныхъ истязаній. Ауэрсвальдъ былъ храбрый воинъ, знаменитаго рода, честный и прямодушный человѣкъ; князь Лихновскій—рыцарь въ душѣ, не безъ при-

мѣси романтической удали, юноша рѣдкихъ дарованій и увлекательнаго краснорѣчія. Гекшеръ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, едва избѣгнулъ подобной же участи въ Гёхстѣ. Внутреннія пружины возстанія бросили, къ прискорбію, темную тѣнь въ самую среду парламента.

§ 860. Разладъ усиливается. Сентябрьскіе дни составили особую эпоху въ жизни національнаго собранія. Съ ними прошла прекрасная пора одушевленія и высокихъ надеждъ. Суровыя укоризны и потомъ увѣщанія къ миру и согласію, которыми президентъ открылъ ближайшее засѣданіе, не принесли никакихъ прочныхъ плодовъ: партіи стали съ тѣхъ поръ другъ къ другу еще въ болѣе рѣзкое и рѣшительное отношеніе. Военное положеніе, объявленное во Франкфуртѣ министерствомъ Шмерлинга, законъ объ охранѣ національнаго собранія отъ подобныхъ же случаевъ впередъ, благодарность, которую положено изъявить войску, требованіе франкфуртскаго суда, чтобъ ему дозволено было допросить трехъ членовъ парламента касательно возбужденія къ бунту, и разрѣшеніе на это, данное собраніемъ въ очень бурномъ засѣданіи, вопреки предложенію лѣвой стороны, которое Гагернъ назвалъ просто «наглостью»,—всѣ эти мѣры раздражили демократовъ и расширили бездну между лѣвою и правою стороной. Предложеніе обратиться съ увѣщаніемъ къ народу осталось безъ исполненія, потому что лѣвая сторона грозила издать адресъ въ противоположномъ смыслѣ. Этотъ возрастающій разладъ отнималъ всѣ силы у парламента и мѣшалъ постановленію такихъ рѣшеній, которыя, при единогласности или полновѣсномъ большинствѣ, могли бы произвесть дѣйствительное впечатлѣніе. Лѣвая сторона, сначала такъ дорожившая исключительнымъ самодержавіемъ національнаго собранія, а теперь разгнѣванная тѣмъ, что не смогла увлечь его за собою, стала болѣе и болѣе сближаться съ партикуляризмомъ, старавшимся сокрушить всѣ стремленія парламента къ германскому единству. Среди этой непрерывной борьбы окрѣпла опять реакція, которую разсудительные и умѣренные привѣтствовали сначала радостно, какъ избавительницу отъ необузданныхъ порывовъ демократизма, но которая скоро подняла голову надъ всѣми учредительными собраніями и могла подвергнуть опасности всѣ состоявшіяся и чаемыя пріобрѣтенія этой бурной эпохи. Сильнѣйшимъ поводомъ къ внутреннему распаденію стали для франкфуртскаго собранія происшествія въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

§ 861. Учредительное національное собраніе въ Берлинѣ. Національное собраніе во Франкфуртѣ притянуло къ себѣ важнѣйшія политическія силы Германіи, такъ что остальные учредительные сеймы, возникшіе въ то же самое время въ разныхъ краяхъ, обличали умственное истощеніе націи. Особенно неспособнымъ выполнить свое высокое призваніе оказалось большинство берлинскаго «собранія для соглашенія на счетъ прусскаго государственнаго устава», которое было созвано слишкомъ поспѣшно подъ раздражительнымъ вліяніемъ недавнихъ мартовскихъ происшествій, по системѣ неограниченныхъ двухстепенныхъ выборовъ. Существенно-демократическое само по себѣ, находилось оно еще подъ вліяніемъ берлинскаго «народа», который по выходѣ войскъ властвовалъ въ прусской столицѣ съ безпредѣльной необузданностью; въ своемъ крайнемъ стремленіи къ радикально-демократическимъ учрежденіямъ и среди безцѣльныхъ споровъ, запросовъ и словопреній, оно совершенно потеряло изъ виду свою главную задачу. Вмѣсто того, чтобъ подвергнуть немедленному обсужденію представленный правительствомъ проектъ конституціи (9 іюня 1848), который заключалъ въ себѣ всѣ коренныя условія свободной политической жизни, начали съ того, что разожгли страсти предложеніемъ: «да благоволитъ высокое собраніе, въ признательность къ совершившейся революціи, объявить, что бойцы 18 и 19 марта оказали отечеству истинную заслугу». Такъ какъ предложеніе это не было принято вполнѣ, то ограниченіе его до того раздражило ярость черни, руководимой мѣстными и пришлыми демагогами, что министръ Генрихъ Арнимъ и пасторъ Сидовъ при выходѣ изъ собранія подверглись угрозамъ и обидамъ. Потомъ назначили коммиссію для составленія новаго проекта конституціи, вслѣдствіе чего смѣнилось министерство, и потратили драгоцѣнное время на безполезные споры о правахъ и отношеніи франкфуртскаго національнаго собранія къ частнымъ правительствамъ и сеймамъ и о вопросѣ, нужно ли подносить королю адресъ, или нѣтъ. Между тѣмъ какъ дерзкіе поступки необузданной черни въ Берлинѣ возбуждали общее негодованіе, между тѣмъ какъ постыдное разграбленіе цейгхауза (въ іюнѣ) и злоупотребленіе свободы для всякихъ безчинствъ и буйствъ обнаруживали совершенную одичалость низшихъ классовъ, національное собраніе противилось всякому ограниченію демократической свободы и одобрило мятежъ, освободивъ изъ подъ стражи и допустивъ въ свои засѣданія одного баррикадиста, выбраннаго въ депутаты, что сначала заставило усомниться въ законности самаго выбора. Уставы о правѣ сборищъ и о личной безопасности давали полную волю разыгравшимся страстямъ; при обсужденіи закона о гражданскомъ

ополченіи старались подорвать основы прусскаго воеустройства; введеніе полицейскихъ дозорщиковъ (констаблей, Schutzmannschaft) казалось поборникамъ демократизма уже чрезмѣрнымъ ограниченіемъ проявленія личной воли, въ то время. когда ватаги черни («Bummler») безстыдно самоуправничали на улицахъ. При подобныхъ обстоятельствахъ отмѣна смертной казни явилась болѣе чѣмъ сомнительнымъ нарушеніемъ исконныхъ порядковъ божеской и человѣческой справедливости. Ссора между гражданскимъ ополченіемъ и войскомъ въ Швейдницѣ, кончившаяся кровавою схваткой, подала поводъ собранію (1 авг.), не только высказаться въ горькихъ отзывахъ противъ антигражданскаго настроенія офицеровъ, но и заключить жаркія пренія приговоромъ, чтобъ военный министръ обратился къ офицерамъ съ увѣщаніемъ насчетъ ихъ реакціонныхъ наклонностей, точно такъ же, какъ подобныя увѣщанія дѣланы были прежде гражданскимъ чиновникамъ: собраніе прямо вмѣшивалось такимъ образомъ въ сферу исполнительной власти. Это рѣшеніе (10 сент. 1848), привѣтствованное демократами съ восторгомъ, служило явнымъ доказательствомъ того, что большинство ни мало не задумывалось колебать твердыя еще опоры потрясеннаго государственнаго зданія. Когда рѣчь зашла о томъ, чтобъ закономъ оградить собраніе отъ вліянія массы, лѣвая сторона настояла, что слѣдуетъ «отдаться подъ защиту народа» и этимъ привела къ тому, что въ благодарность за подобную уступку народъ грубѣйшимъ образомъ оскорблялъ членовъ парламента. По поводу каждаго важнаго вопроса, собраніе обступали вооруженныя толпы подъ начальствомъ клубскихъ коноводовъ, съ тѣмъ чтобъ насильственно вліять на рѣшеніе. При обсужденіи закона «объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и крестьянами» и о «правѣ охоты» не обратили никакого вниманія на существующія обстоятельства и оперлись на одни радикально-демократическія начала; и когда, послѣ множества запросовъ, возраженій и уклоненій, перешли наконецъ къ обсужденію статей проекта, то при самомъ началѣ запылала такая ожесточенная парламентская борьба, что послѣ этого едва ли можно было ожидать какого бы то ни было исхода. Лѣвая сторона возстала противъ титула «король прусскій» и противъ формулы «Божіею милостью» и выщупывала съ какимъ-то наглымъ любопытствомъ всѣ глубокія основы государственнаго зданія. Относительно познаньскаго вопроса, большинствомъ одного только голоса отвергнута была въ бурномъ засѣданіи проведенная правительствомъ демаркаціонная линія для раздѣла того края, и такимъ образомъ отмѣнено рѣшеніе франкфуртскаго національнаго собранія, противъ котораго вообще обнаруживалась нѣкоторая ревность; дворянство, титулы и ордены положено совершенно отмѣнить. Когда въ Берлинъ пришла вѣсть о вѣнскихъ событіяхъ (§ 864), глава лѣвой стороны, Вальдекъ, сдѣлалъ предложеніе (октября 31), «побудить имперское министерство къ употребленію на защиту нарушенной въ Вѣнѣ народной свободы всѣхъ средствъ и силъ, состоящихъ въ распоряженіи имперіи». При обсужденіи этого вопроса вооруженныя толпы шумно окружали залу собранія, угрожали нелюбымъ депутатамъ ножами и веревками и сопротивлялись даже гражданской стражѣ, выставленной для охраны собранія. Тогда у короля и его приближенныхъ созрѣло рѣшеніе положить конецъ всей этой кутерьмѣ. Торжество реакціи въ Вѣнѣ ободрило и Берлинъ къ подобнымъ же распоряженіямъ. Министерство Пфуля побудили выйдти въ оставку, и родственнику королевскаго дома, графу Бранденбургу, поручено было образовать новое министерство (5 ноября). 9 ноября составилось это министерство «спасенія», душою его былъ министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Мантёйфель, и первымъ его шагомъ было королевское посланіе, которымъ національное собраніе, «для огражденія его совѣщаній отъ всякой тѣни острастокъ извнѣ» переводилось въ Бранденбургъ и отсрочивалось до 27 ноября. Напрасно, при первой вѣсти о назначеніи такого нелюбаго народу министерства, собраніе старалось особымъ адресомъ побудить короля къ отмѣнѣ его рѣшенія; неприличныя слова кёнигсбергскаго депутата Якоби при поднесеніи адреса, «что въ томъ-то собственно и несчастіе государей, что они никогда не хотятъ слушать правды», могли только еще болѣе утвердить короля въ его намѣреніи. Напрасно собраніе протестовало противъ перевода своихъ засѣданій изъ Берлина, оспоривало право короны на такой шагъ и объявляло, что отвѣтственные сановники, присовѣтывавшіе это посланіе, нарушили обязанность свою къ королю, къ цѣлому краю и къ собранію, и что они неспособны управлять государствомъ:—первый министръ запретилъ всякое дальнѣйшее совѣщаніе, и когда собраніе, полагаясь на преданную ему гражданскую стражу, не прекратило своихъ засѣданій, тогда генералъ Врангель, уже съ 15 сент. назначенный главнокомандующимъ въ мархіяхъ, получилъ повелѣніе вступить съ значительнымъ корпусомъ въ Берлинъ (10 ноября). Зала собраній занята была военнымъ карауломъ, гражданское ополченіе распущено, а когда протестовавшіе члены собранія стали подъ предсѣдательствомъ президента фонъ-Унру продолжать свои сбори-

ща въ другихъ мѣстахъ, тогда Берлинъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи (12 ноября), предписано всеобщее обезоруженіе, всѣ клубы были закрыты и учрежденъ строгій полицейскій надзоръ. Депутаты, числомъ около 230, давшіе слово уступить только вооруженной силѣ, держались его съ замѣчательною твердостью; выгнанные изъ одного мѣста, собирались они въ другомъ, но наконецъ, будучи не въ состояніи противиться правительству, и убѣдясь спокойствіемъ обезоруженнаго народа въ безполезности своихъ протестовъ и страдательнаго сопротивленія, они, передъ тѣмъ что разойдтись, отважились на опасный шагъ, — именно объявили, «что министерство Бранденбурга не въ правѣ ни взимать, ни расходовать податей до тѣхъ поръ, пока собраніе не будетъ по прежнему безопасно отправлять въ Берлинѣ свои обязанности». Это рѣшеніе депутатовъ основывалось на совершенномъ непониманіи мѣры ихъ силъ, и какъ бы ни превозносили ихъ мужество и стойкость, но подражаніе французскому національному собранію 1789 г., которое вездѣ болѣе или менѣе служило образцомъ для лѣвой стороны, пробудило къ себѣ мало сочувствія; берлинскій народъ, который въ виду этихъ происшествій обнаруживалъ замѣчательное спокойствіе, и всѣ прусскіе граждане, которые, за весьма немногими изъятіями, не отступили отъ взноса податей, конечно доказали этимъ болѣе вѣрный тактъ и лучшее пониманіе обстоятельствъ, нежели ихъ рьяные представители.

§ 862. Франкфуртское національное собраніе и министерство Бранденбурга-Мантёйфеля. — Берлинскія событія возбудили новую бурю во франкфуртскомъ собраніи. Лѣвая сторона, имѣя въ челѣ Лудв. Симона трирскаго и Генр. Симона бреславскаго, требовала склонить прусскую корону на увольненіе министерства Бранденбурга-Мантёйфеля, внушающаго недовѣріе народу, и на отмѣну распоряженія о переводѣ берлинскаго національнаго собранія, какъ мѣры противозаконной; предложеніе это поддерживалъ тонкій діалектикъ Виденбругкъ, принадлежавшій къ лѣвому центру; правая же сторона, руководимая краснорѣчивымъ Финке, всегда предпочитавшимъ «почву положительнаго права», защищала мѣры прусской короны, какъ вполнѣ законныя, оспоривала право франкфуртскаго собранія настаивать на отмѣнѣ перевода сейма изъ Берлина и на увольненіи непопулярныхъ сановниковъ, и предлагала перейдти къ очереднымъ занятіямъ. Среднее предложеніе, сдѣланное большинствомъ разсматривавшей дѣло комиссіи, и всего жарче и убѣдительнѣе отстаиваемое Бекератомъ,

стремилось удовлетворить желанію націи, не оскорбляя и правъ короны: оно имѣло въ виду ходатайствовать у прусскаго правительства, чтобы переводъ національнаго собранія въ Бранденбургъ былъ отмѣненъ, когда приняты будутъ такія мѣры, которыя окажутся вполнѣ достаточными для обезпеченія достоинства и свободы его совѣщаній въ Берлинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить желаніе, чтобы прусская корона немедленно окружила себѣ министерствомъ, пользующимся довѣріемъ страны и способнымъ удалить опасность реакціонныхъ стремленій и ущерба народнымъ вольностямъ. Предложеніе это было принято 14 ноября, стало-быть за день до отказа въ податяхъ, состоявшагося въ Берлинѣ. Но прежде чѣмъ успѣли его выполнить, возвратился во Франкфуртъ статсъ-секретарь Басеерманъ, который уже нѣсколько времени состоялъ имперскимъ коммиссаромъ въ Берлинѣ съ тою цѣлію, чтобы выяснить отношеніе Пруссіи къ центральной власти, и которому сверхъ-того было поручено стать посредникомъ въ разладѣ прусскаго правительства съ его собраніемъ. Своимъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла онъ произвелъ совершенный поворотъ въ мнѣніи парламентскаго большинства. По его словамъ, берлинское національное собраніе предъявляло такія преувеличенныя и заносчивыя требованія, что посредничество оказалось невозможнымъ: предложеніе обратиться къ центральной власти было будто-бы отринуто съ презрѣніемъ, а напротивъ того король удостовѣрилъ самымъ положительнымъ образомъ, что онъ и не помышляетъ объ ограниченіи вольностей, дарованныхъ народу въ мартѣ. Послѣ этого правый центръ сталъ рѣшительно на сторону короны. Но желаніе склонить партію лѣваго центра къ новому, еще умѣреннѣйшему предложенію, и нѣкоторая уступчивость общественному мнѣнію, которое сильно возставало противъ именъ Бранденбурга и Мантёйфеля, все-таки побудили наконецъ парламентъ сойдти съ пути благоразумія и «простыхъ началъ права», отстаиваемыхъ депутатомъ Финке, и увлечься, вслѣдъ за Рисеромъ, «политикою сердечныхъ чувствъ», говорившею (не за положительныя, а) за прирожденныя права человѣка. Плодомъ этого былъ новый средній терминъ (20 ноября), приглашавшій центральную власть дѣйствовать въ Берлинѣ въ пользу назначенія такого министерства, которое обладало бы довѣріемъ страны, но за то уничтожавшій противузаконное и опасное для государственнаго строя рѣшеніе о прекращеніи взноса податей, и обѣщавшій при этомъ полную защиту отъ всякаго покушенія нанести ущербъ правамъ и вольностямъ, дарованнымъ или обѣщаннымъ прусскому народу. Это рѣшеніе свидѣтельствовало, правда,

о духѣ законности, господствовавшемъ въ Павловской церкви, но, какъ примирительное слово, брошенное между раздорящими партіями, оно пріобрѣло себѣ и мало благодарности и мало уваженья. Демократы видѣли въ немъ измѣну народному дѣлу, а прусское правительство оскорбилось недовѣріемъ къ своимъ первымъ совѣтникамъ и прокламаціей блюстителя имперіи, сопровождавшей парламентское постановленіе. Министерство осталось на своемъ мѣстѣ; демократическія вспышки и угрожающія манифестаціи въ провинціяхъ Саксонской, Силезской, Вестфальской и Рейнской не повели ни къ чему; разогнанный сеймъ, въ назначенный день, былъ снова открытъ въ бранденбургской соборной церкви. Но какъ число членовъ, послѣдовавшихъ призыву правительства, было недостаточно для постановленія законныхъ опредѣленій, и на лицо явилась только нѣкоторая часть оппозиціи, да и то лишь для того, чтобъ еще разъ протестовать противъ принятой мѣры, то собраніе было распущено (5 декабря) и въ то же время самимъ правительствомъ дарована (octroyirt) конституція, которая должна была подвергнуться просмотру и утвержденію новаго законодательнаго собранія, состоящаго изъ двухъ камеръ. Эта дарованная или «пожалованная» конституція, равно какъ и избирательный законъ для образованія предположенныхъ палатъ, опирались на демократическія начала и сохраняли во всѣхъ отношеніяхъ возможно-свободную точку зрѣнія; разсудительные, консервативные люди находили даже, что по нѣкоторымъ вопросамъ настойчивымъ требованіямъ духа времени сдѣланы были слишкомъ большія уступки. При начертаніи этой конституціи держались очень близко проекта конституціонной коммисіи національнаго собранія и внесли въ нее отчасти важнѣйшія заключенія распущеннаго сейма, отчасти постановленія франкфуртскаго собранія о коренныхъ правахъ, оставляя притомъ открытую дорогу для всякаго дальнѣйшаго соглашенія. Обѣ палаты должны были образоваться посредствомъ народнаго выбора чрезъ назначаемыхъ имъ избирателей (такъ-называемымъ косвеннымъ, непрямымъ порядкомъ), съ тою только разницей, что выборъ въ первую палату обусловливался извѣстною суммою податей (цензъ) и болѣе зрѣлымъ возрастомъ, тогда какъ выборъ во вторую не ограничивался никакими особенными условіями. Поэтому-то общественное мнѣніе и примирилось такъ скоро съ пожалованною хартіей; даже демократы покорились обстоятельствамъ, которыя приняли для нихъ нежданно-благопріятный оборотъ, и изготовились къ новой борьбѣ на выборахъ. Прусская корона показала свою силу; побѣда была на ея сторонѣ, но

она великодушно даровала народу желанную свободу полной мѣрою и притомъ какъ добровольный даръ. Такъ закончился роковой 1848 годъ среди радостныхъ надеждъ для Пруссіи.

§ 863. Австрійскій сеймъ и событія въ Вѣнѣ. Въ маѣ 1848 г., когда императоръ Фердинандъ оставался еще въ Инсбрукѣ (§ 849), начались выборы всѣмъ міромъ въ австрійскій учредительный сеймъ, и въ іюлѣ уже можно было открыть засѣданія. Собраніе представляло замѣчательную картину. Депутаты, принадлежащіе къ самымъ различнымъ племенамъ и сословіямъ, въ томъ числѣ 32 галицкихъ мужика, въ посконныхъ или сермяжныхъ балахонахъ, живо напоминавшихъ степь,—люди, не умѣвшіе ни читать, ни писать и ни слова не понимавшіе по нѣмецки,—соединились для изготовленія общей имперской конституціи, о свойствѣ которой только немногіе имѣли ясное понятіе. Какъ могло собраніе, въ которомъ не только разность мнѣній, но и національные интересы, и закоренѣлая племенная ненависть, порождали глубокую рознь, согласиться между собой насчетъ государственнаго устава, который годился бы для всѣхъ частей австрійской монархіи, столь различныхъ по происхожденію жителей, по учрежденіямъ и потребностямъ? Что подобный замыслъ долженъ былъ не удасться, это лежало въ его сущности, даже будь положеніе столицы и имперіи далеко не такъ затруднительно и смутно, какъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Въ Италіи открытая война, въ Богеміи и Венгріи возстаніе, страшное волненіе на Военной границѣ, Вѣна, кишащая анархистами; путаница въ государственномъ хозяйствѣ и такая финансовая нужда, что пришлось на нѣсколько мѣсяцевъ запретить всякій вывозъ звонкой монеты и выпускать бумажныя деньги по самой низкой цѣнѣ. Могло ли при подобныхъ обстоятельствахъ удасться дѣло, требующее спокойствія, порядка и обдуманности? Вотъ почему собраніе собственно и не приступало съ своей задачѣ; напоръ внѣшнихъ обстоятельствъ былъ до того силенъ, что оно не могло уклониться отъ ихъ вліянія, и потомъ постоянно вынуждено было прерывать ходъ совѣщаній рѣшеніемъ текущихъ дѣлъ и запросами министерству. Когда мѣсто Пиллерсдорфова кабинета заступилъ новый, подъ предсѣдательствомъ Вессенберга, гдѣ значительнѣйшими членами были Добльгофъ (по внутреннимъ дѣламъ), Латуръ (по военнымъ), Шварценбергъ (по общественнымъ сооруженіямъ), Горнбостель (по торговлѣ), сеймъ 22 іюля былъ торжественно открытъ. Совѣщанія вскорѣ приняли очень бурный характеръ, который не смягчился и послѣ полувынужденнаго возвращенія импера-

тора (12 августа), и былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ тревожнымъ волненіемъ сильно возбужденнаго низшаго класса столицы. Предложеніе депутата Кудлиха объ отмѣнѣ барщинъ и подвластности помѣщикамъ возбудило упорную борьбу и повело къ самымъ шумнымъ сценамъ. Предложеніе это имѣло такое же значеніе, какъ нѣкогда постановленія французскаго учредительнаго собранія 4 августа (§ 713), потому что клонилось къ устраненію всѣхъ феодальныхъ повинностей, къ уничтоженію всѣхъ помѣщичьихъ правъ и къ расторженію всѣхъ узъ зависимости и т. д., безъ вознагражденія. Первоначальное предложеніе, разросшееся отъ безчисленныхъ поправокъ въ настоящее «парламентское чудовище», послѣ четырехнедѣльныхъ преній хотя и умѣрено было тѣмъ, что за отмѣну нѣкоторыхъ повинностей положено вознагражденіе, за другія—никакого; однакожь это постановленіе, возведенное императорскою подписью въ законъ (9 сент.), было все-таки громаднымъ нарушеніемъ правъ и имущественныхъ отношеній въ глазахъ всѣхъ помѣщиковъ и феодальныхъ владѣльцевъ. — При великомъ разнообразіи этихъ повинностей, поборовъ и податей, и при затрудненіяхъ, препятствовавшихъ ихъ отмѣнѣ, законъ конечно не могъ быть тотчасъ же приведенъ въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что отнесеніе вознагражденій на счетъ казны угрожало, при жалкомъ финансовомъ положеніи имперіи, новыми нескончаемыми затрудненіями. Между тѣмъ осуществленіе этого закона конечно имѣло бы послѣдствіемъ совершенное преобразованіе и въ крестьянскомъ и въ среднесословномъ быту, въ вотчинныхъ правахъ и въ общинныхъ отношеніяхъ, и доставило бы маленькому человѣку, столь долго беззащитному подъ гнетомъ привилегированнаго сословія, высокія блага личной свободы, политическихъ правъ и вольной собственности.—При пересмотрѣ «устава о наборѣ войскъ» сеймъ также остался вѣренъ началу равенства передъ закономъ, отмѣнивъ освобожденіе дворянъ отъ рекрутской повинности, сокративъ срокъ службы съ 8 на 5 лѣтъ, и потребовавъ отъ правительства, чтобъ оно отступилось отъ прежняго своего обычая беречь офицерскія мѣста для одного дворянства.—Не менѣе бурны были пренія при обсужденіи вопроса о государственной экономіи и объ утвержденіи смѣты податей и предположенныхъ займовъ, и прежде чѣмъ успѣли порѣшить съ обсужденіемъ «коренныхъ правъ», въ ходѣ дѣла послѣдовала такая перемѣна, которая имѣла рѣшительное вліяніе на сеймъ и самое его существованіе.

Въ теченіе всѣхъ этихъ совѣщаній столица находилась въ непрерывномъ волненіи. Низшій классъ народа, всегда очень многочисленный въ большихъ городахъ и зависящій въ своемъ содержаніи отъ поденной выручки, пришелъ вслѣдствіе революціи въ отчаянное положеніе, такъ какъ всѣ дѣла, всякая торговля, всѣ предпріятія остановились, и многія богатыя семейства выѣхали изъ Вѣны. Положеніе это, совершенная противоположность тому счастію, какого бѣдные надѣялись отъ переворота, доставило радикальнымъ народнымъ витіямъ и литераторамъ, избравшимъ столицу плодоноснымъ полемъ своей дѣятельности, удобный случай держать въ постоянномъ броженіи низшій классъ, который при возрастающемъ обѣднѣніи размножался съ каждымъ днемъ болѣе и, благодаря невѣжеству, въ какомъ оставляло его прежнее управленіе, не способенъ былъ отличать истину отъ лжи. Для разжиганія его страстей употреблялись всѣ обычныя средства,—новыя товарищества рабочихъ, возбудительныя рѣчи, необузданныя газетныя статьи, настѣнныя воззванія и памфлеты. Ни «комитетъ безопасности» съ своей стражею, ни «студенческій легіонъ», ни вѣнская «національная гвардія» не дали довольно энергическаго отпора безпокойному волненію праздныхъ ватагъ черни; всѣ эти корпораціи состояли большею частію изъ демократовъ, которые или въ самомъ дѣлѣ «сочувствовали» рабочимъ, или по крайней мѣрѣ боялись рискнуть популярностью, чтобъ не лишиться вліянія на будущее время. Эти соображенія и чувство внутренняго разномыслія парализовали въ Вѣнѣ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, силу тѣхъ созданныхъ революціею учрежденій, которыя имѣли въ виду обуздывать ея крайности. Оттого-то народныя толпы оказывали болѣе и болѣе вліянія на ходъ государственной жизни; онѣ препятствовали добровольному набору въ италійскую армію, чтобы не ослабѣть отъ того самимъ; онѣ силою вымогали у правительства занятіе по общественнымъ работамъ, сами опредѣляли поденную плату и угрозами воздерживали отъ всякой попытки понизить ея уровень. Вмѣстѣ съ успѣхомъ росли ихъ наглость и дерзость. Когда занятіе голодной толпы при общественныхъ сооруженіяхъ грозило обременить государственную и общинную казну тягостями не по силамъ, и министръ Шварцеръ рѣшился понизить плату на 5 крейцеровъ (4½ коп. сер.), то мѣра эта повела къ кровавымъ столкновеніямъ 23 августа. Въ Пратеръ [1] стеклись огром-

[1] Гульбище, родъ парка, на островѣ рукава рѣки Дуная, гдѣ между прочимъ въ понедѣльникъ на Святой собирается болѣе 200,000 народа.

ныя массы народа и, торжественно похоронивъ тамъ съ разными знаменательными обрядами глиняную куклу, представлявшую министра Шварцера, при чемъ отъ нихъ досталось двумъ стражамъ общественной безопасности, вознамѣрились съ знаменами и громкимъ шумомъ и крикомъ двинуться къ городу; но здѣсь были встрѣчены отрядомъ національныхъ гвардейцевъ; сперва посыпались бранныя слова, потомъ камни, и изъ-за этого вышла схватка, въ которой шестеро рабочихъ было убито и многіе ранены. Ближайшими послѣдствіями этого боя, который, ради сохраненія порядка, выдержали одни граждане безъ всякой помощи со стороны войскъ, были прекращеніе общественныхъ работъ и добровольное закрытіе комитетовъ безопасности (11 и 12 сентября). — Нѣсколько недѣль спустя, произошла новая смута по тому случаю, что одно произвольно образовавшееся ремесленное товарищество выпустило множество акцій, которыя, за отсутствіемъ всякаго обезпеченія, вскорѣ совершенно утратили кредитъ, и оттого владѣльцы акцій, все мелкіе ремесленники, лишились послѣдней трудовой копейки. Не смотря на успокоительное объявленіе министра Добльгофа, въ которомъ онъ обѣщалъ изслѣдовать и уладить дѣло, волненіе перешло въ опасный мятежъ, которымъ демократы и студенческій легіонъ хотѣли воспользоваться для того, чтобъ возстановить комитетъ общественной безопасности и смѣнить министерство. Однакожь исполненію этого намѣренія помѣшало грозное настроеніе военной силы, призванной на защиту правительствомъ. Возстаніе, въ теченіе котораго сеймъ засѣдалъ не расходясь, осталось безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, а министерству открытъ былъ кредитъ въ два милліона гульденовъ для воспособленія ремесленному классу.

§ 864. Октябрьскіе дни въ Вѣнѣ. Происшествія въ Венгріи повергли столицу Австрійской имперіи въ страшное броженіе. Уже давно кроатскій банъ Еллачичь, съ тайною помощью правительства и двора, воевалъ Мадьяровъ. Общій сеймъ, на которомъ Чехи и другіе Славяне враждовали съ Венграми, отринулъ мадьярскую депутацію, просившую его посредничества; изъ перехваченной переписки обнаружились сношенія военнаго министра Латура съ баномъ; графъ Ламбергъ, посланный императорскимъ коммиссаромъ и главнокомандующимъ въ Венгрію, былъ убитъ изступленною чернью на Буда-Пештскомъ мосту (28 сент.). Тогда императоръ издалъ манифестъ о войнѣ съ Венгріей (3 окт.), и часть вѣнскихъ войскъ получила приказаніе выступить въ походъ. Это подало поводъ къ такому возстанію, которое и объемомъ и

яростью далеко превзошло всѣ прежнія сцены. Вѣнское населеніе, съ студенческимъ легіономъ, воспитанниками политехнической школы и многими національными гвардейцами во главѣ, старалось насильно воспрепятствовать выходу войскъ изъ столицы; разрушили часть желѣзной дороги, отбили нѣсколько пушекъ и завязали кровопролитный бой, въ которомъ погибъ одинъ генералъ и нѣсколько солдатъ и офицеровъ. Демократическіе клубы обнаружили страшную дѣятельность; рабочіе и вся масса простонародія, вооружась пиками, шестами и крючьями, неистовствовали по улицамъ и площадямъ. Весь городъ былъ въ возстаніи; вездѣ строились баррикады; военная сила, соблазняемая подговорами и нерасположенная къ венгерской войнѣ, отчасти перешла къ народу, да и остальная оказывала вялое сопротивленіе. Въ храмѣ св. Стефана и во дворѣ военнаго министерства бой былъ всего жесточе; тамъ земля была усѣяна трупами. Наконецъ министерство было взято приступомъ, и туда ворвалась безчисленная масса народу отыскивать министра Латура. Неистовая толпа обшарила всѣ пространства громаднаго четырехъ этажнаго зданія. Въ четвертомъ этажѣ нашли несчастнаго, забившагося въ какой-то чуланъ. Немедленно потащили его въ низъ, на улицу, и тщетны были всѣ мольбы Латура для спасенія себѣ жизни; ударъ тяжелаго молотка разбилъ ему черепъ, и на площади, у фонтана, испустилъ онъ послѣдній вздохъ подъ саблями и пиками яростной толпы; не довольствуясь этимъ, она разсвирѣпѣла и ожесточилась до такой степени, что сорвала съ него платье и вздернула на фонарный столбъ его тѣло, обернутое въ простыню. Среди ударовъ въ набатъ и дикихъ криковъ, мятежъ распространялся далѣе и далѣе. Арсеналъ былъ ближайшею цѣлью бунтующихъ ватагъ; его богатымъ запасомъ всякихъ военныхъ доспѣховъ хотѣли снабдить плоховооруженную толпу черни. Но двѣ роты польскихъ войскъ оказали нападчикамъ упорное сопротивленіе. Въ теченіе цѣлой ночи тщетно обстрѣливали зданіе пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ и осыпали брандскугелями. Подъ утро утомленные солдаты наконецъ отступили, и только тогда чернь ворвалась въ зданіе и расхищала богатые запасы оружій до тѣхъ поръ, пока не положилъ этому конца гарнизонъ, составившійся изъ студентовъ и національныхъ гвардейцевъ.—Страшныя эти событія произвели потрясающее впечатлѣніе на императора, жившаго тогда въ Шёнбрунѣ, и снова побудили его къ бѣгству. Оставивъ манифестъ, въ которомъ онъ жаловался, что доказательства любви и доброты, истощаемыя имъ до сихъ поръ самымъ радушнымъ образомъ, не встрѣтили себѣ ни какой призна-

тельности, и потомъ извѣщалъ, что покидаетъ окрестность столицы, гдѣ анархія дошла до крайностей, чтобъ пріискать средства пособить порабощенному народу, императоръ рано утромъ (7 окт. 1848) выѣхалъ съ своей свитою подъ военнымъ прикрытіемъ и достигъ безъ всякой важной помѣхи моравскаго города Ольмюца, который избранъ былъ дворомъ для резиденціи. Удаленіе императора было началомъ такого выселенія изъ взволнованной столицы, которое подобилось настоящему бѣгству. Знатные и зажиточные жители тысячами покидали злосчастный городъ, вертепъ ужаса; за то со всѣхъ сторонъ стекались въ него люди движенія, новые проповѣдники безначалія и своевольства. Министерства со времени трагической смерти Латура какъ не бывало: два члена его бѣжали; третьяго, Горнбостеля, императоръ вызвалъ въ Ольмюцъ; одинъ только министръ Краусъ оставался на своемъ опасномъ постѣ. Самый сеймъ лишился своего президента Штробаха и большой части своихъ членовъ, которые также бѣжали; остальные засѣдали не расходясь подъ предсѣдательствомъ вице-президента Смолки, и назначеніемъ коммиссіи безопасности, въ которой дѣятельнѣйшимъ членомъ былъ австрійскій писатель Шузелька, перешедшій въ нѣмецко-католическую церковь, старались хоть для вида поддержать законный порядокъ и положить какіе-нибудь предѣлы дикому буйству демократическихъ обществъ и студенческаго легіона (послѣдніе огрубѣли до того, что въ одномъ публичномъ сборищѣ выслушали безъ негодованія и ужаса разсказъ одного изъ убійцъ Латура о своемъ гнусномъ злодѣйствѣ). Обратились съ адресомъ къ императору, приглашая его возвратиться, и съ воззваніемъ къ австрійскимъ народамъ, вмѣняя имъ въ священный долгъ непоколебимость въ уваженіи къ закону, конституціонной монархіи и свободѣ. Командующій въ Вѣнѣ генералъ Фонъ-Ауэрсбергъ занялъ съ своими войсками крѣпкое угрожающее положеніе въ императорскомъ Бельведерѣ и въ Шварценберговомъ саду; въ то же самое время воинственный банъ Еллачичь съ большою силою суровыхъ Кроатовъ и Граничаръ приближался къ окрестностямъ столицы, а въ Богеміи предпринималъ военныя движенія новый «градоосадникъ», страшный князь Виндишъ-Грецъ. Эти признаки враждебнаго нападенія соединенныхъ силъ привели населеніе столицы въ лихорадочное волненіе. Отказъ императора подчинить бана австрійскому министерству, демократы приняли за явный намекъ на учрежденіе военной диктатуры; адресы сейма съ просьбами о возвращеніи императора оставались безъ послѣдствій; депутаціи городскаго совѣта,

обновленнаго въ радикальномъ смыслѣ, не были допускаемы; такимъ образомъ управленіе всѣми дѣлами перешло въ руки революціонной партіи, которая по мѣрѣ того, какъ возрастала опасность, являлась болѣе и болѣе дѣятельною. Студенческій клубъ въ зданіи университета (Aula) былъ средоточіемъ революціоннаго движенія; рядомъ съ нимъ дѣйствовали разные демократическіе комитеты; военная сила подчинена была національной гвардіи, поставленной подъ начальство радикальныхъ вождей; предполагалось созвать поголовное земское ополченіе (Landsturm). Чѣмъ болѣе исходъ этого революціоннаго мятежа становился въ зависимость отъ рѣшенія оружіемъ, тѣмъ болѣе главное вліяніе на всѣ дѣла переходило отъ сейма и городоваго совѣта къ разнымъ комитетамъ и вождямъ мятежниковъ. Бывшій поручикъ Мессенгаузеръ былъ избранъ главнокомандующимъ національной гвардіи; польскій генералъ Бемъ, впослѣдствіи обнаружившій въ Венгріи блестящіе военные таланты, стоя во главѣ артиллеристовъ, руководилъ всѣми оборонительными приготовленіями; вольныя дружины, стекавшіяся въ столицу со всѣхъ сторонъ, находились подъ начальствомъ своихъ собственныхъ предводителей, которые большею частію составили себѣ имя ораторствомъ въ клубахъ или авторствомъ. На удобныхъ мѣстахъ построены были крѣпкіе завалы, мостовая на улицахъ взрыта, по провіантской и госпитальной части приняты мѣры со стороны городскихъ властей. Но мужество и надежды вѣнскихъ инсургентовъ всего болѣе оживляла чаемая и обѣщанная помощь со стороны Мадьяръ, которыхъ войска уже воображали себѣ видѣть въ дали, съ высоты Стефановской башни.—Въ то время какъ дѣлались эти приготовленія, банъ занялъ южную окраину города, у Вѣнской горы, съ 50,000 императорскихъ войскъ, самыхъ разнообразныхъ по племенамъ, вооруженію и одеждѣ. То была пестрая смѣсь народовъ, напоминавшая Валленштейновъ станъ: Кроаты и Граничары, въ мундирахъ и безъ мундировъ, страшные «краснoплащники» или Серешаны стояли здѣсь рядомъ съ итальянскими и польскими войсками и съ гусарами въ великолѣпной формѣ.—Эта разнокалиберщина, сплоченная въ одно твердое тѣло единообразною командой и военною дисциплиной, противустояла подвижной массѣ инсургентовъ, волнуемой неопредѣленными понятіями о свободѣ, не привычной ни къ строгому порядку, ни къ подчиненности. Графъ Ауэрсбергъ, не слишкомъ довѣряя настроенію своихъ солдатъ, покинулъ свои прежнія стоянки, которыя тотчасъ же были заняты студентскимъ легіономъ, и присоединился къ Еллачичу (12 окт. 1848). Вскорѣ подошелъ къ Вѣнѣ съ

большою силою и князь Виндишъ-Грецъ (20 окт.), котораго императоръ назначилъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ, за исключеніемъ италіянскихъ, и далъ ему неограниченное полномочіе наказать мятежную столицу. Предшествовавшая ему императорская прокламація старалась успокоить взволнованные умы народа и отклонить его отъ участія въ мятежѣ, удостовѣряя, что дарованныя ему права и льготы останутся неприкосновенными, обѣщанная конституція будетъ непремѣнно приведена къ концу и законъ объ отмѣнѣ барщинъ и десятинъ осуществится на самомъ дѣлѣ; военныя же мѣры должны быть примѣнены только въ той степени, въ какой это окажется необходимымъ для возстановленія спокойствія и безопасности, для охраны всѣхъ вѣрныхъ гражданъ, равно какъ и для поддержки достоинства конституціоннаго престола. Разсудительная часть вѣнскаго населенія охотно покорилась бы заблаговременно, особенно видя колебаніе венгерской арміи, которая то медлила нерѣшительно на одномъ мѣстѣ, то дѣлала попятныя движенія, что̀ отнюдь не обѣщало энергической помощи; но революціонный духъ уже слишкомъ овладѣлъ умами, направленіе всего хода дѣлъ уже слишкомъ зависѣло отъ крайней партіи, такъ что уступки и переговоры стали невозможны. Бѣгство казалось еще единственнымъ средствомъ спасенія, и многіе обыватели, въ томъ числѣ и члены сейма, поспѣшили имъ воспользоваться, пока терроризмъ внутри города или военное обложеніе извнѣ не преградили и этой дороги.

§ 865. Паденіе Вѣны. Пожалованный въ фельдмаршалы князь Виндишъ-Грецъ принялъ уже всѣ мѣры для полнаго обложенія столицы. Прокламація къ «жителямъ Вѣны», объявлявшая въ осадномъ положеніи весь городъ, предмѣстья и окрестности, подчинявшая всѣ гражданскія начальства военнымъ властямъ и грозившая военнымъ судомъ всѣмъ нарушителямъ этихъ постановленій, доказывала самою энергичностью своихъ словъ страшную серьёзность замысловъ этого желѣзнаго человѣка. «Городъ вашъ—говорилось въ ней—запятнанъ злодѣйствами, которыя ужасаютъ сердце каждаго честнаго человѣка. Онъ и теперь еще въ рукахъ малочисленной, но дерзкой крамолы, не отступающей ни передъ какимъ гнуснымъ дѣломъ. Ваша жизнь, ваша собственность отдана на произволъ горсти злодѣевъ. Образумьтесь, послѣдуйте призыву долга и разсудка!» Это воззваніе, которое не смотря на самую бдительную предосторожность, прибито было на многихъ уличныхъ углахъ, снова пробудило ярость мятежниковъ, особенно молодыхъ университетскихъ воиновъ, которые не задолго передъ тѣмъ приведены

были въ крайнее волненіе и распалены непримиримой местью открытіемъ трупа одного студента, варварски избитаго и страшно изувѣченнаго. Переговоры послѣ этого не могли имѣть никакого успѣха; и сколько ни старались уладить дѣло городовой совѣтъ, остававшіеся на лицо члены сейма и коммиссары франкфуртскаго національнаго собранія, условія, поставленныя 23 октября строгимъ полководцемъ, были такъ грозны и тяжелы, что въ городѣ ихъ рѣшительно отвергли. Въ нихъ требовалась между прочимъ выдача многихъ лицъ, которыхъ предоставляли себѣ ближе обозначить впослѣдствіи, а допустить это требованіе было все равно, что повѣсить мечь Дамокла надъ головами всѣхъ демократовъ. Рѣшеніе вопроса зависѣло теперь отъ оружія; мечь возстанія расходился такъ сильно, что пришлось наконецъ совсѣмъ отбросить и забыть ножны. По этому военныя силы были съ обѣихъ сторонъ напряжены до крайности. Бемъ, Мессенгауэръ и Феннебергъ управляли мѣрами обороны; главный демократическій комитетъ составилъ двѣ вольныя дружины, подвижную гвардію и отборный отрядъ, которые бились на самомъ передовомъ постѣ и въ которыхъ несли службу многіе литераторы, между прочимъ и члены франкфуртскаго парламента Робертъ Блумъ и Юлій Фрёбель; террористическія мѣры, предписанныя противъ демократовъ извнѣ, внутри города приняты были противъ умѣренныхъ и реакціонеровъ. Нападенія и вылазки, повторявшіяся каждый день, своимъ кровавымъ исходомъ усиливали съ обѣихъ сторонъ ярость и жажду мести. Пожары, всякій вечеръ обагряя ночное небо своимъ зловѣщимъ заревомъ, представляли страшное зрѣлище толпамъ, боязно слѣдившимъ за ними изъ-дали. Болѣе недѣли длился кровопролитный бой день и ночь съ величайшимъ ожесточеніемъ. Университетскій легіонъ, рабочіе, національная гвардія, вольныя дружины оспоривали каждую пядень земли; стѣны и завалы вознаграждали для нихъ недостатокъ военнаго искусства. Раздраженіе солдатъ росло вмѣстѣ съ сопротивленіемъ; полкъ Латура, покрывшій флеромъ свои знамена, особенно желалъ отмстить за смерть генерала. Всего жарче завязался бой 28 и 29 октября; наружныя укрѣпленія и предмѣстья были уже взяты, у инсургентовъ оказался недостатокъ въ продовольствіи и военныхъ припасахъ; городъ нельзя было долѣе отстаивать, дальнѣйшее сопротивленіе угрожало только горшею бѣдой. Городовой совѣтъ, остававшійся теперь единственною законною властью, такъ какъ сеймъ по приказанію императора былъ закрытъ и созванъ къ 15 ноября въ моравскій городокъ

Кремзиръ,—совѣтъ рѣшился наконецъ сдать городъ на волю побѣдителя. Вечеромъ начали уже свозить оружіе, а 30 октября войска подступили со всѣхъ сторонъ къ гласису. Тогда, около 2 часовъ, сторожъ на Стефановской башнѣ вдругъ замѣтилъ пороховой дымъ со стороны венгерской границы. Бѣглымъ огнемъ разлилась по улицамъ радостная вѣсть: «Идутъ Венгры!» и снова пробудила мужество. Договоръ былъ нарушенъ; сложенныя ружья опять расхватали изъ цейгхаузовъ; на валахъ разставили пушки и начали опять дѣлать вылазки. Городъ былъ совершенно въ рукахъ пролетаріевъ и отчаянныхъ ватагъ вольныхъ дружинъ. Однакожь инсургенты обманулись въ своей надеждѣ. Венгры дѣйствительно приближались къ городу, но ихъ войско, состоявшее большею частью изъ наскоро собранныхъ молодыхъ ополченцевъ, было отбито съ большимъ урономъ на Швехатѣ Кроатами и австрійскою силой и принуждено быстро отступить къ Пресбургу. Съ сугубой яростью ринулись теперь на столицу солдаты, раздраженные вѣроломствомъ противниковъ. Отпоръ былъ слабъ и непродолжителенъ. Войска, съ помощію самой національной гвардіи, приведенной въ ужасъ своевольствомъ пролетаріевъ, проникли на Стефановскую площадь и во дворъ военнаго министерства; фонарный столбъ, на которомъ висѣлъ трупъ Латура, былъ опрокинутъ съ воплемъ негодованія и разбитъ въ куски. Университетъ опустѣлъ; ка лабрезокъ [1] какъ не бывало. Вѣна представляла картину ужаса и скорби. Въ большей части улицъ домы были избиты ядрами, въ предмѣстьяхъ выгорѣли цѣлые ряды домовъ, въ тысячи мѣстахъ валялись трупы и стояли лужи крови, вездѣ женщины и дѣти отыскивали мужей и отцовъ, и тутъ же рыскали Кроаты, о томъ только и думая, какъ бы чѣмъ поживиться при столь удобномъ случаѣ. 2 ноября вступилъ въ городъ Еллачичь, а Виндишъ-Грецъ изъ своей главной квартиры въ Гендендорфѣ уже прежде объявилъ Вѣну въ строжайшемъ военномъ положеніи. Теперь началось желѣзное господство сабли. Городъ былъ тщательно оцѣпленъ, жители обезоружены, обысканы всѣ улицы и домы, всѣ тюрьмы наполнились виновными и подозрительными. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль вѣсти о военныхъ судахъ, оканчивавшихся «порохомъ и свинцомъ», волновали сердца германскаго народа. Мессенгаузеръ, который настоятельно увѣщевалъ не возобновлять военныхъ дѣйствій, и многіе другіе нашли кро-

[1] Широкополыя шляпы по калабрійскому образцу, носимыя тогда демократами.

вавую смерть въ борьбѣ съ побѣдоносною арміей; даровитый музыкантъ Альфредъ Юлій Бехеръ и молодой Германъ Іеллинекъ заплатили жизнью за революціонное направленіе своего журнала «Радикалъ»; но ярость и негодованіе демократовъ всего болѣе возбудила казнь разстрѣляннаго Роберта Блума, вождя лѣвой стороны во Франкфуртѣ. Родясь въ низшемъ пролетаріатѣ и выросши среди лишеній и нуждъ, онъ явился поборникомъ религіозной и политической свободы въ крайнемъ ея выраженіи и теперь принесъ ей въ недобровольную жертву свою жизнь. Незваный ринулся онъ въ лихорадочную дѣятельность австрійской столицы, показалъ силу своего краснорѣчія въ студенческомъ кругу, отважно дрался въ рядахъ такъ-называемаго образцоваго отряда, а когда его арестовали и потомъ предали суду, онъ горделиво полагался на свое званіе парламентскаго члена. Онъ не подумалъ о мудрой пословицѣ: «Кто ищетъ опасности, тотъ отъ нея не уйдетъ». Смерть его должна была служить острасткою для всѣхъ подобныхъ стремленій; оттого-то «тризна по Блумѣ» сдѣлалась лозунгомъ для цѣлой партіи, и щедрое пособіе, данное его женѣ и дѣтямъ, показало ясно, какое значеніе имѣлъ этотъ человѣкъ для демократовъ и республиканцевъ и какъ озадачила ихъ его казнь. Не столь значительный товарищъ и единомышленникъ его Юлій Фрёбель, послѣ томительнаго колебанія между жизнью и смертью, былъ черезъ нѣсколько дней освобожденъ. Бемъ, Феннеръ фонъ-Феннебергъ и демократическій ораторъ, докторъ Шютте,-среди многихъ опасностей и приключеній, успѣли спастись бѣгствомъ. Первый отправился въ Венгрію, гдѣ онъ составилъ польскій легіонъ.—Редакторъ радикальной газеты «Конституція», учредитель и начальникъ «образцоваго отряда», Гаукъ, попалъ въ руки Австрійцевъ уже послѣ венгерскаго разгрома, и хотя позже, но все таки былъ разстрѣлянъ, какъ преступникъ.

§ 866. Франкфуртское собраніе по австрійскому вопросу. Первыя извѣстія объ октябрьскомъ движеніи въ Вѣнѣ застали франкфуртскій парламентъ за обсужденіемъ имперской конституціи. Сколько умѣренная партія ни настаивала на ускореніи этого главнаго для нея дѣла, прибой текущихъ событій такъ сильно ударялъ во врата Павловской церкви, что вопросъ объ отношеніи германской центральной власти къ повороту дѣлъ въ Вѣнѣ не могъ не выступить на первый планъ. Хотя собраніе и на этотъ разъ воспротивилось напору лѣвой стороны, которая хотѣла видѣть въ вѣнскомъ возстаніи дѣло всего народа про-

тивъ враждебнаго негерманскаго правительства и требовала отъ имперскихъ властей во Франкфуртѣ, чтобы онѣ помогли движенію и, въ случаѣ нужды, силою принудили Австрію отозвать всѣ негерманскія войска; хотя парламентъ упорно держался пути степеннаго и спокойнаго обсужденія; однакожь общественный голосъ такъ громко требовалъ дѣятельнаго участія національныхъ представителей въ этой грозной борьбѣ, что нельзя было оставить его безъ вниманія. Пришлось отправить двухъ коммиссаровъ, Мослеи Велькера, одного въ Ольмюцъ, другаго въ станъ императорскаго полководца, съ самымъ настоятельнымъ порученіемъ «стараться о поддержаніи вѣса центральной власти, о защитѣ германскихъ интересовъ въ Австріи, о мирномъ безкровномъ окончаніи тамошнихъ смутъ и объ охраненіи правъ и вольностей, уступленныхъ австрійскимъ народамъ въ мартѣ и маѣ». Когда же всѣ попытки посредничества въ Ольмюцѣ оскользнулись о гладь этикетовъ императорскаго двора, а такія же попытки въ Вѣнѣ были отринуты фельдмаршаломъ, вполнѣ сознававшимъ свою силу, тогда собраніе почло нужнымъ смягчить негодованіе лѣвой стороны за смерть вождя ея, Блума, по крайней мѣрѣ тою уступкою, что не вполнѣ отвергло предложеніе о совершеніи «тризны» по Робертѣ Блумѣ, хотя и не придало этому печальному торжеству предполагавшейся для него великолѣпной театральной обстановки, которая должна была увлечь національный парламентъ на путь явной «демонстраціи». Эти происшествія выдвинули на первый планъ парламентскихъ преній вопросъ о будущемъ отношеніи Австріи къ германскому «союзному государству». Чѣмъ сомнительнѣе становилось безусловное подчиненіе австрійскаго правительства опредѣленіямъ національнаго собранія во Франкфуртѣ, тѣмъ болѣе безусловные сторонники гусударственнаго единства Германіи въ монархико-конституціонной формѣ настаивали на полномъ разъясненіи политическихъ отношеній обѣихъ державъ. Поэтому вскорѣ выяснились при совѣщаніяхъ три слѣдующія возможности: 1) Австрія разложится на свои составныя части по племенамъ; тогда нѣмецко-австрійскія земли отойдутъ къ германской имперіи и подчинятся ея общей конституціи. 2) Австрія сохранитъ свою историческую цѣлость и значеніе; тогда нѣмецкая часть Австріи должна отдѣлиться отъ германскаго союзнаго государства. 3) Германское союзное государство и Австрійская монархія въ цѣломъ ея составѣ сольются прочнымъ союзомъ въ одну великую среднеевропейскую державу. Помимо этихъ трехъ главныхъ направленій, возникали еще разныя посредствующія предложенія, которыя, опираясь на фактическую

точку зрѣнія, имѣли въ виду или оставить взаимныя отношенія на время еще неопредѣленными, или устроить для Австріи исключительное положеніе путемъ нѣкоторыхъ заранѣе выговоренныхъ условій. Противъ отдѣленія отъ Австріи нѣмецкихъ земель говорило основательное опасеніе, что тогда ненѣмецкія ея области станутъ болѣе и болѣе чужды германскому элементу и въ такомъ случаѣ уже совершенно подчинятся вліянію Россіи; противъ соединенія съ Германіей всей вообще австрійской державы возставало понятіе о естественномъ строѣ государства и чувство невозможности здороваго политическаго организма при подобныхъ условіяхъ. Поэтому планъ мирнаго разъясненія и установленія взаимныхъ отношеній казался одинъ только удобоисполнимымъ, и этой-то мысли Генрихъ фонъ-Гагернъ сообщилъ болѣе опредѣленный видъ и болѣе мягкое, уклончивое выраженіе.

§ 867. Тѣснѣйшій и обширнѣйшій союзъ. Исходя отъ той мысли, что нѣмецкій элементъ въ Австріи все же самый вліятельный [1] и что разорвать государственную связь между нѣмецкими и другими областями Австрійской имперіи столько же противно національнымъ интересамъ Германіи, какъ и «юридически невозможно» для самой Австріи, Гагернъ старался привести къ такимъ отношеніямъ, въ силу которыхъ «вся неавстрійская Германія слилась бы крѣпко въ одно союзное государство, съ тѣмъ, чтобы Австрія, которая по своимъ ненѣмецкимъ областямъ, не можетъ участвовать въ этомъ тѣснѣйшемъ союзѣ, все-таки состояла бы въ иной, но близкой же связи съ остальною Германіей». Эту связь находилъ онъ въ общности матеріальныхъ интересовъ, и потому предложеніе его составлено было такъ: «Австрія, по уваженію къ ея государственной связи съ ненѣмецкими землями, пребываетъ въ вѣчномъ и неразрывномъ союзѣ съ остальною Германіей. Органическія постановленія этого союза, требуемыя измѣнившимися обстоятельствами, войдутъ въ составъ особаго союзнаго акта.» Такимъ образомъ здѣсь предполагалось двоякое союзное отношеніе, — собственно-германское союзное государство и австрійско-германскій союзъ съ общими торговыми интересами и одинакою таможенною системой. Дальнѣйшія пренія объ этомъ жизненномъ вопросѣ германскаго устройства отсрочены по желанію Гагерна до вторичнаго чтенія проекта, чтобы дать централь-

[1] Едва ли нужно говорить, что эта мысль была кореннымъ заблужденіемъ и самой австрійской политики. Франкфуртскій парламентъ не смогъ возвыситься на болѣе безпристрастную точку зрѣнія, хотя истины трудно было не видѣть и тогда.

ной власти время спросить Австрію о томъ, какъ думаетъ она держать себя относительно Германіи. Запроса этого однакожь сдѣлано не было, потому что глава франкфуртскаго министерства, Шмерлингъ, которому интересы родной Австріи ближе лежали къ сердцу, чѣмъ благоуспѣшное развитіе союзно-германскаго государства, предпочелъ оставить эти отношенія на нѣкоторое время неопредѣленными. Чтобы оттянуть дѣло, онъ прикрылъ его завѣсою дипломатической бережности и коварной политики, давалъ неопредѣленные отвѣты и старался или не допускать подъ всѣми возможными предлогами тѣ предложенія и запросы, которые имѣли въ виду полное разъясненіе дѣла, или ловко отстранять ихъ, когда, не смотря на то, они все-таки появлялись. Шмерлингъ продолжалъ дѣйствовать такимъ образомъ даже и тогда, когда новое австрійское министерство Шварценберга 27 ноября представило Кремзирскому сейму свою программу, принятую съ громкимъ одобреніемъ, и опредѣлило въ ней свою точку зрѣнія на германскій вопросъ, повидимому согласимую съ планомъ Гагерна. Въ этой программѣ рѣшительно отвергается «раздробленіе монархіи» и ясно высказана мысль, что слѣдуетъ обождать естественнаго развитія еще не совершившагося процесса пересозданія обоихъ государствъ и что тогда лишь можно будетъ политически опредѣлить взаимныя ихъ отношенія, когда обновленная Австрія и обновленная Германія достигнутъ новыхъ и прочныхъ формъ государственнаго быта. Не терпя помѣхъ въ отдѣльномъ устроеніи своей собственной монархіи, Австрійское правительство не хотѣло повидимому мѣшать и переустройству союзно-германской державы. Но дѣло германской конституціи не могло завершиться до тѣхъ поръ, пока не пришли въ порядокъ дѣла Австріи, потому что вопросъ о верховномъ главѣ имперіи зависѣлъ отъ того, останется ли эта великая держава въ германскомъ союзѣ или выйдетъ изъ его состава. Въ первомъ случаѣ, неудобно было поставить надъ Германіей одного главу, а слѣдовало предпочесть директорію изъ трехъ государей; въ послѣднемъ же, казалось естественнымъ, чтобъ владыка сильнѣйшей изъ чисто-германскихъ державъ сталъ и во главѣ союзнаго государства. Такимъ образомъ австрійскій вопросъ явился новымъ источникомъ раздѣленія партій во франкфуртскомъ парламентѣ, и чѣмъ ближе подвигалась къ концу конституція, тѣмъ рѣзче выступала сильная рознь, племенная и религіозная двойственность Австріи и Германіи. Поборники государства съ ясно-конституціонными формами, въ которомъ благоустроенная свобода внутри сочетавалась бы съ сильною исполнительною

властью по дѣламъ внѣшнимъ, старались избавить Германію отъ австрійскаго преобладанія и тѣснѣе связать ее съ Пруссіей, приступавшей къ союзу со всѣми своими владѣніями, — связать притомъ въ такомъ смыслѣ, чтобы Пруссіи не только принадлежала «гегемонія», но чтобы верховнымъ главою Германіи и Пруссіи было непремѣнно одно и то же лицо, и чтобы положеніе и могущество послѣдней обращалось на пользу союзно-германскому государству. Это стремленіе, обнаружившееся во всей своей послѣдовательности и ясности только лишь постепенно, встрѣтило себѣ множество противниковъ. Не только австрійскимъ депутатамъ былъ вовсе не по душѣ такой планъ, который исключалъ ихъ самихъ и 13 милліоновъ Нѣмцевъ изъ будущей имперіи, но сверхъ-того депутаты Баваріи и всѣхъ почти южно-германскихъ государствъ, отчасти изъ религіозныхъ опасеній, отчасти изъ партикуляризма и нерасположенія къ Пруссіи, упорствовали противъ такого предпочтенія сѣверу, а вся лѣвая сторона враждебно стала къ государственной формѣ, столь далекой отъ ея республиканскихъ идеаловъ и притомъ отстаиваемой человѣкомъ, ненавистнымъ ей въ качествѣ главнаго ея врага и измѣнника тому самому дѣлу «свободы», за которое онъ прежде ратовалъ и даже страдалъ. Такимъ образомъ австрійскій вопросъ произвелъ новую перестановку партій; изъ большинства, которое дотолѣ соединялъ вкругъ себя Гагернъ, выбыли многіе, въ томъ числѣ Велькеръ и, авторъ ученой книги о жизни Лютера, Юргенсъ. Они назвались великогерманскою партіей и тѣмъ самымъ навязали своимъ противникамъ несправедливое прозвище малогерманцевъ, съ которымъ соединялся втайнѣ презрительный намекъ. Удаленіе Шмерлинга, котораго политическіе извороты и дипломатическія хитрости не дѣйствовали болѣе на національное собраніе, возбудивъ въ немъ недовѣрчивость, и назначеніе первымъ министромъ Генриха фонъ-Гагерна составили знаменательный періодъ въ жизнедѣятельности франкфуртскихъ властей. Депутатъ Симсонъ изъ Кёнигсберга сталъ достойнымъ и способнымъ преемникомъ Гагерна въ парламентскомъ президенствѣ. «Великогерманская» партія, состоя изъ самыхъ разнородныхъ стихій и далеко расходясь между собою въ большой части остальныхъ вопросовъ, благодаря ловкости Шмерлинга поддерживалась во вседашней оппозиціи Гагернову плану. Впослѣдствіи она создала себѣ особый органъ во «Франкфуртской газетѣ», носившей въ видѣ эпиграфа заключительный стихъ Арндтовой пѣсни: «Германія вся цѣликомъ!» Сборнымъ мѣстомъ служило для нея «Парижское подворье».

§ 868. Министерская программа Гагерна. Гагернъ не обладалъ дипломатической ловкостью своего предмѣстника, котораго однажды, въ минуту увлеченія, онъ назвалъ своимъ «другомъ» и который сталъ теперь опаснѣйшимъ его противникомъ. Но гдѣ служило знаменемъ его имя, тамъ всегда собиралось много благородныхъ силъ. Его значительная личность, прямой и открытый нравъ, его неоспоримая любовь къ отечеству, его крѣпкая, нѣмецкая натура и его чистое стремленіе, поддерживаемое истиннымъ одушевленьемъ, привязывали къ нему всѣхъ, кто ни сближался съ этимъ человѣкомъ. Съ обычной откровенностью выставилъ онъ тотчасъ же въ своей программѣ (18 дек. 1848) австрійскій вопросъ жизненнымъ вопросомъ своей министерской дѣятельности: не допуская Австріи въ составъ предположеннаго союзно-германскаго государства, онъ хотѣлъ установить между обѣими имперіями только тѣсную связь уніи, къ чему должны были вести дипломатическіе переговоры черезъ пословъ, не простирающіеся однакожь на вопросъ о конституціи союзно-германской державы. Но когда онъ сталъ испрашивать у собранія полномочій на эти переговоры, его встрѣтило сильное сопротивленіе. Одинъ изъ членовъ лѣвой стороны (Венедей) повелъ рѣчь объ «изверженіи» Австріи, о такомъ «раздѣлѣ» германской земли, который ничѣмъ не уступитъ раздѣлу Польши. А чтобы упрекъ въ этомъ раздѣлѣ не палъ на Австрію, Шмерлингъ въ рождественскія вакаціи слеталъ въ Вѣну и въ Ольмюцъ и настоялъ тамъ на принятіи уже совсѣмъ не такихъ взглядовъ, какіе высказаны были министерскою программой въ Кремзирѣ. Назначенный австрійскимъ уполномоченнымъ при центральной власти, бывшій первый министръ Германіи заявилъ передъ своими вѣнскими избирателями въ замѣчательной рѣчи, что «высшимъ и важнѣйшимъ для себя въ жизни считаетъ онъ сохраненіе въ цѣлости австрійскаго государства», а послѣ новаго года возвратился во Франкфуртъ и подалъ ноту своего правительства, въ которой высказывалась мысль, что Гагернъ ложно толкуетъ кремзирскую программу. Не вдаваясь ни въ малѣйшее объясненіе насчетъ будущаго устройства Австріи, ольмюцское правительство рѣшительно оговаривало свое право вступить въ предположенный для Германіи государственный союзъ, отказывалось отъ чисто-дипломатическихъ сношеній черезъ посольства и наконецъ «поучало центральную власть, равно какъ и національное собраніе насчетъ того, что къ успѣшному рѣшенію вопроса о германскомъ устройствѣ можно прійдти только путемъ соглашенія съ правительствами Германіи, между которыми императорское

занимаетъ конечно первое мѣсто». Впечатлѣніе, произведенное этою нотой и скрытными поступками Шмерлинга въ національномъ собраніи, было благопріятно для Гагернова плана и привлекло многихъ членовъ на его сторону. Указанный ею путь соглашенія оскорбилъ поборниковъ народной власти. Вслѣдъ затѣмъ самъ Гагернъ смягчилъ рѣзкость своей программы нѣкоторыми измѣненіями (5 янв. 1849), выставивъ исключеніе Австріи дѣломъ еще нерѣшеннымъ и давъ своему предложенію 18 декабря слѣдующій видъ: «да будетъ разрѣшено министерству, въ надлежащее время и надлежащимъ путемъ, вступить съ правительствомъ Австріи именемъ центральной власти въ переговоры, насчетъ отношеній австрійскаго государства къ Германіи». Эти, въ сущности неважныя, перемѣны примирили большинство парламента съ мыслію министра. Хотя коммиссія, назначенная разсмотрѣть новое предложеніе, отозвалась объ немъ большею частію неблагопріятно, и ловкій діалектикъ фонъ-Виденбругкъ искусно обнаружилъ недостатки Гагернова плана; однакожь предостерегательныя слова Бекерага, чтобъ поджиданіемъ Австріи не загубить германскаго единства, сильная опора со стороны Финке и, особенно, примиряющая и убѣдительная рѣчь самого Гагерна доставили его предложенію побѣду (13 янв). Между тѣмъ идея національнаго единства, этотъ могучій дѣятель при государственномъ обновленіи Германіи, была въ противорѣчіи съ Гагерновымъ планомъ, и какъ ни различны были побужденія его противниковъ, всѣ они опирались въ своей оппозиціи на одну эту патріотическую основу. Съ другой стороны, исторія германскаго народа въ теченіе столь многихъ злосчастныхъ лѣтъ не предостерегала ли самымъ настоятельнымъ образомъ, что здоровая, свободная и сильная государственная жизнь расцвѣтетъ для Германіи не прежде, какъ по избавленіи ея отъ неразрывной связи съ Австріей? И сколько ни старалась партія Гагерна сложить съ себя укоръ въ раздѣлѣ Германіи, все же результатомъ ея стремленій былъ бы неизбѣжно раздѣлъ, еслибъ она успѣла достигнуть своей цѣли. Конечно, она жертвовала однимъ поврежденнымъ членомъ для того, чтобъ возвратить здоровье и придать новую жизненность всему остальному тѣлу.

§ 869. Имперская конституція Германіи. Между тѣмъ составленіе имперской конституціи близилось къ концу, и второе чтеніе «коренныхъ правъ» послѣдовало еще до исхода 1848 г. По нѣкоторымъ статьямъ допущено при этомъ болѣе умѣренное изложеніе, но отмѣна смертной казни и неопредѣленное положеніе, что «никто не обязанъ заяв-

лять своихъ религіозныхъ убѣжденій», были все таки уступкою лѣвой сторонѣ, стоявшей на почвѣ гуманизма и безграничной вольности. Не смотря на сопротивленіе сидѣвшей справа партіи полюбовной сдѣлки, которая приводила основательные доводы, остерегая отъ самовольнаго и отрывочнаго оглашенія этой части конституціи со стороны центральной власти, обнародованіе коренныхъ правъ было постановлено и 28 декабря приведено въ дѣйствіе чрезъ бюллетень имперскихъ законовъ (Reichsgesetzblatt). Объ отдѣльномъ оглашеніи особенно старалась лѣвая сторона. Такимъ же образомъ еще 24 ноября обнародованъ, въ видѣ имперскаго закона, «Германскій вексельный уставъ», и правительства приняли его почти безъ всякаго изъятія: развѣ не могло случиться того же и по поводу коренныхъ правъ? Эти права въ безчисленномъ множествѣ оттисковъ предложены были германскому народу, какъ подарокъ къ празднику Рождества; но нельзя было не предвидѣть, что, съ одной стороны, народъ жадно схватится за новыя права, столь обильныя дарами свободы, и вслѣдствіе того быть-можетъ пренебрежетъ потомъ консервативными придатками, которые получитъ въ общемъ составѣ конституція, а съ другой стороны — правительства противопоставятъ признанію и введенію этихъ правъ разныя недоумѣнія и затрудненья. Послѣднее, какъ увидимъ, обнаружилось въ сильнѣйшей степени. — Что касается до конституціи въ собственномъ смыслѣ, то при учрежденіи новой имперской власти старались избѣгнуть какъ «средостремительнаго» направленія, имѣвшаго въ виду полное единство, такъ и «средобѣжнаго» партикуляризма, который снова привелъ бы къ слишкомъ слабому союзному отношенію; отдѣльнымъ государствамъ обезпечивали ихъ самостоятельность и всѣ державныя права и преимущества, но старались въ то же время установить всеобщій государственный организмъ съ могучею имперскою властью, который былъ бы достойнымъ выраженіемъ политической жизнедѣятельности, и удовлетворить стремленію германскаго народа къ силѣ и единству. Непрочное, чисто механическое сопоставленіе хотѣли замѣнить органически разчлененнымъ союзомъ, и надъ свободною дѣятельностью отдѣльныхъ державъ учредить господство высшаго порядка, какъ цѣль и норму общей дѣятельности. Поэтому имперской власти предоставлялись въ особенности: 1) Представительство во внѣшнихъ дѣлахъ черезъ посланниковъ и консуловъ и исключительное право вступать въ государственные договоры. 2) Военная власть и военное устройство; глава имперіи рѣшаетъ вопросы о мирѣ и войнѣ и распоряжается какъ сухопутною, такъ и

морскою силой отдѣльныхъ государствъ, а равно и имперскими крѣпостями; почему обязательство въ вѣрности къ главѣ имперіи и къ имперской конституціи должно занимать первое мѣсто въ военной присягѣ. 3) Пріисканіе финансовыхъ средствъ, необходимыхъ для центральнаго управленія, для чего, кромѣ имперскихъ таможенныхъ доходовъ и опредѣленныхъ взносовъ отъ каждой державы, главѣ имперіи предоставлялось еще право налагать, по своему усмотрѣнію, особыя подати и заключать имперскіе займы. Въ видахъ государственнаго единства, вся германская земля обращалась въ одну таможенную и торговую территорію, и потому открытіе главныхъ путей сообщенія, освобожденіе германскихъ рѣкъ и верховное завѣдываніе желѣзными дорогами, почтами и т. д. предоставлялось имперской власти, равно какъ и забота о введеніи однообразной системы монетъ, вѣсовъ и мѣръ, о сохраненіи имперскаго мира, внутренней безопасности и порядка. — Учрежденіе верховнаго «имперскаго суда», который, стоя выше всѣхъ властей въ имперіи, долженъ былъ рѣшать споры между чинами и правительствами, между однимъ государствомъ и другимъ, между имперскою властью и каждымъ частнымъ правительствомъ, служило всему устройству на вѣчныя времена залогомъ правомѣрнаго порядка. — Среди великихъ парламентскихъ преній состоялись положенія объ «имперскомъ сеймѣ». Предложенія лѣвой стороны въ пользу однокамернаго устройства, этой, любезной всѣмъ радикаламъ теоріи, вскорѣ должны были уступить убѣдительнымъ доводамъ поборниковъ двухкамерной системы. Намѣреніе ввести въ законодательную власть стихію непостоянства и ничѣмъ несдерживаемой подвижности не могло устоять передъ началами здравой политики, имѣющей за себя и разумъ, и исторію, и опытъ [1]. Положили имѣть двойственное представительство: государственную палату (Staatenhaus), основанную на самобытности отдѣльныхъ державъ, которой члены должны назначаться по общему выбору правительствъ и сеймовъ и соотвѣтствовать числомъ объему представляемаго ими края, и народную палату (Volkshaus), которая, коренясь на почвѣ народнаго самодержавія, должна была служить представительницею и стражемъ національнаго единства и исходить изъ свободнаго выбора народа по особому избирательному закону,

[1] Здѣсь дѣло идетъ только о конституціи монархической; что-жъ касается до чисто-демократическаго образа правленія, то двухкамерная система вовсе не представляется въ немъ необходимою.

для первой опредѣленъ былъ шестилѣтній, для второй — трехлѣтній періодъ обновленія. Законность палатскихъ рѣшеній обусловливалась участіемъ по крайней мѣрѣ половины установленнаго числа членовъ. Но если имперское правительство откажется исполнить постановленіе обѣихъ палатъ, то предоставить ли въ такомъ случаѣ главѣ имперіи право неограниченнаго или только отсрочивающаго запрета (безусловное или временное veto)? Въ пользу перваго выступилъ Дальманъ и, какъ нѣкогда Мирабо, ратовалъ за достоинство короны, которой блескъ падаетъ на самое государство; но сколько ни доказывали и онъ и его единомышленники, что истинно-конституціонный правитель конечно не станетъ пользоваться на дѣлѣ такимъ преимуществомъ, тогда какъ ограниченіе его въ этомъ отношеніи неизбѣжно умалитъ вѣсъ короны, большинство пристало къ предложенію Фаллати допустить лишь отсрочивающее veto и выразило свое рѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Когда на сеймѣ въ трехъ сряду періодахъ засѣданій состоится неизмѣнно одно и то же постановленіе, то, еслибъ и не послѣдовало на него согласія со стороны имперской власти, оно, съ исходомъ третьяго сейма, обращается въ положительный законъ».

Пренія о самомъ щекотливомъ вопросѣ германскаго устройства, именно — о главѣ имперіи, начались только въ январѣ 1849 г., послѣ того какъ національное собраніе приняло программу Гагерна относительно Австріи. Этимъ принятіемъ рѣшеніе вопроса двинулось значительно впередъ и самъ Гагернъ уже высказалъ свое убѣжденіе, что слѣдуетъ имѣть «единаго и наслѣдственнаго правителя.» Если такимъ образомъ удалось отстранить Австрію отъ союзно-германскаго государства, то не было уже никакого сомнѣнія, что во всей остальной многочленной Германіи «центръ тяжести долженъ былъ упасть именно туда, гдѣ онъ находится въ самомъ дѣлѣ». Но къ окончательному рѣшенію не льзя было прійдти до тѣхъ поръ, пока тянулись еще переговоры съ Австріей. По этому на первыхъ порахъ надо было удовольствоваться только тѣмъ, чтобъ отстранить всѣ воззрѣнія, противорѣчившія идеѣ «наслѣдственно-прусскаго императорства», и такимъ образомъ подготовить почву, на которой, при вторичномъ чтеніи проекта, это новое наслѣдственное императорство могло укорениться и приняться какъ вѣнецъ, замыкающій все зданіе конституціи. Возникали и обсуживались самыя разнообразныя предложенія; начиная отъ преобразованія и обновленія союзнаго сейма, какъ хотѣли староконсервативная партія и реакціонеры, до президенства, доступнаго

каждому совершенно-лѣтнему Германцу, чего добивались приверженцы республики, тянулся пестрый рядъ среднихъ предложеній, которыя, исходя отъ существующаго порядка дѣлъ, имѣли въ виду возложить управленіе имперіей на многихъ или на одного изъ царствующихъ государей, но сильно разногласили относительно формы, въ какой слѣдуетъ осуществить этотъ планъ. Одни настаивали на учрежденіи директоріи («государской думы») изъ бо́льшаго или мѣньшаго числа членовъ подъ посмѣннымъ предсѣдательствомъ Австріи и Пруссіи или возвращались къ прежней идеѣ о тройственномъ главенствѣ («тріадѣ») и при этомъ впадали въ двоякую несправедливость, приравнивая Баварію въ правахъ къ обѣимъ великимъ державамъ и такимъ образомъ противопоставляя двухъ главъ католическаго юга Германіи одному главѣ протестантскаго сѣвера. Такъ какъ въ этомъ коллегіальномъ имперскомъ управленіи преимущественно порицали отсутствіе быстрой, единодушной и энергической дѣятельности и «постоянной политики», то мало по малу утвердилось мнѣніе, что единый глава имѣетъ большія преимущества передъ многочленнымъ составомъ власти; но какъ въ конституціонномъ комитетѣ, такъ и въ самомъ собраніи, мнѣнія крайне раздѣлились на счетъ того, должна ли верховная власть чередоваться въ кругу могущественнѣйшихъ династій, или верховный правитель будетъ избираться пожизненно или на опредѣленное число лѣтъ, или наконецъ слѣдуетъ учредить наслѣдственное императорство. Не трудно было доказать изъ исторіи преимущество единой и наслѣдственной власти передъ дробною или ослабленною выборомъ или смѣной; но примѣнима ли была эта теоретически-лучшая форма правленія къ многочленному составу Германіи, на счетъ этого возникали уважительныя недоумѣнія. Но сколько ни возстало голосовъ противъ «романтической идеи» императорства, особенно защищаемой Дальманомъ и Безелеромъ; сколько ультрамонтанскій католицизмъ (въ лицѣ Э. фонъ-Ласо́) ни протестовалъ противъ «исторической сентиментальности» подобнаго обновленія; сколько ни ратовали противъ такого исключительнаго предпочтенія одной державѣ партикуляризмъ различныхъ племенъ и странъ, а равно и страсть Баваріи къ «великодержавству»; какъ презрительно ни отзывались объ идеѣ искусственнаго оживленія императорства партіи лѣвой стороны и «велико германская» на «Парижскомъ подворьѣ», однакожь большинство собранія все-таки приняло параграфы конституціи о предоставленіи сана главы имперіи одному изъ царствующихъ германскихъ государей и о томъ,

чтобы онъ носилъ титулъ «императора Германцевъ» (23 янв. 1849); сначала не удалось лишь добиться требуемаго большинства относительно наслѣдственности. — «Имперскій совѣтъ», поставленный проектомъ конституціи обокъ съ министерствомъ, въ качествѣ совѣщательной думы для охраненія интересовъ отдѣльныхъ державъ, признанъ былъ опаснымъ стѣсненіемъ для дѣятельности центральной власти и въ послѣдствіи совершенно устраненъ.

§ 870. Отношеніе Пруссіи и Австріи къ франкфуртскому національному собранію и къ избирательному закону. 3 февраля 1849 г. окончено первое чтеніе германской имперской конституціи, и теперь предстояло отозваться объ ней правительствамъ. Среднія и малыя державы изъявили свою готовность признать дѣло національнаго собранія, но королевства пока еще молчали. Между тѣмъ, въ рукахъ центральной власти была уже окружная нота прусскаго кабинета ко всѣмъ германскимъ правительствамъ, которая, хотя осторожно и умѣренно, однакожь повидимому одобряла планъ, предначертанный программой Гагерна. Въ ней давали понять, что желательно сохранить существующій германскій союзъ во всѣхъ его отношеніяхъ, но что жаждущему единства народу не слѣдуетъ перечить въ стремленіи, сомкнуться въ предѣлахъ союза въ болѣе тѣсную связь союзной государственности. Присвояемое собраніемъ самодержавное право хотя и не признавалось въ этой нотѣ, однакожь образъ его дѣйствій извинялся положеніемъ вещей. Чтобы предположенная въ первомъ чтеніи конституція могла достигнуть своей цѣли, нота приглашала всѣ германскія правительства препроводить на обсужденіе національнаго собранія свои объяснительные отзывы и такимъ образомъ прійдти «путемъ соглашенія» къ одному общему результату. Въ заключеніе нота удостовѣряла, что Пруссія не ищетъ для себя никакого приращенія въ силѣ или достоинствѣ и приметъ предлагаемое положеніе только съ свободнаго согласія союзныхъ правительствъ; что учрежденіе новаго имперскаго сана не представляется необходимымъ Его Величеству королю, и что конечно можно бъ было пріискать другую форму, которая удовлетворила бы стремленіе Германцевъ къ истинному единству. По смыслу этой ноты, существовавшее доселѣ союзное отношеніе Германіи къ Австріи, а также къ Даніи и Нидерландамъ, должно было оставаться ненарушимымъ и служить основою для обширнѣйшаго союза, къ которому, въ видѣ нововведенія, привходитъ только тѣснѣйшій союзный совѣтъ. Замѣчательную противоположность съ этой нотою Пруссіи составляла австрійская, писанная 4 февраля. Она прямо протестуетъ противъ союзнаго государства, выставляя его въ видѣ «единительной центральной власти», отвергаетъ двойственное отношеніе тѣснаго и обширнаго союза и, въ неясныхъ выраженіяхъ, рисуетъ для Германіи такую будущность, которая обѣщаетъ ей мало добра. «Императорскому правительству, говоритъ она, представляется Германія, твердая и могучая во внѣшнихъ дѣлахъ, а внутри сильная, свободная, органически-разчлененная и въ то же время единодушная». Рубежи великой имперіи должны раздвинуться очень широко, такъ чтобы «на основаніяхъ, какія предложитъ императорское правительство, даже всѣ негерманскія его земли нашли въ ней свое мѣсто». Имѣлось стало быть въ виду громадное среднеевропейское государство съ 70 милліонами жителей, чуть не всѣхъ возможныхъ націй и племенъ! А въ заключеніе надо замѣтить, что императорское правительство, не видя возможности согласиться съ Пруссіей, отнынѣ «вознамѣрилось идти путемъ соглашенія съ Франкфуртомъ», тогда какъ въ то же самое время распространились слухи, что Австрія замышляетъ ни больше ни меньше, какъ отстранить совсѣмъ и парламентъ, и меньшихъ государей, и согласиться съ одними королями Германіи на счетъ новаго союзнаго устройства! — Тѣмъ не менѣе «великогерманская» партія ревностно старалась о томъ, чтобъ ниспровергнуть планъ наслѣдственно-прусскаго императорства и Гагерновъ проектъ конституціи. Гекшеръ, Велькеръ, Германъ мюнхенскій и нѣкоторые Австрійцы (Соммаруга, Вюртъ) составляли средоточіе этихъ стремленій. Собраніе, сходившееся подъ руководствомъ Велькера въ Майнлустѣ, гдѣ участвовали и члены лѣвой стороны, имѣло въ виду совокупить всѣхъ противниковъ Гагернова плана въ одну крѣпко-сомкнутую партію и измѣнить проектъ конституціи такимъ образомъ, чтобы онъ сталъ удобопріемлемъ для всѣхъ германскихъ правительствъ. Противъ нихъ въ свою очередь соединились «императорцы» для поддержки параграфовъ конституціи, которымъ грозила опасность, и образовали такъ называемую «Вейденбушскую партію». Послѣдніе требовали вторичнаго прочтенія проекта; но «великогерманцы», которымъ хотѣлось выиграть время, настояли, чтобъ напередъ обсужденъ былъ «законъ о выборахъ». Этотъ законъ, какъ обнаружилось изъ перваго же чтенія, явился «ахилловою пятой» національнаго собранія, почему значительное число членовъ (194) тотчасъ и выступило противъ него съ протестаціей. Благодаря неестественному союзу «великогерманцевъ»

съ людьми лѣвой стороны, состоялся такой законъ, который, коренясь на революціонной почвѣ, прямо противорѣчилъ направленію, какого парламентъ держался до тѣхъ поръ. Такъ какъ многіе, впрочемъ консервативные, члены не захотѣли стѣснить тотъ порядокъ выборовъ, который для нихъ самихъ открылъ двери собранія, то право «всеобщаго избирательства», основанное на началѣ свободы и равенства, нашло себѣ многихъ поборниковъ съ самаго начала; а противники этого широкаго права не могли согласиться между собою на счетъ ограниченія его имущественнымъ цензомъ или тѣмъ правиломъ, что оно должно принадлежать только «самостоятельнымъ гражданамъ», и вслѣдствіе того, при отобраніи голосовъ по этому вопросу, не только принято всеобщее избирательное право, для каждаго не лишеннаго чести Нѣмца, достигшаго 25-тилѣтняго возраста, но сверхъ-того отринутъ употребительный доселѣ косвенный и гласный способъ выбора и замѣненъ именными ярлычками безъ подписи (тайною баллотировкой). Этимъ избирательнымъ закономъ, составленнымъ на самомъ широкомъ демократическомъ основаніи, собраніе утратило много вѣса и значенія въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые изъ исторіи и опыта почерпнули глубокое убѣжденье, что сильное и послѣдовательное въ дѣйствіяхъ правительство невозможно при всеобщей подачѣ голосовъ. Этотъ шагъ далъ противникамъ твердую точку опоры для нападенія на все зданіе конституціи.

§ 871. Завершеніе имперской конституціи. Въ февралѣ и мартѣ 1849 г. національное собраніе раздѣлилось болѣе чѣмъ когда-нибудь, и мало было надежды на удовлетворительное окончаніе предпринятаго имъ дѣла. Австрійско-баварская правая сторона, настаивавшая на включеніи въ Германскій союзъ Австріи и для этого предоставлявшая верховно-союзную власть семичленной директоріи, подъ предсѣдательствомъ «имперскаго намѣстника», требуя вмѣстѣ съ тѣмъ разныхъ измѣненій въ конституціи,—находилась въ рѣшительной оппозиціи съ наслѣдственно императорскою партіей, собиравшеюся въ Вейденбушѣ. «Лѣвая сторона» воспользовалась этимъ раздоромъ для достиженія своихъ цѣлей, выговаривая себѣ уступки каждый разъ, когда она оказывала помощь той или другой соперничествующей партіи, — безнравственное отношеніе, которое подрывало моральную силу парламента и давало сильное оружіе его противникамъ. Напрасно кроткія и миролюбивыя натуры старались устранить раздоръ указаніемъ на общее благо отечества; напрасно полный высокихъ чувствъ Риссеръ, изъ Гамбурга, порицалъ въ благородномъ негодованіи весь позоръ «нечистыхъ коалицій», — партіи шли на перерѣзъ одна другой и ни которая не хотѣла думать объ уступкахъ. Безуспѣшна осталась и новая поѣздка Гекшера, Германа и Соммаруги въ Ольмюцъ! Тогда-то вѣсть, что Кремзирскій сеймъ распущенъ, и австрійское правительство самовластно даровало конституцію своимъ подданнымъ (§ 872), вдругъ дала новый оборотъ дѣламъ. Не заботясь о Германіи, эта конституція соединяла всѣ области монархіи въ одну недѣлимую и неразрывную державу; въ ней не говорилось ничего о какомъ бы то ни было исключеніи въ пользу германскихъ частей новаго конституціоннаго государства; ни гдѣ ни слова о какомъ-нибудь подчиненіи или приноровленіи къ общей имперской конституціи! И мало этого: особая нота требовала включенія всей совокупной Австріи въ германскій союзъ и предлагала въ видѣ центральной власти семичленную директорію, подъ всегдашнимъ предсѣдательствомъ Австріи; директорія, вмѣстѣ съ государственною палатой, но безъ «народной палаты», которая только будто затруднила бы ходъ дѣлъ, должна была совѣщаться объ общихъ интересахъ и имѣть ихъ въ своемъ полномъ завѣдываніи. Эта рѣшительная мѣра Австріи произвела во Франкфуртѣ сильнѣйшее впечатлѣніе. Ольмюцское правительство очевидно бросило перчатку національному парламенту и, совокупивъ различныя части своей державы въ одну конституціонную имперію, хотѣло помѣшать въ подобномъ же дѣлѣ представителямъ всѣхъ германскихъ владѣній. Впечатлѣніе это прежде всѣхъ словесно выразилъ Велькеръ; 12 марта онъ неожиданно выступилъ въ собраніи съ цѣлымъ рядомъ предложеній, стараясь склонить его къ тому, «чтобы однимъ общимъ постановленіемъ разомъ принять всю имперскую конституцію, въ томъ видѣ, какой далъ ей конституціонною коммиссіей послѣ перваго чтенія и по соображеніи первоначальнаго проекта съ желаніями правительствъ; чтобы наслѣдственный императорскій санъ предоставить королю Прусскому, и обратиться къ великодушію и патріотизму всѣхъ германскихъ государей, да согласятся они на это опредѣленіе и да содѣйствуютъ осуществленію его по мѣрѣ силъ». Съ изумленіемъ выслушали рѣчь, свидѣтельствовавшую о столь рѣшительной перемѣнѣ мыслей, и когда онъ заключилъ ее восклицаніемъ: «Отечество въ опасности, его надобно спасти!»—многіе были потрясены и увлечены одушевлявшимъ его чувствомъ. Но время патріотическихъ восторговъ и пылкой преданности, на которые разсчитывалъ ораторъ, давно уже прошло; холодный разсчетъ партій и мертвая неподатливость въ началахъ помѣшали успѣху этого втораго «смѣлаго

шага» (напоминавшаго Гагерновъ). Когда, спустя нѣсколько дней, предложенія Велькера, разсмотрѣнныя и въ сущности одобренныя парламентскою коммиссіей, пущены были на голоса, они не были приняты—къ изумленію даже тѣхъ самыхъ лицъ, которыя подали противъ нихъ свой голосъ. Надѣялись, что австрійскіе депутаты выйдутъ изъ собранія или воздержатся отъ баллотировки; но только двое изъ нихъ обнаружили на столько деликатности, а лѣвая сторона предлагала свою помощь на такихъ условіяхъ, которыхъ «императорская» партія не могла съ честію принять. Уныніе и смущеніе этой партіи были велики. При господствующемъ раздраженіи и при крѣпкомъ союзѣ «директоріаловъ» съ лѣвой стороной, рѣшеніе вопроса о главѣ имперіи и окончаніе конституціоннаго дѣла казалось совершенно невозможнымъ. О добровольномъ удаленіи Австрійцевъ нечего было и помышлять; носились даже слухи объ усиленіи ихъ партіи дальнѣйшими выборами. Протестъ противъ дачи ими голосовъ, какъ предлагали это нѣкоторые, не имѣлъ никакихъ правомѣрныхъ основаній и потому остался безъ исполненія. Императорскую партію утѣшило одно:—противники ея были довольно единодушны и сильны для разрушенія чужаго плана, но провести свой собственный они оказались немощны. Предложеніе Гекшера объ устройствѣ директоріальной власти не прошло. Это снова ободрило «императорцевъ»; они жадно схватились за предложеніе одного изъ членовъ лѣвой стороны (Эйзенштука), ускорить вторымъ прочтеніемъ конституціи безъ всякихъ преній, думая, что они исподволь добьются того же самаго, на что посягнули прежде за одинъ разъ. Но не безъ обидъ и тяжкихъ пожертвованій достигли они своей цѣли. Они должны были уступить лѣвой сторонѣ введеніе «отсрочивающаго veto»; право безусловнаго возраженія со стороны власти отвергнуто было даже и по вопросу о перемѣнахъ конституціи; этого мало, — они вынуждены были подать голосъ даже за крайне-демократическій «избирательный законъ» въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ перваго чтенія. Но этимъ они исказили все свое сооруженіе. Въ достопамятномъ засѣданіи 27 марта наслѣдственность сана имперскаго главы пріобрѣла большинство четырехъ голосовъ въ свою пользу, при чемъ постановлено, что онъ долженъ носить титулъ «императора Германцевъ», и, разумѣется, прямымъ слѣдствіемъ этой мѣры было состоявшееся на другой же день рѣшеніе о томъ, что императорскій санъ предоставляется королю Прусскому. Но конституція, въ своемъ новомъ видѣ, не представляла уже ничего цѣльнаго; единство центральной власти, завоеванное съ такимъ трудомъ, было ослаблено и парализовано уступками лѣвой сторонѣ; и ничтожное большинство, оказавшееся въ его пользу, не дозволяло принять этотъ приговоръ за выраженіе общей національной воли, сколько наслѣдственно-императорская партія ни поставляла на видъ то обстоятельство, что слишкомъ сто отрицательныхъ голосовъ было подано при этомъ австрійскими депутатами, хотя участіе ихъ въ дѣлѣ конституціи, которая по ходу текущихъ обстоятельствъ немогла уже нисколько примѣняться къ Австріи, въ сущности не имѣло законныхъ основаній.

§ 872. Ольмюцъ и Кремзиръ. Пока Франкфуртъ страдалъ въ родовыхъ боляхъ, разрѣшаясь конституціей, объ великія державы Германіи успѣли прійдти въ себя отъ ошеломившаго ихъ удара. Объ однакожь сознавали необходимость преобразованія государственной жизни согласно съ требованіемъ общественнаго мнѣнія, объ видѣли, что «полицейскому государству» и «владычеству чиновниковъ» не устоять передъ духомъ времени, и что неизбѣжно дать соотвѣтственныя формы стремленію къ свободѣ, одушевляющему всякій образованный народъ. Поэтому объ заявили свое рѣшеніе водворить у себя конституціонный порядокъ со всѣми требуемыми имъ реформами, учредить свободную общинную жизнь, оградить новыми законами личную свободу въ области религіи, правосудія, политики, промышленныхъ и торговыхъ сдѣлокъ, и преобразовать въ современномъ духѣ податную систему и взаимныя отношенія между крестьяниномъ и помѣщикомъ. Эти воззрѣнія были изложены въ той замѣчательной программѣ, съ какою новое министерство Стадіона-Шварценберга выступило 22 ноября 1848 г. передъ сеймомъ, открытымъ въ Кремзирѣ. Правительство удостовѣряло въ этомъ актѣ, что оно «хочетъ конституціонной монархіи откровенно и беззавѣтно», что всѣ права и льготы, предоставленныя австрійскимъ народамъ въ національномъ, гражданскомъ и личномъ отношеніи, намѣрено оно сохранить, устроивъ и обезпечивъ ихъ соотвѣтственными законоположеніями, и что лишь этой «обновленной Австріи» указано будетъ впослѣдствіи отношеніе ея ко всей германской землѣ. Хотя нѣкоторые члены сейма сохранили еще строптивый духъ вѣнскаго періода и протестовали противъ перевода засѣданій въ Кремзиръ, однакожь большинство собранія приняло эту программу очень благопріятно. Полученное вскорѣ потомъ извѣстіе (2 дек. 1848), что императоръ Фердинандъ сложилъ съ себя корону, что братъ его, эрцгерцогъ Францъ Карлъ, отказался отъ престолонаслѣдія, и что сынъ послѣдняго Францъ-Іосифъ принялъ

австрійскую державу потому, что «совершеніе начатыхъ преобразованій очевидно требуетъ болѣе юной силы», внушило членамъ сейма невольное опасеніе, чтобъ новое правительство не сочло себя свободнымъ отъ обѣщаній предшествовавшаго. Опасеніе это, правда, нѣсколько ослабилъ манифестъ молодаго императора, которымъ возвѣщалось, что «въ основу спасительнаго обновленія монархіи будутъ положены равноправность всѣхъ ея народовъ, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ»; однакожь при дальнѣйшемъ ходѣ совѣщаній болѣе и болѣе обнаруживалась несовмѣстность между собраніемъ, возникшимъ изъ среды революціонныхъ бурь, и правительствомъ, старавшимся всего болѣе объ усиленіи и утвержденіи исполнительной власти. Критическое положеніе финансовъ, вынуждавшее требовать у сейма все новыхъ уступокъ и новыхъ жертвъ, усилило оппозицію демократическихъ членовъ, и, при обсужденіи «коренныхъ правъ», вполнѣ выяснилась разность точекъ зрѣнія, на которыхъ стояли учредительное собраніе и министерство. Начало «народнаго самодержавія», на которое Кремзирскій сеймъ опирался точно такъ же, какъ и Франкфуртскій, нашло себѣ рѣшительное противорѣчіе со стороны министерства, отстаивавшаго «прирожденную» власть, и когда сеймъ не только уперся въ своемъ принципѣ, но и заявилъ притязаніе на такія вольности, которыя дѣйствительно были слишкомъ широки для австрійскаго народа, еще столь незрѣлаго въ политическомъ отношеніи и столь привязаннаго къ обычаю во всемъ, касающемся религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ,—вольности, которыя при водвореніи ихъ встрѣтили бы множество затрудненій и препятствій, — когда Ригеръ, Шузелка и другіе депутаты стали въ самыхъ сильныхъ рѣчахъ нападать на политику министерства и на смѣло выступившую теперь реакцію, тогда въ Ольмюцѣ состоялось рѣшеніе распустить сеймъ еще до окончанія конституціоннаго дѣла. 7 марта 1849 архіепископскій дворецъ въ Кремзирѣ, гдѣ собирался сеймъ, былъ до разсвѣта занятъ войскомъ, и депутаты принуждены выѣхать изъ города. Къ вечеру городокъ сталъ такъ же пустъ, какъ былъ до ноября 1848 г. Появился цѣлый рядъ министерскихъ распоряженій, въ которыхъ объявлено о «дарованіи» конституціи самимъ правительствомъ, объ изданіи закона касательно коренныхъ правъ, и о порядкѣ вознагражденія за барщинскія повинности. Первое изъ этихъ распоряженій объясняло поводы къ распущенію національнаго собранія и находило ихъ въ томъ, что сеймъ принялъ положеніе, несовмѣстное съ вѣрностію императорскому дому, и что вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ между тѣмъ войсками въ Венгріи и Италіи, обнаружилась необходимость въ такой «общей конституціи», которая переходитъ за предѣлы обязанностей сейма. Хотя дарованныя теперь права не вполнѣ удовлетворяли требованія народныхъ представителей, однакожь, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ вещей, они предоставляли обширную свободу и сулили преобразованія по всѣмъ отраслямъ церковной, политической и гражданской жизни, возвѣщавшія зарю совсѣмъ новой эпохи.—Для каждой изъ отдѣльныхъ областей конституція создавала провинціальные сеймы, а для совокупной монархіи обѣщала имперскій сеймъ, раздѣленный на сенатъ и палату депутатовъ. Но послѣдній долженъ былъ осуществиться только тогда, когда во всѣхъ частяхъ имперіи введены будутъ земскія конституціи и земскіе сеймы, — такое условіе, которое если и не отнимало всякой надежды на устройство «имперскаго сейма», почти невозможное при разнообразіи соединенныхъ съ Австріей земель, то во всякомъ случаѣ отдаляло рѣшеніе этого вопроса на долгое время.—Въ судопроизводство предполагалось ввести гласность и устность, а въ опредѣленныхъ случаяхъ и участіе присяжныхъ; для окончательнаго приговора по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ долженъ былъ учредиться верховный имперскій судъ, съ правомъ рѣшенія и всѣхъ спорныхъ вопросовъ между различными властями. При исполнительной власти положено учредить государственный совѣтъ, назначаемый по выбору самого императора.

§ 873. Второе національное собраніе въ Берлинѣ. Происшествія эти не остались безъ вліянія на Пруссію. Столица находилась еще въ осадномъ положеніи, когда, 26 февраля 1849 года, созваны были новоизбранныя палаты, чтобы подвергнуть пересмотру «дарованную» конституцію и окончательно порѣшить этотъ вопросъ соглашеніемъ съ правительственною властью. Сколько чиновники ни старались направлять выборы въ смыслѣ этой власти, всеобщее право подачи голосовъ и дѣятельность народныхъ клубовъ оказали свое дѣйствіе: демократическая партія получила многихъ представителей во второй палатѣ, значительнѣйшіе ораторы и вожди учредительнаго собранія вошли въ составъ и этого перваго «законодательнаго» сейма. Большинство было, правда, не на ихъ сторонѣ, однакожь, благодаря своему единодушію и искусству своихъ предводителей, демократы во всѣхъ важныхъ вопросахъ являлись въ видѣ крѣпко сомкнутой оппозиціи. Первая па-

лата, составленная по выбору, ограниченному постояннымъ цензомъ, была въ сущности консервативна, однакожь предана конституціонной монархіи. Крайнія мнѣнія лѣвой стороны не имѣли здѣсь вовсе представителей, да не много насчитывали ихъ и крайнія мнѣнія правой.—Для того, чтобъ противопоставить дружный отпоръ лѣвой сторонѣ второй палаты, фонъ-Финке, коноводъ правой стороны во Франкфуртѣ, соединилъ всѣхъ консервативныхъ членовъ въ одну сильную партію, предложивъ имъ широкую программу, которая обязывала ихъ только признать правомѣрность конституціи 5 декабря и начало конституціонной монархіи подъ наслѣдственною державой Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ вторая палата раздѣлилась на два враждебные лагеря, которые готовы были на ежедневный бой безъ всякаго посредничества со стороны центровъ. Вскорѣ стало очевидно для всѣхъ, что собраніе, въ которомъ одна половина постоянно отвергаетъ то, на чемъ порѣшитъ другая, не способно ни къ какой полезной, плодоносной дѣятельности. При обсужденіи адреса дѣло дошло до самыхъ бурныхъ сценъ; правая сторона одобряла распущеніе учредительнаго сейма и дарованіе конституціи правительствомъ, требуя, чтобъ эти мѣры приняты были съ благодарностію, какъ «спасительныя», тогда какъ лѣвая видѣла въ нихъ только произволъ, несправедливость и пагубу и не признавала за жалованною конституціей ни какихъ законныхъ основаній. Пренія объ осадномъ положеніи столицы сопровождались шумными перекорами, а «Германскій вопросъ» и теперь уже повелъ къ схваткамъ, предвозвѣстившимъ то страшное разномысліе, которое вскорѣ потомъ возбудили постановленія франкфуртскаго парламента и которое кончилось новымъ распущеніемъ второй палаты.

§ 874. Депутація съ предложеніемъ императорства, отправленная въ Берлинъ. 3 апрѣля 1849 г. король Фридрихъ Вильгельмъ IV принялъ въ рыцарской залѣ своего дворца депутацію, которая именемъ національнаго собранія во Франкфуртѣ предложила ему наслѣдственный санъ императора Германцевъ, разумѣется съ тѣмъ, чтобъ онъ рѣшился принять и соблюсти постановленія имперской конституціи, плодъ такой упорной борьбы и такихъ болѣзненныхъ напряженій. То была великая минута въ исторіи, и лица, принесшія королю эту вѣсть, еще возвышали значеніе порученнаго имъ дѣла славою своего имени и своимъ нравственнымъ вѣсомъ. Болѣе тридцати членовъ франкфуртскаго національнаго собранія, съ достойнымъ и полнымъ такта президентомъ Симономъ во главѣ, явились передъ короля съ

такимъ даромъ, который повидимому долженъ былъ положить новое основаніе единству, силѣ и величію Германіи. Еще разъ германскій народъ обратилъ полные надеждъ и участія взоры на парламентъ, который продолжительностію своихъ совѣщаній самъ лишилъ себя всѣхъ правъ на сочувствіе; путешествіе пословъ было настоящимъ тріумфомъ, напоминавшимъ выборъ блюстителя имперіи. Но не сбылись надежды патріотовъ, что имперская конституція заключитъ собой революціонную эпоху и положитъ начало новому времени. Выслушавъ рѣчь президента Симона, Фридрихъ Вильгельмъ IV далъ неопредѣленный отвѣтъ, въ которомъ однакожь замѣтно было явное несогласіе, — отвѣтъ, изумившій и поразившій всѣхъ тѣмъ больше, что, судя по одной рѣчи министра Бранденбурга въ первой палатѣ, ожидали совсѣмъ противнаго. И дѣйствительно, увѣряютъ, что до послѣдней минуты король былъ непрочь отъ того, чтобъ изъ преданности къ германскому единству принять предложеніе парламента, оговоривъ только предварительное согласіе всѣхъ другихъ правительствъ; но не смотря на сильную поддержку, которую этотъ патріотическій порывъ находилъ въ ближайшихъ къ королю особахъ, Фридрихъ Вильгельмъ въ рѣшительную минуту измѣнилъ свой взглядъ и отринулъ корону, а вынесенную водоворотомъ революціонныхъ смутъ. Этотъ, сначала нерѣшительный, отказъ вскорѣ сдѣлался несомнѣннымъ, и сами прусскіе министры постепенно согласились съ измѣнившеюся мыслію короля. Депутація франкфуртскаго національнаго собранія, огорченная крушеніемъ своихъ надеждъ, обиженная недружелюбнымъ отзывомъ и глубоко оскорбленная холодностью встрѣтившаго ее вездѣ пріема (только у принца Прусскаго обошлись съ нею радушно и привѣтливо), возвратилась черезъ нѣсколько дней во Франкфуртъ, заявивъ министру фонъ-Бранденбургу еще офиціяльнымъ письменнымъ сообщеніемъ, что принятіе императорскаго сана неразрывно съ признаніемъ имперской конституціи. Депутаты поѣхали въ Берлинъ тріумфаторами, а воротились оттуда чуть не бѣглецами. Такая горькая судьба постигла имперскую конституцію, это многотрудное дѣло, стоившее великихъ напряженій и жаркихъ схватокъ, и всѣ надежды націи достигнуть желаннаго единства пришлось снова отложить на неопредѣленный срокъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV отвергнулъ высокое призваніе окружить свой царственный домъ, безъ брани и завоеваній, новымъ блескомъ и усвоить ему завидное предназначеніе стать учредителемъ, владыкой и блюстителемъ обновленной Германіи. Принятіе имъ имперской кон-

ституціи конечно повело бы къ признанію ея и со стороны другихъ правительствъ, тогда какъ его отказъ разомъ положилъ конецъ всему предпріятію. — Сторонники отказа выставляли на видъ недостатки и разнохарактерность этой конституціи, состоявшейся только малымъ большинствомъ голосовъ, благодаря полюбовной сдѣлкѣ между стремленіями совершенно противоположныхъ партій, и особенно порицали демократическій законъ о выборахъ, находя его несовмѣстнымъ съ сильнымъ монархическимъ правительствомъ. Приверженцы имперской конституціи возражали на это, что избирательный законъ вовсе не считался существенною ея частію, что отъ радостнаго одушевленія народа по случаю достигнутаго наконецъ единства вполнѣ можно было ожидать такихъ выборовъ, въ которыхъ отразилась бы эта радость о преуспѣяніи отечества и которые дали бы сейму составъ, самый благопріятный для очищенія первоначальнаго труда отъ неизбѣжныхъ его недостатковъ и излишествъ. Въ эпохи общаго движенія, говорили они, надобно же сколько нибудь принимать въ разсчетъ и энтузіазмъ возбужденнаго народа; нельзя же все взвѣшивать и пытать на вѣсахъ разсудка и дипломатическихъ соображеній.—Говорятъ, будто въ прежнюю бытность свою въ Берлинѣ президентъ имперскаго министерства имѣлъ уже случай удостовѣриться, что Пруссія не приметъ предлагаемаго сана, и поэтому ставятъ ему въ упрекъ, что онъ, не смотря на то, по прежнему держался съ своей партіей системы «доктринерства». Но развѣ не могъ онъ надѣяться, что сила обстоятельствъ, громкій зовъ родины, заманчивость дѣйствительно состоявшагося предложенія, что наконецъ разныя непредвидимыя обстоятельства и вліянія произведутъ перемѣну мыслей въ такомъ государѣ, котораго чуткая натура была такъ доступна силѣ внѣшнихъ впечатлѣній и котораго сердце было такъ воспріимчиво ко всѣмъ патріотическимъ порывамъ, ко всему, что касалось величія Германіи, особенно когда предполагаемое добровольное согласіе всѣхъ прочихъ государей избавляло его чувство справедливости даже и отъ малѣйшей тѣни насильственнаго вліянія?

§ 875. Франкфуртское національное собраніе по отринутіи императорской короны. Прусское правительство еще не вполнѣ высказало свои намѣренія; оно еще не окончательно отвергло имперскую конституцію и соединенную съ ней императорскую корону. Поэтому наслѣдственно-императорская партія въ Франкфуртѣ старалась оттягивать дѣло до тѣхъ поръ, пока оставалась какая-нибудь надежда на благопріятную перемѣну обстоятельствъ. Твердо рѣшась сохранить неизмѣнно конституцію и водрузить ее знаменемъ германскаго народа, она отстраняла всѣ слишкомъ торопливыя предложенія, которыя могли бы измѣнить ее въ отношеніи къ вопросу о верховномъ главѣ. Небольшое число приверженцевъ соглашенія, составлявшихъ часть правой стороны, предложили отсрочку засѣданій съ тою цѣлію, чтобъ дать правительствамъ время для совѣщаній и переговоровъ между собою; но это предложеніе не нашло себѣ значительной поддержки, такъ какъ нельзя было надѣяться уладить дѣло путемъ переговоровъ съ такимъ множествомъ державъ. Не были также приняты и измѣнительныя предложенія директоріальной партіи [1], и какъ вскорѣ потомъ большая часть австрійскихъ депутатовъ выбыла изъ національнаго собранія вслѣдствіе отзывной грамоты изъ Ольмюца (18 апрѣля 1849), то самая эта партія лишилась своей главной опоры и значенія. Тѣмъ болѣе усилилась и получила вѣса лѣвая сторона. Поэтому наслѣдственно-императорская партія должна была отложить свою прежнюю враждебность къ демократамъ и протянуть имъ руку на миръ и совокупную дѣятельность, чтобы хоть заодно съ ними отстоять имперскую конституцію. Лѣвая сторона, для которой имперская конституція была не цѣлью, а только переходомъ къ республикѣ, удерживалась этимъ союзомъ съ «людьми спокойствія и порядка» отъ излишней поспѣшности, а послѣдніе своимъ сближеніемъ съ «людьми прогресса» пріобрѣли опять народную любовь, которую совсѣмъ было утратили. Вотъ почему взоры германской націи опять съ надеждою обратились на Франкфуртъ, и со всѣхъ сторонъ поступали въ парламентъ одобрительные адресы и отъ земскихъ чиновъ и отъ частныхъ обществъ. Но спокойное это положеніе не могло упрочиться на долго при нетерпѣніи народа и рьяности лѣвой стороны, настаивавшей на болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ, тѣмъ болѣе, что прусское правительство все еще не высказывало явно своей мысли. Предложеніе Людвига Симона, чтобъ собраніе пригласило всѣхъ государей признать имперскую конституцію и потомъ избрало верховнымъ главою сильнѣйшаго изъ числа признавшихъ, хотя и не было принято въ этой редакціи, чѣмъ устраненъ первый рѣшительный шагъ къ полному разрыву съ Пруссіей; однакожь парламентъ обнаружилъ свое твердое рѣшеніе употребить всѣ законныя средства для осуществленія конституціи, одобривъ предложенное депутатомъ Мати дополненіе:

[1] Той партіи, которая, вмѣсто одного главы, хотѣла имѣть директорію изъ нѣсколькихъ государей.

«слѣдуетъ настоять на томъ, чтобъ правительства воздержались отъ всякихъ распоряженій, которыя, въ настоящую рѣшительную минуту могли бы вполнѣ или отчасти лишить народъ конституціонныхъ и правомѣрныхъ средствъ заявлять свою волю, и особенно, чтобъ они не пользовались своимъ правомъ отсрочивать и распускать собранія чиновъ, а напротивъ вызывали или покрайней мѣрѣ отнюдь не прекращали ихъ дѣятельность до тѣхъ поръ, пока имперская конституція будетъ признана всѣми». Къ 14 апрѣля двадцать восемь правительствъ—и баденское—первое—заявили во Франкфуртѣ свое признаніе; но королевства Баварія, Ганноверъ, Саксонія и Вюртембергъ медлили своимъ согласіемъ, отчасти изъ-за религіозныхъ и сепаратистскихъ интересовъ, отчасти уступая австрійскимъ вліяніямъ; а для того, чтобы земскіе чины не настаивали на признаніи имперской конституціи, они избавились отъ нихъ отсрочками ихъ засѣданій. Къ подобнымъ же мѣрамъ приступило теперь и прусское правительство, чѣмъ еще усилило разрывъ между Франкфуртомъ и Берлиномъ. Дѣло въ томъ, что вторая палата, особенно вслѣдствіе ясной и убѣдительной рѣчи фонъ-Финке, положила обратиться къ королю съ адресомъ, въ которомъ заявлялось желаніе націи, чтобъ онъ принялъ имперскую конституцію и императорскую корону, это рѣшеніе, состоявшееся послѣ бурныхъ совѣщаній, равно какъ и жаркіе споры по поводу предложенія Вальдека о снятіи тяготѣвшаго надъ Берлиномъ военнаго положенія, побудили министерство, 27 апрѣля, распустить вторую палату и отсрочить засѣданія первой. При томъ общемъ движеніи, какое началось во всѣхъ германскихъ земляхъ съ цѣлію осуществить имперскую конституцію, прусское министерство хотѣло развязать себѣ руки, чтобы не встрѣчать помѣхъ со стороны сильной оппозиціи въ камерахъ. Дѣйствуя такимъ образомъ у себя дома и стараясь въ то же время склонить германскія правительства къ передачѣ временной центральной власти прусской коронѣ, то-есть—другими словами—забрать въ руки верховное управленіе Германіи, минуя національный парламентъ и обходя безусловное признаніе имперской конституціи, министерство разорвало послѣднюю связь между Берлиномъ и Франкфуртомъ. Уже 21 апрѣля графъ Бранденбургъ рѣшительно отринулъ имперскую конституцію, сказавъ, что Пруссія не приметъ ея «никогда! никогда! никогда!» такъ какъ при второмъ чтеніи конституціонаго акта, замѣчанія, предложенныя правительствомъ Его Величества короля вмѣстѣ съ другими германскими правительствами, были большею

частію оставлены безъ всякаго вниманія. Къ этому онъ добавилъ: «Признать—конечно, во власти общественнаго мнѣнія; но кто отдастся на его волю, не удержавъ кормила въ твердой рукѣ, тотъ никогда не доведетъ своего корабля въ спасительную пристань!» А что именно подъ этимъ разумѣлось, то положительно объяснила нота отъ 28 апрѣля, переданная центральной власти прусскимъ уполномоченнымъ — Кампенгаузеномъ. Радовицъ былъ призванъ въ Берлинъ. Благодаря своему необыкновенному таланту и своей ловкой, податливой натурѣ, умѣвшей легко ладить со всякими личностями и со всѣми возможными обстоятельствами, этотъ человѣкъ мало по малу одолѣлъ всѣ предубѣжденія, встрѣтившія его при вступленіи въ Павловскую церковь, какъ подвижника и представителя старой, до-мартовской политики; но онъ никогда не успѣлъ пріобрѣсти довѣрія къ честности своихъ стремленій. Недовѣріе къ нему еще усилилось отъ его двусмысленнаго образа дѣйствій по вопросу о верховномъ главѣ; и если вызовъ его въ Берлинъ возбудилъ опять нѣкоторую надежду въ собраніи, то полученная теперь нота повидимому доказала ясно, что въ отношеніи къ наслѣдственной императорской партіи онъ поступалъ такъ же непрямодушно, какъ и Шмерлингъ. Жребій теперь былъ брошенъ! Эта прусская нота и предшествовавшая ей баварская, также отвергавшая имперскую конституцію и требовавшая, чтобъ она была измѣнена путемъ взаимнаго соглашенія, доставили еще болѣе перевѣса лѣвой сторонѣ. Ея вліяніемъ состоялся приговоръ, «чтобы президенту дано было право назначать засѣданія всегда и вездѣ, смотря потому, какъ онъ признаетъ необходимымъ; чтобы по требованію ста членовъ, всегда собиралось чрезвычайное засѣданіе и чтобы число 200 членовъ считалось достаточнымъ для постановленія законныхъ опредѣленій»; ея вліяніемъ высказано порицаніе противъ прусскаго и ганноверскаго правительствъ за распущеніе ими палатъ и потребовано отъ нихъ не медленное приступленіе къ новымъ выборамъ. А чтобы удовлетворить день ото дня болѣе настойчивымъ предложеніямъ объ учрежденіи «имперскаго регентства», собраніе большинствомъ двухъ голосовъ утвердило 4 мая предложеніе Виденбругка, которое, отличаясь блестящею стилистикой и логикой, выступало изъ предѣловъ строгаго права и послужило для разномыслящихъ правительствъ желаннымъ предлогомъ отозвать изъ парламента своихъ членовъ. Тщетно остерегалъ отъ этого преждевременнаго шага Бекератъ и совѣтовалъ отсрочить засѣданія: обстоятельства требовали повидимому новаго энергическаго знака жи-

зни со стороны собранія, и Бекератъ еще до баллотировки сложилъ съ себя санъ депутата. — Вслѣдъ за исчисленіемъ побудительныхъ причинъ, Виденбругкъ предлагалъ слѣдующее: 1) Національное собраніе приглашаетъ правительства, законодательныя палаты, общины отдѣльныхъ державъ и весь германскій народъ въ совокупности, доставить признаніе и законную силу конетитуціи германской имперіи отъ 28 марта. 2) 22 августа первый имперскій сеймъ долженъ собраться во Франкфуртѣ на основаніи новаго закона. 3) 1 августа должны совершиться во всей Германской имперіи выборы членовъ «Народной палаты». 4) Если кромѣ нѣмецкой Австріи, на сеймѣ не будетъ представительства и еще какихъ либо державъ и потому окажется невозможнымъ осуществить ту или другую мѣру конституціи, данной для всей германской земли, тогда нужныя отмѣны производятся въ ней путемъ, указаннымъ самою конституціей, и притомъ на то единственно время, пока конституція не будетъ повсемѣстно приведена въ дѣйствіе. 5) Особенно, если Пруссія не вышлетъ представителей во Франкфуртъ и такимъ образомъ ни словомъ ни дѣломъ не признаетъ до тѣхъ поръ конституціи, тогда глава населеннѣйшаго изъ государствъ, имѣющаго депутатовъ на сеймѣ, вступаетъ въ права и обязанности верховнаго главы имперіи съ титуломъ ея намѣстника (Reichsstatthalter). 6) Но какъ скоро конституція будетъ признана Пруссіей, то тѣмъ самымъ санъ верховнаго главы имперіи переходитъ, въ силу конституціонныхъ положеній, на Прусскаго короля, который окажется царствующимъ въ то время, когда послѣдуетъ признаніе. 7) Верховный глава присягаетъ на вѣрность конституціи передъ національнымъ собраніемъ и за тѣмъ открываетъ сеймъ. Съ открытіемъ сейма національное собраніе считается распущеннымъ. 8) Національное собраніе (въ настоящую минуту) отсрочиваетъ свои засѣданія на неопредѣленное время, оставляя по себѣ свое правленіе (президента, вицепрезидента и секретарей) и уполномочивая послѣднее созвать членовъ, въ случаѣ нужды, снова.

§ 876. Пруссія и вопросъ о германской конституціи. Отринувъ имперскую конституцію и предложенную ему императорскую корону, король Прусскій объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для того чтобъ энергически противустать разрушительнымъ и революціоннымъ стремленіямъ, Пруссія приметъ такія мѣры, которыя заблаговременно обезпечатъ союзнымъ правительствамъ желаемую или требуемую ими помощь. Если онъ надѣялся снискать этимъ благодарность другихъ правительствъ и склонить ихъ къ добровольной передачѣ центральной власти въ руки Пруссіи, то конечно впалъ въ горькое заблужденіе. Пруссіи скоро довелось увидѣть, какъ трудно было побудить къ добровольному соглашенію правительства, которыя уступали стремленіямъ къ единству не изъ патріотическаго одушевленія, а только повинуясь могучему напору народной воли: идя на сдѣлку съ Пруссіей, они не могли не опасаться за свою независимость и самодержавность. Трудно было, при неблагопріятныхъ теперь условіяхъ, снова поймать въ руки тотъ удобный случай, который упустили сначала въ чувствѣ гордаго самомнѣнія. Отдавая должную честь энергіи и послѣдовательности министерства Бранденбурга, не льзя однакожь снять съ него упрека въ томъ, что оно глубоко потрясло народное довѣріе самовластнымъ образомъ своихъ дѣйствій, и тѣ бѣдствія и страданья, которымъ подверглись вслѣдъ за тѣмъ многія германскія державы, конечно, имѣли своимъ источникомъ отринутіе конституціи. И центральная власть, и каждое изъ частныхъ правительствъ Германіи воспротивились стремленіямъ Пруссіи къ исключительному преобладанію. Эрцгерцогъ, блюститель имперіи, никогда не забывавшій своего австрійскаго происхожденія, объявилъ національному собранію о своемъ рѣшеніи сложить съ себя свой высокій санъ въ тотъ самый день, какъ избраніе верховнаго главы склонилось въ пользу короля Прусскаго, и по всей вѣроятности онъ сдѣлалъ это, оскорбившись за Австрію. По просьбамъ собранія и по совѣту австрійскихъ депутатовъ исполненіе своего замысла отсрочилъ онъ потомъ до тѣхъ поръ, пока это окажется сколько-нибудь возможнымъ безъ вреда общественному спокойствію и благу Германіи. Австрійскія вліянія, которымъ блюститель имперіи отдавался съ той поры болѣе и болѣе, побудили его остаться на своемъ постѣ до конца, и съ какой стороны ни исходили стремленія склонить его на уступки, всѣ они сокрушались объ упорную волю молчаливаго старика. Съ его согласія отозвался Гагернъ на послѣднюю ноту Пруссіи, что одной временно-центральной власти принадлежитъ право исполнительныхъ распоряженій по всѣмъ дѣламъ, относящимся до общей безопасности и благоденствія союзно-германскаго государства, и что ни одна отдѣльная держава не можетъ заявлять притязаній на принятіе такихъ всеобщихъ мѣръ. Этого основанія центральное правительство во Франкфуртѣ держалось даже и послѣ того какъ оно было оставлено и Гагерномъ, и національнымъ собраніемъ. Всѣ попытки прусскаго правительства присвоить себѣ временное завѣдываніе германскими дѣлами были безуспѣшны. Не смотря ни на какія насмѣшки и презрительные отзывы, «великогерманское» импер-

ское министерство выдерживало свою роль при эрцгерцогѣ и тѣмъ самымъ не давало порваться нити, связывавшей Австрію съ Германіей. Пруссія была на столько сильна, что могла не обращать вниманія на слабую центральную власть и пренебрегать ею; она позволяла себѣ, помимо франкфуртскаго правительства, дѣятельно вступаться въ дѣла другихъ державъ, тамъ гдѣ требовалась ея помощь, но такимъ образомъ она вступила на тотъ же самый путь своеволія, за который такъ сильно порицала національное собраніе и центральную власть. Еслибъ послѣднее имперское министерство, да и центральная власть вообще не лишились всякой опоры въ народѣ и еслибъ бурныя событія не показали совершенной необходимости въ энергической правительственной силѣ, то Пруссія своими самовластными поступками конечно утратила бы всѣ сочувствія въ Германіи [1]. — Стремленіе Пруссіи присвоить себѣ помимо національнаго собранія верховное главенство въ имперіи, встрѣтило себѣ не менѣе сопротивленія со стороны частныхъ германскихъ правительствъ. Прусское министерство умно придумало тотъ путь, какимъ намѣревалось достигнуть этой цѣли: оно хотѣло привлечь на свою сторону отдѣльныхъ государей «низложеніемъ и той революціи, которая бушуетъ въ открытомъ полѣ, и той, которая таится въ иныхъ опасныхъ параграфахъ имперской конституціи», а потомъ удовлетворить стремленію народа къ единству и снискать его расположеніе тѣмъ, что манило его перспективою сильной и единой исполнительной власти, съ національнымъ представительствомъ въ палатахъ — государственной и народной. Но оно обманулось въ своихъ надеждахъ и съ той и съ другой стороны. Правительства мелкихъ германскихъ державъ должны были оставаться вѣрны имперской конституціи и франкфуртской центральной власти уже изъ одного страха передъ грозной силой демократовъ и народной массы, расшатанной крамолами, а короли оказывали мало расположенія подчиниться прусскому главенству. Вскорѣ обнаружилось ясно, что путь переговоровъ не приведетъ къ желанному концу, что германскія правительства конечно уступили бы необходимости признать имперскую конституцію, еслибъ Пруссія послужила имъ примѣромъ, но что добровольно они никогда не откажутся отъ своего самодержавнаго положенія и не захотятъ стать

[1] Самоуправство Пруссіи оправдывалось ничтожествомъ центральной власти и слабостью тѣхъ частныхъ правительствъ, которыя не могли обойдтись безъ сторонней помощи, во что бы она ни стала.

подручниками прусской короны. Въ правительственномъ конгресѣ въ Берлинѣ, гдѣ намѣревались измѣнить германскую конституцію, приняли участіе только Ганноверъ, Саксонія и Баварія, да и изъ нихъ послѣдняя вскорѣ отступилась, такъ что, спустя нѣсколько недѣль, пересмотрѣнная имперская конституція могла явиться только въ видѣ проекта «союза трехъ королей» (прусскаго, ганноверскаго и саксонскаго, «Dreikönigsbund»), котораго слабая связь также скоро выступила наружу *). Безучастіе во всѣхъ послѣдующихъ выборахъ показывало ясно, что масса народа отвернулась съ тѣхъ поръ, недовольная, отъ прусскаго правительства. Къ этому безучастію особенно способствовалъ проектъ новаго избирательнаго закона какъ для Пруссіи, такъ и для германскаго имперскаго сейма, — проектъ, по которому всѣхъ первостепенныхъ избирателей предполагалось раздѣлить на три класса соразмѣрно платимой ими суммѣ податей, такъ чтобы высшій, средній и низшій податной разрядъ выставляли одинакое число второстепенныхъ избирателей, или выборщиковъ. Такъ какъ на основаніи этого закона «мозолистая рука рабочаго» не могла подать ни одного избирательнаго ярлыка, то негодующіе демократы и устранились съ той поры отъ выборовъ. — Не заботясь объ этихъ непріязненныхъ ей стихіяхъ, Пруссія выступила на первый планъ дѣятельной жизни, опираясь не столько на свое право, сколько на свое могущество и на необходимость. Она поборола мятежъ вездѣ, гдѣ онъ ни показывался, и поставила себѣ задачей водворить порядокъ въ возмущенной и разорванной странѣ и возстановить въ ней значеніе закона и правительственной власти. Въ надеждѣ на новые посулы съ ея стороны, патріоты, озабоченные возрастающимъ своеволіемъ народа, смотрѣли съ одобрительнымъ участіемъ на энергическія дѣйствія прусскаго правительства, водворявшаго законный порядокъ силою оружія и обезпечивавшаго жизнь и собственность гражданъ; въ одномъ только краѣ оскорбило оно глубоко національное чувство Германцевъ и оттолкнуло отъ себя сердца цѣлаго благороднаго племени, — именно въ Шлезвигъ-Голштейнѣ.

*) «Проектъ конституціи Германской имперіи», который хотѣли положить въ основаніе «Союзу трехъ королей» и представить на пересмотръ и утвержденіе будущему имперскому сейму, держался вообще франкфуртской конституціи, но нѣкоторыми существенными измѣненіями придавалъ ей совершенно иной характеръ. Въ I Отдѣлѣ: «Объ Имперіи» франкфуртская редакція смягчена была въ томъ смыслѣ, что въ германскую имперію (германское союзное государство) полагалось ввести только тѣ державы, которыя признаютъ имперскую конституцію. Во II Отдѣлѣ: «Объ имперской власти», въ статьѣ 1-й, международное представительство Германіи центральною властью разсматривается, какъ слѣдствіе добровольной передачи ей посольскаго права со стороны частныхъ правительствъ, которымъ болѣе мягкое и неопредѣленное изложе-

ніе вопроса какъ бы сохраняетъ тѣнь самостоятельности и во внѣшнихъ дѣлахъ; статьи 2-я и 3-я существенно ограничиваютъ права центральной власти надъ военустройствомъ: присяга на вѣрность верховному главѣ имперіи устраняется изъ обычной военной присяги и удерживается только для главнокомандующихъ, снаряженіе войскъ предоставляется на волю частныхъ правительствъ и распоряженіе ими передается въ руки центральной власти только на время войны и въ случаяхъ «необходимыхъ мѣръ безопасности». Слѣдующія статьи видоизмѣняютъ въ пользу частныхъ государствъ права главы имперіи относительно мореходныхъ учрежденій, портовыхъ и рѣчныхъ сборовъ, желѣзныхъ и большихъ дорогъ, таможеннаго и почтоваго вѣдомства, однакоже въ такой мѣрѣ, что необходимая въ интересахъ единства централизація отъ того не нарушается. Важнѣйшимъ измѣненіямъ подвергся III Отдѣлъ: «О верховномъ главѣ имперіи», гдѣ высочайшая власть предоставляется не «императору Германцевъ», а имперскому старшинѣ (Reichsvorstand), стоящему въ челѣ шестигласной думы государей (Fürstencollegium). Это старшинство соединяется съ прусскою короной; годовой окладъ императору устраняется вполнѣ; старшина окружаетъ себя отвѣтственнымъ министерствомъ, но въ важныхъ дѣлахъ — зависитъ отъ согласія думы государей. Въ IV Отдѣлѣ: «Объ имперскомъ сеймѣ», статьи о государственной палатѣ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ; напротивъ, въ статьяхъ о народной палатѣ уничтожено отстрочивающее veto, годовой бюджетный періодъ обращенъ въ трехлѣтній и, въ случаѣ спора по какой-нибудь статьѣ смѣты, окончательное рѣшеніе вопроса предоставлено не одной народной палатѣ, а обѣимъ палатамъ въ совокупности; у палаты отнято также право «распоряжаться освобожденіемъ своего сочлена изъ-подъ ареста или остановкою слѣдствія надъ нимъ до конца текущаго періода засѣданій». V Отдѣлъ: «Объ имперскомъ судѣ», мѣсто котораго впредь до окончательнаго соглашенія долженъ былъ заступить временный третейскій судъ союзныхъ государствъ Германіи, измѣненъ лишь въ одномъ, что обвиненіе министровъ частныхъ державъ только тогда поступаетъ на рѣшеніе имперскаго судилища, когда суды тѣхъ державъ найдутъ дѣло неподлежащимъ ихъ разбирательству. Въ IV Отдѣлѣ, гдѣ говорится о коренныхъ правахъ германскаго народа, исключено вопервыхъ упраздненіе дворянства, какъ сословія, равно какъ и воспрещеніе всѣхъ титуловъ и орденовъ; смертная казнь возстановлена по прежнему; приняты мѣры большаго обезпеченія противъ злоупотребленій вольной печати; свобода вѣры и совѣсти лишена сопровождавшаго ее дополненія, что никто не обязанъ заявлять своихъ религіозныхъ убѣжденій; религіознымъ обществамъ обезпечено владѣніе и пользованіе тѣми учрежденіями, фундушами и капиталами, которыя предназначены для богослужебныхъ, училищныхъ и благотворительныхъ цѣлей; духовенству возвращено право участвовать, наравнѣ съ мірянами, въ надзорѣ за преподаваніемъ и воспитаніемъ, и устранена отмѣна школьнаго сбора въ народныхъ училищахъ. Далѣе ограничено право входить съ прошеніями по государственнымъ вопросамъ, умѣрено право вступать въ товарищества и право дробить и отчуждать недвижимость, а выкупъ всѣхъ феодальныхъ повинностей и десятинныхъ сборовъ и вознагражденіе за утрату правъ охоты предоставлены опредѣленію земскихъ законодательствъ. У общинъ отнято завѣдываніе мѣстною полиціей. Въ VII Отдѣлѣ: «О соблюденіи конституціи» устраненъ возбуждавшій прекословіе параграфъ, что каждая отмѣна вступаетъ въ силу и безъ согласія верховнаго главы имперіи, если объ ней состоится вполнѣ однообразное постановленіе сейма въ три періода его засѣданій. — Что касается до имперскаго избирательнаго закона, то онъ былъ совершенно преобразованъ: введены непрямые и открытые выборы, съ раздѣленіемъ избирателей на три вышепомянутые разряда по суммѣ взносимыхъ податей, при чемъ и возрастъ избираемыхъ повышенъ съ 25 лѣтъ на 30.

§ 877. Шлезвигъ-Голштейнъ. (Сравни § 806. 852). Народонаселеніе соединенныхъ герцогствъ Шлезвига и Голштиніи стремилось до сихъ поръ такъже упорно, какъ и умѣренно къ достиженію своей цѣли, — самостоятельной конституціи и тѣснаго союза съ единоплеменною Германіей. Здѣшній народъ даже и въ самые бурные дни не терялъ спокойной разсудительности, чуждаясь всѣхъ тѣхъ крайностей демократической толпы, которыя въ большей части другихъ странъ Германіи внушали патріоту невольное отвращенье. Въ вѣрномъ сознаніи, что только съ помощію Нѣмцевъ могутъ они порѣшить свою справедливую борьбу, Шлезвигъ-Голштинцы покорились даже безславному перемирію въ Мальмё (§ 859), вызвавшему во Франкфуртѣ сцены свирѣпой жестокости, о которыхъ мы упоминали. Въ мартѣ 1849 г. этому перемирію истекъ срокъ, и какъ происходившіе между тѣмъ переговоры не привели ни къ какому результату, то Данія извѣстила о возобновленіи войны, едва настало время, когда она могла употребить въ дѣло свой флотъ. Правительство, учрежденное въ герцогствахъ на время перемирія вмѣстѣ съ прусской и съ датской стороны, сложило съ себя свою обязанность, послѣ чего центральная власть во Франкфуртѣ назначила въ оба герцогства намѣстничество, состоявшее изъ Вильг. Безелера, графа Ревентлова и Преца. Нѣмецко-имперскія войска снова вступили въ Шлезвигъ; однимъ изъ предводителей ихъ былъ герцогъ Кобургъ-Готскій; мужественно и безъ взаимной зависти бились здѣсь Пруссаки и Баварцы, Ганноверцы и Вюртембергцы, сыны сѣверной и южной Германіи, противъ общаго врага, представляя отрадную картину германскаго единства и согласія. Въ тѣ печальные дни, когда шаткость отношеній Пруссіи къ имперской конституціи наполняла всѣ сердца тяжкимъ чувствомъ грусти, патріоты вдругъ были обрадованы неожиданнымъ извѣстіемъ, что германскія войска побѣдоносно бьются съ Датчанами, что въ пристани Экернфёрде (5 апр. 1849) они береговыми батареями потопили датскій линейный корабль «Христіанъ VIII», принудили гордый фрегатъ «Гефіонъ» къ сдачѣ, уничтоживъ у него руль, и водрузили на немъ флагъ Германіи. Эта вѣсть была лучемъ свѣта, блеснувшимъ въ темнотѣ тогдашнихъ дѣлъ. Само небо какъ будто благопріятствовало германскому оружію. Вскорѣ потомъ (13 апр.) въ Зундевиттѣ, насупротивъ острова Альсена, крѣпкіе «Дюппельскіе окопы» взяты были баварскими и саксонскими войсками, а Датчане отброшены назадъ. При этомъ пожалъ новые лавры баварскій подполковникъ фонъ-деръ-Таннъ, отличившійся уже прошлый годъ

воинскимъ мужествомъ въ званіи начальника вольнаго отряда. Главнокомандующій шлезвигъ-голштинской арміи, генералъ фонъ Бонинъ, взялъ приступомъ ютландскій пограничный городъ Кольдингъ (20 апр.), а когда датская армія хотѣла вытѣснить его оттуда, онъ разбилъ ее въ кровопролитномъ сраженіи (23 апр.) и потомъ новою побѣдою при Гудсё (7 мая) пробился съ своимъ небольшимъ корпусомъ въ самую Ютландію. Но прусскія и германскія войска подъ начальствомъ генерала фонъ-Притвица дѣйствовали очень медленно; въ то время какъ Шлезвигъ-Голштинцы, преслѣдуя разбитаго врага, отважно подошли къ самымъ валамъ крѣпости Фридерицiи и здѣсь въ окрестностяхъ города не разъ вступали въ кровавый бой, Пруссаки оставались на своихъ мирныхъ квартирахъ въ Шлезвигѣ и только изъ-дали смотрѣли на битву. Не мудрено, что снова пробудилось недовѣріе, что стали сомнѣваться на счетъ того, серьёзно ли ведется война со стороны Пруссіи, и не основательно ли подозрѣніе демократовъ, осыпавшихъ самыми горькими насмѣшками кровавую потѣху въ Шлезвигъ-Голштейнѣ. И когда наконецъ Притвицъ медленнымъ шагомъ двинулся въ Ютландію до Фейле, то Пруссаки дѣйствовали такъ бережно, такъ тщательно избѣгали всѣхъ кровавыхъ столкновеній съ Датчанами, такъ строго держались на оборонительной ногѣ, что въ этомъ явно обнаружилось намѣреніе вести подобіе войны только до тѣхъ поръ, пока дипломатамъ удастся покончить возвѣщенные и уже начатые мирные переговоры. Теперь движеніе въ самой Германіи приняло такой грозный характеръ, что прусское правительство ничего такъ не желало какъ скорѣе освободиться отъ сѣверной войны, тѣмъ болѣе что Англія и Россія благопріятствовали Даніи и не хотѣли допустить отдѣленія соединенныхъ герцогствъ отъ Датскаго королевства, котораго самое существованіе подвергалось черезъ то опасности. Все это повело къ тому, что въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ военныя дѣйствія остановились; солдаты упали духомъ и не охотно выходили въ поле, край высасывался военнымъ занятіемъ, жители обѣднѣли. Датчане, которыхъ ютландскія войска подъ начальствомъ генерала Рюэ, не подвергались нападенію со стороны вчетверо сильнѣйшей арміи Пруссаковъ, успѣли ободриться и снабдить Фридерицію новыми силами и артиллеріей. Только Шлезвигъ-Голштинцы, державшіе эту крѣпость въ осадѣ, не теряли ни отваги, ни мужества. Многократныя, успѣшно отражаемыя ими вылазки Датчанъ часто давали имъ случай заявить свою племенную ненависть въ горячемъ бою. Смуты въ Германіи и недостатокъ

признанной центральной власти оказывали свое вредное дѣйствіе и на германскія войска на сѣверѣ. Наконецъ совершился тотъ ударъ, котораго давно всѣ опасались. Генералъ Рюэ вдругъ переправился изъ Ютландіи на Фюненъ, такъ что Бонинъ ничего объ этомъ и не зналъ, а оттуда былъ перевезенъ въ Фридерицію. Усилившись такимъ образомъ, Датчане, въ самое то время, когда условія новаго перемирія между Пруссіею и Даніей уже готовы были прійдти въ Берлинѣ къ совершенному концу, внезапно предприняли изъ осажденной крѣпости такую страшную вылазку, что ослабѣвшія войска Бонина не могли выдержать неожиданнаго напора. Послѣ упорнаго боя, самаго кровопролитнаго изъ всѣхъ, они были вынуждены къ отступленію, послѣ чего Датчане овладѣли всею осадною артиллеріей и окопами нападавшихъ. Такъ вознаградили они себя хотя сколько-нибудь за пораженіе при Экернфёрде и хотя на короткое время утолили свою жажду мести. Но и въ несчастіи Шлезвигъ-Голштинцы спасли честь своего оружія. Объ ихъ храбрости и отвагѣ слышался одинъ голосъ со всѣхъ сторонъ.

Вѣсть объ этомъ пораженіи подѣйствовала такъ сильно, что даже въ разстроенной и разорванной Германіи раздался общій вопль негодованія на постыдный образъ веденія войны. Нападеніе совершилось въ тылу прусской арміи, а Притвицъ по прежнему не двигался съ мѣста. Теперь уже не демократы съ горестью и гнѣвомъ проклинали политику, осуждавшую на бездѣйствіе обнаженный мечь и тѣмъ самымъ предававшую вѣрныхъ, благородныхъ людей въ жертву коварному непріятелю, — демократовъ тогда уже заставили молчать, но сокрушались всѣ друзья отечества, которымъ хотѣлось видѣть честь и славу Пруссіи незапятнанною и которые знали, что для Германіи одно спасеніе въ тѣсномъ союзѣ съ Пруссіей; они глубоко сокрушались при вѣсти, что, несмотря на коварные поступки Датчанъ, въ Берлинѣ все-таки состоялось безславное перемиріе (10 іюля 1849), при чемъ не были призваны къ участію ни уполномоченные отъ имперскаго правительства, ни повѣренные отъ герцогствъ. Въ немъ постановлялось на время отдѣленіе Шлезвига отъ Голштиніи, и тогда какъ послѣдняя по прежнему оставалась подъ вѣдѣніемъ учрежденнаго центральною властью «намѣстничества», Шлезвигъ долженъ былъ управляться отъ имени Датскаго короля трехчленною «земскою администраціей» подъ предсѣдательствомъ англійскаго коммиссара, съ тѣмъ, чтобы въ южной его части стоялъ прусскій гарнизонъ, въ сѣверной — шведскій, а острова занимали Датчане.—Съ негодованіемъ узнали въ герцогствахъ объ этихъ

условіяхъ, нарушавшихъ основныя начала ихъ государственнаго права *), и какъ намѣстничество, такъ и земскіе депутаты протестовали противъ исполненія ихъ на дѣлѣ. Но когда стали удаляться германскія войска и уступили мѣсто шведско-прусскимъ гарнизонамъ, то и они принуждены были покориться необходимости. Съ той поры настало для бѣдныхъ Шлезвигцевъ время угнетенія и произвола; но непоколебимое народонаселеніе упорно защищало свои права, противопоставляя матеріальной силѣ мужество чистаго сознанія и правомѣрныхъ стремленій.

*) Требованія герцогствъ (которыхъ справедливость признана королемъ Прусскимъ въ письмѣ къ герцогу Августенбургскому отъ 24 марта 1848 г.) основывались на слѣдующихъ коренныхъ началахъ Шлезвигъ-голштинскаго государственнаго права: 1) что герцогства суть самостоятельныя державы; 2) что только мужское колѣно Ольденбургскаго дома имѣетъ право наслѣдія въ герцогствахъ, и 3) что герцогства стоятъ въ тѣсной государственной связи. (Едва ли нужно замѣчать, что послѣднее изъ этихъ такъ-называемыхъ «началъ» всегда можетъ прійдти въ явное противорѣчіе съ первымъ). Въ трактатѣ же о перемиріи постановлено, что Шлезвигъ, относительно своей законодательной власти и внутренняго управленія, долженъ получить особое устройство, отдѣльно отъ Голштиніи, безъ ущерба тому политическому соединенію, какимъ герцогство-Шлезвигъ связано съ датскою короной.

§ 878. Движеніе для водворенія имперской конституціи въ Германіи. Предложеніе Виденбругка, одобренное 4 мая, разрѣшило связи національнаго собранія. Съ тѣхъ поръ каждый Божій день члены его одинъ за другимъ объявляли о своемъ выходѣ. Сколь ни мало ладили прежде демократы съ франкфуртскимъ парламентомъ, сколько ораторы лѣвой стороны ни возставали до послѣдней минуты противъ конституціи, однакожь отказъ правительствъ признать эту конституцію подалъ демагогамъ желанный предлогъ поднять знамя бунта «для ея водворенія». Видъ права, на которое они опирались при такомъ замыслѣ, сообщилъ на этотъ разъ мятежу и большее значеніе и обширнѣйшіе размѣры. Шумными сборищами и поджигательными рѣчами привели народъ въ страшное волненіе; демократическіе клубы грозно сзывали на борьбу; во многихъ мѣстахъ привели къ присягѣ на вѣрность имперской конституціи не только гарданскую гвардію, но даже и войска, городскія власти заявляли съ своей стороны о ея признаніи; адресовъ и прошеній поступало по этому поводу несмѣтное число. Сколь ни разнообразны и иногда нечисты были побужденія и цѣли, поднявшія и поддерживавшія движеніе, однакожь потребность въ національномъ единствѣ и боязнь, чтобъ въ минуту исполненія опять не лишиться этого давно желаннаго блага на неопредѣленный срокъ, — вотъ что служило при этомъ общею и достойною уваженія основой, за которую конечно прятались въ свою очередь обманъ, преступленіе и государственная измѣна. Первая статья Виденбругкова предложенія могла служить законною опорой для всякаго мятежа; за нее-то и ухватились демагоги, чтобы дѣйствовать именемъ національнаго собранія и прикрыть его авторитетомъ свои собственныя революціонныя цѣли! Конечно, движеніе было вызвано еще до 4 мая, и хотя большинство національнаго собранія, заодно съ имперскимъ министерствомъ, объяснило потомъ свое постановленіе въ такомъ смыслѣ, что водвореніе имперской конституціи должно совершиться только мирными и законными средствами, а отнюдь не мѣрами принужденія или вооруженною силой, — но лозунгъ уже былъ данъ; да и какъ было коноводамъ демократовъ упустить благопріятный случай порадѣть въ пользу революціи и республики подъ знаменемъ права и закона? Никогда еще не злоупотребляли до такой степени дѣломъ честнымъ и благороднымъ; никогда еще не опутывали смыслъ народа такою позорною сѣтью лжи, никогда такъ не извращали понятій объ истинѣ и правѣ! — Первыя движенія обнаружились въ тѣхъ именно краяхъ, гдѣ правительства противились имперской конституціи. Въ Вюртембергѣ земскіе чины, заодно съ либеральнымъ министерствомъ Рёмера, принудили неподатливаго короля безусловно принять имперскую конституцію (25 апр. 1849), сколь ни тяжело ему было подчиниться «какому-нибудь Гогенцоллерну». Волненіе въ смятенной крамолами странѣ и непадежное настроеніе войска побудили короля къ уступчивости; однакожь съ истинно швабскимъ чистосердечіемъ онъ почелъ долгомъ заявить, что уступаетъ только силѣ и отречется отъ своихъ уступокъ, какъ скоро получитъ къ тому возможность. Въ прусскомъ Прирейньѣ и въ Вестфаліи городскія начальства направляли волненіе за имперскую конституцію въ томъ законномъ смыслѣ, какой легъ въ основу парламентскому рѣшенію; гдѣ же, какъ въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ, дошло до вооруженныхъ мятежей и баррикадныхъ схватокъ, тамъ привзошли еще сторонніе побудительныя причины!

§ 879. Возстаніе въ Дрезденѣ. Сильнѣйшее возстаніе произошло въ Саксоніи. Здѣсь стѣснительные законы и учрежденія стараго полицейскаго государства рано пали передъ напоромъ мартовскихъ бурь. Въ министерство Браунъ-Оберлендера, въ которомъ иностранными дѣлами завѣдывалъ лейпцигскій профессоръ правъ фонъ-деръ

Фордтенъ, вызванъ былъ къ жизни цѣлый рядъ новыхъ законовъ, которые слишкомъ напоминали бурную эпоху своего возникновенія. Необузданная печать и почти неограниченное право обществъ и сборищъ служили демократической партіи для распространенія ея началъ, находившихъ себѣ плодоносную почву и въ многолюдныхъ промышленныхъ городахъ, и среди обѣднѣвшаго крестьянства. Изданъ былъ новый избирательный законъ, основанный на самомъ широкомъ демократическомъ началѣ: онъ допускалъ для первой палаты низкій цензъ, а для второй не допустилъ ценза вовсе, и установилъ притомъ прямые, непосредственные выборы. Когда въ силу этого закона созваны были новые представители, то, благодаря дѣятельности «отечественныхъ клубовъ», составился такой земскій сеймъ, который можно было почесть насмѣшкою надъ конституціонною государственною формой и который справедливо назвали «представительствомъ самодержавной безсмыслицы». Этотъ сеймъ, который, пока франкфуртская конституція была еще не кончена, оказывалъ къ ней такъ же мало сочувствія, какъ и само правительство Саксонское, теперь, по отверженіи ея Пруссіей, затрубилъ демократическую тревогу и настаивалъ на признаніи имперской конституціи. Правительство отвѣчало на это распущеніемъ палатъ (30 апрѣля), депутаціи отъ городовъ и корпораціи, заявившія то же самое желаніе, имѣли равно мало успѣха; король оправдывалъ свое сопротивленіе отказомъ Пруссіи. Это послужило лозунгомъ къ мятежу (3 мая). Толпа народа бросилась на арсеналъ, чтобы добыть себѣ оружія, но была прогнана батальнымъ огнемъ расположеннаго тамъ войска. Тогда принялись бить въ набатъ; по улицамъ выстроились чрезвычайно крѣпкія баррикады; національные гвардейцы и толпы народа, отчасти вооруженныя косами и пиками, открыли жаркій бой противъ саксонскихъ войскъ. Когда на слѣдующій день возстаніе возросло и число мятежниковъ пріумножилось вооруженными ватагами, подоспѣвшими изблизка и издалека, то король, въ сопровожденіи своей семьи и всѣхъ министровъ, переѣхалъ подъ военнымъ прикрытіемъ въ крѣпость Кёнигштейнъ. Такимъ образомъ взволнованная столица совершенно досталась въ руки коноводовъ демократической партіи. Главное распоряженіе дѣлами приняло на себя временное правительство, съ адвокатомъ и депутатомъ сейма Цширнеромъ во главѣ; оно издало прокламацію, что цѣль борьбы — признаніе имперской конституціи, оно извѣстило о своемъ учрежденіи франкфуртское національное собраніе и поставило себя подъ его защиту. Но вскорѣ возстаніе приняло совершенно

иной характеръ; рядомъ съ германскими знаменами появились красныя; кто сначала взялся за оружіе по совѣсти, тѣ сочли теперь нужнымъ сложить его, чтобы не помогать республиканскому и анархическому движенію; грубыя, неистовыя толпы черни, стекавшіяся со всѣхъ сторонъ, болѣе и болѣе придавали мятежу видъ борьбы противъ всякаго порядка, противъ владѣнія и собственности. Въ Лейпцигѣ, гдѣ граждане были также въ пользу имперской конституціи и «до исхода столкновеній между короной и народомъ» также поставили себя подъ защиту центральной власти Германіи, храбрая городская стража (Communalgarde) вступила однакожь съ инсургентами въ побѣдоносный бой, обороняя общественную безопасность. Теперь настало для прусскаго министерства время исполнить свои обѣщанія. Саксонское правительство, будучи не въ состояніи подавить мятежъ собственными силами, обратилось за помощью въ Берлинъ, и уже 6 мая прусскія войска завязали живую перестрѣлку съ дрезденскими баррикадистами. Но побѣда досталась имъ очень не легко. Трои сутки оборонялись мятежники изъ-за крѣпкихъ своихъ позицій; старый оперный театръ и звѣринецъ, съ находившимися въ немъ дорогими произведеніями искусства, были истреблены пламенемъ; неистовство и страсть направляли оружіе. Войска должны были завоевывать въ городѣ шагъ за шагомъ; съ кровель и изъ оконъ домовъ стрѣлки мятежниковъ поддерживали непрерывный ружейный огонь, а баррикады своей удивительной прочностью представляли надежную защиту. Наконецъ храбрость и превосходная боевая опытность прусскихъ войскъ, восторжествовали надъ безпорядочными и дурно предводимыми ватагами народа; когда войска, пользуясь темнотою ночи, 9 мая взяли приступомъ Почтовую площадь и большую баррикаду при входѣ на Старый рынокъ (Altmarkt), сопротивленіе стало мало по малу ослабѣвать. Около 4 часовъ утра вольныя дружины обратились въ бѣгство; трижды повторенный троекратный ударъ колокола съ церкви Св. Креста подалъ знакъ къ отступленію. Въ короткое время улицы были расчищены и городъ находился въ рукахъ военной силы. Осадное положеніе съ военными судами и исключительными законами, учрежденное надъ Дрезденомъ и его окрестностью, облегчило правительству возстановленіе спокойствія и подавленіе демократизма. Тюрьмы наполнились арестантами; нѣкоторые изъ самыхъ виновныхъ, въ томъ числѣ Цширнеръ, спаслись бѣгствомъ; другіе, какъ наприм. Гёйбнеръ, попали въ руки строгаго правосудія.

§ 880. Послѣдняя борьба имперскаго сейма во Франкфуртѣ. Первые темные слухи о саксонскихъ происшествіяхъ застали франкфуртское національное собраніе въ бурномъ совѣщаніи о предложеніи лѣвой стороны, чтобы войска державъ, признающихъ имперскую конституцію, были приведены къ присягѣ на вѣрность этому уставу (7 мая 1849). Имперское министерство рѣшительно противилось этому предложенію, которое должно было породить раздоръ въ германскомъ войскѣ и возбудить сомнѣнія и смуты въ умахъ солдатъ. Вѣсти о вступленіи Пруссаковъ въ Саксонію усилили волненіе въ парламентѣ и поставили министровъ и другихъ защитниковъ мирнаго и законнаго образа дѣйствій въ невыгодное положеніе передъ лѣвой стороной, настаивавшей на болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ. «Вы сами вызвали народъ къ возстанію, говорили демократы, а теперь хотите отнять у него оружіе! — Временное правительство въ Дрезденѣ отдалось подъ защиту національнаго собранія, — такъ защищайте же его!» Событія приперли парламентъ къ такому распутью, откуда дороги расходились въ противоположныя стороны. Что было ему дѣлать? — Употребить свой нравственный вѣсъ въ пользу революціи или въ пользу «непокорныхъ правительствъ»? бросить пламенникъ усобицы между родными, братскими племенами? Гагернъ съ ужасомъ отступилъ отъ такой мысли. Онъ именно сказалъ при этомъ: «И даже еслибъ обнажились мечи, я бросился бы между ними въ послѣднюю минуту.» Когда на это засмѣялись съ лѣвой стороны, онъ гнѣвно воскликнулъ: «такимъ вещамъ смѣются одни мальчишки!»—Произошелъ страшный шумъ, и ораторъ получилъ замѣчаніе со стороны президента Симсона. Эта сцена была началомъ цѣлаго ряда бурныхъ засѣданій, полныхъ страстной горячности и прерываемыхъ шумомъ съ галерей. Въ баварскомъ Палатинатѣ также началось движеніе «для водворенія имперской конституціи». Образовался земскій комитетъ; правительству баварскому отказано въ повиновеніи; устроили народное ополченіе и приняли мѣры отложиться отъ Баваріи. Лѣвая сторона требовала, чтобъ собраніе энергически защищало и отстаивало возстаніе въ Саксоніи и Палатинатѣ, имѣвшія цѣлію водвореніе имперской конституціи и слѣдовательно возстановленіе имперскаго мира противъ «непокорныхъ, отложившихся правительствъ»; «партія Вейденбуша», разорванная и несогласная между собою, попыталась идти среднимъ путемъ заодно съ центральной властью, объявивъ, что намѣрена допустить только законныя и конституціонныя средства для осуществленія имперскаго преобразованія, но съ другой

стороны готова противустать всякому отдѣльному государству, которое захочетъ подавить въ чужой области движеніе, возникшее для этой цѣли, эрцгерцогъ Іоаннъ отказался утвердить эту послѣднюю программу Гагерна. Такимъ образомъ умѣренная партія утратила общее свое знамя и свою послѣднюю опору; разладивъ между собою и не зная, что начать, она не могла сойдтись ни на одной совокупной мѣрѣ. Вотъ отчего въ засѣданіи 10 мая было принято предложеніе депутата Редена, нанесшее собранію смертельный ударъ. Оно заключалось въ слѣдующемъ: 1) Надо противустать всѣми зависящими средствами тому тяжкому нарушенію имперскаго мира, которое дозволило себѣ прусское правительство своимъ незаконнымъ вмѣшательствомъ въ Саксоніи. 2) При соблюденіи общественнаго спокойствія и безопасности должно оборонять отъ всякаго стѣсненія и гнета всѣ тѣ стремленія народа и его представителей, которыя имѣютъ въ виду водвореніе окончательно-утвержденной имперской конституціи. Временную центральную власть слѣдуетъ побудить къ приведенію этихъ рѣшеній въ дѣйствіе. — Національный парламентъ длилъ еще нѣсколько времени свое болѣзненное существованіе. Проектовъ и предложеній появлялась бездна, но всѣ они умирали своей собственной неисполнимостью. Всѣ взоры были обращены на Гагерна, который, при крайнемъ тогда затрудненіи составить новый кабинетъ, все еще временно завѣдывалъ своимъ безвластнымъ дѣстомъ. Многіе прочили его въ диктаторы, съ тѣмъ чтобы онъ принялъ въ свои руки направленіе все разростающагося движенія и удерживалъ его въ законныхъ предѣлахъ; другіе совѣтовали сблизиться съ Австріей и для этого прежде всего передать до времени блюстителю имперіи санъ верховнаго главы Но таинственный эрцгерцогъ тутъ именно и заявилъ свое неуваженіе къ парламенту, призвавъ въ министерство — Гревеля, Детмольда, Іохмуса, какъ на подборъ такихъ людей, которыхъ назначеніе парламентъ почелъ «обидою для народнаго представительства». Поэтому съ нимъ не могло уже быть болѣе никакого общаго дѣла, и тогда-то состоялся планъ устранить эрцгерцога избраніемъ «имперскаго намѣстника» изъ числа государей, вѣрныхъ конституціи. Между тѣмъ рѣшено было отозвать прусскихъ депутатовъ въ національное собраніе, открытое въ Берлинѣ, чѣмъ значительно увеличилось число выбывшихъ членовъ и притомъ безъ заявленія объ ихъ выходѣ. Однакожь вокругъ Гагерна и Дальмана все еще оставалось въ сборѣ крѣпкое ядро «Вейденбушской партіи», раздѣлившееся на фракціи «Нюрнбергскаго подворья»

и «Казино». Эти члены оспоривали у правительствъ право самовластно отнимать у нихъ полномочіе, данное имъ отъ народа. Но они болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что не могутъ удержать прочнаго положенія между двумя враждебными силами, революціей и реакціей, которыя вели теперь кровавую борьбу за господство; поэтому послѣ бурныхъ внутреннихъ столкновеній они рѣшились добровольно отступить. Шестьдесятъ пять достопочтенныхъ личностей, въ томъ числѣ Гагернъ, Симсонъ (еще прежде отказавшійся отъ президентства), Дальманъ, Морицъ Арндтъ и многіе другіе подписали 20 мая объявленіе о своемъ выходѣ изъ собранія и покинули Павловскую церковь, поприще ихъ славной дѣятельности и патріотическихъ стремленій. Въ письменномъ сообщеніи къ избирателямъ они объяснили побудительныя причины своего поступка.

§ 881. Охвостье парламента (Rumpfparlament). Выходомъ Гагерновой партіи лѣвая сторона пріобрѣла еще болѣе простора для своихъ революціонныхъ стремленій. Когда собраніе отвергло предложеніе объ отсрочкѣ засѣданій, изъ него вышли опять двадцать два члена, почти вся партія «Аугсбургскаго подворья». Тогда было постановлено, что для законныхъ опредѣленій достаточно присутствія ста наличныхъ членовъ, вслѣдствіе чего выбыло ихъ еще нѣкоторое число. Воззваніе къ германскому народу, написанное въ самомъ благородномъ духѣ швабскимъ поэтомъ Уландомъ, было послѣднимъ прекраснымъ звукомъ собранія, лебединою пѣснью франкфуртскаго сейма. Но поэтическая неопредѣленность этого манифеста допускала всякій перетолкъ; онъ былъ слишкомъ хорошъ для дурнаго дѣла, и слишкомъ слабъ для того, чтобы очистить его отъ зловредной накипи. Отверженіе предложенной Велькеромъ и другими добавочной статьи, которая выставляла имперскую конституцію крайнею, послѣднею цѣлью всѣхъ усилій и вооружалась противъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства въ германскія дѣла,—отняло послѣднюю тѣнь патріотизма у этого движенія и снова побудило къ выходу значительное число членовъ. Остальные, совершенно подъ властью крайней лѣвой стороны, постановили перейдти въ Штутгартъ, чтобы быть ближе къ центру движенія, и для своихъ революціонныхъ стремленій имѣть опору и вооруженную силу въ демократахъ и анархистахъ юга. Сто съ небольшимъ членовъ, которые 6 іюня снова открыли свои засѣданія въ штутгардской палатѣ депутатовъ, попрежнему назывались еще «учредительнымъ національнымъ собраніемъ Германіи»; но такъ какъ теперь уже и Баварія и другія правительства отозвали отъ него своихъ членовъ, то этотъ «охвостный парламентъ» превращался болѣе и болѣе въ безсильный и безвластный конвентъ, который нѣсколькими неудачными попытками возмущенія въ конецъ уронилъ остатокъ того достоинства, которое еще связывалось съ именемъ національнаго собранья. Назначается «имперское регентство» изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ Равѐ, Фогтъ, Генрихъ Симонъ; возстанія въ Баденѣ и палатинатѣ одобряются и поощряются, а чтобы увлечь въ движеніе сверхъ-того еще весь вюртембергскій край и вырвать власть изъ рукъ правительства, принимается законъ «объ устройствѣ народнаго ополченія» и требуется кредитъ въ пять милліоновъ талеровъ. Послѣ этого, тогдашній первый министръ Рёмеръ, человѣкъ крѣпкій на руку и твердый въ мысляхъ, не могъ долѣе терпѣть революціонныхъ выходокъ. Хотя принадлежа къ лѣвому центру во франкфуртскомъ парламентѣ и будучи друженъ съ нѣкоторыми изъ умѣреннѣйшихъ членовъ, которые, подобно Уланду, не покидали своего поста изъ добросовѣстной послѣдовательности, Рёмеръ для спасенія и блага собственной страны долженъ былъ потребовать отъ охвостнаго парламента и отъ учрежденнаго имъ регентства, чтобъ они водворились гдѣ-нибудь внѣ Вюртемберга. 18 іюня зала собранія была заперта, и депутаты, которые пошли туда толпою, прогнаны силою. Послѣднее стенографическое извѣстіе сообщило свѣту, что они уступаютъ только насилію. Съ тѣхъ поръ нѣкоторые члены парламента появлялись только—то участниками открытаго мятежа, то бѣглецами на республиканской почвѣ, то арестантами или обвиненными передъ уголовнымъ судомъ. Таковъ былъ жалкій исходъ перваго германскаго парламента. Предпринятое имъ дѣло объединенія, надежда и цѣль германскаго народа, сокрушилось о трудности, противуставшія ему внутри и извнѣ, о разность началъ и партейныхъ стремленій, которыя мѣшали быстрому ходу обсужденій, не допуская безпристрастія и взаимнаго довѣрія членовъ другъ къ другу, о крайности и буйство безразсудной, распущенной массы и ея страстныхъ коноводовъ, мѣтившихъ на низпроверженіе всего существующаго и на водвореніе республики, о закоренѣлый партикуляризмъ и взаимную ненависть разныхъ племенъ между собою, о нежеланіе государей и реакціонной партіи принести какія-нибудь жертвы для удовлетворенія даже самыхъ справедливыхъ требованій народа.—Дѣло объединенія осталось правда безуспѣшною попыткою; не смотря на то германская нація всегда съ гордостью и удивленіемъ будетъ смотрѣть на собраніе, столь лучезарное блестящими именами, столь богатое разнообразными талан-

тами, которое столь умѣренно пользовалось своею великою силой въ началѣ движенія и которое въ своемъ огромномъ большинствѣ обнаружило столько мужества, патріотизма, преданности благу народа, такую высокую политическую и нравственную доблесть. Слава и память этого собранія не исчезнутъ въ исторіи точно такъ же, какъ не исчезнутъ въ ней его дѣло и стремленія [1].

V. Подавленіе революціи.

§ 882. Движеніе въ Палатинатѣ. Волненіе, обнаружившееся повсемѣстно вслѣдствіе отринутія Пруссіею имперской конституціи, наполнило республиканцевъ надеждой, путемъ новаго огромнаго возстанія достигнуть того, что̀ не удалось имъ въ прошломъ году. На этотъ разъ, въ отказѣ правительствъ принять имперскую конституцію, они имѣли по крайней мѣрѣ законный предлогъ, которымъ могли удобно прикрывать свои цѣли и привлекать на свою сторону даже менѣе рѣшительныхъ демократовъ. Поэтому движеніе возникло прежде всего въ тѣхъ краяхъ, гдѣ правительства отринули конституцію, въ Вюртембергѣ, въ Саксоніи, въ прусскомъ Прирейньѣ, въ Вестфаліи и въ баваро-рейнскомъ Палатинатѣ. Послѣдняя страна, бывшая уже въ 1832 г. центромъ либеральнаго волненія (§ 833), казалась особенно удобною точкою опоры для республиканскаго возстанія по близости своей къ Франціи и по сильному распространенію въ народѣ либеральныхъ и радикальныхъ мыслей. Поэтому, какъ скоро чрезъ повторенныя сборища волненіе было доведено до того, что можно было приступить къ учрежденію временнаго правительства въ Кайзерслаутернѣ и къ созыву «народнаго ополченія», то со всѣхъ сторонъ стеклись охотники, бѣглые баррикадисты, крамольные демагоги, польскіе выходцы, ремесленные ученики, разные бродяги и шелапаи, гимнасты (Turner) и молодые вертопрахи. Добровольными жертвами и вынужденными сборами коноводы возстанія скоро добыли въ зажиточномъ краѣ необходимыя денежныя средства. Переходъ многихъ солдатъ изъ крѣпостей Ландау и Гермерсгейма еще болѣе обнадежилъ демократовъ. Всѣ узы дисциплины и подчиненности ослабѣли до такой степени, что два полка пѣхоты, занимавшіе Ландау, почти

[1] Начала, положенныя франкфуртскимъ собраніемъ, ожили опять, послѣ кратковременнаго пригнетенія, въ такъ-называемомъ «національномъ обществѣ», въ совершенной перемѣнѣ прусской политики относительно германскаго вопроса и въ общемъ стремленіи къ единству на поприщѣ торговли, промышленности, судопроизводства и т. д.

совершенно разбрелись, солдаты бѣжали въ одиночку и цѣлыми партіями, уложивъ въ дорогу свои ранцы, ружья и сабли, и дошло наконецъ до того, что случалось видѣть офицеровъ стоящими подъ ружьемъ на караулѣ. Центральное правительство напрасно пыталось удержать движеніе въ предѣлахъ законности, пославъ на мѣсто имперскимъ комиссаромъ Эйзенштука, одного изъ членовъ лѣвой стороны. Эйзенштукъ дѣйствовалъ такъ рѣшительно въ смыслѣ своей партіи, что франкфуртское министерство вынуждено было отозвать его за нарушеніе своихъ инструкцій. Онъ, между прочимъ, распорядился удаленіемъ прусскихъ войскъ, вступившихъ изъ Майнца въ Палатинатъ по предписанію имперскаго правительства, и тѣмъ самымъ, при недостаточности баварской военной силы, предалъ все дѣло въ руки временнаго правительства и вольныхъ отрядовъ.

§ 883. Революціонное возстаніе въ Баденѣ. а) Взглядъ на предшествовавшія событія. Въ то время какъ вся Германія смотрѣла съ напряженнымъ ожиданіемъ на исходъ этого движенья, почти не встрѣчавшаго препятствій, а число стекавшихся отовсюду охотниковъ и демократическихъ коноводовъ возрастало съ каждымъ днемъ, въ смежномъ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, глубоко подкопанномъ крамолой, приготовлялось такое возстаніе, которое своими размѣрами и важностью далеко превзошло всѣ подобныя явленія и текущаго и предшествовавшаго годовъ. Демократы не могли на своемъ красномъ знаменѣ выставить здѣсь девизомъ водвореніе имперской конституціи; Баденъ, руководимый либеральнымъ правительствомъ, одинъ изъ первыхъ призналъ франкфуртскій уставъ; онъ первый изъ всѣхъ странъ съ готовностью подалъ руку на объединеніе Германіи, вовсе не противился подчинить себя германской имперской власти и уже принялъ мѣры для введенія конституціи и дачи въ томъ присяги. Но окруженный съ юга и запада двумя демократическими республиками, Баденъ представлялъ такую удобную почву, что подвижники революціи не могли оставить его въ сторонѣ. Поэтому, чтобъ соблюсти тѣнь приличія и не слишкомъ оскорбить сознаніе народа, хотя и сбитаго съ толку въ своихъ понятіяхъ, однакожь не совсѣмъ лишеннаго чувства права, здѣсь потребовалось развить систему лжи въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Многія обстоятельства способствовали къ тому, чтобъ вызвать такое обширное возстаніе. Благодаря своей свободной конституціи, Баденъ былъ съ давнихъ поръ главнымъ гнѣздомъ либерализма и палатской оппозиціи, а потому въ немъ было много популярныхъ ораторовъ, политическихъ

зажигъ и смѣлыхъ журналистовъ, которые въ своей борьбѣ за прогрессъ и народное просвѣщеніе не всегда соблюдали должную мѣру и свои нападки на весь государственный бытъ Германіи прежде всего обращали къ собственному правительству, которое дѣйствительно, въ прежніе года, часто раздражало противную партію терпкостію своихъ формъ, безусловностію своихъ отказовъ, вліяніемъ на палатскіе выборы и неблаговоленіемъ къ либеральнымъ чиновникамъ [1]. Такимъ образомъ между народомъ и правительствомъ водворился разладъ, на который 1848 г. разбросалъ свое ядовитое сѣмя. Февральская революція Французовъ нашла въ Баденѣ удобную почву для соблазнительныхъ ученій своей пропаганды, и многократныя попытки поднять здѣсь знамя мятежа для всей Германіи поддерживали народъ въ постоянномъ волненьи. Во первыхъ сильное броженіе въ низшихъ классахъ породила вѣсть, что «поэтъ» Гервегъ, во главѣ нѣмецкихъ рабочихъ, которые бились на парижскихъ баррикадахъ, переходитъ Рейнъ для завоеванія республиканской вольности; потомъ Фридрихъ Гекеръ, въ избѣжаніе участисвоего друга Фиклера, арестованнаго депутатомъ Мати за умыслъ государственной измѣны (8 апр. 1849), издалъ воззваніе къ храбрымъ крестьянамъ Оберланда, приглашая ихъ вооружиться и выступить на священную брань за свободу (въ половинѣ апрѣля). Популярная личность, въ одеждѣ Ринальдини, Гекеръ вихремъ дикаго одушевленія увлекъ за собой отважную молодежь, и дѣйствовалъ на возбужденную фантазію народа съ непреодолимою романтическою силой. Подавленіе этого мятежа (§ 851) и жалкое поведеніе ратоборцевъ свободы передъ союзными войсками нисколько не умалило его славы. Привязанность народа сопровождала его, когда онъ бѣжалъ въ Швейцарію и потомъ путешествовалъ по Америкѣ. Извѣстная «Гекерова пѣсня» (на голосъ: «Schleswig-Holstein Meerumschlungen») осталась съ тѣхъ поръ марсельезою нѣмецкихъ республиканцевъ. Въ теченіе лѣта волненіе въ Баденѣ нисколько не уменьшалось; на глазахъ правительства, которому конечно хотѣлось положить предѣлъ вольницѣ, но у котораго не было на это силы, почва государственности и права была совершенно взрыта шумными народными сходками, политическими клубами, необузданною, попирающею всѣ законы печатью, и на этой-то разрых-

[1] Баденъ былъ очевидно жертвою несовмѣстности своей либеральной конституціи съ тою мрачно-полицейскою системой, которая держала всю остальную Германію въ клещахъ недочерчиваго гнета и притѣсненія.

ленной почвѣ сѣялись сѣмяна новыхъ мятежей. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ Густавъ Штруве, прежде адвокатъ и журналистъ въ Маннгеймѣ, отважился вторгнуться въ Баденъ изъ Швейцаріи. Но, чуждый народу по рожденію и воспитанью, онъ нашелъ у него мало сочувствія своему политическому фанатизму въ духѣ Марата, сколько ни старался своими соціалистскими ученіями возбудить алчныя страсти пролетаріевъ. Арестованный и выданный самими же поселянами, онъ былъ посаженъ въ Раштаттскіе казематы и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока майскій переворотъ возвратилъ ему свободу (20 мая). Его процессъ передъ фрейбургскимъ судомъ присяжныхъ обличилъ страшную путаницу понятій, порожденную въ народѣ лжемудрыми рѣчами и нелѣпыми газетными статейками.

§ 884. б) Майскіе и іюньскіе дни 1849 г. — Раштаттъ и Оффенбургъ. При такихъ обстоятельствахъ не трудно было въ маѣ 1849 г. снова увлечь въ движеніе этотъ край, разшатанный на всемъ его пространствѣ. Демократы дѣйствовали въ пользу своихъ замысловъ чрезъ многочисленные «народные клубы», въ главѣ которыхъ стоялъ адвокатъ Брентано и которымъ слабымъ противовѣсіемъ служили существовавшіе въ нѣкоторыхъ городахъ «патріотическіе клубы» консерваторовъ. Все грознѣе требовали они распущенія палатъ и созыва учредительнаго сейма, и получивъ отказъ въ этомъ требованіи, постепенно принудили всѣхъ своихъ единомышленниковъ выйдти изъ второй палаты, чтобы отнять у ней возможность законныхъ постановленій, и открыли въ радикальныхъ газетахъ горячую полемику противъ перваго министра, Баптиста Бекка. Однакожь убѣдясь, что не достигнутъ своей цѣли, пока войско останется въ послушаніи, они устроили систему самаго безсовѣстнаго соблазна, чтобы увлечь солдатъ къ непокорности противъ офицеровъ. Надо сказать, что при этомъ помогли имъ и обстоятельства. Въ силу постановленія франкфуртскаго парламента пришлось увеличить военную силу отдѣльныхъ государствъ. Поэтому было вновь призвано на службу много молодыхъ людей, которые уже всосали въ себя республиканскія начала, изъ которыхъ немалое число дѣлало походъ съ Гекеромъ въ качествѣ волонтеровъ и которые прониклись заманчивымъ ученіемъ, что въ борьбѣ надобно стоять за «народъ». Уже и безъ того недовольные призывомъ къ обязательной службѣ, они легко поддались соблазну. Они же видѣли, какому позору подвергались дома отпускные солдаты, которые нѣкогда дрались противъ Гекеровыхъ дружинъ. Не менѣе обиленъ послѣдстві-

ями былъ законъ о всеобщей воинской повинности и объ устраненіи заступной службы, которое лишило унтеръ-офицеровъ возможности пріумножать свой доходъ службой за другихъ. Предположенное повышеніе окладовъ не было еще приведено въ исполненіе. Всѣ эти причины, въ связи съ жалобами на грубое обхожденіе со стороны многихъ офицеровъ, въ связи съ угощеніемъ даровымъ пивомъ, съ заманчивыми посулами и видами на скорое производство и т. д., поколебали вѣрность баденской арміи и породили у ней духъ противленія, который перешелъ наконецъ въ явный бунтъ. Послѣ нѣсколькихъ тревожныхъ сценъ опаснаго свойства, 11 мая вспыхнуло въ Раштаттѣ страшное солдатское возстаніе. Военный министръ Гофманъ поспѣшилъ въ крѣпость съ отрядомъ вѣрныхъ войскъ для возстановленія порядка,—но напрасно. Окруженный грозными толпами неистовыхъ солдатъ, которые переранили уже многихъ офицеровъ, вечеромъ онъ всѣми неправдами бѣжалъ изъ города съ большою частью офицеровъ и оставилъ крѣпость въ рукахъ бунтовщиковъ. Подобныя сцены произошли въ тотъ же самый день въ Лёррахѣ.—13 мая назначена была большая народная сходка въ Оффенбургѣ. Наканунѣ депутаты всѣхъ народныхъ клубовъ собрались для предварительнаго совѣщанія и, въ гордомъ сознаніи побѣды, только что предоставившей союзную крѣпость Раштаттъ въ ихъ полное распоряженіе, выставили цѣлый рядъ требованій и отправили къ министерству депутацію съ просьбой о немедленномъ ихъ удовлетвореніи. Хотѣли распущенія палатъ, созыва учредительнаго земскаго сейма, основаннаго на поголовномъ избирательствѣ, удаленія министерства Бекка и наконецъ всеобщей амнистіи. Правительство дало на это уклончивый отвѣтъ и обратилось во Франкфуртъ съ просьбою скорѣе прислать имперскія войска. Но между тѣмъ, какъ отсюда пришла вѣсть, что у центральной власти нѣтъ въ эту минуту никакихъ войскъ въ распоряженіи, оффенбургская народная сходка, въ которой участвовали и депутаты раштаттскаго гарнизона, приняла такой бурный характеръ, что не только присутствовавшій тутъ коммиссаромъ центральнаго правительства, Равѐ, отвернулся отъ этихъ неистовыхъ шаекъ съ негодованіемъ, но даже Фиклеръ, только что освобожденный изъ подъ ареста по судебному приговору, и старшина народныхъ клубовъ Брентано держали себя поодаль и только совѣтывали имъ быть умѣреннѣе. Но можно ли было ожидать умѣренности отъ подобной сходки! «Земскій конгресъ» въ Оффенбургѣ объявилъ «революцію непрерывною», постановилъ «немедленное слитіе постояннаго войска съ народнымъ

ополченіемъ подъ самоизбраннымъ начальствомъ» и учредилъ «земскій комитетъ», который долженъ былъ всѣми зависящими отъ него средствами стараться о водвореніи имперской конституціи, «въ томъ видѣ, какъ состоялась она теперь, по устраненіи событіями всякаго вопроса о верховномъ державцѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлены были мѣры для совершеннаго переустройства всей административной части, податная система была измѣнена и предположены нѣкоторыя соціалистскія учрежденія для облегченія ремесленнаго сословія и для вспоможенія «неспособнымъ къ труду гражданамъ» посредствомъ большаго «земско-пенсіоннаго капитала».

§ 885. Карльсруэ. Революціонный вихрь вскорѣ разнесся по всему краю. Въ то же воскресенье вечеромъ двѣ роты солдатъ воротились въ пьяномъ и неистовомъ видѣ изъ Брухзаля въ Карльсруэ и распространили мятежъ въ столичномъ городѣ. Внутренность казармы была совсѣмъ разорена, жилище одного нелюбимаго полковника предано опустошенію, одинъ драгунскій ротмистръ, который хотѣлъ съ своими людьми возстановить порядокъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ унтеръ офицеромъ и рядовымъ. Съ гиканьемъ и стрѣльбой разсыпались буйные солдаты среди ночи по городскимъ улицамъ вмѣстѣ съ подоспѣвшими къ нимъ на помощь толпами волонтеровъ, и пытались взять приступомъ арсеналъ, мужественно обороняемый отрядомъ гражданскаго ополченія. Все пришло въ страшное волненіе отъ ярости и буйства; стрѣльба, крики, шумъ и гвалтъ превратили тихую майскую ночь въ ужаснѣйшую сумятицу, навели на всѣхъ невольный страхъ и наполнили всѣ сердца тревожнымъ ожиданіемъ. Офицеры, покинутые и угрожаемые своими собственными солдатами, искали спасенія въ быстромъ бѣгствѣ; мужественный принцъ Фридрихъ подвергалъ жизнь свою опасности. Среди сценъ неистоваго мятежа великій герцогъ съ семействомъ покинулъ свой замокъ и, пользуясь темнотою ночи, подъ прикрытіемъ отряда драгунъ и нѣсколькихъ артиллеристовъ, удалился сперва въ крѣпость Гермерсгеймъ, а потомъ въ Альзасскій городокъ Лаутербургъ. На другой день (14 мая) послѣдовали за нимъ и государственные министры. Власть находилась теперь въ рукахъ «земскаго комитета», который изъ Оффенбурга перешелъ въ Раштаттъ, и городовой совѣтъ Карльсруэ, чтобъ избавить гражданъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій, отправилъ къ нему депутацію съ объявленіемъ, «что городъ Карльсруэ не воспротивится комитету, если онъ изберетъ его своимъ мѣстопребываніемъ, лишь бы только новая власть взяла на себя охранять городъ».

Подъ звуки музыки и въ сопровожденіи военной силы, вечеромъ 14 мая земскій комитетъ вступилъ въ столицу Бадена, и глава временнаго правительства, Брентано, далъ съ балкона ратуши торжественное завѣреніе, что земскій комитетъ ограничитъ свою дѣятельность охраною общественной безопасности и водвореніемъ имперской конституціи. Штруве, освобожденный изъ-подъ стражи подобно многимъ другимъ такъ называемымъ политическимъ «мученикамъ», также вступилъ въ земскій комитетъ. Утромъ въ воскресенье карльсруйскій гарнизонъ присягнулъ на вѣрность конституціи, а вечеромъ онъ дрался въ рядахъ бунтовщиковъ! Не смотря на то большинство было и теперь того мнѣнія, что дѣло идетъ лишь о водвореніи единства и свободы Германіи,—увѣренность, которую радикальные коноводы не отважились искоренить явнымъ провозглашеніемъ республики. Драгуны подъ начальствомъ полковника Гинкельдея, сопровождавшіе великаго герцога въ Гермерсгеймъ, и при которыхъ находился также военный министръ Гофманъ со многими офицерами, не бывъ допущены въ крѣпость, хотѣли съ своими пушками идти къ Франкфурту, но были удержаны отъ того собравшимися со всѣхъ сторонъ вольными отрядами, гимнастами и гражданскими ополченцами, и, преслѣдуемые по пятамъ, должны были перейдти черезъ горы къ Вюртембергской границѣ, гдѣ уже на чужой землѣ враги застигли ихъ врасплохъ, изнеможенныхъ отъ усталости, и частію разогнали, частію захватили въ плѣнъ. Солдаты, покинутые почти всѣмъ своимъ начальствомъ, составили ядро «народнаго ополченія», которое новое правительство организовало теперь общимъ вызовомъ на службу всей годной подъ ружье молодежи отъ 18 до 30 лѣтъ. Многочисленныя вольныя дружины, стекавшіяся со всѣхъ концовъ, увеличили собой число ратниковъ. Оружіе и военные снаряды доставили арсеналы и запасные магазины велико-герцогской казны. Въ короткое время въ Баденѣ соединились всѣ силы революціи.

§ 886. Переломъ. Побѣда радикаловъ въ Баденѣ могла доставить торжество республиканскому дѣлу только въ томъ случаѣ, еслибъ удалось увлечь въ водоворотъ движенія и сосѣднія государства. Поэтому немедленно заключенъ былъ братскій союзъ съ Палатинатомъ, а Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау и Вюртембергъ приведены въ броженіе посредствомъ демократическихъ зажигъ. Народная сходка въ Лауденбахѣ, по горной дорогѣ, на рубежѣ обоихъ великихъ герцогствъ, должна была положить начало перенесенію революціонной смуты въ Гессенъ; но гнусное убійство одного почтеннаго должностнаго лица,

изъ Дармштадта, которое хотѣло удержать собраніе въ предѣлахъ законности, до того возмутило нравственное и человѣческое чувство присутствующихъ, что жители, и особенно военный народъ, съ негодованіемъ отвернулись отъ дѣла, проводимаго такими средствами; и сколько гимнасты и вольнодружинники ни распинались въ пользу краснаго знамени въ Вормсѣ и Майнцѣ, гдѣ еще старыя воспоминанія девяностыхъ годовъ служили основой для происковъ какого-нибудь Ціца и товарищей, однакожь во всемъ Штаркенбургскомъ округѣ республиканское движеніе не нашло себѣ удобной почвы. Когда баденскія войска подошли къ гессенской границѣ и хотѣли съ музыкой вступить въ сосѣдній край, чтобы и здѣсь заключить союзъ народнаго братства, Гессенцы встрѣтили ихъ картечью, и это озадачило мятежниковъ до того, что они въ безпорядочномъ бѣгствѣ быстро отступили на Гейдельбергъ. То была критическая минута: солдаты, не довѣряя своимъ новымъ, ими же избраннымъ офицерамъ, которые дѣйствительно оказались неспособными, стали призадумываться насчетъ того, полно правду ли говорили имъ соблазнители. Первое обаяніе прошло, и у многихъ теперь явились раскаяніе и забота. Радикаламъ-начальникамъ удалось подавить это малодушіе солдатъ и задорными рѣчами возбудить ихъ къ мести противъ «ослѣпленныхъ Гессенцевъ»; но ихъ собственныя блестящія надежды стали исчезать, когда они увидѣли, что революція не смогла переступить границу у Геппенгейма и Гемсбаха. Сколько ни старались они обманывать легковѣрныхъ и несвѣдущихъ ложными слухами о близкихъ и дальнихъ побѣдахъ народа, о мятежахъ и отпаденіяхъ военныхъ силъ, о приближеніи французской помощи, ободряя ихъ такимъ образомъ стоять на своемъ; мятежъ не удалось перенесть за гессенскую границу, и прекрасныя нивы по горной дорогѣ отъ Геппенгейма въ Вейнгеймъ напрасно упитывались германской кровью въ безполезной борьбѣ.—Болѣе удобную почву для революціи представлялъ повидимому Вюртембергъ. Такъ же подкопанный крамолой, какъ и Баденъ, этотъ край до того былъ взволнованъ усиліями необузданной печати, демократическими клубами и народными сходками, осуществленіемъ безграничнаго права выборовъ, цѣлыми тучами адресовъ и прошеній по государственнымъ дѣламъ, что правительство мало по малу утратило всякую власть и значеніе, радикалы рѣшали все по своему и въ палатѣ и среди народа, а войско становилось очевидно ненадежнымъ. Когда Фиклеръ и другіе поджигатели явились сюда изъ Бадена, чтобы склонить Швабовъ къ братскому союзу, когда наконецъ лѣвая сторона франкфуртскаго собра-

нія переселилась въ Штутгартъ въ видѣ «охвостнаго парламента», чтобы опереться на революціонную силу, когда въ камерѣ предложили союзъ съ Баденомъ и Палатинатомъ, — тогда, повидимому, пришлось и Вюртембергу плыть по теченію, и всѣ взоры обратились на страну, гдѣ должна была рѣшиться грозная борьба консервативной власти съ революціей, гдѣ народное сборище, созванное къ Духову дню въ Рейтлингенъ, грозило разъиграть роль Оффенбургской сходки. То были тяжкіе дни, полные заботъ и боязныхъ ожиданій. Въ то же время въ нѣкоторыхъ прусскихъ городахъ обмундированіе «ландвера» встрѣтило рѣшительное сопротивленье; въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ устроили баррикады; въ Нассау господствовало грозное раздраженіе; повсемѣстно демократы, въ интересѣ своего «дѣла», тревожили каждую минуту правительства, полицію и военную силу, не давая имъ вздохнуть. Тогда южную Германію спасъ отъ переворота энергическій Рёмеръ, популярный человѣкъ, дѣйствовавшій съ чисто-швабской безоколичностью. «Охвостный парламентъ» былъ выгнанъ изъ Штутгарта, Фиклеръ арестованъ и заключенъ въ Асбергѣ [1], происками чужихъ и домашнихъ демагоговъ положенъ рѣшительный конецъ. И сколько радикалы ни кляли и не позорили Рёмера, его имя было для народа достаточной порукой въ томъ, что тутъ не можетъ быть рѣчи о реакціи, подавляющей законную свободу; сильный довѣріемъ народа, противусталъ онъ энергически бурнымъ волнамъ мятежа. Не исполнились также надежды на іюньское возстаніе въ Парижѣ, которое въ Баденѣ выставляли уже полною побѣдою «красной республики» и которымъ пользовались для того, чтобъ усилить волненіе и жажду боя. Такимъ образомъ революція на юго-западѣ ограничилась однимъ Прирейньемъ, и пока здѣсь безуспѣшно суетились и хлопотали о томъ, чтобъ придать какую нибудь прочную форму общей вольницѣ и распущеннымъ стихіямъ, при чемъ революція извелась своими собственными крайностями, сѣверная Германія быстро пришла въ порядокъ, когда Прусскій король въ воззваніи, внушавшемъ довѣріе, обѣщалъ утолить жажду германскаго единства учрежденіемъ союзнаго государства съ народнымъ представительствомъ, и когда оглашенный вскорѣ «союзъ трехъ королей» удовлетворилъ повидимому въ надлежащей мѣрѣ желаніямъ и требованіямъ патріотовъ.

§ 887. Окончательный исходъ. При разобщеніи революціоннаго движенія, ограниченнаго небольшимъ пространствомъ, и не встрѣчая въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ ни какого сопротивленія, баденскіе радикалы не могли воспользоваться, какъ слѣдуетъ, своимъ торжествомъ. Они созвали учредительный земскій сеймъ, который, состоя изъ выборныхъ демократическаго меньшинства, былъ только призракомъ временнаго правительства; это сборище радикальныхъ «крикуновъ» представляло жалкій образецъ политическихъ способностей передовой партіи; воплощеная духовная немощь, этотъ учредительный сеймъ въ Карльсруэ явился настоящею сатирой на конституціонный порядокъ; одинаковую неспособность обнаружили «гражданскіе коммиссары» въ окружныхъ городахъ и начальники военной силы и «народнаго ополченія». Правда, здѣсь образовалась партія ускореннаго прогресса, признававшая главою соціалиста-демократа Штруве; эта партія, съ помощью республиканско-швейцарскаго легіона, намѣревалась провозгласить красную республику и осуществить соціалистическія грезы; но Брентано, трезвый человѣкъ, при твердыхъ республиканскихъ началахъ не поддававшійся головокруженію, помѣшалъ исполнить этотъ опасный планъ, который, въ рукахъ иностранныхъ прошлецовъ, нанесъ бы краю неисчислимыя бѣдствія. — Великій герцогъ отправился между тѣмъ въ Эренбрейтштейнъ, а оттуда во Франкфуртъ, и прибѣгъ за помощью къ центральной власти, а когда у ней въ распоряженіи не оказалось достаточнаго числа войскъ, то онъ обратился къ Пруссіи. Послѣдняя согласилась пособить, но съ условіемъ, чтобъ Баденъ приступилъ къ «трехкоролевскому союзу»; для этого великій герцогъ уволилъ прежнее министерство и совершенно примкнулъ къ Пруссіи. А когда и баварскій кабинетъ, въ главѣ котораго сталъ бывшій профессоръ и саксонскій министръ фонъ-деръ Фордтенъ, не смотря на свою оппозицію «трехкоролевскому союзу», ходатайствовалъ о вступленіи прусскихъ войскъ въ Палатинатъ, то на революціонированный край положено было произвесть совокупное нападеніе. Въ то время какъ гессенскія и мекленбургскія союзныя войска заняли горную дорогу на Вейнгеймъ, а солдаты и народное ополченіе мятежниковъ, подъ начальствомъ неспособныхъ вождей, дѣлали безъ плана и цѣли совсѣмъ напрасные переходы, прусскія силы, состоявшія изъ ландвера и линейныхъ войскъ, подъ руководствомъ опытныхъ генераловъ и офицеровъ и подъ общимъ распоряженіемъ принца Прусскаго, двинулись на югъ. Тогда главы временнаго правительства въ Баденѣ и Палатинатѣ призвали къ себѣ Поляка Мѣрославскаго и поручили ему главное начальство надъ всѣми силами мятежниковъ. Мѣрославскій внесъ болѣе плана и порядка

[1] Старая крѣпость, служащая государственной тюрьмой.

въ ихъ военныя предпріятія и снова внушилъ солдатамъ довѣріе и мужество, однакожь въ окончательномъ итогѣ былъ такъ же несчастливъ въ Баденѣ, какъ прежде въ Познани и Сициліи. Около половины іюня часть прусскихъ войскъ вступила въ баварскій Палатинатъ, гдѣ инсургенты долго истощались въ усиліяхъ завладѣть крѣпостью Ландау, оставленною безъ гарнизона; Пруссаки прошли весь этотъ край, почти совсѣмъ не прибѣгая къ оружію. Мятежники, предводимые Поляками и другими иностранными прошлецами, тотчасъ же направились въ Баденъ, чтобы совокупною силой дать непріятелю самый энергическій отпоръ. Занявъ палатинатъ, Пруссаки перешли Рейнъ у Филипсбурга, между тѣмъ какъ другой корпусъ двигался впередъ по горной дорогѣ, а имперскія войска, перешагнувъ Некаръ потянулись къ вюртембергской границѣ. Тѣснимые такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, инсургенты, послѣ неудачнаго боя подъ Вагхёйзелемъ (15 іюня), должны были повернуть на югъ, чтобъ защищаться въ Раштаттскихъ укрѣпленіяхъ. Вскорѣ весь край до Боденскаго озера и до швейцарской границы находился въ рукахъ Пруссаковъ и имперскихъ войскъ; разсѣянные солдаты и молодежь перваго призыва разошлись большею частію по домамъ, а вольнодружинники и еще уцѣлѣвшіе линейные отряды бѣжали вмѣстѣ съ начальниками въ Швейцарію. Раштаттъ продержался нѣсколько недѣль среди стычекъ и вылазокъ. Но когда наступилъ недостатокъ въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ, обложенный городъ вынужденъ былъ сдаться на волю побѣдителя. Такъ усмирено было возстаніе въ Баденѣ. Великій герцогъ воротился въ свои владѣнія, старый порядокъ былъ возстановленъ по прежнему, и законамъ доставленъ новый вѣсъ строгимъ наказаніемъ виновныхъ. Но въ то время какъ казематы и тюрьмы наполнились множествомъ арестантовъ, а нѣкоторые начальники вольныхъ дружинъ и коноводы демократовъ (въ томъ числѣ членъ парламента фонъ-Трюцшлеръ) были приговорены къ разстрѣлянію военными судами въ Маннгеймѣ и Раштаттѣ, главные зачинщики всѣхъ этихъ бѣдъ успѣли спастись бѣгствомъ въ Швейцарію или въ Америку. Гекеръ, вызванный временнымъ правительствомъ изъ-за океана, прибывъ во Францію узналъ, что переворотъ уже подавленъ. Имя его конечно придало бы возстанію новую силу. Теперь раздраженному демократу не оставалось ничего болѣе, какъ еще разъ бѣжать за океанъ. Поэтъ Готфридъ Кинкель, ревностно содѣйствовавшій республиканскому мятежу и словомъ и дѣломъ, былъ освобожденъ отъ произнесеннаго ему смертнаго приговора и отправленъ въ прусское смирительное заведеніе, но спасся оттуда въ слѣдующемъ году и благополучно бѣжалъ въ Англію. — До полнаго преобразованія туземной арміи Баденское великое герцогство, объявленное на военномъ положеніи, было занято прусскими войсками. Событія эти прозвели такое потрясающее впечатлѣніе на преданнаго народу великаго герцога Леопольда, что онъ вскорѣ потомъ занемогъ и, послѣ невыразимыхъ страданій, 24 апрѣля 1852 г. сошелъ въ могилу.

§ 888. Возстаніе и паденіе Венгріи. (Сравни §§ 807, 849). Борьба народностей. Бурный 1848 г. поколебалъ въ Венгріи древне сословную, феодально-монархическую конституцію минувшихъ вѣковъ. Путемъ быстрыхъ совѣщаній сеймъ пришелъ къ отмѣнѣ всѣхъ крестьянскихъ повинностей и поборовъ безъ вознагражденія, распространилъ податную обязанность на лица всѣхъ безъ различія сословій, установилъ свободу печати, гласность и устность судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ, а либеральный избирательный законъ утвердилъ на демократическомъ основаніи. Австрійское правительство, тѣснимое со всѣхъ сторонъ, не только согласилось на всѣ эти нововведенія, но еще и другими важными уступками старалось удержать въ спокойствіи венгерскій народъ, искони неохотно покорявшійся системѣ австрійской администраціи. Однакожь строго-мадьярская партія, полная національной гордости и самомнѣнія, думала, что насталъ наконецъ удобный часъ возстановить Венгерское королевство въ его величіи и независимости, и поэтому настаивала на ослабленіи связей, соединявшихъ его съ Австрійскою монархіей, и на пріобрѣтеніи такихъ правъ и учрежденій, которыя преобразили бы Венгрію въ самобытное государство, связанное только «личностію монарха» съ другими составными частями имперіи. Подъ гнетомъ тогдашнихъ обстоятельствъ, вѣнское правительство подалось на нѣкоторыя уступки и въ этомъ смыслѣ, стараясь лишь сохранить прежнія отношенія во всемъ остальномъ. Оно согласилось, чтобъ ближайшее завѣдываніе дѣлами перешло въ руки либеральнаго министерства, въ которомъ предсѣдательствовалъ энергическій патріотъ, графъ Людовикъ Батьяньи, а вліятельнѣйшимъ членомъ былъ адвокатъ Людовикъ Кошутъ, ратовавшій и словомъ и перомъ за свободу Венгріи; но ни дворъ, ни императорское правительство не хотѣли допустить обособленія Венгріи по финансовымъ и военнымъ дѣламъ. Они требовали по крайней мѣрѣ, чтобъ Мадьяры приняли на себя часть государственнаго долга и обязались соразмѣрнымъ взносомъ на покрытіе

общихъ государственныхъ расходовъ. Австрійцы нашли при этомъ неожиданнаго союзника въ южно-славянскихъ племенахъ, Кроатахъ, Словакахъ и Граничарахъ, которые до сихъ поръ бывъ соединены съ Мадьярами въ одно Венгерское королевство и имѣя депутатовъ на венгерскомъ сеймѣ, увлеченные теперь панславистскимъ стремленіемъ (§ 807) и оскорбленные въ своемъ народномъ чувствѣ пристрастіемъ Мадьяровъ къ своему собственному языку и племени, требовали отдѣленія отъ Венгріи и самостоятельнаго политическаго устройства подъ вѣдѣніемъ общаго министерства имперіи. Подобныя же требованія заявлены были и отъ прочихъ племенъ въ Трансильваніи и другихъ мѣстностяхъ, такъ что Венгерское королевство вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться самостоятельнымъ, свободнымъ и сильнымъ, подвергалось опасности полнаго распаденія, съ утратою всѣхъ присоединенныхъ къ нему не-мадьярскихъ стихій. «Равноправность различныхъ народностей» стала теперь лозунгомъ всѣхъ племенъ, отъ Карпатовъ до Савы и Дуная. Гордость и заносчивость Мадьяровъ, замѣнившихъ употребительный дотолѣ на сеймѣ и въ начальственныхъ распоряженіяхъ латинскій языкъ своимъ народнымъ и старавшіеся повсемѣстно распространить свои національныя учрежденія въ ущербъ стародавнимъ туземнымъ, посѣяли сѣмена племенной вражды, и хотя венгерскій сеймъ наконецъ допустилъ въ пользу Кроатовъ изъятіе изъ того закона, по которому оффиціальнымъ въ Венгерскомъ королевствѣ считался одинъ мадьярскій языкъ, однакожь народная ненависть пустила уже такіе корни, что среди общаго раздраженія не могли не разъиграться національные порывы. Кроатская и венгерская депутаціи въ одно и то же время приступали къ императорскому правительству въ Вѣнѣ съ настойчивыми требованіями (въ мартѣ 1848), ища одна, соединенія трехъ королевствъ, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи и Военной границы въ одно особое государство, независимое отъ венгерскаго министерства и сейма, а другая — желая поддержки прежняго союза и цѣлости Венгерскаго королевства. Австрійское правительство старалось воспользоваться этою племенною ненавистью для ослабленія своихъ противниковъ и потому соблюдало нерѣшительное положеніе. Просьбу Кроатовъ удовлетворили въ томъ отношеніи, что баномъ ихъ назначили врага Мадьяръ Еллачича, человѣка, угоднаго двору, а Венгровъ старались ублажать обѣщаніями и уступками. Когда стремленіе славянскихъ стихій къ независимости банъ довелъ до явнаго возстанія противъ Венгровъ, то явился императорскій манифестъ,

не одобрявшій такого образа дѣйствій и даже объявившій бану увольненіе; однакожь, удостовѣрясь въ его преданности посредствомъ личныхъ переговоровъ, дворъ оставилъ его на этомъ важномъ постѣ. Въ надеждѣ на высокое покровительство, Еллачичь продолжалъ стараться изо всѣхъ силъ объ отдѣленіи южно славянскихъ областей отъ Венгріи. Газетными статьями, рѣчами и прокламаціями разжигали болѣе и болѣе народную вражду противъ Мадьяръ и выставляли непокорность Венграмъ въ видѣ священной борьбы за свободу, религію и національную независимость. Послѣднее совѣщаніе между Еллачичемъ и Батьяньи, происходившее въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ, не повело къ соглашенію. Вопросъ о томъ, оставаться ли обновленной Венгріи въ прежнемъ ея объемѣ, или превратиться въ маленькое мадьярское королевство, приходилось рѣшить мечемъ.

§ 889. **Еллачичь.** Началась кровопролитная народная война въ юго-восточной Венгріи. Древняя Сирмія, съ ея «римскими окопами», эта болотистая страна, перерѣзанная рвами и насыпями и часто игравшая значительную роль въ венгерской военной исторіи, населена суровыми воинственными племенами преимущественно славянскаго корня,—Сербами, Иллирами, Чайкистами, Райцами и т. д., которыя, въ связи съ Банатомъ и нѣкоторыми сопредѣльными мѣстностями, хотѣли составить славянское воеводство, независимое отъ Венгріи. Подстрекаемыя зажигами и духовными фанатиками, отказали они въ повиновеніи венгерскимъ властямъ и предприняли опустошительные набѣги въ сосѣдніе комитаты. Началось, въ понедѣльникъ на Святой, возстаніемъ въ маленькомъ городкѣ Кикиндѣ, которое сопровождалось страшными сценами ужаса, убійства и грабежа. Получивъ подмогу со стороны и не встрѣчая отъ безоружныхъ еще Венгровъ довольно энергическаго сопротивленія, мятежники скоро одержали значительные успѣхи. Привыкшіе къ войнѣ и грабежу дикіе Граничары и Сербы наполнили кровью и опустошеніемъ весь край по теченію Тиссы и Дуная. Города Нейзацъ (Уйвидекъ, Новый Садъ), Карловицъ Панчова, Вейскирхенъ (Фейертемпломъ) и другія мѣстности были позорищемъ величайшихъ злодѣяній, буйствъ и грабежей. Цѣлые мѣсяцы шла эта опустошительная племенная борьба безъ всякаго военнаго плана и безъ правильныхъ сраженій; страсти раздражались національною враждой и неутомимой жаждой мщенія; возстаніе Чеховъ въ Прагѣ и броженіе всѣхъ славянскихъ племенъ имперіи еще усиливали ярость суровыхъ Граничаръ. Только въ августѣ (1848) удалось венгерскимъ

войскамъ разбить мятежниковъ въ жаркой битвѣ у окоповъ св. Ѳомы и въ городѣ Вейскирхенѣ и подавить наконецъ сербское возстаніе. — Тѣмъ временемъ волненіе Кроатовъ и Словаковъ противъ «азіатской орды», которой игу они не хотѣли долѣе подчиняться, дошло уже до такой степени, что война стала неизбѣжна. Поэтому, въ согласіи съ дворомъ и съ реакціонною партіей, воинственный банъ Еллачичь поднялъ знамя кроатской независимости и въ сентябрѣ перешелъ съ своими дикими ватагами рѣку Драву. Этому предпослалъ онъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ, «что ему поручено императоромъ отстоять попранные интересы глубоко негодующаго народа и поддержать составъ австрійской монархіи, не только нарушенный въ своихъ правахъ строптивымъ упорствомъ господствующей у Венгерцевъ партіи, но и потрясенный ею въ самыхъ своихъ основахъ». «Онъ намѣренъ освободить венгерскую націю изъ рукъ крамолы, которая обманомъ и хитростью лишила корону всякой власти, разрушила согласіе между народами и насильственно ослабила законную связь Венгріи съ другими областями».—Еллачичь безъ сопротивленія проникнулъ до Платтенскаго озера; венгерскія войска, большею частію подъ командой австрійскихъ начальниковъ, не знали что начать, притомъ были численно слабы и вовсе не расположены къ войнѣ; и какъ ни со стороны Венгровъ, ни со стороны Австріи еще не было произнесено послѣднее слово, то естественно, что въ армію проникъ духъ шаткости, недоумѣнія и нерѣшительности, который связывалъ каждый ея шагъ. Мадьяры вступили еще разъ на путь мирныхъ переговоровъ съ Австріей. Они обратились къ имперскому сейму въ Вѣнѣ, но нашли здѣсь ту же самую племенную непріязнь, которая вездѣ облегчала австрійскому правительству побѣду надъ враждебными между собою народами. Вліяніе Славянъ оттолкнуло Венгровъ отъ сейма, а мѣры правительства болѣе и болѣе утверждали ихъ въ томъ мнѣніи, что ни желанія и виды пестскаго сейма не будутъ приняты дворомъ, ни же осуществятся вполнѣ тѣ обѣщанія, которыя были даны имъ въ мартѣ; что напротивъ, австрійское правительство явно и тайно поблажаетъ славянскимъ мятежамъ, чтобы, пользуясь международною враждой, восторжествовать надъ всѣми противниками. Мадьяры увидѣли теперь, что имъ слѣдуетъ разсчитывать только на собственную силу и начали готовиться къ войнѣ. Появленіе Еллачича съ кроатскими полками въ близи столицы естественно усилило раздраженіе и повело къ тому, что популярное краснорѣчіе Кошута одержало верхъ

надъ предостереженіями разсудительныхъ и сдержанныхъ патріотовъ. Въ Венгріи созвано было поголовное земское ополченіе, раздраженіе страстнаго народа дошло до фанатизма; началась народная война самая жестокая и кроволитная. Удаленіе эрцгерцога Стефана отъ должности палатина и добровольное сложеніе съ себя министерскихъ обязанностей такими людьми, какъ Батьяньи и Эётвёшъ, совершенно предоставило заправленіе дѣлами въ руки Кошута и пылкой мадьярской партіи. Гнусное убійство назначеннаго главнокомандующимъ венгерскихъ войскъ, графа Ламберга, совершившееся на пловучемъ буда-пестскомъ мосту (28 сент. 1848), явилось страшнымъ свидѣтельствомъ ярости и раздраженія, господствовавшихъ въ венгерской столицѣ. Ужасное это дѣло вмѣстѣ съ одновременнымъ почти извѣстіемъ о томъ, что императорскій коммиссаръ при Еллачичѣ и его арміи, графъ Зичьи, по распоряженію мадьярскаго военачальника Гёргея, осужденъ военнымъ судомъ и повѣшенъ какъ измѣнникъ, а сокровища, хранившіяся у него въ подвалѣ, увезены, —имѣли слѣдствіемъ распущеніе венгерскаго сейма, объявленіе всего королевства на военномъ положеніи и назначеніе бана Еллачича главнокомандующимъ всѣми императорскими войсками въ Венгріи и принадлежащихъ къ ней земляхъ. Еллачичь потерпѣлъ уже два значительныя пораженія, когда октябрьское возстаніе въ Вѣнѣ вызвало его изъ Венгріи (§ 864). Многіе утверждали, что венгерскія деньги и подстрекательства содѣйствовали этому мятежу; но зачѣмъ венгерскія войска только тогда двинулись на помощь стѣсненному городу, когда его уже взяли Австрійцы, осталось до сихъ поръ необъясненнымъ. Или Мадьярамъ не хотѣлось самимъ начать съ Австріей войну переходомъ за ея границу, или замедленіе произошло отъ того, что оказалось необходимымъ преобразовать армію, при которой состоялъ тогда самъ Кошутъ, и надо было напередъ принять всѣ мѣры для устройства поголовнаго ополченія. Позднее появленіе Мадьяръ и быстрое пораженіе ихъ на Швехатѣ (30 окт.) рѣшило участь мятежной столицы.

§ 890. Виндишъ-Грецъ въ Пестѣ и національная война въ Трансильваніи. Возстановленіе австрійской монархіи въ прежнемъ ея видѣ и возвращеніе центральной власти стараго имперскаго правительства всей ея полноты было со времени паденія Вѣны главною цѣлью той («черножелтой») партіи, которая захватила теперь въ руки всѣ дѣла государства. Уступки, сдѣланныя императоромъ Фердинандомъ Венграмъ, и данныя имъ обѣщанія были уже не совмѣстны

съ этимъ новымъ стремленіемъ, и надо было опасаться, что совѣстливый государь не согласится взять назадъ свои прежнія обязательства. Но тутъ императоръ Фердинандъ отказался отъ престола, и юный племянникъ его, Францъ-Іосифъ, получилъ корону благодаря добровольной уступкѣ со стороны своего отца (2 декабря). Венгерскій сеймъ протестовалъ противъ этой смѣны государя и противъ всѣхъ правительственныхъ мѣръ новаго императора прежде чѣмъ, по стародавнему обычаю, онъ коронуется въ Венгріи и присягнетъ на вѣрность конституціи и узаконеннымъ правамъ. Чтобы энергически встрѣтить грозную войну, къ которой Австрія готовилась огромными вооруженіями, Кошутъ обратился съ пламенными призывами ко всѣмъ способнымъ носить оружіе Венгерцамъ, и въ короткое время выступило въ поле 200,000 человѣкъ, частію—регулярнаго войска, частію—ополченія (гонведовъ). Обширныя топкія равнины Тиссы, гдѣ бродитъ съ своими табунами венгерскій коногонъ, служили сборнымъ мѣстомъ для мадьярскихъ воиновъ. 15 декабря двинулся на Венгрію князь Виндишъ-Грецъ, назначенный главнокомандующимъ. Послѣ легкихъ стычекъ и безъ большаго сопротивленія заняты были города Эденбургъ, Пресбургъ, Раабъ, и потомъ съ осьмью колоннами рѣшено было напасть на Буду-Пестъ, главный городъ края. Середи зимы австрійскія войска успѣли пройдти Баконьскимъ лѣсомъ, котораго трясины закрѣпилъ на ту пору сильный морозъ, и въ первые дни 1849 года они приблизились къ столицѣ. Когда императорскій полководецъ отвергнулъ переговоры, о которыхъ просилъ графъ Батьяньи въ челѣ значительной депутаціи, Кошутъ, въ ночь съ 4 на 5 января, выступилъ потихоньку изъ Песта съ венгерскою арміей и со всѣми военными припасами и отправился въ Дебрецинъ, взявъ съ собою корону св. Стефана, королевскія регаліи и станокъ для печатанія ассигнацій. Комитетъ земской обороны и депутаты сейма сопровождали его. На слѣдующій день фельдмаршалъ вмѣстѣ съ баномъ Еллачичемъ торжественно вступилъ въ Офенъ и Пестъ и препроводилъ къ императору ключи двойничнаго города.—Между тѣмъ шла своимъ чередомъ кровопролитная борьба съ Сербами около Панчовы и по римскимъ окопамъ вдоль береговъ Дуная и Тиссы, а въ Трансильваніи загорѣлась такая война, которая своими ужасами превосходила все, что занесено въ лѣтописи войнъ со временъ Гунновъ и Вандаловъ. Національная вражда съ ея страстью къ нововведеніямъ изгнала благоденствіе и миръ даже изъ отдаленныхъ низинъ и высотъ того дикорогмантическаго края, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ жили между собой согласно разныя племена германскаго (Саксонцы), дакороманскаго (Валахи или Румыны) и мадьярскаго (Венгры и Секлеры) корня, съ различными правами и учрежденіями, но съ общимъ для всѣхъ трансильванскимъ сеймомъ. Сначала потребовали и добились себѣ одинакихъ правъ съ (господствовавшими прежде) Саксонцами и Мадьярами Румыны и выслали отъ себя депутатовъ на сеймъ въ Клаузенбургъ; потомъ Секлеры и Мадьяры настояли на томъ, чтобъ соединенный трансильванскій сеймъ потребовалъ отъ австрійскаго правительства полнаго и неразрывнаго соединенія съ Венгріей. И это требованіе удовлетворилъ императоръ Фердинандъ въ тѣ бурные дни, которыми ознаменовалась для Европы весна 1848 г. Но скоро наущенія со стороны и собственное зрѣлое обсужденіе вопроса породило новыя стремленія. Валахи отвергли союзъ съ Венгріей и примкнули къ такъ называемому всеславянскому движенію, хотя и чуждыхъ, но все же болѣе родственныхъ имъ племенъ; а Саксонцы, желая лучше уберечь свои старыя права и льготы, нежели добиваться ненадежныхъ преобразованій въ будущемъ, объявились въ пользу сохраненія существующаго порядка. Оба племени стали подъ знамя австрійской имперіи и тѣмъ навлекли себѣ всю тягость войны со стороны ближайшихъ сосѣдей своихъ, Мадьяровъ. Секлерскіе гусары на своихъ прытких коняхъ и Венгры-ополченцы нападали на открытыя мѣстечки, богатыя деревни и хутора Саксонцевъ, не щадя въ своей ярости ни пола, ни возраста, ни частныхъ, ни церковныхъ имуществъ; Румыны, съ своей стороны, составили изъ себя хищническія ватаги, и вторгались въ предѣлы враждебныхъ сосѣдей съ убійствомъ, опустошеніемъ и грабежомъ; не столь воинственные и свирѣпые отъ природы, Саксонцы только оборонялись отъ чужихъ обидъ и призвали себѣ въ защиту австрійскую армію, подъ начальствомъ генерала Пухнера. Такимъ образомъ всѣ ужасы опустошительной народной войны налегли на прекрасную, но злополучную Трансильванію. Австрійское правительство нашло себѣ самаго сильнаго союзника въ жарко-разгорѣвшейся племенной непріязни. Когда въ январѣ 1849 г. главное начальство надъ венгерскими войсками въ Трансильваніи получилъ польскій генералъ Бемъ, соединявшій мужество и военную опытность съ человѣколюбивымъ сердцемъ, тогда война приняла наконецъ болѣе правильный характеръ. Убѣжденный въ томъ, что Мадьяры и Румыны только дѣйствуя заодно могутъ сокрушить австрійское господство, старался онъ примирить враждую

щихъ Валаховъ съ Секлерами или по крайней мѣрѣ внушить имъ обоюдную кротость и милосердіе. Тѣмъ безпощаднѣе обрушились теперь всѣ ужасы войны на союзныхъ Австріи Саксонцевъ. Два главные ихъ города, Кронштадтъ и Клаузенбургъ, достались въ руки Мадьярамъ, а третій, Германштадтъ, подвергся жестокой канонадѣ Бема съ ближайшихъ горныхъ высотъ и изъ Штольценбурга. Силы Пухнера были слишкомъ недостаточны, и какъ ни храбро бились Саксонцы въ Германштадтѣ, они не могли долго сопротивляться Мадьярамъ и Секлерамъ. Тогда приверженцамъ Австріи удалось склонить комитеты саксонско-валахскаго сейма на обильный послѣдствіями шагъ. Они призвали въ помощь себѣ Русскихъ, которые уже два мѣсяца наблюдали валахскую границу. Тѣ охотно пришли на зовъ. Генералъ Энгельгардтъ двинулся съ 6000 человѣкъ и 20 пушками въ Трансильванію (31 янв.) и, послѣ жаркихъ стычекъ, занялъ Кронштадтъ и Германштадтъ (1 и 4 февр.). Такимъ образомъ австрійскимъ войскамъ развязаны были руки къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

§ 891 Лудвигъ Кошутъ и Артуръ Гёргей. Австрійское правительство повидимому было того мнѣнія, что со взятіемъ Офена-Песта и съ объявленіемъ Венгріи въ осадномъ положеніи мятежъ тамъ прекращенъ. Оно назначило бана Еллачича губернаторомъ Далмаціи, съ сохраненіемъ ему прежняго сана, согласилось на отдѣленіе Сербскаго воеводства и предположило расторженіе союза между Венгріей и Трансильваніей. Это снова возбудило духъ мятежа въ воинственныхъ Венграхъ, озабоченныхъ сохранностью своего королевства, и вслѣдствіе того возникла борьба, которая по упорству и энергіи далеко оставила за собою всѣ военные подвиги этой многотревожной эпохи. Польскіе эмигранты, въ томъ числѣ извѣстные и искусные военачальники, каковы Дембинскій, Бемъ и друг., примкнули къ венгерскому возстанію, въ надеждѣ добиться такимъ образомъ возстановленія Польши; великія демагогическія способности Кошута дѣйствовали чрезвычайно сильно на суровыхъ, мужественныхъ, патріотическихъ Мадьяръ, а господствующее вездѣ броженіе и жажда битвъ привлекали цѣлыя массы вольныхъ дружинъ и проходимцевъ. Кредитомъ, который сеймъ назначилъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, и который въ октябрѣ былъ подтвержденъ и еще увеличенъ, Кошутъ воспользовался для изготовленія венгерскихъ ассигнацій болѣе чѣмъ на семьдесятъ милліоновъ гульденовъ.—Дембинскій былъ сдѣланъ главнокомандующимъ, что возбудило зависть мадьярскихъ начальниковъ, особенно даровитаго и честолюбиваго Артура

Гёргея; подъ Дембинскимъ командовали Месарошъ, Перцель, Клапка и друг. Повсемѣстно свирѣпствовала страшная междоусобная и международная война. Послѣ двухдневной кровопролитной битвы при Капольнѣ (26 и 27 февр.), гдѣ обѣ стороны дрались необыкновенно храбро и гдѣ однакожь побѣда осталась нерѣшенною (потому что Гёргей, изъ непріязни къ Дембинскому, пришелъ слишкомъ поздно), венгерскія войска отступили опять къ низинамъ Тиссы и предоставили столицу австрійскому полководцу, который строгими мѣрами противъ всѣхъ участниковъ венгерскаго возстанія хотѣлъ удержать отъ всякихъ дальнѣйшихъ пособій инсургентамъ. Зато въ февралѣ мѣсяцѣ вся Трансильванія перешла въ руки Бема. Небольшой русскій отрядъ, уступая превосходной силѣ, долженъ былъ очистить Германштадтъ и Кронштадтъ и удалиться за границу; Пухнеръ, преслѣдуемый Бемомъ до Ротентурмской тѣснины, укрылся со всѣмъ своимъ корпусомъ въ Валахію, остальные были разсѣяны и отброшены въ Буковину и другія мѣста.—Съ наступленіемъ весны Виндишъ-Грецъ, соединивъ всѣ императорскія силы, предпринялъ изъ столицы совокупное нападеніе на Венгровъ въ самомъ сердцѣ ихъ страны; онъ имѣлъ въ виду сначала покорить всѣ ихъ крѣпости, а потомъ задавить войска въ топкихъ низинахъ Тиссы. Но планъ его не удался. Венгры съ чрезвычайнымъ искусствомъ и храбростью совершили переходъ черезъ Тиссу одновременно въ разныхъ мѣстахъ и напали на отдѣльные корпуса Австрійцевъ; генералъ Шликъ былъ разбитъ Дембинскимъ при Гіонгіошѣ, Еллачичъ и другіе австрійскіе военачальники были отбиты при Цегледѣ, Гатванѣ, Гёдёллё, Ишасегѣ и друг. мѣстахъ (2—6 апрѣля 1840), а «дѣвственная» дунайская крѣпость Комориъ такъ успѣшно сопротивлялась сильнымъ нападеніямъ императорской осадной арміи, что фельдцейгмейстеръ фонъ-Вельденъ наконецъ долженъ былъ прекратить бомбардировку и рѣшился тѣснымъ обложеніемъ лишить крѣпость продовольствія и тѣмъ вынудить ее къ сдачѣ. — Мадьяры съ новымъ одушевленіемъ перешли теперь къ наступательной войнѣ, болѣе и болѣе угрожая взволнованной столицѣ; свѣтлая недѣля ознаменовалась ежедневными схватками въ окрестностяхъ города и на Ракошскомъ полѣ, древнемъ мѣстѣ избранія Венгерскихъ королей. Но въ то время какъ Виндишъ-Грецъ и Еллачичъ думали только о томъ, чтобъ защитить отъ нападенія Пештъ-Офенъ, Венгры, подъ начальствомъ Дамьянича и Клапки, успѣли обойдти непріятельскую армію и послѣ страшной рѣзни съ австрійскимъ гарнизономъ, при чемъ смертельно раненъ

генералъ Гёцъ, взяли приступомъ весьма важный въ стратегическомъ отношеніи городъ Вайценъ. Быстро перешелъ потомъ Гёргей съ Дамьяничемъ и Клапкою за рѣку Гранъ, разбилъ австрійскаго генерала Вольгемута при Нагьи Шарло и выручилъ Комориъ, который осаждавшіе тщетно бомбардировали цѣлыя недѣли и надъ которымъ выставлено было черное знамя въ знакъ отчаянной рѣшимости гарнизона защищаться до смерти Эти неудачи убѣдили Ольмюцскій дворъ, что Виндишъ-Грецъ съ окружавшимъ его знатнымъ старьёмъ взялся за дѣло не по силамъ. Императорскій рескриптъ извѣстилъ объ отозваніи князя-фельдмаршала; мѣсто его заступилъ фонъ-Вельденъ, и начальство надъ отдѣльными корпусами передано другимъ генераламъ. Но дѣла приняли уже такой грозный оборотъ, что новый главнокомандующій не могъ удержать за собой столицы. Ночью 23 апрѣля австрійскія войска покинули Пестъ; пловучій мостъ, соединявшій этотъ городъ съ Офеномъ, былъ сожженъ, чтобъ обезпечить оставленный тамъ гарнизонъ отъ внезапныхъ нападеній. Тѣмъ же утромъ, среди общихъ ликованій народа, вступили Мадьяры въ восхищенный городъ, убранный по праздничному. Два дня спустя (25 апр.) принудили они къ отступленію осадную армію подъ Коморномъ, послѣ того какъ имъ удалось перебросить черезъ Дунай другой мостъ, овладѣть окопами и отбить большую часть пушекъ. Но жесточайшая борьба сосредоточилась теперь у Офена. Когда въ началѣ мая Гёргей съ своимъ храбрымъ, отличнымъ войскомъ появился на окрестныхъ высотахъ, въ намѣреніи очистить отъ непріятеля и правый берегъ Дуная, тогда австрійскій гарнизонъ увидѣлъ ясно, что для него одно спасеніе—мужество. Начальникъ его, генералъ Генци, родомъ Швейцарецъ, приказалъ поспѣшно запереть всѣ укрѣпленія, приведенныя въ исправный порядокъ, копать шанцы и рвы, ставить палисады и брустверы: словомъ, онъ принялъ всѣ мѣры для упорной обороны. Но тщетно! Ежедневно возобновляемою страшною бамбардировкой, подземными минами и частыми нападеніями Гёргей постепенно уничтожилъ всѣ оборонительныя работы, такъ что когда 21 мая городъ загорѣлся отъ града каленыхъ ядеръ, и сильнымъ вѣтромъ разнесло огонь во всѣ концы, то предпринятый среди суматохи крайне усиленный приступъ восторжествовалъ наконецъ и надъ Офеномъ. Храбрость и ожесточеніе были одинаковы съ обѣихъ сторонъ, каждый шагъ отстаивался и завоевывался съ равнымъ упорствомъ; во дворахъ и въ комнатахъ люди дрались въ одиночку; все покрылось трупами и залилось рѣками крови. Генци, который, тотчасъ по прибытіи Гёргея, розрушилъ канонадой

цѣлые кварталы зарѣчнаго Песта въ наказаніе за обнаруженное тамъ сочувствіе къ своимъ,—несчастный Генци погибъ при штурмѣ. Оставшіеся въ живыхъ всѣ сдались военноплѣнными. Австрійскія войска отступили въ Пресбургъ и на крайнюю оконечность острова Шютта, чтобы выждать подкрѣпленій.—На югѣ Мадьяры также одержали верхъ; окопы св. Ѳомы достались имъ въ руки, побѣдоносное оружіе ихъ прошло до Панчовы. Австрійцы между тѣмъ оставались на чужой почвѣ; Венгры съ трехъ сторонъ вытянулись грозною стѣной по границамъ своего освобожденнаго отечества.—Обнадеженный этими успѣхами Деберецинскій сеймъ объявилъ уже независимость Венгріи отъ Австріи (14 апр.), учредилъ временное правительство подъ руководствомъ губернатора Кошута и тѣмъ отстранилъ возможность всякаго мирнаго соглашенія. Этотъ рѣшительный шагъ къ основанію Мадьярской республики породилъ первый важный разладъ между Кошутомъ и Гёргеемъ и водворилъ «духъ раздора» въ ихъ собственныхъ рядахъ. Гёргей, недовольный объявленіемъ самобытности края и завидуя высокому положенію губернатора, слѣдовалъ съ тѣхъ поръ внушеніямъ своего честолюбія и жажды власти и становился въ болѣе и болѣе независимое отношеніе къ правительству. Ни санъ главнокомандующаго, переданный ему отъ Дембинскаго, ни соединенное съ тѣмъ званіе военнаго министра не смогли примирить честолюбиваго полководца съ Кошутомъ и съ новымъ правительствомъ. Гордый военачальникъ презиралъ распоряженія послѣдняго, отвергнулъ пожалованные ему сеймомъ знакъ военнаго отличія и повышеніе въ чинѣ и, въ сознаніи своего необыкновеннаго таланта, дѣйствовалъ самовольно и ни мало не соображаясь съ данной обстановкою.

§ 892. Гайнау и Паскевичъ. Доведенное до крайности, австрійское правительство прибѣгло къ помощи Россіи. Въ тотъ самый день, когда Гёргей бралъ приступомъ Офенъ (21 мая), между императоромъ Россійскимъ и юнымъ Австрійскимъ государемъ рѣшена была судьба Венгріи на личномъ совѣщаніи въ Варшавѣ. Возстаніе распространилось до того, что ослабленная и смятенная имперіи не могла уже совладать съ нимъ одною собственною силой; побѣдоносный исходъ венгерскаго мятежа понизилъ бы Австрію на степень второкласнаго государства, ободрилъ бы партію переворота во всей Европѣ и поколебалъ всѣ монархическія державы въ ихъ основаніяхъ. Восторженное участіе Поляковъ въ венгерской войнѣ и громкая радость пограничныхъ польскихъ земель по случаю побѣдъ инсургентовъ свидѣтельствовали о великомъ

значеніи этой борьбы для народовъ, жаждавшихъ освобожденія. Спокойствію громадной Русской державы также угрожала опасность. Могъ ли императоръ Николай отказать въ помощи, которая отдавала жребій восточныхъ странъ въ его руки? Не только для Австріи и для безопасности собственнаго края, но и ради будущаго величія и могущества Россіи, императоръ положилъ на вѣсы свой грозный мечь. Къ концу мая вооруженія на столько подвинулись впередъ, что русскія войска, подъ начальствомъ знаменитаго Паскевича, могли отдѣльными отрядами перейдти венгерскую границу отъ Кракова на Дуклу, между тѣмъ какъ Австрійцы, усиленные новыми подкрѣпленіями [1], двинулись къ востоку подъ командой гессенскаго уроженца, генерала Гайнау, а банъ Еллачичь снова вступилъ въ Венгрію съ южной стороны. Мадьярамъ отовсюду грозили страшныя непріятельскія силы, и имъ оставалось или покориться, или вести борьбу на жизнь и смерть. Кошутъ рѣшился на послѣднее; съ дивною дѣятельностью поднималъ онъ всеобщую народную войну, и возбуждалъ Венгерцевъ къ тѣмъ великимъ жертвамъ и лишеніямъ, которыя одни могли доставить имъ побѣду, свободу и независимость. Пламенныя рѣчи, которыми вызывалъ онъ всѣ сословія на безпощадную малую войну, какую нѣкогда Испанцы вели противъ Наполеона, дѣйствительно разожгли въ пылкихъ и воинственныхъ Мадьярахъ чрезвычайное одушевленіе и жажду боя. При всей громадности непріятельскихъ армій, народная война развилась въ томъ самомъ объемѣ, какой предназначалъ для нея Кошутъ, и такъ какъ она велась всѣми способами, какими только можетъ располагать храбрый, до отчаянья доведенный народъ, то благополучный исходъ все еще казался возможнымъ. Страна и климатъ благопріятствовали Венграмъ во всѣхъ отношеніяхъ; отсутствіе большихъ дорогъ затрудняло связь отдѣльныхъ отрядовъ; въ проливные дожди пути становились непроходимыми для войскъ и обозовъ; дневные жары и ночные иней порождали болѣзни, и биваки на лихорадочныхъ болотахъ Потиссья были смертельны для непривычныхъ къ климату русскихъ и австрійскихъ солдатъ. А откуда было достать необходимыхъ жизненныхъ припасовъ на цѣлыя арміи, когда, по распоряженію Кошута, вездѣ, гдѣ показывался непріятель, туземцы тотчасъ истребляли всѣ запасы и полевые плоды? — Къ тому же войска венгерскихъ инсургентовъ состояли не изъ неопытныхъ, дурно вооруженныхъ и плохо выправленныхъ ватагъ,

[1] И русскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Панютина.

какъ нѣмецкія вольныя дружины, но частію изъ служилыхъ регулярныхъ войскъ, частію изъ привычныхъ къ боевому дѣлу пришлецовъ того или другаго воинственнаго племени, подъ начальствомъ свѣдущихъ вождей, съ обильнымъ запасомъ оружія и военныхъ снарядовъ. — Начало возобновленной борьбы было очень благопріятно для австрійскихъ войскъ, подкрѣпленныхъ многочисленными русскими корпусами, тѣмъ болѣе, что для оживленія ихъ мужества явился къ нимъ на короткое время самъ молодой императоръ. Послѣ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлъ Гёргей былъ отброшенъ Вольгемутомъ и Гайнау на Ваагѣ и Раабѣ (20 и 27 іюня) и принужденъ обороняться за стѣнами и окопами Коморна, послѣ чего Гайнау издалъ 1 іюля строгую прокламацію, въ которой приглашалъ Венгровъ сложить оружіе и грозилъ самымъ жестокимъ наказаніемъ всѣмъ тѣмъ, кто останется заодно съ мятежниками и окажетъ какую-нибудь помощь Дебрецинскому «конвенту». 12 іюля австрійскій главнокомандующій снова овладѣлъ Офеномъ и Пестомъ; тамъ, гдѣ еще недавно съ такой самоувѣренностью распоряжался Кошутъ, водворился теперь генеральный штабъ Австрійцевъ, и козаки, высланные изъ главной квартиры Паскевича въ Гёдёллё, гарцовали по улицамъ испуганной столицы. Предвѣстіемъ страшной будущности явились тяжкія наказанія, которыя безпощадный Гайнау наложилъ на весь городъ, и особенно на еврейское общество, благопріятствовавшее возстанію Мадьяровъ, а также и грозныя прокламаціи, въ которыхъ объявлялась «смерть» всѣмъ тѣмъ, кто дерзнетъ словомъ, дѣломъ или ношеніемъ какихъ-нибудь революціонныхъ знаковъ помогать мятежникамъ. Держать у себя, выдавать или принимать венгерскія ассигнаціи (Кошутовы билеты) запрещалось подъ смертною казнію, — что нанесло страшныя потери, такъ какъ до того времени венгерскія деньги были въ общемъ ходу и принимались даже казеннымъ вѣдомствомъ. Не менѣе успѣшно было оружіе Еллачича на югѣ. Венгерскій генералъ Перцель былъ отброшенъ, Нёйзацъ зажженъ канонадой изъ Петервардейна, взяты приступомъ римскіе окопы и укрѣпленія по каналу Франца и наконецъ, по взятіи О'Бече, совершенъ переходъ за Тиссу. Но какихъ страданій стоило это солдатамъ! Венгры, чтобъ отмстить Чайкистамъ за ихъ грабежи, истребили всѣ жатвы, завалили колодези и такимъ образомъ проложили искусственную пустыню. Здѣсь, подъ знойнымъ іюльскимъ солнцемъ, не имѣя ни тѣни деревъ, ни малѣйшаго навѣса для защиты и ничего, кромѣ гнилой воды дунайскихъ болотъ, для питья, войска должны были провести нѣсколько дней сряду. Скоро открылась между ними холера и

произвела ужасный моръ. Стонъ больныхъ и умирающихъ, нарушавшій грозную тишину ночи, еще усиливалъ муки воиновъ. Не долго осталась за ними и побѣда. Извѣстясь о движеніи бана, Бемъ предоставилъ Секлерамъ и другимъ туземцамъ борьбу въ Трансильваніи, а самъ повернулъ на западъ. Послѣ трудной осады онъ взялъ на уговорѣ крѣпость Арадъ (1 іюля), принудилъ ослабленное и обезотваженное войско Еллачича быстро отступить за Тиссу и Дунай и побѣдоносно проникъ до Нёйзаца и Петервардейна. Не удался только его замыслъ овладѣть сильно стѣсненнымъ Темешваромъ, гдѣ страшно свирѣпствовали болѣзни и голодъ; его мужественно отстоялъ австрійскій комендантъ Рукавина, который вскорѣ потомъ былъ похищенъ холерою. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа Бемъ опять явился въ Трансильваніи, которой большая часть захвачена между тѣмъ русскимъ генераломъ Людерсомъ. Появленіе его только усилило бѣдствія злополучнаго края, который, переходя изъ рукъ въ руки, всегда болѣе или менѣе терпѣлъ отъ побѣдителя. Пожарища и побоища смѣнялись тамъ непрерывной чередой. Попытка Секлеровъ возмутить жителей Молдавіи осталась безуспѣшна. — Кошутъ съ министрами и членами сейма находился между тѣмъ въ Сегединѣ, который избранъ временнымъ мѣстопребываніемъ правительства послѣ занятія Песта Австрійцами и Русскими. Здѣсь, въ концѣ іюля, происходили послѣднія засѣданія венгерскаго сейма, и правительство хваталось за планы и мѣры, ясно показывавшіе его внутреннее распаденіе: Хотѣли отстранить Гёргея отъ главнаго начальства, но кто дерзнулъ бы оторвать отъ вполнѣ преданной ему арміи этого мощнаго человѣка, возбуждавшаго недовѣріе властей? Его только раздражали, а повредить ему въ сущности не могли.

§ 893. Вилагошская катастрофа. Громадная борьба, на которую теперь исключительно устремлены были взоры всей Европы, быстро близилась къ окончанію. Смѣлая вылазка коморнскаго гарнизона подъ начальствомъ храбраго Клапки (3 августа) была послѣднимъ удачнымъ дѣломъ Мадьяръ. Съ богатою добычей и снова запасшись продовольствіемъ и военными снарядами, гарнизонъ, простершій свой набѣгъ до Рааба и Визельбурга, возвратился въ непобѣдимый городъ. Вскорѣ соединенныя силы стянулись на берегахъ Тиссы и Мароша. Русскіе, подъ начальствомъ Паскевича, Остенъ-Сакена, Граббе и друг., уже въ іюлѣ проникли до Токая и Мишкольца, тогда какъ Гёргей оставался еще въ Коморнѣ. Извѣстясь о томъ, онъ выступилъ въ походъ съ тою цѣлью, чтобъ, если можно, помѣшать соединенію Русскихъ съ идущими отъ запада Австрійцами; этотъ планъ не удался, но послѣ успѣшной битвы подъ Вайценомъ Гёргей мастерскимъ маршемъ ушелъ черезъ Карпаты отъ окружавшихъ его русскихъ корпусовъ и достигъ благополучно верхней Тиссы. Непріятель далеко превосходилъ его силою; послѣ несчастнаго боя подъ Дебрециномъ (2 августа), онъ вынужденъ былъ отступать все далѣе на востокъ и югъ, медленно преслѣдуемый Русскими, пока 8 августа въ мѣстечкѣ Вилагошѣ, близъ Арада, онъ увидѣлъ себя въ такомъ положеніи, которое показалось ему безвыходнымъ. Въ то самое время генералъ Гайнау съ австрійскими и русскими силами двинулся изъ Песта къ нижней Тиссѣ, перешелъ рѣку у Сегедина и потомъ, гоня передъ собою Венгровъ, направился берегомъ Мароша къ юго-востоку, пока достигъ окрестностей осажденнаго Темешвара, имѣлъ здѣсь удачное дѣло съ Мадьярами (9 августа) и тѣмъ высвободилъ этотъ городъ, сильно терпѣвшій отъ голода и холеры. Послѣ Темешварской битвы, въ которой были разсѣяны войска Дембинскаго и Месароша, венгерскія силы сосредоточились около Арада, гдѣ находился Кошутъ съ временнымъ правительствомъ и куда двинулся также Гёргей. Послѣдній уже во время перехода получилъ отъ русскихъ переговорщиковъ предложеніе положить оружіе на извѣстныхъ условіяхъ и поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ русскихъ офицеровъ, повидимому, въ настоящую минуту, отчаянный ходъ дѣлъ и недовольство Кошутомъ привели къ зрѣлости быть-можетъ уже давно питаемый имъ замыслъ покончить безполезную войну достопамятною катастрофой подъ Вилагошемъ. На послѣднемъ военномъ совѣтѣ въ Арадѣ большинство склонилось къ тому мнѣнію, чтобъ Кошутъ сложилъ съ себя правительственную власть, и Гёргей принялъ диктатуру (10 авг.). И то и другое было приведено въ исполненіе. Двѣ прокламаціи отъ 11 августа, — одна, подписанная Лудвигомъ Кошутомъ и всѣми министрами, другая — Артуромъ Гёргеемъ, возвѣстили венгерскому народу объ этомъ событіи, а утромъ 13 августа новый диктаторъ съ тридцатитысячною арміею и 120-ю пушками положилъ оружіе передъ русскимъ генераломъ Рюдигеромъ въ Вилагошѣ. Съ скрежетомъ негодованія, но подавленная чувствомъ стыда и скорби за собственную участь и за разгромъ отечества, армія покорилась необходимости и исполнила волю своего начальника. Не безъ огорченія узнали объ окончательномъ торжествѣ Русскихъ и Австрійцы, въ ту самую минуту, когда они готовились предложить Венграмъ послѣдній бой. Невѣроят-

ность благопріятнаго для Венгріи исхода неравной борьбы, надежда, положивъ оружіе, спасти жизнь значительнаго числа храбрыхъ и сколько-нибудь облегчить жребій отечества, непріязнь къ польскимъ военачальникамъ и наконецъ явный разладъ съ Кошутомъ, съ правительствомъ и сеймомъ, которыхъ республиканскихъ стремленій онъ не одобрялъ и которыхъ попытки лишить его начальства оскорбляли его военную гордость,—вотъ что, кажется, побудило храбраго Гёргея къ неожиданному шагу, который сдѣлалъ его измѣнникомъ собственному дѣлу. Способъ веденія войны въ послѣднія недѣли далъ поводъ къ предположенію, что Гёргей (на это впослѣдствіи намекали и его записки: «Моя жизнь и дѣятельность въ Венгріи») уже нѣсколько времени велъ переговоры съ Паскевичемъ и что въ надеждѣ на нѣкоторыя изустныя обѣщанія онъ безусловно сдался Русскимъ со всею арміей. Однакожь не исполнилась надежда, черезъ русское посредство и предстательство выговорить безнаказанность всѣмъ солдатамъ и начальникамъ, вошедшимъ въ уговоръ о сдачѣ. Конечно, самъ онъ за свою великую услугу былъ помилованъ и получилъ безопасное убѣжище въ Клагенфуртѣ; но другіе были преданы суду. Послѣ Вилагошской капитуляціи скоро пришла къ концу и вся военная тревога. Крѣпости Арадъ, Петервардейнъ и друг. сдались Австрійцамъ; гонведы (ополченцы) разошлись по домамъ; Кошутъ, Бемъ, Дембинскій, Месарошъ и друг. бѣжали за границу и укрылись въ Турціи; въ Трансильваніи на Секлеровъ и Мадьяръ напали Валахи и Славяне, грабя и убивая до тѣхъ поръ пока ихъ не уняли Русскіе и Австрійцы. Одинъ Комориъ, гдѣ командовалъ Клапка, держался еще болѣе мѣсяца. Храбрый военачальникъ сдалъ крѣпость на почетныхъ условіяхъ только тогда (27 сент.), когда вполнѣ убѣдился въ низложеніи венгерскаго возстанія, и вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился на чужбину. Такъ кончилась венгерская война, величавая въ своихъ явленіяхъ, трагическая съ своемъ исходѣ. Паскевичъ, торжествуя, донесъ императору Николаю: «Побѣжденная Венгрія у ногъ Вашего Величества». Если Гёргей отдалъ почетъ побѣды не войскамъ Гайнау, которыхъ боевые успѣхи привели подъ Темешваръ, а лучше захотѣлъ сдаться Русскимъ, хотя они не выиграли еще ни одного значительнаго сраженія, то въ этомъ проявилась глубокая вражда, господствовавшая между Венгріей и Австріей, а равно и личная ненависть, какую навлекъ себѣ императорскій полководецъ своимъ жестокимъ и страшнымъ веденіемъ войны.—Въ то время какъ австрійская и русская дипломатія старались лишить выходцевъ прибѣжища на турецкой почвѣ,

безпощадный Гайнау приступилъ въ Венгріи къ ужасной расправѣ надъ участниками и сторонниками мятежа. Члены благороднѣйшихъ фамилій благопріятствовали возстанію и старались быть полезными отечеству, кто начальствуя въ полѣ, кто служа правительству и сейму дѣломъ или совѣтомъ. Всѣ они подверглись строгому преслѣдованію: виновнѣйшіе были повѣшены или разстрѣляны въ Пестѣ и Арадѣ; въ томъ числѣ графъ Лудвигъ Батьяньи, котораго осудили на висѣлицу, но принуждены были разстрѣлять, потому что онъ успѣлъ самъ себѣ нанести рану; министръ Чаньи и старецъ Переньи, президентъ верхней палаты сейма; генералы Карлъ Весей, Нагьи-Сандоръ, Лудвигъ Аулихъ, графъ Карлъ Лейнингенъ, Дешёфьи, Тёрёкъ, Пёльтенбергъ, и мног. друг.; также храбрый Дамьяничъ, который, приковылявъ на своей деревяшкѣ послѣдній къ висѣлицѣ, хладнокровно сказалъ: «Странное дѣло! а бывало я вездѣ поспѣю первый!» Другихъ записали рядовыми или фурманами въ австрійскую армію и отправили въ дальніе края. 6 октября, въ день смерти Латура, Венгрія увидѣла цѣлую «гекатомбу очистительныхъ жертвъ». Съ тѣхъ поръ исчезли въ томъ краѣ благосостояніе и общественное довольство. Бездна городовъ, селеній и господскихъ усадьбъ лежитъ въ развалинахъ, вездѣ край и народъ поражены почти неизлѣчимыми ранами. Глухая, смертная тишь царитъ надъ обширными степями Тиссы и Дуная, и съ затаенною враждою въ сердцѣ несетъ Мадьяръ свою тяжкую судьбу. Помѣстья упали въ цѣнѣ, вслѣдствіе отмѣны барщинъ и возвышенія податныхъ повинностей, почва терпитъ недостатокъ въ рабочей силѣ для надлежащей воздѣлки, прибыльное разведеніе табаку сдѣлалось императорскою регаліей; и сколько правительство ни старается возстановить разстроенный край продажею въ розницу по участкамъ большихъ казенныхъ и общинныхъ угодій, а также введеніемъ новыхъ правилъ о выкупѣ барщинъ и о прочихъ земледѣльческихъ отношеніяхъ, язвы Венгріи еще долго будутъ источать кровь и недуги ея долго не излѣчатся.

Союзно-германскія дѣла

§ 894. 1. Трехкоролевскій союзъ. Съ паденіемъ Венгріи пала и революція 1848 и 1849 годовъ въ Европѣ. То были годы, полные событій, богатые надеждами и опытами, разочарованіями и горемъ. Сколько бы ни старались съ различныхъ сторонъ очернить этотъ

«буйный» періодъ, вызвавшій на свѣтъ бездну золъ, и совершенно вычеркнуть его изъ памяти, онъ всегда сохранитъ свое значеніе и свою историческую важность, и если плоды долгой борьбы не таковы, чтобъ оставить по себѣ добрую память, то по крайней мѣрѣ вызванныя ими безчисленныя страданія и слезы не скоро забудутся народомъ въ Германіи. Эти годы нанесли общественному быту страшный ударъ, обильный послѣдствіями и въ высшей степени поучительный; для Германіи это было поворотною точкой относительно прежняго образа мыслей и прежней политики. Волненіе народной жизни съ ея гласностью, съ ея уличными схватками и боями, съ ея громкимъ разгуломъ и одушевленіемъ, придало этой порѣ характеръ юношества въ противоположность многописному и многорѣчивому старчеству прежней, почти бездѣйственной эпохи; Нѣмцы охотно бы желали позабыть весь хламъ и илъ, намытый при томъ волнами на родную ихъ землю, однакожь всегда будутъ уважать внутреннее ядро, которое лежало въ основѣ этихъ движеній, — свободу, величіе и единство Германіи. Сила оружія скоро угомонила громкій взрывъ народной жизни; тишина и внѣшнее спокойствіе возвратились опять въ города и села; всѣ снова принялись за обычныя занятія, и правительства успѣли приложить распорядительную руку къ устройству потрясенной тогда государственности. Гдѣ, какъ напримѣръ въ Италіи, было можно возстановить прежнія отношенія, тамъ, повидимому, скоро достигли цѣли; но въ Германіи, гдѣ поколебались и распались всѣ союзныя связи, гдѣ многія правительства, уступая бурѣ, даровали вольности, переходившія всякую мѣру, утвердили такіе законы и конституціи, съ которыми прежнее канцелярское управленіе было несовмѣстно, и гдѣ распущеніе союзнаго сейма было признано и одобрено самими властями, установленію новаго порядка дѣлъ препятствовали величайшія затрудненія. Пруссія, осиливъ революцію въ германскихъ земляхъ, снискала себѣ почетъ и довѣріе, что повидимому и давало ей преимущественное право взять въ свои руки новое устройство союзныхъ отношеній. Поэтому, когда король успокоилъ взволнованный германскій народъ обѣщаніемъ, что потребность въ единомъ союзномъ государствѣ, съ общею представительной палатой отъ народа, будетъ непремѣнно удовлетворена, и когда въ бурные іюньскіе дни 1849 г. основаніемъ для союзнаго государства предложенъ былъ новый проектъ конституціи, условленный 26 мая между правительствами прусскимъ, ганноверскимъ и саксонскимъ, то всѣ любящіе отечество радостно привѣтствовали этотъ даръ, обѣщавшій Германіи законную свободу внутри и силу и вѣсъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Ядро наслѣдственно-императорской партіи изъ Франкфурта, съ Гагерномъ и Дальманомъ во главѣ, совѣщалось въ концѣ іюня въ Готѣ [1], гдѣ порѣшено содѣйствовать по мѣрѣ силъ принятію и осуществленію проекта съ тѣмъ, чтобы состоялся наконецъ имперскій сеймъ. Дѣло сначала пошло успѣшно. Административный совѣтъ, состоящій изъ уполномоченныхъ трехъ королевствъ и всѣхъ тѣхъ державъ, которыя постепенно приступали къ трехкоролевскому союзу, занимался подъ предсѣдательствомъ бывшаго прусскаго министра фонъ-Боделыпвинга въ Эрфуртѣ дѣлами нововозникающаго союзнаго государства и вмѣстѣ принималъ подготовительныя мѣры къ образованію будущаго сейма; и хотя сначала, ни Баварія, ни Вюртембергъ, ни нѣкоторыя изъ мелкихъ державъ не выслали въ административный совѣтъ своихъ представителей, а также не признали и учрежденный въ то же время «союзный третейскій судъ», однакожь все-таки можно было ожидать, что если Пруссія и ея союзники останутся непоколебимы въ своемъ намѣреніи, то со временемъ возникнетъ германское союзное государство, какое нѣкогда имѣлъ въ виду Гагернъ, хотя и не въ столь тѣсной связи, какъ онъ предполагалъ, то есть безъ единой исполнительной власти и съ предоставленіемъ бо́льшихъ правъ каждому изъ отдѣльныхъ членовъ союза. Притомъ, вторичнымъ созывомъ палатъ для пересмотра проекта прусской конституціи, Пруссія заявила тогда свое твердое рѣшеніе вступить въ разрядъ конституціонныхъ государствъ. Такъ какъ выборы во вторую палату производились по новому трехразрядному избирательному закону, то демократы не приняли въ нихъ участія, и въ этой палатѣ, избранной меньшинствомъ, радикальная партія не имѣла вовсе ни какихъ представителей. Новый прусскій сеймъ не противопоставлялъ правительству ни упорной, ни систематической оппозиціи, а потому въ первыя недѣли 1850 года состоялся коренной конституціонный законъ для прусскаго королевства путемъ соглашенія между правительствомъ и народомъ, и 6 февраля король присягнулъ на вѣрность этому закону въ торжественномъ засѣданіи. Въ то же время Пруссія расширила свои предѣлы пріобрѣтеніемъ родовыхъ Гогенцоллернскихъ владѣній въ Швабіи, которыя уступлены ей по договору князьями Зигмарингенскимъ и Гехингенскимъ.

[1] Это собраніе Нѣмцы называютъ обыкновенно Nachparlament.

§ 895. 2. Эрфуртъ. Дарованіемъ конституціи Пруссія приблизилась къ остальнымъ германскимъ державамъ и повидимому тѣмъ болѣе имѣла повода положить прочное основаніе союзному германскому государству. Но чѣмъ скорѣе наступалъ часъ рѣшенья, тѣмъ больше затрудняли его утвердившіяся теперь снова правительства. Австрія, хотя и согласилась съ Пруссіей на счетъ кратковременнаго союзнаго правительства, которое, засѣдая во Франкфуртѣ, должно было принять отъ эрцгерцога блюстителя имперіи всѣ права прежняго союзнаго сейма, однакожь естественно была очень не расположена къ образованію союзнаго государства, въ которомъ не могла дѣятельно участвовать. Вліяніе ея противопоставило выполненію «трехкоролевскаго договора» неодолимыя препятствія. Она не только удерживала Баварію и Вюртембергъ во враждебномъ отношеніи къ Пруссіи и предположенному союзному государству, но побудила отступиться отъ договора даже Соксонію и Ганноверъ. Когда, по соглашенію союзныхъ правительствъ, настало время выборовъ для эрфуртскаго сейма, на которомъ предполагалось пересмотрѣть и окончательно установить проектъ конституціи, то оба эти королевства не только не прислали депутатовъ въ Эрфуртъ, но Ганноверъ притомъ формально отказался отъ договора 26 мая. А чтобъ довершить произведенную этимъ суматоху и безрядицу, Баварія выступила подъ конецъ съ новымъ проектомъ союзной конституціи, который, получивъ будто бы одобреніе Ганновера, Саксоніи и Вюртемберга, выдавался за «союзъ четырехъ королей», но носилъ на себя явную печать недолговѣчности и, въ свою очередь, былъ формально отвергнутъ Ганноверомъ. Въ надеждѣ на помощь Австріи, которая старалась привлечь къ себѣ южно германскія правительства видами на таможенные договоры и на открытіе торговыхъ дорогъ, король Вюртембергскій распустилъ штутгартскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ демократовъ, на мѣсто Рёмера и Дювернуа призвалъ въ министерскій совѣтъ людей домартовской эпохи, и при открытіи новой палаты (15 марта 1850) до такой степени отступилъ отъ всѣхъ побочныхъ уваженій, что въ своей тронной рѣчи назвалъ политическое единство Германіи «однимъ изъ опаснѣйшихъ мечтаній», а союзъ 26 мая «искусственною попыткою обособленія, разсчитанною на самоубійство всѣхъ», и отнесся при томъ въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ на счетъ Пруссіи, что берлинское правительство почло необходимымъ прервать на нѣкоторое время съ Вюртембергомъ всѣ дипломатическія сношенія. —Въ Кургессенѣ настроеніе двора становилось болѣе и болѣе не-

благопріятнымъ для союзнаго государства; и когда курфюрстъ, давшій прежде торжественное обѣщаніе, «окружить престолъ только людьми, пользующимися всеобщимъ довѣріемъ», внезапно смѣнилъ либеральное министерсто Эбергарда-Виппермана (23 февр. 1850), призвавъ на мѣсто его изъ Пруссіи ненавистнаго въ цѣломъ Гессенѣ прежняго министра Гассенфлуга, и распустилъ на безсрочное время палату, которая встрѣтила его отзывомъ недовѣрія и отказала въ назначеніи важнаго денежнаго кредита, то многіе увидѣли въ этомъ поступкѣ первый шагъ къ явному отреченію отъ союза 26 мая. Не смотря на эти неблагопріятныя событія, Пруссія повидимому все еще хотѣла идти избранною ею дорогой, и примѣръ ея такъ сильно дѣйствовалъ на остальныхъ членовъ союза, что 20 марта могли открыться въ Эрфуртѣ засѣданія государственной и народной палаты. Демократы и при этихъ выборахъ устранились отъ всякаго участія, такъ что радикальная партія не имѣла представителей и здѣсь. Состоя преимущественно изъ консервативныхъ и аристократическихъ элементовъ, но богатый знаніемъ, образованностью и талантами, и проникнутый въ сущности германскимъ патріотизмомъ, эрфуртскій парламентъ былъ повидимому способенъ и призванъ къ тому, чтобы уладить опасный раздоръ между народомъ и правительствами и постепенно водворить общее примиреніе на почвѣ правомѣрно-союзнаго государства, на почвѣ германской «Уніи», какъ названъ былъ предполагаемый союзъ въ «дополнительномъ актѣ» договора. Радовицъ, котораго ловкому руководительству Пруссія довѣрила завѣдываніе союзныхъ интересовъ, въ мастерской рѣчи, произнесенной при открытіи парламента, выставилъ германскую политику и патріотическія стремленія въ такомъ свѣтѣ, что надежды на единство Германіи оживились снова, хотя позднѣйшіе поступки этого загадочнаго человѣка скоро опять встревожили всѣхъ тѣхъ, кто возложилъ на него довѣріе. Не смотря на старанія нѣкоторыхъ враждебно настроенныхъ депутатовъ подорвать дѣло единенія, усиліями такъ-называемый «Готской партіи», къ которой примкнули многіе патріоты, въ народной и государственной палатѣ состоялось рѣшеніе принять проектъ конституціи 26 мая въ цѣломъ (en bloc), а при послѣдующихъ обсужденіяхъ частныхъ вопросовъ уважены были и желанія различныхъ правительствъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль новая конституція была приведена къ желанному концу (27 апр.) и оставалось только, чтобъ ее приняли союзныя правительства.

§ 896. 3. Унія и союзный сеймъ въ противоборствѣ. Но и дѣлу «германской уніи» не суждено было совершиться. Въ то самое время какъ оканчивался эрфуртскій сеймъ, Австрія разослала циркулярную депешу (26 апр.), созывая чрезвычайное общее собраніе во Франкфуртъ на Майнѣ, для замѣны окончательнымъ союзнымъ органомъ той временно центральной власти, которую Австрія и Пруссія назначили съ общаго согласія. Нѣкоторыя правительства приняли австрійскій вызовъ; Пруссія отвѣчала отрицательно и 1 мая отправила ко всѣмъ членамъ уніи приглашеніе на съѣздъ государей въ Берлинъ для заявленія о принятіи майской конституціи. Но здѣсь, на открытыхъ съ 9 по 16 мая совѣщаніяхъ, высказались разныя недоумѣнія относительно исполнимости этого плана; иные старались замедлить окончательное рѣшеніе неопредѣленными объясненіями или предъявленіемъ неисполнимыхъ условій; все явнѣе и явнѣе обнаруживалось нерасположеніе къ уніи со стороны курфюрста Гессенскаго, котораго сопровождалъ Гассенфлугъ. Добились только одного, что меньшіе члены союза безусловно признали учрежденную на время государскую думу (Fürstencollegium) или такъ называемое «министерство уніи» на мѣсто прежняго административнаго совѣта. Ободренная столь явнымъ разногласіемъ, Австрія настаивала на своемъ вызовѣ и, по предложенію засѣдающихъ во Франкфуртѣ членовъ общаго собранія, разослала (19 іюля) циркуляръ объ открытіи вновь союзнаго сейма на 1 сентября, находя, что «единственнымъ путемъ къ рѣшенію конституціоннаго вопроса Германіи должно признать возвратъ на ту правомѣрную почву, которую помутили, но не поколебали предшествовавшія событія». Пруссія однакожь вторично отреклась (25 авг.) содѣйствовать возстановленію прежней союзной конституціи, оказавшейся неудовлетворительною для потребностей народа и противорѣчащей торжественнымъ обѣщаніямъ столь многихъ правительствъ. Такимъ образомъ, съ 1 сентября, существовали рядомъ два союзныя правительства, не пользовавшіяся ни одно общимъ признаніемъ отдѣльныхъ державъ,— государская дума, изъ которой тѣмъ временемъ выступили однакожь оба Гессена и еще нѣкоторыя мелкія землицы, и союзный сеймъ во Франкфуртѣ, — первая подъ прусскимъ, послѣдній подъ австрійскимъ предсѣдательствомъ. Обѣ великія державы стали одна къ другой въ угрожающее положеніе, и казалось, дѣло должно рѣшиться силою оружія, особенно съ тѣхъ поръ какъ государи Австрійскій, Баварскій и Вюртембергскій при личномъ свиданіи въ Брегенцѣ (11 окт.) условились между собою дѣйствовать заодно. Существовало два горячихъ вопроса, которые требовали немедленнаго рѣшенія, — споръ за конституцію въ Кургессенѣ и война въ Шлезвигъ-Голштейнѣ. Оба эти дѣла союзное собраніе во Франкфуртѣ успѣло притянуть на свой судъ; допущеніемъ датскаго уполномоченнаго въ ряды пословъ на сеймѣ оно явно обнаружило свое намѣреніе снова отдать Шлезвигъ подъ верховную власть Датскаго короля и обнадежило кургессенское правительство вспоможеніемъ со стороны союза, если не достанетъ его собственныхъ силъ для преодолѣнія оппозиціи противъ нарушеній конституціи, предпринятыхъ министерствомъ Гассенфлуга.

§ 897. 3 а. Борьба за конституцію въ Кургессенѣ.—Гассенфлугъ, который своею прежнею зловредною дѣятельностью навлекъ себѣ всеобщую ненависть гессенскаго народа и котораго судебное преслѣдованіе за подлогъ въ Пруссіи обличало по крайней мѣрѣ въ совершенномъ отсутствіи чувства права, настойчиво проводилъ свой планъ усилить правительственную власть въ Гессенѣ на счетъ конституціи. Когда отстроченный кассельскій сеймъ снова собрался 16 мая, министерство не представивъ ни смѣты, ни финансоваго закона и не давая никакого отчета въ назначеніи издержекъ, потребовало разрѣшенія сдѣлать государственный заемъ въ 760,000 талеровъ подъ выпускъ облигацій и билетовъ казначейства, и когда сеймъ не согласился на это требованіе, онъ внезапно и неожиданно былъ распущенъ (13 іюня), прежде нежели успѣли обезпечить конституціоннымъ способомъ потребности государственной казны. Предписаны были новые выборы, и въ августѣ (22 дня) опять собрались чины, большею частію демократическаго оттѣнка. Тутъ Гассенфлугъ повторилъ свою прежнюю попытку: не представляя предварительно ни какой смѣты государственныхъ расходовъ, онъ потребовалъ разрѣшенія по прежнему взимать подати за истекшій уже срокъ. Когда собраніе отвергло это требованіе и постановило, чтобъ до узаконеннаго представленія бюджета вовсе не взималось прямыхъ податей, а непрямыя хотя бы и взимались, но отнюдь не расходовались, а до времени хранились въ казначействѣ, то министръ воспользовался этимъ рѣшеніемъ, чтобъ, подъ предлогомъ «отказа въ податяхъ», снова распустить палату. Вслѣдъ за тѣмъ министерство пригласило постоянный сеймовый комитетъ (2 сент.) вступить съ нимъ въ совѣщаніе по вопросу о налогахъ; но комитетъ, провидя въ этой мѣрѣ хитрый замыслъ буквально выполнить опредѣленіе конституціи, требующей въ подобномъ случаѣ соучастіе чиновъ, устранилъ отъ себя этотъ

вызовъ. Правительство признало это за «нарушеніе конституціи» и за первый шагъ къ мятежу и приняло сообразно съ тѣмъ свои мѣры. Указомъ отъ 5 сентября предписало оно дальнѣйшее взиманіе всѣхъ податей, а какъ постоянный сеймовый комитетъ объявилъ это распоряженіе, сдѣланное помимо его, вполнѣ противозаконнымъ и потребовалъ, чтобъ сборщики податей и государственные чиновники, присягавшіе на вѣрность конституціи, оставили его безъ исполненія, то податное и финансовое вѣдомство дѣйствительно прекратили всякій сборъ, и суды перестали употреблять гербовую бумагу. Это единодушное сопротивленіе не измѣнило однакожь твердаго рѣшенія Гассенфлуга поставить на своемъ. Не смотря на глубокое спокойствіе, обнаруживавшееся въ столицѣ и въ цѣломъ краѣ, 7 сентября издано повелѣніе, объявлявшее всѣ кургессенскія земли въ осадномъ положеніи: назначенъ былъ военный главнокомандующій, освобожденный отъ всякой конституціонной отвѣтственности; учрежденъ строгій надзоръ за періодической литературой, и всѣ граждане подчинены военнымъ законамъ и судамъ. Однакожь безъ всякаго дѣйствія осталась и эта мѣра, не вызванная ни какимъ правонарушеніемъ со стороны народа, не оправдываемая ни какимъ возстаніемъ или мятежемъ; присутственныя мѣста держались своего страдательнаго сопротивленія, предписанныхъ закономъ правилъ и конституціи, а жители столицы и всего края по прежнему сохраняли твердое спокойствіе и достоинство. Противозаконныя расправы полиціи въ типографіяхъ прекращались и наказывались судебными и правительственными мѣстами. Тщетно старался Гассенфлугъ убѣждать финансовыя и судебныя вѣдомства въ правомѣрности своихъ распоряженій, употребляя къ тому все свое искусство на тонкіе юридическіе выводы; ни какія наставленія съ его стороны не поколебали ихъ мысли о противозаконности предписаній 5 и 7 сентября 1850 г. Осадное положеніе оказалось безсильнымъ. Главнокомандующій, пораженный единодушнымъ сопротивленіемъ судовъ и начальствъ, самъ почувствовалъ упреки совѣсти; онъ занемогъ и потребовалъ себѣ увольненія; собранные солдаты роптали; негодованіе противъ безотвѣтственныхъ мѣръ правительства обнаруживалось все громче и громче; оскорбленное право вѣрнаго народа вызвало во всей униженной и утомленной Германіи общій вопль неудовольствія. Но Гассенфлугъ не отступалъ отъ своего плана. Въ ту самую минуту, какъ всѣ порядочные люди ожидали его увольненія, уговорилъ онъ курфюрста, напугавъ его выдуманными опасностями, въ ночь съ 12 на 13 сентября тайно выѣхать изъ столицы

и поселиться вмѣстѣ съ министерствомъ въ области Ганау, чтобы быть ближе къ возстановленному союзному сейму. Но и это событіе не вывело Гессенцевъ изъ спокойнаго ихъ настроенія; ни граждане, ни начальства не дозволили себѣ ни одного противозаконнаго поступка, сколько Гассенфлугъ ни усилилъ общую ненависть Гассенцевъ своими распоряженіями изъ новой резиденціи, Вильгельмсбада, перемѣщая и отставляя непріятныхъ ему чиновниковъ, назначая преданныхъ и вполнѣ готовыхъ служить его планамъ и даже остановивъ выдачу жалованья и всѣхъ пенсіоновъ. Послѣднее распоряженіе потеряло свою силу вслѣдствіе того, что составившійся вскорѣ особый комитетъ принялъ на себя временно всѣ эти выдачи, а суды признали правительство обязаннымъ уплатить за то комитету. Въ числѣ лицъ, отдавшихся въ распоряженіе Гассенфлуга, самымъ значительнымъ и даровитымъ былъ директоръ гимназіи, извѣстный историкъ литературы Вильмаръ, котораго онъ произвелъ въ консисторіальные совѣтники. Принадлежа подобно самому министру и клеврету его, оберъ-юстицъ-совѣтнику Абѣ, къ строгоцерковной, тупо вѣрующей партіи, Вильмаръ до такой степени позабылъ христіанское ученіе о святости присяги, что въ журналѣ «Другъ гессенскаго народа» выступилъ ратоборцемъ реакціи въ крайнемъ ея видѣ и клеймилъ именемъ невѣрныхъ слугъ и подданныхъ всѣхъ тѣхъ, кому совѣсть и законъ казались выше приказовъ враждебнаго народу правительства, кто «правомѣрное» государство ставилъ выше «патріархальнаго», и кому Евангеліе въ его полной чистотѣ было дороже софистическихъ словопреній и новоизмышленнаго государственнаго права, проповѣдуемыхъ въ «Другѣ гессенскаго народа». — Тутъ Гассенфлугъ обратился къ франкфуртскому сейму, который принялъ въ то время названіе «тѣснѣйшаго совѣта», но еще не былъ признанъ большинствомъ германскихъ державъ. Самъ онъ, какъ кургессенскій посолъ, участвовалъ въ засѣданіяхъ, и своимъ изложеніемъ хода дѣлъ предъ собраніемъ сейма успѣлъ добиться отъ него постановленія (21 сент. 1850), что поступки кургессенскихъ чиновъ равняются совершенному отказу въ налогахъ, что слѣдуетъ безпрекословно исполнять всѣ распоряженія правительства, и что, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, на союзномъ сеймѣ лежитъ обязанность оказать курфюрсту надлежащую помощь для возстановленія порядка. Сеймъ тѣмъ охотнѣе мирволилъ Гессену, что особенно желалъ окончательнаго приступленія этой важной по ея положенію страны къ своему еще далеко не полному составу. Опираясь на это рѣшеніе (которому основой служило одно изъ положеній Вѣнскаго заключитель-

наго акта 1832 г., не смотря на то, что въ 1848 г. были отмѣнены всѣ особенныя положенія), Вильгельмсбадское правительство приступило теперь къ новымъ принудительнымъ мѣрамъ. Исполненію указа о податяхъ, 5 сентября, воспротивились присутственныя мѣста всего края; осуществленіе военнаго положенія, 7 сентября, встрѣтило неодолимую преграду со стороны судовъ, которые объявили изданныя распоряженія незаконными; теперь надобно было рѣшительно сломить сопротивленіе въ этомъ смыслѣ. Указомъ отъ 28 сентября запрещалось судамъ всякое дѣйствіе, противорѣчащее политикѣ министерства, и вмѣстѣ усиливалось военное положеніе, такъ что весь край прямо подчинялся военной диктатурѣ (2 окт.), которая отдана въ руки престарѣлаго генерала фонъ-Гайнау (брата австрійскому фельдцейгмейстеру). Каждый, кто съ тѣхъ поръ словомъ или дѣломъ сопротивлялся правительству, долженъ былъ подлежать военному суду. Но и это средство сокрушилось о вѣрность гессенскаго народа и войска конституціи. Приказаніе распустить и обезоружить гражданскую стражу въ Касселѣ осталось безъ послѣдствій, а когда военный аудиторіатъ, по жалобѣ постояннаго сеймоваго комитета, отдалъ главнокомандующаго Гайнау подъ судъ за насильственные поступки и нарушеніе конституціи, когда ни къ чему не повели повторительныя попытки склонить курфюрста посредствомъ депутацій къ перемѣнѣ политики (4 октября), когда, напротивъ того, генералу Гайнау даны были новыя, обширнѣйшія полномочія,—тогда весь корпусъ гессенскихъ офицеровъ, за немногими исключеніями, разомъ подалъ въ отставку (9 окт.): 241 офицеръ, то-есть 4 генерала, 7 полковниковъ, 20 подполковниковъ, 12 маіоровъ, 59 капитановъ и ротмистровъ, 50 поручиковъ и 89 подпоручиковъ, потребовали увольненія, «въ виду неизбѣжнаго столкновенія обязанностей, налагаемыхъ военной подчиненностью съ одной стороны и присягою на вѣрность конституціи — съ другой». Такимъ образомъ всѣ мѣры принужденія были истощены Гассенфлугомъ: не сладивъ ни съ административнымъ, ни съ финансовымъ вѣдомствомъ, ни съ судами, ни съ военною силой, что могъ онъ далѣе предпринять, если не обратиться къ сторонней помощи, чтобы силою подавить сопротивленіе и возстановить «монархическій принципъ» въ томъ особенномъ значеніи, какое придавалъ ему онъ, Гассенфлугъ?

§ 898. 4. Союзная экзекуція въ Гессенѣ. Событія въ Кургессенѣ представлялись государямъ и правительствамъ опасными для верховной власти отдѣльныхъ державъ. Поэтому три единомышленные

монарха порѣшили въ Брегенцѣ, вслѣдствіе просьбы кургессенскаго правительства, прибѣгшаго къ помощи союзныхъ законовъ, противустать общими силами явному «мятежу». Союзно-экзекуціонное войско, состоящее изъ Баварцевъ и Австрійцевъ, вступило въ предѣлы курфюршества. Но Пруссія, еще не разставшаяся съ идеей объ уніи и потому не желавшая, чтобы не признанный ею франкфуртскій сеймъ самовольно распоряжался безъ ея согласія и соучастія въ сосѣднемъ и дружественномъ ей краѣ, заняла предоставленныя ей по союзному праву военныя дороги, а равно и столицу Кассель, и привела свои силы въ грозное положеніе, созвавъ ландверъ, поставивъ армію на военную ногу и притянувъ къ себѣ войска, стоявшія въ Баденѣ. Вступленіе въ министерство генерала Радовица, преданнаго уніи, повидимому обнаруживало намѣреніе прусскаго правительства держаться идеи союзнаго государства. Вблизи Фульды, вначалѣ ноября, прусскія войска стояли нѣсколько дней сряду противъ баварско-австрійской союзной арміи; но какъ берлинское министерство, изъ котораго Радовицъ скоро опять вышелъ, долго не могло прійдти ни къ какому твердому рѣшенію, то прусскій главнокомандующій графъ фонъ-деръ-Грёбенъ получалъ такіе неопредѣленные и шаткіе наказы, что не могъ отважиться ни на какое предпріятіе; столкновеніе обоюдныхъ форпостовъ при деревнѣ Бронцеллѣ (8 ноября) объяснено было «однимъ недоразумѣніемъ». Полный ожиданія, смотрѣлъ Германскій народъ на Фульду и ея окрестности, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ и о кургессенской конституціи и вмѣстѣ о германскомъ союзѣ. Затрудненія достигли той степени, что повидимому конецъ имъ можно было положить однимъ мечемъ, и сколь ни прискорбною должна была казаться всѣмъ патріотамъ междоусобная война, честь Пруссіи и право Германіи стояли на картѣ, требуя себѣ обороны и признанія. Но прусское правительство не дозволило войску употребить въ дѣло обнаженный уже мечь; генералъ фонъ-деръ-Грёбенъ, «по стратегическимъ соображеніямъ», отступилъ къ Герсфельду и предоставилъ Фульду союзнымъ войскамъ. Тогда предписано было судьямъ и чиновникамъ исполнить распоряженія правительства относительно сбора податей и употребленія гербовой бумаги. Сопротивлявшихся наказывали значительнымъ военнымъ постоемъ, которому не только надо было давать положенные раціоны, но сверхъ-того и выплачивать извѣстный экзекуціонный сборъ. Каждое промедленіе влекло за собой усиленіе постоя. Этимъ способомъ и увольненіями ослушныхъ чиновниковъ въ Ганаускомъ и Фульдскомъ округахъ сопротивленіе судовъ и присут-

ственныхъ мѣстъ было окончательно усмирено. Стали выдавать гербовую бумагу и взимать причитающіяся подати. Такія мѣры къ унятію щекотливаго гражданскаго чувства оказались столь же дѣйствительными, какъ нѣкогда французскія драгонады противъ гугенотовъ; поэтому онѣ вскорѣ были распространены на всѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ навлекалъ себѣ неблаговоленіе правительства. Жребій Пруссіи попалъ между тѣмъ въ руки министра фонъ-Мантёйфеля, потому что графъ Бранденбургъ, послѣ тщетной попытки въ Варшавѣ, войдти, при посредничествѣ императора Россійскаго, въ соглашеніе съ Австріей, внезапно умеръ отъ нервной горячки (6 ноября); и какъ Мантёйфель твердо рѣшился «покончить съ революціей» и всего болѣе желалъ избѣгнуть войны, при которой Пруссія была бы вынуждена опираться на конституціонную и демократическую партію, то онъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ главою австрійскаго министерства, княземъ Шварценбергомъ, и предоставилъ Кургессенъ его собственной судьбѣ, видя «въ гнусныхъ тамошнихъ смутахъ» одно только революціонное посягательство демократовъ на верховное значеніе земской державной власти. Онъ отправился въ Ольмюцъ на совѣщаніе съ княземъ Шварценбергомъ, который не уступая своему великому предмѣстнику въ дипломатическомъ умѣ и предусмотрительности, но превосходя его смѣлостью замысловъ и энергіей исполненія, зорко выслѣдилъ слабыя стороны противника и построилъ на нихъ свои будущіе планы. Они клонились къ тому, чтобы вытѣснить Пруссію изъ всѣхъ ея передовыхъ позицій, разобщить ее отъ другихъ державъ, лишить ее симпатій не только народонаселенія, но и правительствъ союза, разнести по всей Германіи, до самыхъ сѣверныхъ ея границъ, могущество Австрійской имперіи вмѣстѣ съ ея знаменами и вездѣ уничтожить всякій слѣдъ общенародныхъ и либеральныхъ стремленій 1848 года. Постановленною на Ольмюцскомъ совѣщаніи (29 ноября 1850) пунктаціей (предварительнымъ уговоромъ) опредѣлено, что въ Кургессенѣ Пруссія не будетъ препятствовать дѣйствію войскъ, призванныхъ курфюрстомъ, и только въ Касселѣ останется одинъ прусскій баталіонъ, для поддержанія спокойствія и порядка заодно съ союзною силой; въ Шлезвигъ-Голштейнѣ Пруссія обще съ Австріею должны возстановить миръ и потомъ приступить къ частному обезоруженію своихъ армій; для окончательнаго рѣшенія союзныхъ вопросовъ должны происходить въ Дрезденѣ свободныя совѣщанія между всѣми правительствами Германіи. Тогда экзекуціонныя войска безпрепятственно проникли въ остальныя части курфюршества. Военными постоями и увольненіями ослушныхъ чиновниковъ судебнаго и податнаго вѣдомствъсентябрьскія постановленія въ началѣ декабря были приведены въ исполненіе во всемъ Верхнемъ Гессенѣ, а въ Нижнемъ дѣло пошло еще скорѣе, такъ какъ сверхъ всякаго чаянія здѣсь напослѣдокъ уступилъ и верховный апелляціонный судъ. Вліянію прусскаго коммиссара Пёйкера удалось побудить этотъ судъ къ признанію законности податныхъ распоряженій впредь до окончательнаго устройства кургессенскихъ дѣлъ на предстоящихъ конференціяхъ въ Дрезденѣ. Поданная Гессенцамъ надежда, что этимъ они избавятся отъ тягости военныхъ постоевъ, оказалась тщетною. Австрійскія и баварскія союзныя войска вступили въ Кассель и помогли союзному коммиссару «возстановить порядокъ» водвореніемъ военныхъ командъ у непокорныхъ обывателей и увольненіемъ отъ должностей несговорчивыхъ служащихъ. Гражданская стража была обезоружена, введена вездѣ строгая полиція, и земскіе законы замѣнены военнымъ уставомъ. Такъ кончилась «кургессенская трагедія», или, какъ называлъ ее Мантёйфель, «революція въ халатѣ и туфляхъ». По возстановленіи «державной власти», курфюрстъ съ своимъ министерствомъ возвратился въ столицу (27 декабря). Члены сеймоваго комитета приговорены были военнымъ судомъ къ долголѣтнему заключенію въ крѣпости. Въ числѣ ихъ находился и отважный Шварценбергъ, который нѣкогда участвовалъ въ Дёрнбергскомъ заговорѣ и, принадлежа къ брауншвейгской черной дружинѣ (§ 762), славно сражался за свободу Германіи и за Гессенскій владѣтельный домъ.

§ 899. 5. Возстановленіе союзнаго сейма и положеніе дѣлъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ. Національная война въ Шлезвигъ-Голштейнѣ имѣла такой же исходъ, какъ и борьба за конституцію въ Гессенѣ. Если уже въ теченіе вышеупомянутаго перемирія, подъ управленіемъ тогдашней временной администраціи (§ 877), нѣмецкая партія въ Шлезвигѣ терпѣла оскорбленія въ своихъ священнѣйшихъ правахъ, то еще худшаго надо было ожидать, когда Пруссія именемъ германскаго союза заключила такой миръ (2 іюля 1849), по которому королю Датскому предоставлялось на волю, употребить всѣ надлежащія средства для того, чтобъ преодолѣть непокорность Шлезвигъ-Голштейна, и обѣщано ему дѣятельное содѣйствіе для установленія такого порядка наслѣдованія, который обнималъ бы собою всѣ составныя части Датскаго королевства. Предчувствуя ожидающія ихъ бѣды, герцогства попытались сперва войдти путемъ непосредственныхъ

переговоровъ въ соглашеніе съ Даніей, и когда попытка эта сокрушилась о строптивость и національную ненависть враговъ, они рѣшились, по выступленіи прусскихъ и шведскихъ войскъ, продолжать войну собственными силами при добровольной помощи Германцевъ. Они чувствовали въ себѣ довольно силъ, чтобъ завоевать у Даніи свое право, и начали борьбу съ новымъ одушевленіемъ. На мѣсто прежняго главнокомандующаго фонъ-Бонина, который вышелъ въ отставку (9 апр.), чтобъ не покинуть своей прусской службы, былъ назначенъ бывшій прусскій генералъ-лейтенантъ фонъ-Виллизенъ, человѣкъ съ большими свѣдѣніями, но болѣе теоретикъ, нежели практикъ. Когда не удалась и послѣдняя попытка рѣшить вопросъ мирнымъ образомъ, то въ іюлѣ шлезвигъ-голштинскія войска вступили подъ его начальствомъ въ Шлезвигъ въ одно время съ Датчанами и сосредоточились между Фленсбургомъ и Шлезвигомъ. Здѣсь подъ Идштедтомъ дошло до двухдневной битвы (24 и 25 іюля 1850), которая выпала не въ пользу Нѣмцевъ; сначала благопріятное для Шлезвигъ-Голштинцевъ, дѣло кончилось тѣмъ, что они отступили къ крѣпости Рендсбургу, а Шлезвигъ былъ занятъ датскими войсками. Не лучше разыгралось и сраженіе при Миссундѣ (12 сентября): послѣ того какъ отважное нападеніе Нѣмцевъ на датскіе окопы было отбито, Виллизенъ снова отступилъ за крѣпостныя линіи Рендсбурга и по прежнему оставался въ бездѣятельности. Въ добавокъ къ пораженіямъ отъ враговъ, Шлезвигъ-Голштинцамъ пришлось еще пострадать и отъ ненастной погоды. Послѣ того какъ въ Рендсбургѣ взорвало лабораторію съ большимъ запасомъ пороха и убило болѣе ста человѣкъ, не говоря о страшномъ вредѣ, причиненномъ городу,—погода отъ постоянныхъ дождей сдѣлалась дотого неблагопріятна, что вынудила наконецъ прекратить военныя дѣйствія. Напрасно храбрыя войска требовали потомъ новаго дѣла съ непріятелемъ; генералъ Виллизенъ не считалъ возможнымъ вступать въ бой и оставался при своей пагубной неподвижности. Наконецъ рѣшился онъ съ частію войскъ взять приступомъ сильно укрѣпленный непріятелемъ городъ Фридрихштадтъ (4 окт.); но не удалось и это предпріятіе, стоившее между тѣмъ жизни семи стамъ солдатамъ; приступъ былъ отбитъ уже по совершенномъ взятіи города. Намѣстничество, усматривая изъ всѣхъ этихъ происшествій неспособность Виллизена, уволило его отъ начальствованія шлезвигъ-голштинскою арміей и поручило эту должность генералу фонъ-деръ Горсту, отличившемуся мужествомъ въ Идштедтскомъ сраженіи.

Но было уже поздно. Обѣ великія державы Германіи успѣли согласиться на Ольмюцской конференціи объ окончаніи національной войны на сѣверѣ, дабы тѣмъ самымъ подавить революцію въ послѣднихъ ея усиліяхъ и порывахъ. Въ первые дни января 1851 г. Австрія и Пруссія потребовала именемъ германскаго союза прекращенія враждебныхъ дѣйствій, грозя въ противномъ случаѣ тѣми же принудительными мѣрами, которыми только что успѣли смирить Кургессенъ. По строгомъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла (11 янв. 1850), собраніе земскихъ чиновъ изъявило готовность покориться рѣшеніямъ германскаго союза, чтобы помѣшать вступленію австрійскихъ и прусскихъ экзекуціонныхъ войскъ, предвидя совершенную невозможность сопротивляться вмѣстѣ и имъ и Датчанамъ. Шлезвигъ-голштинская армія была распущена, намѣстники сложили съ себя свое званіе и уступили мѣсто правительству, назначенному со стороны Даніи и великихъ германскихъ державъ; и въ то время какъ многіе офицеры и солдаты распущенной арміи перенесли свои задушевныя мечты за Океанъ, чтобы искать безопасности и средствъ въ жизни въ Бразиліи, на берега Балтики пришли австрійскія войска и заняли край отъ Гамбурга до Рендсбурга. Обѣщали сохранить права герцогствъ въ цѣлости, но всѣ требованія Датчанъ были удовлетворены, и Шлезвигъ совершенно выданъ противникамъ, которые ввели тамъ такую систему гнета и преслѣдованій, какой едва ли найдется что-нибудь подобное въ исторіи. Лондонскимъ трактатомъ 1852 г. установлена была нерушимость Датской монархіи, какъ единаго и нераздѣльнаго государства, и съ согласія европейскихъ дворовъ наслѣдникомъ престола признанъ принцъ Христіанъ Глюксбургскій. Однимъ почеркомъ пера были такимъ образомъ устранены всѣ стародавніе законы и преимущества, и европейское государственное право признаетъ съ тѣхъ поръ единую Датскую монархію отъ Скагеррака вплоть до Эльбы и отъ Зунда до Нѣмецкаго моря. — Возстановленіе датскаго владычества въ Шлезвигъ-Голштейнѣ было рѣшительнымъ шагомъ возврата къ учрежденіямъ Вѣнскаго конгресса, временно нарушеннымъ бурями 1848 г. По этому не трудно было предвидѣть, что такимъ же точно образомъ поступятъ и относительно германскихъ союзныхъ дѣлъ. Дрезденскія конференціи, происходившія въ началѣ 1851 г. подъ руководствомъ князя Шварценберга и министра фонъ-Мантёйфеля, не привели ни къ какому результату въ вопросѣ объ организаціи союза, и послужили только къ тому, чтобъ доказать необходимость возстановленія союзнаго сейма въ прежнемъ

его видѣ. Пруссія не колебалась болѣе положить конецъ всѣмъ дальнѣйшемъ борьбамъ за конституцію союза, признавъ сеймъ и выславъ туда своего представителя. А чтобъ лишить Австрію всякаго предлога настаивать на вступленіи своемъ въ германскій союзъ со всѣми принадлежащими къ ней землями, Пруссія также устранила свои древнія провинціи отъ союзныхъ отношеній и въ то же время старалась болѣе и болѣе воротиться къ старому порядку дѣлъ возстановленіемъ прежнихъ областныхъ сеймовъ и иными подобными распоряженіями. Правительства другихъ отдѣльныхъ державъ также начали теперь освобождаться отъ тягостныхъ законовъ и учрежденій революціонной эпохи; «коренныя права германскаго народа» были мало по малу опять устранены; конституціи нѣкоторыхъ державъ лишены своихъ демократическихъ элементовъ, журналистика обезврежена строгими упредительными и карательными мѣрами, и всѣ средства, употребляемыя старымъ «полицейскимъ государствомъ» къ усиленію правительственныхъ властей и къ развитію безмолвной покорности въ подвластныхъ, возстановлялись теперь еще съ новыми усовершенствованіями противъ прежняго. Торжествуя побѣду и полные надеждъ въ будущемъ, миссіонеры іезуитовъ распространились по всей Германіи, чтобы при наступившей теперь всеобщей реакціи нести знамя застоя впереди, и партія ультрамонтановъ высоко подняла голову съ тѣхъ поръ, какъ Австрія сначала отмѣною placitum regium [1], а потомъ (въ 1855 г.) заключеніемъ непостижимаго конкордата между императорскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ, предоставила католическому духовенству такую независимость, какою не обладало оно никогда. Епископы верхне рейнской церковной области представили отъ себя съ общаго согласія «Записку», въ которой заявили правительствамъ самыя непомѣрныя требованія и, въ чувствѣ собственной силы, смѣло бросили перчатку свѣтской власти. Вторая половина девятнадцатаго столѣтія началась новымъ политическимъ ученіемъ «о солидарности всѣхъ консервативныхъ интересовъ».

§ 900. **Взглядъ на Францію.** Потрясенія трехъ послѣднихъ годовъ сильно истощили и ослабили всѣ края, охваченныя революціей, и печальныя послѣдствія этихъ событій будутъ отзываться еще долгое время. Вездѣ расплодилось несмѣтное число выходцевъ, осужденныхъ,

[1] То-есть предварительнаго императорскаго утвержденія для законнаго примѣненія въ Австріи всѣхъ духовныхъ мѣръ, исходящихъ изъ Рима.

заключенниковъ; обвиненіямъ и судебнымъ преслѣдованіямъ не было конца; обнаружилась страшная одичалость нравовъ, упадокъ чувствъ чести и долга, забвеніе и извращеніе священнѣйшихъ началъ справедливости. Самую грустную картину такого общественнаго разслабленія представляла повидимому Франція, эта часто обуреваемая страна, которая по своей обширности, своему географическому положенію, по исторической и политической своей жизни, имѣла искони столь могучее вліяніе на судьбы европейскихъ государствъ. Французскій народъ, который такъ долго былъ двигателемъ и зиждителемъ европейскаго образованія, котораго легкоподвижную столицу поклонники ея такъ часто называли метрополіей просвѣщеннаго ума, — этотъ народъ до того расшатался въ своемъ быту благодаря внутреннимъ волненіямъ и потрясеньямъ, что благоразумной и благомыслящей его части пришлось собраться воедино, чтобы отстоять противъ одичалыхъ, безнравственныхъ пролетаріевъ первыя основы гражданственности, семейной жизни, собственности и личной свободы; чтобы защищать такія блага, которыя поставлены внѣ всякаго спора у всѣхъ народовъ, вышедшихъ изъ состоянія дикости и варварства. Февральская революція во Франціи была не результатомъ общенародной воли, а затѣей соціалистскихъ и республиканскихъ клубовъ, удавшейся врасплохъ [1]; но при недостаткѣ личностей, способныхъ направить общественныя стремленія и при отсутствіи всякихъ сдерживающихъ силъ, ядъ соціализма распространялся далѣе и далѣе и разлился наконецъ по всему государственному организму. Учредительное національное собраніе, хотя и вышедшее изъ всеобщихъ выборовъ, подъ могучимъ вліяніемъ первыхъ порывовъ республиканской восторженности, насчитывало въ своей средѣ не много соціальныхъ республиканцевъ; энергически и рѣшительно противоборствовало оно всякому новому возстанію въ пользу «красной республики» и вооружило правительство и суды обширными полномочіями для устраненія всѣхъ зачинщиковъ и участниковъ мятежа, всѣхъ вождей и клубныхъ ораторовъ посредствомъ арестовъ и ссылокъ. Жребій этотъ постигъ многихъ героевъ февральскаго переворота, — Бланки, Альбера, Барбеса и мног.

[1] Трудно помирить этотъ взглядъ съ тою картиной всеобщаго недовольства и раздраженія во Франціи, какую представилъ намъ авторъ, говоря объ управленіи Людовика-Филиппа; достовѣрно только то, что соціальные демократы, съ помощію которыхъ совершился переворотъ, волей и неволей повели его далѣе надлежащихъ предѣловъ и тѣмъ навлекли себѣ и всему краю неизбѣжную реакцію.

другъ.; Луи Бланъ и Коссидьеръ спаслись отъ судебнаго преслѣдованія бѣгствомъ въ Англію. Объявленіе извѣстныхъ мѣстностей въ осадномъ положеніи, законы для ограниченія журналистики, клубовъ и сборищъ, и для постояннаго надзора за ними, усиленіе разныхъ полицейскихъ мѣръ предосторожности и т. п.,—вотъ средства, какими національное собраніе заодно съ республиканскимъ правительствомъ старалось поддержать государственный порядокъ. Составленная имъ демократико-республиканская конституція узаконила всеобщую подачу голосовъ, оградила частную свободу въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, установила одну законодательную палату и отвѣтственнаго президента республики, избираемаго каждые четыре года (самимъ народомъ [1]). Когда, окончивъ конституцію, учредительное національное собраніе въ маѣ 1849 г. разошлось и уступило мѣсто законодательному, изъ значительнаго числа соціально-демократическихъ депутатовъ, которые опять приняли старое прозвище «Гора, можно уже было заключить о томъ, какъ сильно въ одинъ годъ начала «красной республики» успѣли распространиться во французскомъ народѣ. Хотя и на этотъ разъ соціалисты были въ меньшинствѣ, однакожь держась въ тѣсной связи и единодушіи, они составляли великую силу, которой остальные члены могли противустоять, только покинувъ всѣ частныя стремленія партій, отступясь отъ своихъ легитимсткихъ или орлеанистскихъ интересовъ, и дѣйствуя во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ заодно. Раздраженная тѣмъ, что правительство двинуло значительныя силы въ Италію для подавленія Римской республики (§ 835) и такимъ образомъ шло однимъ путемъ съ императоромъ Австрійскимъ и враждебнымъ народу Неаполитанскимъ королемъ, крайняя партія Горы, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда громы войны рокотали въ одно время на Рейнѣ, Дунаѣ и Тибрѣ, возбудила въ Парижѣ и Ліонѣ новыя возстанія (13 іюня), которыя были однакожь скоро подавлены и имѣли слѣдствіемъ бѣгство коноводовъ (Ледрю-Роллена и друг.), осужденіе участниковъ къ тюрьмѣ и ссылкѣ и вообще усиленіе карательныхъ законовъ. Этотъ мятежъ наполнилъ инсургентовъ въ Баденѣ и Палатинатѣ новыми надеждами (§ 886); быстрое подавленіе смуты ускорило разгромъ ея германскихъ единомышленниковъ. Съ тѣхъ поръ наружный порядокъ въ республиканской Франціи болѣе не нарушался; онъ не пострадалъ даже и тогда,

[1] Выборъ президента всѣмъ міромъ конечно ставилъ его опаснымъ соперникомъ законодательному собранію въ такой централизованной странѣ, какъ Франція.

когда въ январѣ 1850 г. парижская полиція распорядилась снятіемъ «деревъ свободы», посаженныхъ во время революціи. Научась изъ опыта, что насильственныя возстанія ведутъ только къ пораженію и урону, и вмѣстѣ убѣжденные въ постоянномъ распространеніи своихъ началъ, соціалисты отказались на первыхъ порахъ отъ революціонныхъ попытокъ, въ надеждѣ постепенно достигнуть побѣды путемъ закона съ помощію поголовной подачи голосовъ. При каждомъ выборѣ дѣлали они смотръ своимъ силамъ и по большой части находили ихъ возросшими. Когда въ мартѣ 1850 г. понадобился замѣнительный выборъ въ столицѣ, у нихъ нашлось довольно средствъ ввести въ собраніе развратнаго романиста Евгенія Сю. Это побудило національное собраніе новымъ закономъ о преобразованіи выборовъ (31 мая) отмѣнить поголовную подачу голосовъ, ограничить избирательное право трехлѣтнимъ пребываніемъ гражданина въ одной мѣстности и другими условіями, и въ то же время стѣснить журналистику не только возвышеніемъ суммы залоговъ, штемпельнаго сбора, и денежныхъ штрафовъ въ случаѣ провинности, но и постановленіемъ, чтобъ всѣ статьи, заключающія въ себѣ политическія, религіозныя и философскія мысли, непремѣнно являлись за подписью сочинителя. Замѣтивъ, что особенно классъ учителей поддерживаетъ соціалистскія стремленія, собраніе еще прежде распорядилось изданіемъ новаго закона о народномъ обученіи, которымъ надзоръ за училищами и преподаваніемъ подѣленъ между правительствомъ и духовенствомъ, а университетъ лишенъ высшаго завѣдыванія просвѣщеніемъ. При бурныхъ обсужденіяхъ этого закона, ратоборецъ либерализма, Тьеръ, дѣйствовалъ заодно съ Монталамберомъ, рьянымъ ораторомъ ультрамонтанской партіи. Тамъ, гдѣ дѣло шло о поддержаніи общественнаго порядка, исчезали второстепенныя разности политическихъ направленій. Терпя недостатокъ въ деньгахъ и обремененный долгами, президентъ былъ вынужденъ просить собраніе о возвышеніи его оклада (іюнь 1850). Дабавка была назначена ему только на одинъ годъ, и этимъ еще увеличились то соперничество и та рознь, которыя давно уже существовали между обѣими властями. Очевидное стремленіе президента къ могуществу, несовмѣстному съ республиканскимъ порядкомъ, возбуждало подозрительность собранія и влекло его къ оппозиціи. Но какъ оно все болѣе и болѣе ограничивало народныя права и республиканскую свободу и въ то же время распалось на котеріи изъ-за династическихъ стремленій и разныхъ мелочныхъ интригъ, то неизбѣжноутратило довѣріе и уваженіе народа. Нерасположеніе

и равнодушіе націи къ собранію были очень съ руки для президента. Онъ старался всѣми силами привязать къ себѣ армію и, по устраненіи самостоятельнаго, преданнаго собранію генерала Шангарнье, передать главное начальство въ вѣрныя руки; префектуры и другія вліятельныя мѣста замѣщалъ онъ людьми, готовыми къ его услугамъ; при частыхъ разъѣздахъ своихъ внутри края онъ умѣлъ снискать расположеніе городскихъ начальствъ, а щедростью и милостями привлекъ на свою сторону низшіе классы. При этомъ не упускалъ онъ ни одного случая выставить себя подвижникомъ и блюстителемъ народнаго блага и народныхъ правъ, слабыя стороны своего управленія относить къ мѣшающей ему оппозиціи собранія и пробуждать дремлющія сочувствія толпы къ императорству Наполеона. Такими средствами проложилъ онъ себѣ путь къ единовластію. Когда несогласное и распавшееся между собою собраніе отказалось предложенною реформой конституціи открыть президенту двери ко вторичному выбору его въ 1852 году, то это естественно ускорило исполненіе давно задуманнаго имъ плана. Рѣшась не выпускать изъ рукъ пріобрѣтенную власть, хотя бы пришлось для того нарушить данную конституціи присягу, онъ отважился по примѣру своего дяди повторить 18-е брюмера 1799 г. (§ 738), и 2 декабря (1851), въ день коронаціи Наполеона I и Аустерлицкой битвы, освободился отъ собранія внезапнымъ насиліемъ; съ помощью преданнаго ему войска присвоилъ себѣ верховную власть и совершенно уничтожилъ парламентскую оппозицію. Въ ночь на 2 декабря вліятельнѣйшіе члены собранія, въ томъ числѣ генералы Шангарнье, Ламорисьеръ, Каваньякъ, Бедо, храбрый полковникъ Шаррасъ, государственные люди Тьеръ, Дювержье де Гораннъ, поэтъ Викторъ Гюго, республиканцы Лагранжъ, Распайль и друг., внезапно взяты были подъ стражу и послѣ непродолжительнаго заключенія большею частью изгнаны изъ Франціи, одни на всегда, другіе на неопредѣленное время. Этотъ внезапный ударъ противъ представителей народа вызвалъ новыя возстанія и барикадныя схватки въ Парижѣ, Ліонѣ и многихъ внутреннихъ городахъ: демократы и соціалисты взялись за оружіе для защиты республиканской конституціи, не столько изъ сочувствія къ собранію, какъ изъ-за того, что нарушеніе ея отнимало у нихъ надежду достигнуть власти при новыхъ президентскихъ выборахъ. Но въ теченіе немногихъ дней возстаніе было подавлено арміей, расположенною къ новому владыкѣ, послѣ чего зачинщики и вожди были лишены возможности вредить ему, подвергшись аресту, судебнымъ приговорамъ и ссылкѣ въ колоніи. Предписанная президентомъ всеобщая подача голосовъ утвердила громаднымъ большинствомъ семи милліоновъ проектъ новаго государственнаго устройства, составленный по образцу консульской конституціи Наполеона Бонапарта, въ силу котораго Людовику Наполену предоставлялся еще на десять лѣтъ президентскій санъ, но со всѣмъ полномочіемъ монарха, а законодательная власть, какъ во время консульства и имперіи, должна была состоять изъ сената и законодательнаго корпуса, съ столь же рѣзкими ограниченіями ихъ правъ и свободы преній, какъ и въ ту эпоху. Учрежденіе это служило только переходомъ къ полному возобновленію императорства (1 дек. 1852), состоявшемуся черезъ годъ, также вслѣдствіе общей подачи голосовъ, которая высказалась еще огромнѣйшимъ большинствомъ въ пользу новой перемѣны. Французскій народъ, изнеможенный физически и нравственно безпрерывною чередой революціонныхъ потрясеній, охотно склонился подъ верховную власть, которая обѣщала смятенной странѣ болѣе твердый порядокъ и прочное спокойствіе, и которая строгими мѣрами противъ журналистики и тщательнымъ полицейскимъ и военнымъ надзоромъ за всею общественною и умственною жизнью націи достаточно обнаружила свою твердую рѣшимость возобновить желѣзную власть великаго Корсиканца, только съ большими уступками католическому духовенству (и требованіямъ времени). Страхъ передъ «красными республиканцами» доставилъ новому императору Наполеону III друзей и приверженцевъ даже въ такихъ сферахъ, которыя истинную основу гражданской свободы видятъ только въ парламентскомъ образѣ правленія; однакожь неслыханный захватъ частной собственности, къ которому увлекся новый властитель, велѣвъ отобрать въ казну и продать всѣ имущества Орлеанской фамиліи во Франціи (22 янв. 1852), создалъ ему многихъ враговъ, которые считали себя въ правѣ ожидать всего отъ смѣлости, не останавливающейся ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей; хотя съ другой стороны нашлось не мало и такихъ, которые видѣли въ этой конфискаціи примѣненіе коммунистическихъ ученій въ обширномъ размѣрѣ. — Такъ скончалась французская республика; ея ревностнѣйшій и честнѣйшій защитникъ Арманъ Маррастъ умеръ около того же времени (30 марта), сокрушаясь о несбыточности своихъ надеждъ и безуспѣшности постоянныхъ стремленій. Въ странѣ, гдѣ давно уже ослабѣли семейныя связи, гдѣ общинная жизнь была подавлена строгою централизаціей, гдѣ государственный бытъ утратилъ характеръ есте-

ственнаго организма [1], — въ такой странѣ республика была лишена своихъ главныхъ опоръ, а потому и республиканская конституція явилась здѣсь только мертвою формой безъ корней и жизненныхъ соковъ.

[1] Всякое государство, по мѣрѣ своего развитія, теряетъ характеръ естественнаго организма и стремится къ идеалу сознательно-разумной организаціи своихъ насущныхъ интересовъ, потребностей и силъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА

РЕВОЛЮЦІОННАЯ КОРОЛЕВСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ

СОДЕРЖАНІЕ X-го ВЫПУСКА.

Е. Общественная жизнь европейскихъ народовъ со времени іюльской революціи.

I. Общій обзоръ.

Стр.

1. Политическое состояніе 453
§ 801. Конституціонный западъ, стр. 453.—§ 802. Абсолютно-монархическій востокъ, стр. 454.—§ 803. Второстепенныя державы, стр. 456.—§ 804. Республики, стр. 458.

2. Борьба народностей 460
§ 805. Западъ, стр. 460.—§ 806. Средняя Европа, стр. 461.—§ 807. Европейскій востокъ, стр. 462.

3. Пауперизмъ и соціальныя преобразованія 464
§ 808. Пролетаріатъ, стр. 464.—§ 809. Сенъ-Симонизмъ, стр. 468.—§ 810. Соціализмъ. а) Фурье, стр. 470; б) Оуэнъ, стр. 471.—§ 811. Коммунизмъ, стр. 472.

4. Внутренняя жизнь европейскихъ народовъ въ области религіи и церкви.

1. Католицизмъ 473
§ 812. Южная Европа, стр. 473.—§ 813. Западная Европа, стр. 475.—§ 814. Германія, стр. 478.—§ 815. Споръ за смѣсные браки, стр. 479.—§ 816. Нѣмецкій католицизмъ, стр. 482.

2. Протестантская церковь. 485
§ 817. Религіозныя направленія, стр. 485.—§ 818. Фридрихъ Вильгельмъ IV. Свѣтолюбцы (Lichtfreunde.) Общество Густава Адольфа, стр. 490.—§ 819. Англиканская церковь. Кальвинизмъ въ Шотландіи и Ваадтѣ, стр. 493.

II. Политическая исторія.

А. Конституціонныя державы.

1. Франція.
§ 820. Характеръ іюльскаго правительства, стр. 496.—§ 821. Внутреннія дѣла Франціи, стр. 500.—§ 822. Внѣшнія отноше-

© ГПНТБ СО РАН

нія Франціи. 1) Политическій характеръ, стр. 506.—§ 823 2) Алжиръ, стр. 508.—§ 824. 3) Востокъ, стр. 510.—§ 825. Отаити, стр. 512.

2. Пиренейскій полуостровъ.

§ 826. Борьба мнѣній въ Испаніи, стр. 513.—§ 827. Борьба Христиносовъ съ Карлистами, стр. 515.—§ 828. Борьбы партій и придворныя казни, стр.—517. § 829. Португалія, стр. 520.

3. Великобританія.

§ 830. Государственная жизнь Англіи, стр. 521.—§ 831. Ирландскія дѣла, стр. 525.—§ 832. Внѣшняя политика, стр. 530.

Б. Германія.

§ 833. Либеральныя движенія, стр. 534.—§ 834. Реакція, стр. 536.—§ 835. Ганноверъ, стр. 541.—§ 836. Послѣдствія, стр. 542.

В. Абсолютныя государства.

1. Австрія. § 837, стр. 544.
2. Пруссія. § 838, стр. 548.
3. Россія. § 839, стр. 551.

Ж. Новѣйшія революціонныя бури.

I. Предвѣстія.

1. Италія.

§ 841. Италія, стр. 554.

2. Германія и Швейцарія.

§ 842. Пруссія, стр. 556.—§ 843. Баварія, стр. 558.—§ 844. Вольныя дружины и отдѣльный союзъ (Зондербундъ) въ Швейцаріи, стр. 559.

II. Февральская революція въ Парижѣ.

§ 845. Банкеты въ честь реформы, стр. 562.—§ 846. Паденіе іюльской династіи, стр. 565.—§ 847. Республика, стр. 566.

III. Разливъ революціи по Европѣ.

§ 848. Германія, стр. 568.—§ 849. Австрія, стр. 569.—§ 850. Мартовскіе дни въ Берлинѣ, стр. 572.—§ 851. Предварительный парламентъ и національное собраніе, стр. 575.—§ 852. Шлезвигъ-Голштейнъ и Познань, стр. 577.—§ 853. Судьбы Италіи, стр. 579.—§ 854. Продолженіе, стр. 582.

IV. Борьбы за конституцію въ Германіи и паденіе Венгровъ.

§ 855. Учредительное народное собраніе въ Павловской церкви, во Франкфуртѣ.—Центральная власть, стр. 586.—§ 856. Положеніе партій, стр. 589.—§ 857. Коренныя права (die Grundrechte) и внѣшняя политика, стр. 591.—§ 858. Пруссія и національное собраніе, стр. 594.—§ 859. Перемиріе въ Мальмё и сентябрьскіе ужасы во Франкфуртѣ, стр. 595.—§ 860.

Разладъ усиливается, стр. 598.—§ 861. Учредительное національное собраніе въ Берлинѣ, стр. 598.—§ 862. Франкфуртское національное собраніе и Министерство Бранденбурга-Мантёйфеля, стр. 602.—§ 863. Австрійскій сеймъ и событія въ Вѣнѣ, стр. 605.—§ 864. Октябрьскіе дни въ Вѣнѣ, стр. 608.—§ 865. Паденіе Вѣны, стр. 612.—§ 868. Франкфуртское собраніе по австрійскому вопросу, стр. 615.—§ 867. Тѣснѣйшій и обширнѣйшій союзъ, стр. 617.—§ 868. Министерская программа Гагерна, стр. 620.—§ 869. Имперская конституція Германіи, стр. 621.—§ 870. Отношеніе Пруссіи и Австріи къ франкфуртскому національному собранію и къ избирательному закону, стр. 626.—§ 871. Завершеніе имперской конституціи, стр. 628.—§ 872. Ольмюцъ и Кремзиръ, стр. 631.—§ 873. Второе національное собраніе въ Берлинѣ, стр. 633.—§ 874. Депутація съ предложеніемъ императорства, отправленная въ Берлинъ, стр. 634.—§ 875. Франкфуртское національное собраніе по отрипутіи императорской короны, стр. 636.—§ 876. Пруссія и вопросъ о германской конституціи, стр. 640.—§ 877. Шлезвигъ-Голштейнъ, стр. 645.—§ 878. Движеніе для водворенія имперской конституціи въ Германіи, стр. 648.—§ 879. Возстаніе въ Дрезденѣ, стр. 649.—§ 880. Послѣдняя борьба имперскаго сейма во Франкфуртѣ, стр. 652.—§ 881. Охвостье парламента (Rumpfparlament), стр. 654.

V. Подавленіе революціи.

§ 882. Движеніе въ Палатинатѣ, стр. 656.—§ 883. Революціонное возстаніе въ Баденѣ. а) Взглядъ на предшествовавшія событія, стр. 657.—§ 884. б) Майскіе и іюньскіе дни 1849 г.—Раштаттъ и Оффенбургъ, стр. 659.—§ 885. Карльсруэ, стр. 661.—§ 886. Переломъ, стр. 662.—§ 887. Окончательный исходъ, стр. 664.—§ 888. Возстаніе и паденіе Венгріи. Борьба народностей, стр. 667.—§ 889. Еллачичъ, стр. 669.—§ 890. Виндишъ-Грецъ въ Пештѣ и національная война въ Трансильваніи, стр. 671.—§ 891. Лудвигъ Кошутъ и Артуръ Гёргей, стр. 674.—§ 892. Гайнау и Паскевичъ, стр. 677.—§ 893. Вилагошская катастрофа, стр. 680.

Союзно-германскія дѣла.

§ 894. 1. Трехкоролевскій союзъ, стр. 683.—§ 895. 2. Эрфуртъ, стр. 686.—896. 3. Унія и союзный сеймъ въ противоборствѣ, стр. 688.—§ 897. 3 а. Борьба за конституцію въ Куртессенѣ, стр. 689.—§ 898. 4. Союзная экзекуція въ Гессенѣ, стр. 692.—§ 899. 5. Возстановленіе союзнаго сейма и положеніе дѣлъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, стр. 695.—§ 900. Взглядъ на Францію, стр. 698.